Южно-Уральский государственный университет

Национальный исследовательский университет

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица, 29–30 марта 2019 года

Челябинск, 2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Юридический институт

Х
У592

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора
юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы
Юрия Даниловича Лившица,
29–30 марта 2019 года

Под редакцией С.М. Даровских, Г.С. Русман

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2019

ББК Х(0).я43 + Х.я43
У592

Одобрено
Советом Юридического института

Рецензенты:
Сергеев А. Б., заведующий кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Института права ЧелГУ, д.ю.н., профессор;
Барыгина А. А., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, к.ю.н.

У592 **Университетские правовые диалоги:** материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица, 29 – 30 марта 2019 г. / под ред. С.М. Даровских, Г.С. Русман – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – 442 с.

ISBN 978-5-696-05050-8

Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги», состоявшейся 29–30 марта 2019 года, посвящен 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица.

Сборник посвящен актуальным проблемам, обсуждаемым в юридической науке. Сборник предназначен для ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических вузов, а также практических работников по юридическим специальностям.

В сборнике публикуются научные статьи исследователей из разных уголков России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Все материалы представлены в авторской редакции.

ББК Х(0).я43 + Х.я43

ISBN 978-5-696-05050-8 © Издательский центр ЮУрГУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»

Азаров В.А. Все ли «новации» вписываются в российские уголовно-процессуальные традиции? 9
Азарёнок Н.В. Дальнейшая разработка и реализация в УПК РФ позиции Ю.Д. Лившица о необходимости выделения воспитательно-предупредительной задачи уголовного процесса 16
Аширбекова М.Т. К вопросу об основаниях для заключения под стражу 20
Аубарикова А.А. Проблемы внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Республики Казахстан 24
Балакшин В.С. О предназначении эксперта в подготовительной части судебного разбирательства 28
Баранов А.М. Уголовный процесс традиция и современность: электронные доказательства 33
Барыгина А.А., Борохова Н.Е. К вопросу о допросе свидетелей и потерпевших, страдающих психическими расстройствами в уголовном судопроизводстве 37
Богданович Н.А. Актуальные вопросы прекращения производства по уголовному делу в связи с истечением сроков давности: применяем сроки к лицу или к преступлению? 40
Валиуллина А.А. Привлечение лица в качестве обвиняемого в соотношении с назначением уголовного процесса 44
Виницкий Л.В. Вопрос о процессуальной сущности специалиста в УПК РФ до сих пор не решен 48
Головачук О.С. Производство у мирового судьи по делам частного обвинения 52
Гумерова Р.Р. К вопросу о полномочиях следователя 56
Даровских С.М. К вопросу о правовой определенности уголовно-процессуального закона в стадии предварительного расследования 59
Даровских О.И. Эффективность судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве 64
Дробышева Е.В. К вопросу эффективности надзорной инстанции как средства правовой защиты в уголовном процессе 70
Дьяконова О.Г. «Принуждение» при назначении и производстве судебной экспертизы в отношении потерпевшего и свидетеля 74
Ежова Е.В. Некоторые вопросы рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции 78
Зайцева Е.А. Запрет определенных действий сквозь призму соразмерности и справедливости 81

Зуев С.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего с использованием информационных технологий 85
Казакова А.В. Применение видеоконференц-связи при производстве допроса в уголовном процессе России..... 89
Кожевников О.А., Щербинин В.В. Вопросы компетенции специализированных прокуратур 93
Козубенко Ю.В. Возраст потерпевшего и наказание виновного: постановка проблемы..... 98
Кочетова А.В. Отдельные вопросы прекращения уголовного дела с применением судебного штрафа 102
Кучинская А.В. Проблемы совершенствования уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых 105
Лукомская А.С. Процессуальный порядок применения технических средств по уголовным делам об экологических преступлениях..... 108
Макаренко И.А. Психологический контакт как условие эффективности производства вербальных следственных действий 111
Машинникова Н.О. Ограничение судебного усмотрения при особом порядке судебного разбирательства..... 116
Машовец А.О., Никифорова Е.Ю. Вопросы теории и практики доказывания в аспекте цифровых технологий..... 120
Милицин С.Д. Устремления законодателя и традиции правоприменителя..... 125
Панчук Е.А. Пути повышения эффективности органов предварительного следствия в Донецкой Народной Республике 131
Раменская В.С. Проблемы возмещения юридическим лицам в порядке главы 18 УПК РФ 135
Россинский С.Б. О взаимосвязи привлечения в качестве обвиняемого и избрания меры пресечения..... 139
Рябоконев С.И. Объективность следователя и адвоката в установлении обстоятельств совершённого преступления 144
Сергеев К.А. К вопросу о преюдициальном значении промежуточных судебных решений 147
Смыр А.Д. Основания прекращения уголовных дел (уголовного преследования) и реализация воспитательной функции уголовного судопроизводства..... 152
Татьянина Л.Г. Дискуссионные вопросы применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа 155
Шагеева Р.М. Обжалование решения суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий 160

СЕКЦИЯ «КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Аминев Ф.Г., Аминев А.Ф. Современные состояние и перспективы развития экспертно-криминалистических учетов в Российской Федерации 163
Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза «фейковых новостей»: новые объекты и новые задачи 167
Иванова Е.В. Ограничения в экспертной деятельности, связанной с наркотическими средствами и психотропными веществами 172
Русман Г.С., Бикбаева Э.А. О проблемах осуществления судебно-экспертной деятельности в Челябинской области 176
Сергеев А.Б., Проект ФЗ № 306504-6: критическая оценка 180
Тагиров Р.А. Криминалистическая характеристики мошенничества в сфере кредитования 185

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ»

Арпентьева М. Р. Многофункциональность тюрьмы 189
Видергольд А.И. К вопросу об обязательности труда осужденных .. 194
Калюжный А.Н. Международные стандарты о свободе детей и проблемы их имплементации в законодательство России 198
Кострова М.Б. Проблемы терминологического обозначения места отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы 201
Курсаев А. В. «Иные работы» как фактор правовой неопределенности в статье 216 УК РФ 206
Сагитдинова З.И. К вопросу об эффективности уголовно-правового воздействия (на примере штрафа) 210
Чикулина А.Р. Субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ 214
Юшкин И. А. Субъективные признаки незаконной рубки лесных насаждений 219

СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО»

Буртовой М.Ю. Международное сотрудничество в сфере невозобновляемых источников энергии в резолюциях Организации Объединённых Наций 223
Васильева Г.А. Уголовная ответственность главы муниципального образования 227
Герасимова Н.П. Проблемы правового регулирования в государственной и международно-правовой сферах: теоретико-правовой аспект 232

Камалова Г.Т. К вопросу об особенностях эволюции процессуальных норм в русском праве в X–XVII вв. 239
Юнусов А.А., Юнусов Э.А., Ахвердян А.Г. Юридические гарантии, обеспечивающие исполнение обязанностей субъектами права. 247
Юнусов А.А., Юнусов Э.А., Ахвердян А.Г. Идеология как фактор, способствующий исполнение обязанностей человеком и гражданином 251

СЕКЦИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ, КОНКУРЕНТНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО»

Громова Е.А. К вопросу о создании опорных зон развития в Арктике 256
Замрыга Д.В. Цели создания Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» 259
Матишова Е.С. К вопросу о правовой природе института отзыва продукции 263
Спиридонова А.В. Разграничение понятий экономическая и предпринимательская деятельность физических лиц 267

СЕКЦИЯ «РЕАЛИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

Бронникова М.Н., Крюкова Е. С. Данные о циркадианных генах как вид персональных данных в трудовом праве 271
Дацко Н.П. Полная достоверная информация в трудовом праве – одна из основных составляющих в обеспечение социально-трудовых прав граждан..... 275
Коршунова Н.В. Правовые основы внедрения «эффективного контракта» в системе профессионального образования 279
Протченко Е.А. Проблемы достижения баланса интересов при обработке персональных данных женщин и лиц с семейными обязанностями..... 282
Рейхерт Е.С. Требования к квалификации работника как элемент трудоправовой информации..... 287
Сагандыков М.С. Условие трудового договора о неразглашении информации, составляющей охраняемую законом тайну 290
Станскова У.М. Проблемы применения института коммерческой тайны в трудовых отношениях 293
Томашевский К.Л. Бипартизм и трипартизм в социальном партнерстве и его значение для решения вопроса об обязательности тарифных соглашений 298
Уметалиева З.К. Средства массовой информации Кыргызской Республики как «рупор» реализации государственной политики..... 302

Филиппова Э.М. Информационные ресурсы в реализации права на социальное обеспечение 306

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО»

Алексеев А.А. Элементы электронного судопроизводства в отечественном гражданском процессе 311
Андрияшко М. В. Становление правового регулирования информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь 314
Береговая Т.А. Особенности искусственного земельного участка как объекта гражданских прав 320
Гурова Э.А. Особенности правового положения кредитора как слабой стороны в отдельных обязательствах 323
Демежанова С.М. Актуальные вопросы гражданского процесса по спорам права интеллектуальной собственности 328
Дулатова Н.В., Полич С.Б. К вопросу о понимании: криптовалюта как объект гражданских прав 331
Либанова С.Э. Цифровые права и проблемы цифровизации судопроизводства 336
Макеенков И.А. Сравнительный анализ общего и специальных способов защиты слабой стороны договора присоединения 341
Малявина Н.Б. Страхование рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта 346
Поваров Ю.С. Вопросы использования конструкции договора мены при переселении граждан из аварийного жилищного фонда 348
Рузанова В.Д. Право гражданина на неприкосновенность частной жизни и институт персональных данных: проблема согласованности правового регулирования..... 352
Рузанова Е.В. Вопросы защиты прав несовершеннолетних в деликтных обязательствах 357
Скобелев В.П. К вопросу о повышении эффективности нормотворчества в области цивилистического процесса Республики Беларусь 361
Сокол П.В. О некоторых проблемах удостоверения доверенностей уполномоченными должностными лицами органов местного самоуправления 366
Труфанов А.В. Правоспособность товарищества собственников жилья..... 371
Тужилова-Орданская Е.М. Новелла о едином недвижимом комплексе: проблема или благо? 374

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ»

Баженов Ю.П. Педагогические и правовые аспекты реализации ВСК «Готов к труду и обороне» в юридических вузах..... 379

Беленько И.А. Психическое напряжение и стресс в работе полицейских (по материалам немецких исследований) 382
Булдашов В.А. Подготовка будущих юристов к решению профессиональных задач в соответствии с этическими нормами..... 386
Иванова Л.Ф. Дисциплина «Основы профайлинга» для студентов специальности «Правоохранительная деятельность» 389
Кондратенков С.Н. Психологические особенности управления служебным коллективом в особых условиях 394
Коровин В.В. Из опыта подготовки членов добровольных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, участвующих в обеспечении общественного порядка на территории муниципальных образований Челябинской области..... 399
Кубиц Г.В. О специфике профессионального языкового сознания сотрудников правоохранительных органов..... 404
Магденко И.С. Актуализация самостоятельной работы при изучении иностранных языков в условиях интернационализации юридического образования..... 407
Магденко С.А. Реализация компетентностного подхода в системе учебных наглядных пособий при обучении иностранному языку студентов юридических вузов 411
Мамаев В.В. Перспективы развития и применения ИТ в профессиональной деятельности юристов России 414
Моисеев А.В., Кривчун А.В. Особенности обеспечения психологической безопасности сотрудников МВД..... 420
Смаль С.В., Зызин П.Д. Современные подходы к управлению человеческими ресурсами в правоохранительных органах: аспекты социального обеспечения на примере Челябинской области..... 423
Танаева З.Р. Управление кадровыми рисками в органах внутренних дел 428
Тищенко В.Г. Особенности культурного и образовательного уровня служащих уездной полиции России второй половины XIX – начала XX века 433
Щербинина Т.Ю. Профилактика развития и коррекция кризисных эмоциональных состояний у сотрудников ОВД и членов их семей.. 438

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ»

УДК 343

Азаров В.А., заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, д.ю.н., профессор

Все ли «новации» вписываются в российские уголовно-процессуальные традиции?

Аннотация. Рассмотрены некоторые новшества, внедренные в уголовно – процессуальное законодательство России. Обоснованы оценки об их несоответствии исторически сложившейся инфраструктуре и канонам, а также – доктринальным основам отечественного уголовного процесса. Выявлены новшества, играющие роль деструктивных факторов, внося хаос в производство по уголовному делу, негативно влияющих на сферу деятельности органов уголовной юстиции.

Ключевые слова: типология уголовного процесса, состязательность, идеология и аксиология уголовной юстиции.

Развитие уголовно-процессуального законодательства России исторически осуществлялось на началах преемственности. Эту тенденцию не смогла поколебать даже Октябрьская революция 1917 года. Каноны судопроизводства по уголовным делам впитали в себя особенности континентальной системы права, уголовно-процессуальный сегмент которой выстраивался в том числе – на основе «Кодекса наполеона», послужившего в 1864 году методологическим фундаментом Устава уголовного судопроизводства Российской Империи.

Инфраструктура нашего уголовного процесса последние двести лет развивалась в рамках его исторической формы, которую принято именовать «смешанной», что подтверждено в УПК России 1922, 1923 и 1960 гг.

И вот – начавшаяся в 1990-х годах перманентная судебная реформа сопровождается внедрением в уголовно-процессуальное законодательство целого ряда новаций, резко диссонирующих с традиционными формами и процедурами производства по уголовным делам.

Объясняется это попыткой известных политических кругов «развернуть» отечественный уголовный процесс в сторону его англо-саксонских аналогов [1, с. 168 – 173].

Очевидно, что именно эти «новшества» сыграли роль деструктивных факторов, внесших хаос в уголовно-процессуальную политику страны. Англо-саксонские «прививки» породили затянувшуюся дисгармонию, и даже – «лихорадку» отечественного уголовного судопроизводства в силу их явного несоответствия его устоявшейся инфраструктуре и доктринальным канонам.

К числу этих факторов можно отнести кардинальную смену идеологической парадигмы, официальный отказ от идеи эволюционных, поэтапных изменений системы средств и способов сдерживания преступности, внедрение в сознание правоприменителя лукавых (а порой – провокационных) тезисов о том, что «правосудие должно быть выразителем «интереса права», а государство в СССР, якобы, «являлось враждебной силой по отношению к гражданскому обществу и личности, юстиция же в стране была антигуманна» [2, с. 7, 11, 18 – 19, 26].

Рассмотрим более подробно отдельные из перечисленных «новаций».

В частности, эффективность работы органов уголовной юстиции во многом определяется правильной постановкой приоритетов и задач, в основе которых всегда лежат идеологемы, запрограммированные в соответствующих федеральных законах.

Весьма любопытные сведения об этом можно почерпнуть в «Концепции судебной реформы в Российской Федерации», открывшей в 1991 году целый ряд кардинальных изменений в законодательстве, регулирующем сферу деятельности органов уголовной юстиции.

В упомянутом документе, одобренном Парламентом России, имеется самостоятельный раздел, озаглавленный: «Идеологизация юстиции», в котором безапелляционно формулируется вывод о необходимости деполитизации и деидеологизации юстиции, в том числе – ее уголовной составляющей. При этом, в качестве непререкаемого, авторами подается сомнительное суждение о том, что юстиция в правовом государстве должна быть самостоятельной силой, **выражающей интересы права** [2, с. 18 – 19] (выделено нами – В.А.). Данное утверждение является прямой попыткой подмены тезиса. Юстиция, а тем более – уголовная, не может быть вне политики, она по определению неспособна «выражать интересы права», поскольку само право всегда является средством выражения и защиты чьих-то интересов. Уголовно-процессуальное право, с нашей точки зрения, призвано защищать в сфере (и – посредством!) деятельности органов уголовной юстиции интересы личности, общества и государства. Именно такой аксиологический ряд выстроен в Конституции Российской Федерации, провозгласившей в статье 2 права и свободы человека высшей ценностью.

Отдельной оценки заслуживает упомянутый лозунг о необходимости «деполитизации» уголовной юстиции. На самом деле, его авторы, как представляется, рассчитывали, под его прикрытием, провести по сути – именно политическое решение – о замене исторически сложившегося в

России континентального уголовного процесса, на, как им казалось, «более цивилизованный» – состязательный, присущий, по некоторым оценкам, «более прогрессивным странам с правовым и демократическим режимом». При этом не учитывалось, что отдельные из этих стран (например, Соединенные Штаты Америки, которым чуть более двухсот лет «отроду») являются, как иногда можно услышать из полемики политологов, «историческим недоразумением». Уместно здесь привести суждения Л.В. Головко, который очень тонко подметил: «Перефразируя поэта, можно, к сожалению, констатировать, что «уголовно-процессуальный кодекс в России – больше, чем уголовно-процессуальный кодекс». Наверное, судьба уголовно-процессуальных кодификаций будет у нас благополучнее, нежели оказалась в долгосрочной перспективе судьба Устава уголовного судопроизводства (как известно, и принятого в целях, в основном – политических, и уничтоженного окончательно событием чисто политическим – В.А.) только тогда, когда они начнут рассматриваться «всего лишь» как **технически и этически** оптимальный вариант всестороннего расследования и справедливого разрешения уголовных дел. На самом деле это более чем достойная миссия» [3, с. 339].

Сомневающимся в наличии и необходимости совершенствования российской уголовно-процессуальной политики рекомендуем изучить материалы работы Совета Федерации Федерального Собрания России, где регулярно проходят Парламентские слушания под названием: «Об уголовной политике» и «Об уголовно-процессуальной политике» в России, или же прочитать блестящий очерк об историографии данного вопроса и его современном состоянии, принадлежащий перу Л.В. Головко [4, с. 55 – 59].

В советский период новейшей российской истории государственной являлась идеология правящей партии, что автоматически формировало систему приоритетов, а затем – и целеполагания для органов уголовной юстиции. Практически – революционная смена государственного и общественного строя России породила не до конца продуманное, и во многом под внешним воздействием, изменение шкалы социальных ценностей, и на этом фоне модным стал, на наш взгляд, крайне сомнительный тезис о необходимости деидеологизации системы уголовной юстиции и соответствующего федерального законодательства. Почему мы причисляем данный тезис к сомнительным?

Потому что применительно к уголовному судопроизводству речь идет об основополагающих, стержневых идеях, создающих концептуальные основы деятельности прежде всего – властных участников уголовного процесса. Разработчики Концепции судебной реформы (а затем – УПК РФ), «развенчав» прежнюю идеологию и констатировав, по их мнению, допущенное в СССР искажение природы и целей юстиции, объявили программу деидеологизации уголовно-процессуального законодательства. Однако, данные оценки и суждения представляются нам не более, чем «словесным

камуфляжем», поскольку действующий УПК Российской Федерации, по нашему мнению, значительно более идеологизирован, нежели его предшественник. Какие же идеи, представления и взгляды лежат в его основе?

Анализ и осмысление методологии, на которой базируется УПК РФ, однозначно приводит к выводу: его фундаментом служит идеология либерального толка, чуждая российскому обществу и менталитету. Эта идеология, отторгаемая абсолютным большинством населения страны, защищая интересы крайне узкой группы людей, многократно продемонстрировала свою ущербность, и даже – вредность в экономике, в политике и социальной жизни, но именно ей отдано предпочтение при формировании концепции УПК РФ.

Таким образом, вместо объявленной деидеологизации сферы уголовной юстиции и соответствующего законодательства, с принятием УПК РФ здесь произошла «тихая», но – откровенная и циничная замена идеологии. Печально известный лозунг «меньше государства в экономике и политике» был навязан сфере деятельности органов уголовной юстиции. Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей, взамен УПК РФ предложил совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы, ведущие уголовный процесс.

Кардинальный пересмотр предназначения уголовного процесса, на фоне ревизии его идеологических основ открыл широкие возможности для внедрения в УПК РФ чуждых ему, но – «инновационных» идей, норм и целых институтов. В этом контексте привлекает внимание состязательность, не только возведенная в ранг принципа всего уголовного процесса, но и, с нашей точки зрения, гипертрофированно представленная в целом ряде разделов УПК РФ. Искусственное «возвеличивание» состязательности, придание ей ранга «суперпринципа» или – положения, **определяющего** всю систему и содержание системы принципов, используется отдельными специалистами для обоснования вывода о произошедшей трансформации типологической характеристики российского уголовного процесса, о его «развороте» в сторону англо-саксонских аналогов. Эти оценки, с нашей точки зрения, не только преждевременны, но и неправильны по существу.

Катализатором начала дискуссии о статусе состязательности в российском уголовном процессе явилось принятие Конституции РФ 1993 года, в ст. 123 которой закреплено положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. На наш взгляд, ключевое значение имеет **правильное понимание** конституционного предписания, выраженного в словосочетании «на основе состязательности». Всё дело в том, что инфраструктура и процедурные особенности разных этапов уголовного производства России обусловлены его исторической формой, выражающейся в типологической характеристике, органично

встроенной в континентальную систему права. Оценивая типологию современного отечественного уголовного процесса, надлежит учитывать и то, что в разных правовых системах содержание, объемы и этапы реализации, а также интенсивность и уровень проявления состязательности неодинаковы [5, с. 65 – 66]. На это обстоятельство, при анализе современной типологической характеристики нашего уголовного процесса обращают внимание многие исследователи. Не может при этом не учитываться и система стержневых категорий отечественного уголовного судопроизводства, фундаментом которой является отнюдь, не состязательность, как скажем, «за океаном», а – **публичность.** Согласимся, в данном контексте, с А.А. Брестером, весьма своеобразно, вслед за своим учителем – Ал. А. Барабашем [6], интерпретировавшим классическую триаду, определяющую тип уголовного судопроизводства конкретной страны: «Цель – метод – форма». Именно эти категории, при доминировании публичного начала, позволяют безошибочно идентифицировать современный уголовный процесс России в типологической шкале как «смешанный».

Соглашаясь с выводом о том, что началом уголовного российского процесса является публичность, отметим, что мы не разделяем сомнений в оценке российского уголовного процесса как смешанного [7, с. 59]. Эти сомнения, как представляется, вытекают из вывода А.А. Брестера о несовместимости двух начал – публичности и состязательности, и невозможности их сосуществования в «рамках одного социума» [7, с. 8].

В этой связи заметим, что состязательность – не застывший и на все времена абсолютно определенный феномен. Она проявляет себя содержательно совершенно по-разному, и зависит это от «контекста», точнее – от правовой системы, в которой состязательность реализуется. В **смешанном уголовном процессе**, к которому, с нашей точки зрения, относится российский, в рамках досудебного производства ей, как известно, отведено весьма скромное место. В то же время, в судебном производстве состязательность «расцветает махровым цветом», подкрепляясь равноправием сторон, но все же, при гораздо большей активности суда, исторически использующего все средства для формирования таких свойств приговора, как истинность, справедливость и правосудность. В таком понимании состязательности прослеживается ее абсолютная гармония с требованием всестороннего, полного и объективного установления и исследования всех обстоятельств дела.

Нами рассмотрены далеко не все из вышеперечисленных деструктивных новаций в стратегии развития уголовного судопроизводства России. Их безусловно негативное влияние ощущается в первую очередь в практической деятельности органов, ведущих уголовный процесс.

Именно с прокурором, дознавателем, следователем и судьей (судом) сталкиваются граждане, вовлекаемые в производство по уголовному делу в самом разнообразном качестве. Социологические опросы показывают ста-

бильно невысокие рейтинги перечисленных представителей государства. Таким положением мы обязаны, во многом, «работе» поименованных новшеств, всё еще «по достоинству не оцененных» лицами, причастными к формированию стратегии развития уголовного судопроизводства России.

Еще один значимый аспект обсуждаемой проблемы состоит в чрезвычайной важности учета в развитии уголовно-процессуального законодательства этнотипа нации, иначе говоря – ее менталитета.

Именно сквозь призму российского менталитета проходят формирование оценки и отношение граждан ко всей системе уголовной юстиции.

Отдельно здесь стоит такая часть общественного сознания, как обостренное чувство справедливости, исторически присущее российскому психотипу. Причем, удивительно то, что эта, казалось – бы, ясная и однозначная категория, отечественными и западными юристами понимается поразному. К примеру, как указывает А.В. Кудрявцева, Европейский суд по правам человека справедливость интерпретирует как осуществление судебного процесса в рамках равных прав и возможностей сторон по представлению доказательств и отстаиванию собственной позиции, возможность оспорить доказательства другой стороны. Частным случаем справедливости судебного разбирательства считается возможность оспаривания стороной защиты доказательств, представленных стороной обвинения. Иными словами, справедливость судебного разбирательства в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод представляет собой не что иное, как содержание принципа состязательности сторон [8, с. 61].

В России же, применительно к уголовному судопроизводству, справедливость всегда трактовалась как «воздаяние» за преступление, а у Ф.М. Достоевского – даже как «кара Божья», но, добавим – конечно же, при соразмерности назначенного наказания содеянному виновным.

В этой связи мы разделяем оценки, в соответствии с которыми правовая система государства, чтобы быть эффективной, должна жестко ориентироваться на лежащий в основе всех областей социальной жизни этнотип. При этом следует иметь ввиду, что особый, евразийский тип менталитета населения России качественно отличается от своего западного аналога, в силу воздействия на его формирование таких факторов, как: а) географический; б) религиозный; в) отношения государства и личности; г) роль права в обществе [9, с. 52 – 53].

Соглашаясь, в основном, с оценками и выводами Ал. А. Барабаша, изложенными в его весьма содержательной и оригинальной диссертации, возразим автору в одном, с нашей точки зрения, принципиальном вопросе.

В частности, Ал. А. Барабаш призывает законодателя «учитывать особенности менталитета своего народонаселения и предлагать ему законы, отвечающие психотипу нации и умонастроению ее представителей» (подчеркнуто нами – В.А.) [9, с. 6].

Полагаем правильным снять подчеркнутое уточнение. Оно вызывает сначала – вопросы, а потом – неприятие.

«Умонастроениям» **каких** представителей нации, с точки зрения Ал. С. Барабаша, должны соответствовать предлагаемые **всему народонаселению** законы?

Действующий УПК РФ во многом соответствует «умонастроениям» т.н. «российской элиты», **чьи интересы** (всё еще основанные на однозначно отторгнутых нацией «либеральных ценностях»), **резко противоречат жизненным интересам подавляющего числа народонаселения**. И что – же – в русле этих «умонастроений» законодатель должен предлагать нации законы, в т.ч. – уголовно-процессуальные? К сожалению, часто именно так он и поступает. К примеру, без учета мнения абсолютного большинства народа, пролонгируется (с помощью политического решения Конституционного Суда РФ) мораторий на смертную казнь, упорно не восстанавливается (в нормальном виде) конфискация имущества, продолжается совершенно неоправданная либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующего ответственность коррупционеров, мздоимцев и «любителей» чужого (в том числе, если – не в «первую очередь» – государственного) имущества.

В данном случае «умонастроения отдельных представителей нации» (составляющих весьма ограниченную группу) удовлетворены, однако, абсолютное большинство народа, **именно в этой связи**, всё дальше отторгается от власти – как законодательной, исполнительной, так и судебной [10, с. 66 – 67].

В России во все времена уголовно-процессуальная теория и практика отличались самобытностью, оригинальностью, они впитывали в себя национальные, религиозные и культурные традиции общественного и государственного уклада страны. В этой связи, предлагая очередные «новации», законодателю необходимо учитывать, как доктринальные, так и законодательные российские уголовно – процессуальные традиции.

Библиографический список

1. Головко, Л.В. Реформы 1990-х годов и полемика вокруг нового УПК РФ. – В кн.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2016. – С. 168 – 173.

2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – С. 7, 11, 18 – 19, 26.

3. Великая реформа: К 150-летию судебных уставов: В 2 т. Т. II: Устав уголовного судопроизводства / под ред. Л.В. Головко. – М.: Юстицинформ, 2014. – С. 339.

4. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2016. – С. 55 – 59.

5. Азаров, В.А., Чердынцева, И. Базовые компоненты типологической характеристики уголовного процесса России / В.А. Азаров, И. Чердынцева // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 65 – 66.

6. Барабаш, Ан. А. Публичное начало российского уголовного процесса / Ан. А. Барабаш. – СПБ.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 420 с.

7. Брестер, А.А. Начало, форма и метод российского уголовного процесса: дисс. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2013. – С. 59.

8. Кудрявцева, А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства / А.В. Кудрявцева // Уголовная юстиция. – 2018. – № 11. – С. 61.

9. Барабаш, Ал.А. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: дисс. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2012. – С. 52 – 53.

10. Азаров, В.А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Ал. А. Барабаша «Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета» // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 2 (53). – С. 66 – 67.

УДК 343.1

Азарёнок Н.В., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, к.ю.н., доцент

Дальнейшая разработка и реализация в УПК РФ позиции Ю.Д. Лившица о необходимости выделения воспитательно-предупредительной задачи уголовного процесса

Аннотация. В статье на основе позиции, сформулированной профессором Ю.Д. Лившицем, анализируется воспитательно-предупредительная задача уголовного судопроизводства. Отмечается, что несмотря на отсутствие данного требования в УПК РФ оно продолжает оставаться актуальным как для уголовно-процессуального права, так и для уголовно-процессуальной деятельности. В результате делается вывод об объективной обусловленности исследуемого положения.

Ключевые слова: задачи уголовного процесса, назначение уголовного судопроизводства, предварительное расследование, судебное разбирательство, суд, следователь.

Один из существенных вкладов в науку профессора Ю.Д. Лившица состоит в том, что он обосновал необходимость выделения воспитательной функции в уголовном судопроизводстве, раскрыл сущность и содержание

этой функции, сформулировал как одну из задач уголовного процесса, воспитательно-предупредительное воздействие уголовно-процессуального судопроизводства [2, с. 84]. Действовавший тогда УПК РСФСР 1960 г. также закреплял, что «уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития». Такова была в общем воспитательно-предупредительная задача советского уголовного процесса.

В юридической литературе того времени было всесторонне обоснована необходимость выделения данного требования. Так, Л.Д. Кокорев относил воспитательные задачи правосудия к первостепенным [4, с. 57]. Об этом писали и другие ученые: «между тем необходимость дальнейшего повышения предупредительной роли правосудия диктуется условиями социального развития, возрастанием роли нравственных начал во всех сферах государственной и общественной жизни, и в частности в области правоохранительной деятельности» [5, с. 53]. О том, что «выявление и устранение обстоятельств, способствующих совершению преступлений, – это самостоятельные задачи уголовного судопроизводства наряду с иными его задачами» сомнений не вызывало [1, с. 16].

Несмотря на это принятый в 2001 г. УПК РФ не содержал данных требований. Вместо этого в ст. 6 УПК РФ речь идет назначении уголовного судопроизводства, а именно:

1) о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;

2) о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Кроме этого, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ указано, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

В то же время другие отечественные процессуальные кодексы содержат воспитательно-предупредительные задачи. Так, согласно ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса РФ, одними из задач судопроизводства в арбитражных судах являются: укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; формирование уважительного отношения к закону и суду; содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота. В ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РФ также закреплено, что гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка,

предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду.

Данные требования включены и в ст. 3 Кодекса административного судопроизводства РФ, где указано, что задачами административного судопроизводства являются:

1) обеспечение доступности правосудия в сфере административных и иных публичных правоотношений;

2) защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений;

3) правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел;

4) укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

Ситуацию, при которой воспитательно-предупредительные задачи есть в основных процессуальных законах, кроме уголовно-процессуального кодекса трудно объяснить. Тем более, что последний регулирует уголовно-процессуальную деятельность, где публичный интерес всегда был доминирующим. Между тем задача предупреждения преступлений есть также в Уголовном кодексе РФ (ст. 2) и Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 1).

Представляется, что отсутствие данной задачи в УПК РФ является одним из существенных его методологических упущений. Вот что по этому поводу пишет И.И. Иванов: «…этот законодательный акт, по нашему мнению, имеет целый ряд серьезных недостатков, связанных с исключительно слабой проработкой профилактической направленности норм уголовно-процессуального закона» [3, с. 70].

Убрав указанные требования из ст. 6 УПК РФ, законодатель, тем не менее, в целом ряде других статей сохранил связанные с ними положения. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Поэтому ч. 4 ст. 29 УПК РФ устанавливает, что если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, сле-

дователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения».

Кроме этого, на практике по-прежнему, еще с советских времен, продолжают применяться так называемые «выездные судебные заседания», проводимые по месту работы и проживания обвиняемого, потерпевшего или нахождения большинства свидетелей и т.д. Воспитательный и профилактический эффект данных разбирательств трудно переоценить.

Таким образом, несмотря на отсутствие воспитательно-предупредительной задачи в ст. 6 УПК РФ, в других положениях кодекса, а также в практике его применения она продолжает реализовываться, что указывает на объективную обусловленность данного требования. В связи с чем глубоко прав был профессор Ю.Д. Лившиц, обосновавший данную задачу уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Алексеев, Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980. – С. 16.

2. Винницкий, Л.В., Кудрявцева А.В. Значение трудов Ю.Д. Лившица в становлении и развитии уголовно-процессуальной науки на Южном Урале и Казахстане. Школы и направления уголовно-процессуальной науки. Доклады и сообщения на учредительной конференции Международной ассоциации содействия правосудию. Санкт–Петербург, 5 – 6 октября 2005 г. / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб., 2005. – С. 84.

3. Иванов, И.И. Оптимизация профилактической функции уголовного судопроизводства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 70.

4. Кокорев, Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С. 57.

5. Мартинович, И.И. Формы уголовного судопроизводства и воспитательная задача суда // Правоведение. – 1978. – № 3. – С. 53.

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Аширбекова М.Т., профессор Волгоградского института управления АНХ и ГС, д.ю.н., профессор

К вопросу об основаниях для заключения под стражу

Аннотация. Рассматриваются основания для заключения под стражу, которые разграничиваются на носящие уголовно-правовой и уголовно-процессуальных характер. Основания уголовно-правового характера связаны с обоснованностью подозрения и с квалификацией преступления.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, подозрение, сфера предпринимательской деятельности.

В творческом наследии профессора Юрия Даниловича Лившица значительное место занимают научные труды, посвященные мерам процессуального принуждения, в том числе и мерам пресечения. Многие его суждения по этой проблематике, особенно об обоснованности и мотивированности избрания заключения под стражу, звучат необычайно актуально. Так, Ю.Д. Лившиц подчеркивал, что «любой мотив, по которому избирается заключение под стражу в качестве меры пресечения, должен быть обоснован конкретными фактическими данными, имеющимися в деле, – таково непреложное правило, которое является критерием правильности применения заключения под стражу и вместе с тем будет служить прочной гарантией для обвиняемого от необоснованного досудебного заключения. Закон … требует при заключении обвиняемого под стражу указать в постановлении «конкретные обстоятельства», положенные в обоснование принятия данной меры» [1, с. 8 – 9].

Безусловно, конкретные обстоятельства, указывающие на обоснованность избрания данной меры пресечения, должны отражать основания, указанные в ст. 108 УПК РФ во взаимосвязи с основаниями ч. 1 ст. 97 УПК РФ [2, с. 62 – 63]. А они, как думается, различаются по своей природе. Так, из смысла этих норм вытекает указание на обстоятельства, выражающие в конечном счете существо выдвинутого подозрения (обвинения), а также на обстоятельства, которые дают возможность предположить, что подозреваемый (обвиняемый) может допустить поведение, препятствующее нормальному ходу расследования. Иначе говоря, речь идет, об установлении, во-первых, фактов *прошлого* криминального поведения лица (уголовно-правовая составляющая), наличие которых связано с вопросом об обоснованности подозрения, а, во-вторых, фактов, позволяющих предположить *будущее* процессуальное поведение подозреваемого (обвиняемого), которое способно препятствовать продолжению досудебного производства (уголов-

но-процессуальная составляющая). Но и те, и другие обстоятельства должны подтверждаться соответствующими доказательствами при рассмотрении ходатайства должностного обвинения в порядке ст. 108 УПК РФ.

Отмечаемые обстоятельства уголовно-правового характера и уголовно-процессуального характера являют собой два, образно говоря, «объемных» базовых оснований для избрания заключения под стражу, которые, хотя и должны в той или иной мере сочетаться, тем не менее имеют собственное содержание.

Установление фактов вменяемого преступления свидетельствует об обоснованности подозрения, что одновременно требует надлежащей квалификации такого преступления для определения того, что оно не относится к категории преступлений небольшой тяжести. Но в отдельных случаях этого недостаточно. Закон выдвигает требования не только по категории преступлений в смысле положений ст. 15 УК РФ, но и по их характеру. Так, в феврале этого года суд заключил под стражу главу инвестиционного фонда «Baring Vostok» Майкла Калви и ряд топ-менеджеров этого же фонда, подозреваемых в совершении мошенничества в особо крупном размере (2,5 млрд руб.). По этому поводу в юридическом сообществе высказано мнение о том, что «вне зависимости от первоначальной квалификации руководству Baring Vostok вменяют правонарушения, совершенные в сфере предпринимательской деятельности, а в соответствии с ч. 1.1 ст. 108 УПК в этом случае в качестве меры пресечения не может быть применено заключение под стражу» [3].

Положения ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ действительно не допускают заключения под стражу лиц, являющихся субъектами предпринимательской деятельности, если вменяемое им преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности. В целях реализации этого запрета в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ содержится два перечня составов преступлений. Один из них включает преступления, которые в идеале могут быть совершены в любой сфере, но приобретают значение, «освобождающее» от указанной меры пресечения в случае, если они совершены в сфере предпринимательской деятельности (чч. 1 – 4 ст. 159, ст.ст. 159.1 – 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ). Второй перечень включает такие составы преступлений, которые в иной сфере, кроме как предпринимательской, по определению совершены быть не могут: ч.ч. 5 – 7 ст. 159, ст.ст. 171, 171.1, 171.3 – 172.2, 173.1 – 174.1, 176 – 178, 180, 181, 183, 185 – 185.4 и 190 – 199.4 УК РФ.

В этой связи, на практике возникают проблемы при вменении первой группы преступлений, поскольку между сторонами обвинения и защиты почти всегда возникает спор по вопросу оценки того или иного преступления как «предпринимательского». Как правильно отмечает В.В. Рудич, «в судебной практике встречаются ситуации, когда суды уходят от решения проблемы опровержения утверждения защиты о том, что на обвиняемого распространяется действие ст. 108 УПК РФ. При этом они прикрываются

весьма спорным доводом, что только суд при рассмотрении дела сможет разобраться, совершенно ли было преступление в сфере предпринимательской деятельности (т.е. толкуют сомнения против обвиняемого)» [4, с. 22]. Иначе говоря, применения предусмотренных законом преференций для подозреваемых (обвиняемых) из числа предпринимателей иногда не происходит.

Таким образом, для подобного случая вопрос об обоснованности подозрения связывается не только с квалификацией преступления. Понятно, что квалификация преступлений из первого перечня составов преступлений ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ вполне достижима по нормам УК РФ, поскольку последние безразличны к тому, в какой сфере эти преступления совершены. Формулирование же вывода о том, что преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности, требует обращения не к нормам УК РФ, а к нормам гражданского законодательства в плане оценки того, что подозреваемый является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, как это разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [5].

Однако думается, установление того факта, что подозреваемый является субъектом предпринимательской деятельности, как сказано выше, не разрешает полностью вопроса о том, может ли само преступление рассматриваться как «предпринимательское». Допустим, что при обычной предпринимательской деятельности и в связи с ней, а также посредством возможностей, вытекающих из неё, лицо совершает действия, охватываемые объективной стороной того или иного преступления, указанного в первом перечне. И тут возникает проблемная ситуация, когда, как отмечает В.В. Рудич, преступление совершается не в связи с этой деятельностью, а под прикрытием предпринимательской деятельностью, [4, с. 22], например, путем создания фирм-однодневок. Но в большинстве случаев границу между совершением преступления *посредством* прикрытия притворной предпринимательской деятельностью, с одной стороны, и совершением преступления *в связи* с предпринимательской деятельностью – с другой стороны, провести не совсем легко, о чем свидетельствует и судебная практика [6].

Видимо неслучайно в приведенном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ речь идет именно о *сфере* предпринимательской и иной экономической деятельности. Это понятие достаточно объемно и позволяет рассматривать как предпринимательское любое преступление, указанное в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, если его обстоятельства так или иначе в ней проявились. Можно предположить, что совершение преступления в сфере предпринимательской деятельности выступает дополнительным, но не

признанным уголовным законом квалифицирующим признаком, «активирующим» процессуальные привилегии для подозреваемых и обвиняемых, чей предпринимательский статус в любом случае может быть очевиден по смыслу приведенного Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 [5].

Что касается оснований для заключения под стражу сугубо уголовно-процессуального характера, то они выражаются в обстоятельствах п.п. 1 – 4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Наличие таких обстоятельств преодолевает запрет на избрание к лицу заключения под стражу не только в случае вменения ему преступления, за которое предусматривается назначение наказания до трех лет лишения свободы, но и любого из преступлений, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. В этом смысле указанные основания имеют ударную силу, безразличную к категории и характеру преступления (по сфере его совершения), но тем не менее они действуют только на фоне обоснованности подозрения.

Таким образом, основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу отнюдь не однолинейные, а представляют собой многослойные обстоятельства, часть из которых носит уголовно-правовой характер, поскольку отражают прошлое криминальное поведение лица (обоснованность подозрения, квалификация вмененного преступления), а часть – носит уголовно-процессуальный характер, представляя разнородные обстоятельства, объединяемые тем, что позволяют прогнозировать будущее нежелательное поведение подозреваемого (обвиняемого), способного препятствовать нормальному ходу досудебного производства по уголовному делу.

Библиографический список

1. Лившиц, Ю.Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе: Автореферат дис. … канд.юрид. наук. – М., 1958. – С. 8 – 9.

2. Русман, Г.С. К вопросу об основаниях избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2007. – № 18 (90). – С. 62 – 63.

3. Кондратьева, И. Юристы о деле Baring Vostok: раньше стреляли, теперь сажают // [Электронный ресурс] URL: https://pravo.ru/story/209190/

4. Рудич, В.В. Судебные позиции по вопросу заключения под стражу лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 4 (15). – С. 22.

5. Российская газета. – 2016. – 24 ноября.

6. Постановление Верховного Суда РФ от 11 сентября 2017 г. № 5–УД17–120 // [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

Аубакирова А.А., начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, д.ю.н., профессор

Проблемы внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство Республики Казахстан

Аннотация. В статье раскрываются основные направления цифровизации уголовного процесса по таким информационно-аналитическим системам как ЕРДР, «Төрелік» и «Заңдылық». Анализируется введение в уголовный процесс цифрового формата уголовного дела.

Ключевые слова: ЕРДР, Төрелік, Заңдылық, цифровизация уголовного процесса, судопроизводство, информационные технологии.

Современный этап развития нашего общества неразрывно связан с введением информационных технологий. Не обошло вниманием использования информационных систем и уголовное судопроизводство. Нужно отметить, что государство всегда стремилось создать условия эффективности работы государственных органов и уже на протяжении последних пятнадцати лет в государственных органах существует система электронного документооборота, что положительно сказывается на быстроте получения адресатом информации и принятия решений.

Деятельность правоохранительных органов также постепенно переводится в цифровой формат. Еще в 2014 году был запущен пилотный проект Единого реестра досудебных расследований [1], который стал обязательным с принятием нового УПК РК, вступившего в законную силу с 1 января 2015 года. ЕРДР – это автоматизированная база данных, в которую вносятся сведения о сообщениях об уголовных правонарушениях, принятых по ним процессуальных решениях, произведенных действиях, движении уголовного производства, заявителях и участниках уголовного процесса. Основанием для работы в Системе является регистрация в ней, а также наличие электронной цифровой подписи на соответствующем носителе [2].

В 2018 – 2019 годах в Республике Казахстан весь процесс судебной системы переводится в электронный формат. Начиная от подачи заявления в правоохранительный орган, и заканчивая исполнением наказания. Прогрессивность данной идеи налицо, поскольку существенно сокращаются сроки проведения досудебного расследования, исключается коррупционная составляющая, судебные стадии и исполнение наказаний также будут лишены бумажной волокиты.

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство – процесс не случайный, а связан с принятием основных государственных

программ. Главой нашего государства обозначена стратегия «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность». Она охватывает и деятельность правоохранительных и судебных органов. Пятый приоритет данной программы коснулся изменения судебной системы, безопасности и борьбы с коррупцией. Президент указал на важность продолжения реформ по защите частной собственности, верховенства права и обеспечения равенства всех перед законом и судом.

Особо выделена в Послании Президента сфера оказания государственных услуг, которые должны быть максимально оптимизированы и ориентированы на население, переведены в электронный формат. Указано, что сроки и перечень документов должны быть сокращены, а дублирующие функции исключены. Президентом поручено при оказании госуслуг внедрять лучшие стандарты и практики развитых стран [2]. Очевидно, что теперь многие проблемы будут решаться посредством внедрения информационных систем.

Век информатизации заставляет все отрасли отказываться от устаревших механизмов в работе. Казахстанский уголовный процесс не стал исключением. Устаревшие методы уже не в состоянии регулировать данный вид отношений в обществе.

Даже самые незначительные ошибки следователей, прокуроров и судей, в том числе при расследовании преступлений и назначении наказания, недопустимы, потому что в каждом уголовном деле решается судьба человека. Однако до настоящего времени в ходе расследования и судебного рассмотрения дел допускаются ошибки из–за большого потока информации, необходимости подготовки статистических данных.

Законы, которые принимаются и работают в течение определенного времени всегда должны отвечать требованиям актуальности. В связи с этим вносится большое количество дополнений, изменений во всё законодательство, чтобы работающие законы не отставали от времени, в котором они работают. Однако уследить за всеми подобными изменениями достаточно сложно. Поэтому на помощь приходят современные автоматизированные базы.

В современном уголовном процессе приходится работать с колоссальным объемом информации.

По инициативе председателя Верховного суда РК Кайрата Мами судебная система запустила эффективную информационную базу «Төрелік». Способствуя процессу отправления правосудия, она позволила существенно облегчить доступ к правосудию, стала началом формирования единой судебной практики. Эти новшества продемонстрировали, что благодаря электронным сервисам люди избавляются от многочисленных хождений по инстанциям. «Умные технологии» объективно становятся частью уголовного процесса, создавая удобные для населения инструменты [3].

Системы «Төрелік» (судейство), обеспечивающая работу судебной системы и единый реестр досудебных расследований, контролирующий досудебное расследование, в настоящее время ведутся отдельно друг от друга. Однако запускается идея объединения этих двух систем в единую. Будет она называться «Заңдылық» (законность). Цель проекта – повысить качество уголовного процесса за счет интеграции Единого реестра досудебных расследований и информационно-аналитической системы судебных органов. С самого начала, с самого заявления в электронном формате до исполнения наказания. То есть весь уголовный процесс планируется автоматизировать. И это дает прозрачность, объективность, своевременность выявления каких-либо нарушений и, самое главное, направлено на защиту прав наших граждан. В программу будут загружены все нормы уголовного и уголовно-процессуального кодексов [4].

В данной системе внедрена база данных приговоров и позиции государственных обвинителей с возможностью автоматизации получения аналитических отчетов, отображения судебной практики по той или иной категории дел.

Все эти новшества с точки зрения эффективности должны уменьшить количество судебных ошибок. К примеру, за 10 лет по протестам прокуроров отменено и изменено 24 тыс. приговоров. Как минимум 60 % из них можно было бы не допускать. Есть ошибки и прокуроров. Среди них выделим несколько: не всегда учитываются смягчающие и отягчающие обстоятельства; неправильно определяется тяжесть предыдущих или совершенных преступлений; не засчитываются сроки содержания под стражей при определении окончательного наказания и другие. Впредь ожидаем, что до Верховного суда уже не будут доходить простые дела, а только те, по которым имеются серьезные вопросы по квалификации или дела со спорными доказательствами [3].

Кроме того, должны сократиться жалобы от участников процесса. Только за один год органами прокуратуры рассмотрено более 2 тыс. жалоб, а Верховным судом – в 2 раза больше. Поэтому у прокуратуры и суда цели общие – досконально разобраться по каждому делу, чтобы по нему был вынесен законный и справедливый судебный акт. Прозрачность этого процесса только усилит гарантии защиты прав людей, а система как раз сделает уголовный процесс более доступным [3].

Отдельно хотелось бы остановиться и на финансовой составляющей нововведений. Экономия бумаги, почтовых и транспортных расходов, для бюджета республики сыграет немаловажную роль.

Электронное судопроизводство позволит участникам процесса, имея доступ, следить за ходом уголовного разбирательства. Граждане смогут дистанционно знакомиться с процессуальными документами, своевременно подавать ходатайства, обжаловать решения следователя и так далее.

21 декабря 2017 году в УПК Республики Казахстан были внесены изменения, касающиеся внедрения в уголовное судопроизводство нового формата, а именно введена ст. 42–1 Формат уголовного судопроизводства. Теперь уголовное судопроизводство в Республике Казахстан ведется в бумажном и электронном форматах. К видам электронных документов в уголовном процессе относятся: заявление физического лица об уголовном правонарушении (ч. 1 ст. 181 УПК РК); исковое заявление (ч. 5 ст. 167 УПК РК); протокол судебного заседания (ст. 347–1 УПК РК).

Наряду с этим, в базе ЕРДР предусмотрена возможность осуществления производства по уголовному делу в электронном формате путем создания всех предусмотренных УПК процессуальных документов и деловых бумаг субъектом доказывания только в электронной форме. Этот документ преобразуется в формате Pdf и визуально отображается в виде документа в модуле «Электронное уголовное дело».

После применения данной статьи в течение последнего года, можно с уверенностью сказать, что практика расследования пока идет по такому направлению, что в электронном формате заканчиваются дела небольшой и средней тяжести. Тяжкие и особо тяжкие преступления расследуются в обычном формате, однако в перспективе, конечно же, будет целесообразно проводить все расследование в электронном формате. С этой целью в Алматинской академии МВД Республики Казахстан создан спецкурс «Е-уголовное дело», переподготовку по которому проходят все следователи и дознаватели системы МВД.

Цифровизация и все ее положительные моменты налицо, однако в конкретных явлениях не бывает только позитивного отражения. Безусловно, в цифровизации, как в событии, связанном с оказанием услуг населению, присутствуют и некоторые спорные моменты.

Пользование электронными системами в основном характерно для молодого поколения, для пожилого человека любое появление новшеств всегда вызывает смешанную реакцию, и переделывать человека в возрасте, чтоб ему было удобно пользоваться современными технологиями достаточно сложно. Исходя из этого, говорить о повсеместном внедрении цифровых технологий говорить преждевременно.

Другой момент цифровизации и доступа к подобной информации населения. Существуют нормы уголовного права, которые не могут иметь открытого размещения подобной информации, такие как половые преступления, особенно половая неприкосновенность несовершеннолетних, преступления против личности, должностные преступления, причем как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Размещение информации подобного характера не коррелирует с охраной прав и законных интересов человека. В конце концов, уголовный процесс сам по себе не может иметь полную открытость ввиду методов, которые используются правоохранительными органами, а именно, методов оперативно-розыскной деятельности.

Иными словами, при повсеместной внедрении цифровых технологий необходимо уделять внимание и сохранению доступа к ней в традиционной форме.

А в целом, можно сказать, что модернизация уголовного процесса и перевод его в электронный формат – один из основных приоритетов работы правоохранительных органов в ближайшие годы. С точки зрения граждан, вовлеченных в уголовный процесс, переход на электронно-цифровой режим станет важным фактором укрепления доверия населения, и обеспечение решения задач уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Приказ Генерального Прокурора РК № 89 от 19 сентября 2014 года № 89 «Об утверждении правил приема и регистрации заявления, сообщения или рапорта об уголовных правонарушениях, а также ведения Единого реестра досудебных расследований.

2. Кибраев, Б., В единой базе данных // Электронный ресурс https: //www.zakon.kz/4667623–v–edinojj–baze–dannykh. –vedenie–edinogo.html

3. Кожамкулов, М. Цифровизация: прозрачно и эффективно // Электронный ресурс http: //prokuror. gov.kz/rus/novosti/ stati/ cifrovizaciya – prozrachno–i–effektivno

4. Электронный ресурс https:// www.inform.kz/en /sistemu–zandalyk-prezentovali–v–atyrau_a3017394

УДК 343.163

Балакшин В.С., профессор кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, д.ю.н., профессор

О предназначении эксперта в подготовительной части судебного разбирательства

Аннотация. В установлении и доказывании обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, важное значение имеют заключения экспертиз, а также показания экспертов. Более того, в соответствии с уголовно-процессуальным законом ряд обстоятельств могут и должны быть доказаны только посредством заключений экспертов, отвечающих, в частности, требованиям допустимости. Между тем некоторые нормы, устанавливающие основания и порядок назначения и производства экспертиз, допроса эксперта в судебном заседании, трудно признать совершенными. Нередко их прямое применение является причиной постановления незаконных или необоснованных судебных решений. В статье рассмотрены проблемы, связанные с применением ст. 269 и 282 УПК РФ.

Ключевые слова: эксперт, заключение эксперта, допрос эксперта, основания и порядок назначения судебной экспертизы.

Значение использования специальных знаний, особенно обличенных в заключение эксперта, в процессе расследования и рассмотрения в судах уголовных дел трудно переоценить. Достаточно напомнить о том, какие обстоятельства, включенные законодателем в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ) могут быть установлены посредством назначения и производства судебных экспертиз. Ранее к таковым были отнесены: 1) причины смерти; 2) характер и степень вреда, причиненного здоровью; 3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве; 4) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания; 5) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документа, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнения. Федеральными законами № 14-ФЗ от 29.02.2012 г. и № 313-ФЗ от 25.11.2013 г. данный перечень был дополнен еще двумя существенными обстоятельствами, предусмотренными соответственно пунктами 3-1 и 3-2 в следующей редакции: а) психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии); б) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией.

Представляется, что данный перечень трудно признать исчерпывающим. Правоприменительная практика, исследования ученых свидетельствуют о том, что только, как правило, посредством назначения и производства судебных экспертиз устанавливаются и доказываются некоторые другие обстоятельства. По сути, общепризнанно, «что в процессе уголовно-процессуального доказывания обязательно производство экспертизы также в следующих случаях: а) для определения состояния здоровья потерпевших и обвиняемых по делам о заражении венерическими заболеваниями, СПИДом; б) установления причин падежа скота; в) определения недоброкачественности произведенной продукции; г) по делам о незаконном обороте, изготовлении огнестрельного, холодного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств и т. д; д) о незаконном обороте радиоактивных веществ; е) по делам о незаконном обороте наркотических, сильнодействующих веществ и их аналогов» [2, с. 299 – 300].

Не откроем секрета, но напомним, что заключение эксперта может быть использовано в качестве доказательства и позволит признать обстоятельства дела установленными тогда, когда отвечает требованиям относимости, достоверности и допустимости. Обобщение судебной практики, между тем, дает основание заключить, что при оценке заключений судебных экспертиз возникают определенные сложности, особенно при оценке с точки зрения допустимости. Аналогичная ситуация сложилась и с оценкой допустимости показаний эксперта. Рассмотрим некоторые из этих проблем с целью выявления основных причин такого положения.

Одной из причин признания заключений эксперта недопустимыми доказательствами являются нарушения требований закона, регламентирующих основания и порядок назначения и производства экспертиз. В свою очередь одной из основных причин того, что даже суды допускают ошибки при назначении и производстве судебных экспертиз является несовершенство норм, регламентирующих данные вопросы. Обратимся к ст. 269 УПК РФ. В ней предусмотрено следующее: «Председательствующий разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные ст. 57 настоящего Кодекса, о чем эксперт дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания». Напомним, что рассматриваемая статья расположена в главе 36 «Подготовительная часть судебного заседания». То есть, в главе, в которой вопросы, касающиеся очередности и порядка исследования доказательств, еще не рассматриваются. Они решаются после того, как это сделают (предложат очередность исследования доказательств) на этапе судебного следствия сначала государственный обвинитель, а затем защитник. Возникает вопрос, с какой целью и для решения каких задач законодатель предусмотрел данную статью и именно в главе 36: для назначения и производства экспертизы, если да, то на каком основании и какой? А может быть с целью допроса эксперта, проводившего экспертизу на досудебных стадиях? Ни того, ни другого действия суд в подготовительной части судебного заседания осуществить, руководствуясь действующим УПК РФ и разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12. 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» [1, с. 5] не может. Данный вывод можно сделать, проанализировав действующие нормы УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 57 УПК эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Исходя из смысла данной нормы и норм, регламентирующих основания и порядок назначения судебных экспертиз, эксперт вовлекается в процесс решением уполномоченных на то органов о назначении экспертизы, то есть дознавателя, следователя и суда. Поскольку в ст. 269 речь идет именно об эксперте, то логически напрашивается вывод, что имеется в виду ситуация, когда данный эксперт был вовлечен в уголовный процесс и производил экспер-

тизу или на досудебных стадиях, или в ходе уже состоявшегося судебного разбирательства по данному делу (например, в случае возобновления производства, если ранее оно рассматривалось, но было приостановлено). Однако в этой ситуации эксперту уже были разъяснены права и обязанности, и он был предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в порядке, предусмотренном соответствующими статьями главы 27 и ст. 283 УПК РФ. Более того, в деле уже должно находиться заключение, которое он дал, проведя необходимые исследования. Здесь закономерно напрашивается и следующий вопрос: в связи с чем и для чего суд в подготовительной части судебного заседания должен и может разъяснять эксперту права и ответственность, отбирать об этом у него подписку, если, во-первых, это уже было сделано ранее, во-вторых, опережая события, которых может не быть вообще, а в-третьих – не вынося соответствующего определения или постановления о назначении экспертизы, как того требует «нормальный» порядок назначения судебной экспертизы на этапе судебного следствия (ст. 283 УПК). Не лишним будет упомянуть и о том, что если законодатель имел ввиду в данном случае назначение дополнительной экспертизы, то такое решение может быть принято после оглашения и исследования заключения основной экспертизы и допроса эксперта (экспертов), ее проводившего. Однако в подготовительной части судебного разбирательства уголовно-процессуальный закон этого не предусматривает. Что касается назначения и производства повторной экспертизы, то ее назначение тому же эксперту исключено в принципе (ч. 2 ст. 207 УПК РФ).

Предусмотренные в ст. 269 УПК действия суда неприменимы и к допросу эксперта. К доводам, приведенным выше, здесь следует добавить то, что его допрос возможен только после оглашения и исследования заключения экспертизы, если необходимы соответствующие разъяснения или дополнения данного им заключения (ч. 1 ст. 282 УПК РФ). Допрос эксперта в суде предполагает установление его личности и предупреждение об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, о чем он должен дать подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания. Эти действия суда также возможны только в ходе судебного следствия.

Таким образом, вполне очевидна не просто невостребованность и ущербность положений ст. 269 УПК РФ, но и их негативное влияние на формирование единой процедуры вовлечения эксперта в уголовный процесс, разъяснения ему прав, обязанностей, ответственности либо за дачу заведомо ложного заключения, либо за дачу заведомо ложных показаний в зависимости от того, какое судебно-следственное действие будет проводиться. Если указанную норму сохранить в законе, то нельзя исключить со стороны суда как минимум две ошибки. Первая, когда суд, разъяснив права и ответственность эксперту в подготовительной части судебного засе-

дания в порядке ст. 269 УПК, в ходе судебного следствия посчитает это достаточным для того, чтобы поручить ему (эксперту) производство экспертизы, не вынося письменного решения о ее назначении и ограничившись формулированием вопросов. Между тем эти решения должны приниматься в совещательной комнате (ч. 2 ст. 256 УПК), что может быть по невнимательности проигнорировано. Вторая, когда эксперту в судебном следствии, по сути, повторно будут разъясняться права, обязанности, он будет предупреждаться об ответственности. Такие действия, кроме недоумения, могут у того же эксперта вызвать чувство оказания на него психологического давления.

Изложенное дает основание предложить исключить ст. 269 из УПК РФ. Однако это не решит проблем, которые на настоящий момент накопились и существуют в регламентации вопросов, касающихся оснований и порядка назначения и производства судебных экспертиз в судебном заседании, процедуры допроса эксперта в суде. Безусловно, еще больше проблем сформировалось по вопросам вовлечения в уголовный процесс специалиста, а также его допроса как на стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве. Все они должны решаться комплексно. Применительно к обозначенной в настоящей статье проблеме, с учетом ее (статьи) объема, можно предложить четче и корректней урегулировать основания и порядок допроса эксперта в судебном заседании. Для этого следовало бы изменить ст. 282 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 282. Допрос эксперта.

1. Допрос эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования, производится по ходатайству сторон или по инициативе суда после оглашения и исследования данного им заключения.

2. Перед допросом председательствующий устанавливает личность эксперта, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему и предупреждает об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, о чем эксперт дает подписку, которая приобщается к протоколу судебного заседания.

3. Первым эксперту задает вопросы государственный обвинитель и другие участники со стороны обвинения, а затем стороны защиты. Судья задает вопросы эксперту после его допроса сторонами. Затем эксперту могут заданы дополнительные и уточняющие вопросы.

4. Допрос эксперта производится для разъяснения сущности данного им заключения, а также для выяснения вопросов об основаниях и порядке назначения и производства экспертизы. Эксперт не может быть допрошен по поводу обстоятельств, ставших ему известными в связи с производством экспертизы, если они не относятся к предмету данной экспертизы.

В случае, если эксперту требуется дополнительное время, чтобы подготовить ответы на поставленные судом и сторонами вопросы, ему предос-

тавляется для этого время, о чем делается отметка в протоколе судебного заседания».

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12. 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный процесс: учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. – М.: Инфотропик Медиа. 2016. – 912 с.

УДК 343.14

Баранов А.М., профессор Омской Академии МВД РФ, д.ю.н., профессор

Уголовный процесс традиция и современность: электронные доказательства

Аннотация. Подвергается критике позиция о существовании электронных доказательств. Обосновывается позиция о том, что доказательства – информация, к которой применимы правовые требования и которая не зависит от технических способов ее сохранения и передачи.

Ключевые слова: доказательства, источники доказательств, электронные доказательства, технические средства сохранения информации.

Право, в особенности, процедурное, достаточно консервативно по сравнению с другими областями отношений между людьми. И это нормально, поскольку консервативность судопроизводства всегда обуславливалась традициями и даже некоторой обрядностью, в чем иные ученые видят определенную ценность [15, с. 87].

В тех же случаях, когда процессуальная форма в целом становилась препятствием и не обеспечивала эффективного разрешения правоотношений в уголовном судопроизводстве, восстановления нарушенных преступлением прав граждан и защиту их интересов от преступлений, форма судопроизводства существенно менялась.

Зависит ли форма уголовного судопроизводства от научного и технического прогресса? В зависимости от мировоззрения ответ может быть, как положительным, так и отрицательным. Зависит ли тип (форма) уголовного процесса от развития математики, физики, химии, биологии, от электроники?

В XXI веке результаты развития электроники стали стремительно проникать во все сферы жизнедеятельности человека. Не стало исключением и уголовное судопроизводство. Термин «видео» широко используется в УПК РФ с момента его принятия. В 2011 году законодатель в ст.ст. 240, 278.1 УПК разрешил проводить допрос свидетелей и потерпевших пу-

тем «видеоконференц-связи», в ст. 389.12 посредством видеоконференц-связи предоставил право участвовать в судебном заседании осужденному, находящемуся под стражей. Термин «электронной» обнаруживаем в ст.ст. 42, 81, 81 – 1, 82, 105 – 1, 313, 393, 473, 474.1 УПК, «интернет» в ст. ст. 8, 105.1, 161, 241, 257, 259, 474.1, и только термин «компьютер», использован однажды, в ст. 259 УПК РФ.

Самое большое влияние электронные технологии, средства сохранения и передачи (пока используем этот термин) стали оказывать на учение о доказательства. В теории и практике уголовного процесса уже начинает становиться нормой использование таких терминов как: «электронные доказательства» [8, с. 3586 – 3590], «электронное вещественное доказательство» [14, с. 149 – 153], «компьютерная информация как вид доказательств» [5], «электронная информация» [1, с. 38–39; 13], «цифровая информация» [2, с. 24 – 34; 12, с. 108 – 110; 4, с. 77 – 81], «цифровые доказательства» [7, с. 23 – 25; 16, с. 199 – 203], «электронный носитель информации» [17, с. 44 – 45; 11, с. 254 – 260; 3, с. 3 – 8; 10, с. 17 – 19] и наконец, «электронное уголовно-процессуальное доказывание» [6, с. 587 – 595].

Означает ли тот факт, что использование законодателем термина «электронный носитель информации» в ст.ст. 81, 81 – 1, 82 УПК РФ, породил новый вид доказательств или внес существенные коррективы в существующее в ч. 1 ст.74 УПК понятие доказательств. Проследим научную мысль в этом вопросе. Так, профессор А.С. Александров в предложенной им «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права» в ч. 3 ст. 2.14 говорит об «… использовании в доказывании электронной информации…» [1, с. 38 – 39]. По прошествии трех лет его позиция становится более категоричной и противоречивой. С одной стороны, он считает очевидным, что «…предметом доказывания» (по смыслу ст. 73 УПК РФ) станут «обстоятельства» цифровой реальности, … колеблется важнейший постулат: судья способен сам исследовать и оценить предмет доказывания, не говоря уже о том, чтобы собрать о нем «доказательства» - цифровую информацию…» [2, с. 29], а с другой утверждает «…правовая система – не явление природы, а результат творения человека. Внутри нее действует аргументация, опирающаяся на свои внутренние основания, искусственные конструкции в виде утверждений, принимаемые законом за истинные. Нельзя отождествлять юридическое познание с естествознанием. Гуманитарная наука и естественная принципиально разные познавательные устройства.» То, что судья действует в рамках гуманитарного знания при установлении предмета доказывания не вызывает сомнений. Видимо сомнение возникает в способности суда познать сведения (информацию) получаемые из естественных наук.

Что в этом вопросе изменилось для суда в XXI веке. Давайте обратимся к любой судебной экспертизе, когда исследование касается сферы естественных знаний (на пример, автотехническая, дактилоскопическая, экс-

пертиза холодного оружия и др.). Предмет исследования при производстве данных видов экспертизы не изменился. Современные эксперты, при производстве экспертизы не используют фотографии, отпечатанные на «фотобумаге» (аналоговые, «мокрый процесс»), заключение уже не печатается на печатной машинке, а набирается в компьютере. Означает ли что использование электронных, измерительных приборов и средств множительной техники, вместо механических, повлекло изменение природы полученных сведений, что информация, полученная экспертом и от эксперта, стала цифровой, а заключение эксперта стало электронным доказательством. Если да, то означает ли это, что следователь, использующий при осмотре места происшествия различные измерительные средства: рулетка; металлический, деревянный метр; старый и всем хорошо известный двухметровый деревянный циркуль (его называют «Ковылек»); либо измеряя расстояние шагами, получает соответственно «деревянную», «металлическую» информацию, а при использовании оптических или электронных дальномеров (светодальномеры и радиодальномеры), соответственно оптическую или электронную информацию. Конечно же нет.

Возможно, вопрос о появлении (существовании) электронной информации и электронных доказательств зависит от того, на каком носителе будут закреплены доказательства в материалах уголовного дела? Попробуем разобраться. Три следователя, проводят допрос свидетеля. Первый, фиксирует показания шариковой ручкой на листе бумаги, получаем традиционное доказательств – протокол следственного действия. Второй следователь, записывает показания, набирая их в компьютере, становится ли фиксируемая информация электронной? Потом, распечатывает протокол на принтере. И, что, доказательство из электронного вновь становится «традиционным»? Наш, третий следователь, самый «продвинутый» в использовании современных технических средств, он фиксирует допрос свидетеля, набирая показания в компьютере и записывая на цифровую видеозапись. В материалы уголовного дела он помещает распечатанный на бумаге протокол допроса и на магнитном носителе электронный протокол допроса и электронную видеозапись допроса, а для надежности электронный протокол и видеозапись сохраняет в интернете в «облаке». Появилось электронное доказательство? Нет. В первом случае информация (доказательство) зафиксировано на бумажном (как это не странно звучит) носителе, во втором и третьем на бумажном и электронном. Во всех случаях изменялся способ сохранения информации (показаний свидетеля), сама информация и ее природа не изменялись. Доказательством, согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ являются сведения (информация), а не технический способ ее получения и сохранения. Закон предъявляет к получению информации (собиранию доказательств) юридические, а не технические требования. Нет и не может быть «электронной информации» и «электронных доказательств». Действительность требует скорейшего отказа в теории уголовно-

го процесса от использования (как минимум существенного редакционного изменения) данных терминов, пока они не стали устойчивой частью закона и правосознания.

Библиографический список

1. Александров, А.С. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней [Текст] / [исполн.: А. С. Александров и др.]. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 299 с.

2. Александров, А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 16–17 марта 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» / под общ. Ред. К.Б.Калиновского, Л.А. Зашляпина. – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. – 234 с.

3. Васюков, В.Ф. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения / В.Ф. Васюков, А.В. Булыжкин // Российский следователь. – 2016. – № 6. – С. 3 – 8.

4. Зазулин, А.И. О доказательственном значении цифровой информации в уголовном процессе // Мир юридической науки. – 2016. – № 11. – С. 77 – 81.

5. Зигура, Н.А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис… канд. юрид. наук. – Челябинск, 2010. – 234 с.

6. Зуев, С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 587 – 595.

7. Иванов, Н.А. Цифровые доказательства: понятие и классификация // Криминалистика в системе правоприменения: Материалы конф. – М., 2008. – С. 130 – 134.

8. Калитин, С. В. Доказательства электронные и цифровые // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 3586 – 3590.

9. Карташов, И.И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. – 2016. – Т. 1. – № 15. – С. 23 – 25.

10. Козловский, П.В., Седельников П.В. Участие специалиста в изъятии электронных носителей // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. – № 1 (52). – С. 17 – 19.

11. Краснова, Л.Б. Электронные носители информации как вещественные доказательства // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 4-2. – С. 254 – 260.

12. Мещеряков, В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 2. – С. 108 – 110.

13. Овсянников, Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2015. – 21 с.

14. Пастухов, П.С. Электронное вещественное доказательство в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 396. – С. 149 – 153.

15. Поляков, М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Гос-во и право. – 1999. – № 7. – С. 87.

16. Чернышов, В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. – Т. 12. – № 5. – С. 199 – 203.

17. Федюкина, А.Ю. Электронный носитель информации как доказательство по уголовным делам // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 12 (14). – С. 44 – 45.

УДК 343.143

Барыгина А.А., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, к.ю.н., доцент

Борохова Н.Е., доцент кафедры уголовно-процессуального права Уральского филиала Российского государственного университета правосудия, к.ю.н.

К вопросу о допросе свидетелей и потерпевших, страдающих психическими расстройствами в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье анализируется особый статус свидетелей и потерпевших, страдающих психическими расстройствами, возможность сообщенных ими сведений выступать в качестве доказательств по уголовному делу, необходимость изменения норм УПК РФ в связи с наличием особого статуса у свидетелей и потерпевших, страдающих психическими расстройствами.

Ключевые слова: свидетель, потерпевший, психическое заболевание, допрос, показания свидетелей и потерпевших, оценка показаний свидетелей и потерпевших, уголовное судопроизводство.

В уголовном судопроизводстве лица с психическими расстройствами, как исключающими, так и не исключающими вменяемость, могут высту-

пать в качестве свидетелей и потерпевших. Уголовно-процессуальный закон предусматривает не только право, но и обязанность давать показания вышеперечисленным участникам, а также в уголовном законе предусмотрена ответственность ст. 307 и 308 УК РФ за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, которая в том числе формально распространяется на лиц, дающих показания в качестве свидетеля/потерпевшего, страдающего психическим заболеванием. Следовательно, раз они вступают в правоотношения в качестве лиц, которые могут давать/обязаны давать показания, необходимо с учетом особенности их восприятия действительности, проанализировать, возможно ли их показания использовать в качестве доказательств по уголовному делу, каковы особенности оценки показаний и существуют ли какие-либо особенности допроса свидетелей и потерпевших с психическими расстройствами.

Статья 56 УПК РФ не ограничивает круг лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей в связи с наличием у них психического заболевания, как исключающего, так и не исключающего вменяемость. В отличие от норм УПК РСФСР (ст. 72) действующий уголовно-процессуальный закон не устанавливает запрет на допрос в качестве свидетелей лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правдивые показания. При этом следует отметить, что законодатель не выделяет таких свидетелей в отдельную группу, в связи с чем, по всей видимости, и не регламентирует особенности их допроса. То же самое можно сказать и о потерпевших. Защита прав потерпевшего может осуществляться посредством участия в деле законного представителя или представителя. Права потерпевших в том числе защищаются посредством установления по абсолютному большинству уголовных дел публичного характера правоотношений. Однако те обстоятельства, которые относятся к даче потерпевшими с психическими расстройствами показаний, на наш взгляд, имеют свои особенности, которые должны быть отражены в нормах уголовно-процессуального законодательства, так как их показания могут быть положены в основу обвинения.

Судебная практика активно использует показания лиц с психическими расстройствами, обладающими статусом свидетеля и потерпевшего в качестве доказательств по уголовным делам. Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотревшая в кассационном порядке уголовное дело по обвинению В., К.Н.К. и З. в завладении путем обмана и злоупотребления доверием квартиры потерпевшего А.В. и его убийстве, оценивая решение Новосибирского областного суда о признании показаний свидетеля А.Г., страдающего психическим расстройством, допустимыми доказательствами указала следующее: «Как следует из материалов дела, в отношении А.Г. проведена стационарная судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. Экспертная комиссия

пришла к выводу, что А.Г. психическим расстройством не страдал и не страдает; у него обнаружены признаки органического заболевания головного мозга с эмоционально-волевой неустойчивостью, не достигающей клинического уровня. Вышеуказанные изменения у А.Г. выражены не столь глубоко и не лишали его способности понимать характер и значение совершенных в отношении его брата действий. А.Г. был способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания, а также мог отвечать на конкретно поставленные вопросы» (Определение Верховного Суда РФ от 25.10.2007 № 67–О07–64СП).

На наш взгляд, такой подход законодателя и правоприменителя является абсолютно обоснованным. Лица, страдающие психическими расстройствами как исключающими, так и не исключающими вменяемость могут и должны быть допрошены в качестве потерпевших или свидетелей. При этом, абсолютно обоснованно возникает необходимость производства судебно-психиатрической экспертизы в ходе расследования/рассмотрения уголовного дела. Так, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев апелляционные жалобы осужденных М.А., И.Э.П., И.Х.В. на приговор Тимирязевского районного суда г. Москвы от 27 апреля 2018 года о признании их виновными в вымогательстве, группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, в целях получения квартиры потерпевшего и его похищении из корыстных побуждений, оставила приговор без изменения, а жалобы без удовлетворения. Из материалов уголовного дела следует, что потерпевший страдал параноидальной шизофренией с эпизодическим типом течения, при этом выводами заключения амбулаторной судебно-медицинской экспертизы подтверждается, что потерпевший правильно может воспринимать внешнюю (формальную) сторону обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и давать о них показания (Апелляционное определение Московского городского суда от 04.09.2018 по делу № 10 – 14073/2018).

Однако следует отметить, что в п. 4 ст. 196 УПК РФ предусмотрена только обязанность производства судебной экспертизы в отношении потерпевшего, когда возникают сомнения в его способности правильно воспринимать окружающую действительность. Поэтому, на наш взгляд, п. 4 ст. 196 УПК РФ необходимо изменить, включив в круг субъектов, в отношении которых судебная экспертиза должна проводиться в обязательном порядке и свидетеля при возникновении сомнения в способности воспринимать им события преступления либо, если у органов предварительного расследования и суда имеются достоверные сведения о наличии у свидетеля/потерпевшего психического расстройства.

Само по себе психическое расстройство, на наш взгляд, не должно быть препятствием отказа свидетелю и потерпевшему в праве (обязанности) давать показание, либо признании данных показаний недопустимы-

ми/недостоверными доказательствами по уголовному делу. Однако не следует забывать, что в любом случае такие лица обладают специфическим восприятием, а, следовательно, необходимо это отдельно отразить в нормах уголовно-процессуального законодательства. В связи с этим, на наш взгляд ст. 88 УПК РФ, в которой регламентированы правила оценки доказательств, необходимо дополнить частью 5 следующего содержания: «Показания свидетеля, потерпевшего, страдающего психическими расстройствами, как исключающими, так и не исключающими вменяемость, могут быть положены в основу обвинения, только в случае их подтверждения совокупностью иных собранных по уголовному делу доказательств».

Что касается допроса свидетеля и потерпевшего, страдающего психическими расстройствами как исключающим, так и не исключающим вменяемость, по нашему мнению, такие лица не могут нести ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Эти правила должны распространяться не только на допрос или очную ставку с участием таких лиц, но и на ряд иных следственных действий, таких, например, как проверка показаний на месте, опознание, следственный эксперимент. В связи с этим, полагаем, необходимым дополнить ч. 5 ст. 164 УПК РФ текстом следующего содержания: «Свидетелей и потерпевших, страдающих психическими расстройствами, не предупреждают перед началом следственного действий об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, при этом им разъясняется необходимость говорить правду».

УДК 343.123.3 (091)

Богданович Н.А., главный специалист НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Актуальные вопросы прекращения производства по уголовному делу в связи с истечением сроков давности: применяем сроки к лицу или к преступлению?

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к принятию решений по уголовным делам о нераскрытых преступлениях в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности

Ключевые слова: прекращение, производство по уголовному делу, истечение сроков давности, основания, уголовная ответственность.

Основания прекращения уголовного дела всегда представляли интерес не только среди ученых, но и среди практиков. Безусловно, каждое основание имеет самостоятельную значимость. Однако среди прочих в правоприменительной практике неоднократно возникают споры относительно вопросов применения такого основания как прекращение производства по

уголовному делу за истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь; п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК Российской Федерации).

Сегодня можно наблюдать случаи, когда допускается прекращение производства по уголовному делу в связи с истечением сроков давности без установления лица, совершившего преступление. Алгоритм производств по уголовным делам таков: в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, уголовное дело приостанавливается (п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь; п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК Российской Федерации), а затем, когда истекает срок давности, предусмотренный уголовным законом (ст. 83 УК Республики Беларусь, ст. 78 УК Российской Федерации) уголовное дело прекращается вовсе. Закономерен вопрос: правомерно ли в данном случае прекращение производства по уголовному делу в случае истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности, если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено? Давность применяется к лицу или к преступлению?

Давность, как основание освобождения от уголовной ответственности, имеет достаточно длительную историю применения [4, гл. 2] и обширную географию реализации в нормативных актах различных государств [3, с. 165 – 170]. Данный институт относиться к одному из нереабилитирующих оснований освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Проблематика применения обозначенного основания характерна заблуждениями, вызванными применением норм не столько уголовно-процессуального, сколько уголовного закона. В этой связи хотелось бы обратиться к самому существу давности.

Давность является одним из предусмотренных уголовным законом оснований освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в связи с тем, что после совершения преступления прошел установленный законом срок, дающий основание утверждать, что лицо, если оно не скрывалось от следствия и суда и не совершало новых преступлений, не может быть сочтено опасным для общества и поэтому его следует освободить от уголовной ответственности за совершенное преступление. Поэтому в зависимости от тяжести преступления уголовный закон устанавливает сроки, по истечении которых орган уголовного преследования (следователь, прокурор, суд) могут принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности (ч. 1 ст. 83 УК Республики Беларусь; ч. 1 ст. 78 УК Российской Федерации).

Из этого следует однозначный вывод: прекращение производства по уголовному делу за истечением сроков давности в материальном и процессуальном смысле допустимо только в отношении лица, совершившего преступление. Это положение вытекает напрямую из уголовного закона. Так, согласно ч. 1 ст. 44 УК Республики Беларусь уголовная ответственность

выражается в осуждении от имени государства по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК Республики Беларусь. Одновременно ст. 8 УК Российской Федерации в качестве основания уголовной ответственности предусматривает одно – совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК (включая и субъекта преступления).

Согласно положениям ст. 82 УК Республики Беларусь лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности или наказания либо досрочно освобождено от отбывания назначенного судом наказания лишь в случаях, предусмотренных УК Республики Беларусь. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности возможно лишь в отношении лица, совершившего преступление (ст. 83 УК Республики Беларусь). Практически идентичное содержание норм можно наблюдать в УК Российской Федерации (ст. 78).

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 29 УПК Республики Беларусь прекращение производства по уголовному делу за истечением срока давности (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК) допускается лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 27 УПК Российской Федерации). Для получения согласия нам снова необходимо соблюдения главного условия – лицо должно быть персонифицировано.

Таким образом, для применения такого основания, как истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие следующих условий:

1) истечение установленного законом срока со дня совершения преступления;

2) не совершение виновным в течение этого срока нового преступления;

3) виновный не должен скрываться от следствия и суда [2, с. 224].

Реализация всех обозначенных условий возможна только при установлении лица, совершившего преступление, что включает в себя:

1) обязательное установление личности лица, совершившего преступление;

2) доказанность его причастия к совершению преступления;

3) установление того, что именно данное лицо совершило преступление.

Причем истечение срока давности при соблюдении всех остальных условий является безусловным основанием для принятия такого решения, как освобождение от уголовной ответственности.

Не следует забывать об особенностях применения сроков давности в случаях, когда санкция статьи уголовного закона предусматривает применение таких видов наказания как смертная казнь или пожизненное заклю-

чение. В таких случаях вопрос всегда решается исключительно судом. Закон говорит, что «если суд не сочтет возможным освободить указанное лицо от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применяются» (ч. 4 ст. 78 УК Российской Федерации). Аналогичная норма содержится и в ч. 5 ст. 83 УК Республики Беларусь. Данные положения закона еще раз доказывает, что освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности применимо только к лицу, совершившему преступление, но никак ни к преступлению.

Нельзя умалять достоинств рассматриваемого института уголовного права. В этой связи возникает желание обратиться к идее, лежащей в основе освобождения от уголовной ответственности: «Любое наказание имеет свой предел… Без уголовно-правового поощрения уголовное право является неполным, уголовная юстиция без него не может выполнять возложенные на нее функции» [1, с. 19]. Рассматриваемый институт содержит цель, включающую в себя поощрение и компромисс, которые используются в едином направлении, однако лежат в плоскостях разного уровня [5, с. 388].

Согласно ч. 6 ст. 246 УПК Республики Беларусь производство по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостановлено, подлежит прекращению по истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности, установленного уголовным законом, если по делу нет сведений о приостановлении либо перерыве срока давности.

В контексте формирующегося в правоприменительной практике подхода невозможно установить ни обстоятельства прерывания, ни приостановления течения сроков давности ввиду неустановления лица, совершившего общественно-опасное деяние.

Считаем важным подчеркнуть, что в случае приостановления предварительного следствия ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь), его возобновление невозможно до тех пор, пока не отпадут основания приостановления (ч. 1 ст. 249 УПК Республики Беларусь), в числе которых выступает установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Аналогичные нормы содержаться в ст.ст. 208, 211 УПК Российской Федерации.

Таким образом, можно резюмировать, что прекращение производства по уголовному делу в связи с истечением срока давности возможно лишь в случае, когда:

1) установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого;

2) подозреваемый или обвиняемый возражает против такого прекращения.

Библиографический список

1. Голик, Ю.В. О национальной концепции уголовного права / Ю.В. Голик [и др.] // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 18 – 20.

2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменко [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

3. Приходько, И.В. Правовой институт давности привлечения к уголовной ответственности по законодательству России и зарубежных стран // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 165 – 170.

4. Саблер, В.К. О значении давности в уголовном праве / В. К. Саблер. – М.: Типография т-ва. рис., 1872. – 90 с.

5. Энциклопедия уголовного права [Отв. Ред. В.Б. Малинин]. – Санкт-Петербург: Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2005. – Т. 10: Освобождение от уголовной ответственности и наказания. – 2008. – 880 с.

УДК 343.101

Валиуллина А.А., помощник прокурора Калининского района г. Уфы, Республики Башкортостан

Привлечение лица в качестве обвиняемого в соотношении с назначением уголовного процесса

Аннотация. В статье указывается на необходимость выполнять положения о назначении уголовного судопроизводства при привлечении лица в качестве обвиняемого. В этом случае следователь не может составлять постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и предъявлять обвинение. Обвинение должно предъявляться независимым органом как, например, прокуратура, суд или следственный судья.

Ключевые слова: доказывание, обвинение, привлечение в качестве обвиняемого, следователь, уголовная ответственность.

Согласно ст. 171 УПК РФ, при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления, следователь выносит постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Тем самым, главным основанием для признания лица обвиняемым является полное наличие доказательств, то есть совокупность определенных процессуальных данных, или информации, которые в своих пределах позволяют указать, что именно данное лицо совершило преступление. По своей сути данное решение принимается от имени государства и влечет массу неблагоприятных последствий для обвиняемого, главным из которых может стать заключение под стражу, а, следовательно, фактически, начало наказания лица за совершение преступления.

И, разумеется, поскольку мы говорим об одном из ключевых решений в уголовном процессе, оно должно быть оценено с позиций целей или назначений уголовного судопроизводства, обозначенных в ст. 6 УПК РФ. А именно, с одной стороны защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и, с другой стороны, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод.

Если мы возьмем шире положения ст. 6 УПК РФ относительно института привлечения лица в качестве обвиняемого, то при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого и, тем более, при привлечении лица в качестве обвиняемого (предъявление обвинения), фактически речь будет идти о начале уголовной ответственности. Это исходит из многих ограничений прав и интересов обвиняемого, наличием применяемых мер пресечения в отношении обвиняемого, которые в случае, допустим, заключения под стражу, сходны с фактическим наказанием. Еще М.С. Строгович приравнивал момент уголовной ответственности к моменту привлечения лица в качестве обвиняемого, утверждая, что даже в случае проверки доводов обвиняемого по предъявленному обвинению, имеет место привлечение к уголовной ответственности [4, с. 131]. Об этом же писала Л.М. Карнеева, замечая, что поскольку уголовно-правовым основанием привлечения к уголовной ответственности является состав преступления, процессуальное основание привлечения в качестве обвиняемого, то есть доказательства, могут быть признаны достаточными для предъявления обвинения, в случае, когда они характеризуют каждый из элементов инкриминируемого состава преступления [1, с. 5].

А.А. Орлова констатирует, что привлечение в качестве обвиняемого по смыслу теории уголовного процесса тождественно привлечению лица к уголовной ответственности, поскольку именно с этого момента у обвиняемого возникает обязанность нести ответственность за содеянное в рамках предъявленного обвинения. В то же время, далее пишет автор, привлечение к уголовной ответственности необходимо рассматривать как реализацию уголовно-правовых отношений, но нельзя непосредственно связывать с наступлением уголовной ответственности, поскольку не всегда наступление такой ответственности влечет приговор суда, вступивший в законную силу [3, с. 179].

Тем самым, теория уголовного процесса исходит в целом из единого понимания привлечения лица в качестве обвиняемого и начала уголовной ответственности лица за совершенное преступление.

Однако насколько такая тождественность двух уголовно-процессуальных институтов как привлечение к уголовной ответственности и привлечение лица в качестве обвиняемого, отвечает назначению уголовного судопроизводства и в целом принципам уголовного процесса и что может из этого следовать?

Как известно, в досудебном производстве доказательства собирает, проверяет и дает им оценку следователь, являющийся стороной обвинения и, соответственно, только следователь решает вопрос о предъявлении обвинения. Особенно это ярко видно, когда обвинение предъявляется в течении нескольких дней после возбуждения уголовного дела, при наличии быстро собранных доказательств обвинения, когда сторона защиты не имеет никакой возможности принять участие в проверке доводов органов предварительного расследования. И С.А. Шейфер верно заметил, что в современном уголовном процессе собирание, проверка и оценка доказательств – это не доказывание в традиционном смысле, а не более чем виды, элементы деятельности, направленной на доказывание обвинения [5, с. 26].

Соответственно, в этом случае, в соответствии со ст. 6 УПК РФ, хоть и опосредованно, но решается задача защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, если, конечно, речь идет о преступнике, который действительно совершил преступление. Однако в условиях состязательности уголовного процесса, остается вне гарантий противоположная задача как защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод. Иными словами, при привлечении лица в качестве обвиняемого, стороне защиты, и в первую очередь самому обвиняемому, не дают возможности не то чтобы собрать или проверить доказательства защиты, а элементарно нет возможности даже знать доказательства обвинения ввиду понятия тайны следствия. При этом, как пишет Д.Е. Оборин, материально-правовой аспект обвинения выражает обвинительный тезис – утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом. А это в условиях действия принципа состязательности есть не что иное как уголовный иск. Поэтому представляется обоснованным материально-правовой аспект обвинения исследовать через понятие уголовного иска [2, с. 19]. Однако если мы говорим о процессуальном иске, то такой иск должен предъявляться в состязательном уголовном процессе.

Отсюда возникают закономерные вопросы: в какой момент времени возникает защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод, предусмотренная законом при предъявлении обвинения? С одной стороны, человек изначально не может быть обвинен в совершении преступления без обоснованных на то оснований и собранных доказательств, предусмотренных законом. С другой стороны, лицо имеет право на защиту от обвинения и может пользоваться всеми инструментами защиты, которые предусмотрены законом. Гармоничное единство этих двух начал может иметь место, если при предъявлении обвинения у стороны защиты будут возможности, во-первых, знать доказательства, на основании которых предъявляется обвинение и, во-вторых, будут приняты во внимание контрдоказательства, которые может предъявить сторона защиты в опровержение обвинения. Только в этом случае бу-

дут достигнуты цели уголовного судопроизводства, реализующиеся в принципе состязательности сторон. На наш взгляд, при таком положении, которое будет соответствовать целям уголовного процесса и выполнению принципа состязательности, следователь как активная сторона обвинения, не может предъявлять обвинение. Объективность обвинения будет сохранена, когда постановление о привлечении в качестве обвинения будет составлено и предъявляться неким центральным органом, который одновременно может рассматривать как доводы обвинения, так и доводы защиты. И при этом более внимательно выслушать позицию самого лица, которому будет предъявлено обвинение. Таким органом может стать прокуратура, суд или следственный судья, если последний приобретет соответствующий процессуальный статус.

Таким образом, с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого лицо приобретает статус обвиняемого. Де-факто, только с момента приобретения статуса обвиняемого, лицо имеет право на защиту от незаконного и необоснованного обвинения, хотя такие возможности у него должны быть еще до предъявления обвинения или в момент предъявления обвинения. Соответственно, сам институт, а если конкретно, то механизм предъявления обвинения в условиях назначения уголовного судопроизводства, а, следовательно, в условиях состязательности уголовного судопроизводства, требует значительной корректировки в сторону определенных гарантий стороны защиты в исследовании доказательств, на которых основывается обвинение.

Библиографический список

1. Карнеева, Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого / Методическое пособие. – М., 1962. – 96 с.

2. Оборин, Д.Е. Привлечение в качестве обвиняемого в российском уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2005. – 174 с.

3. Орлова, А.А. Процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого: учебное пособие // Уголовный процесс. Сборник учебных пособий. Особенная часть. Выпуск 2. – М., 2002. – 288 с.

4. Строгович, М.С. Учебник уголовного процесса. – М., 1938. – 248 с.

5. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М., 2008. – 240 с.

УДК 343.136
ББК 67.410.2

Виницкий Л.В., профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы ЮУрГУ (НИУ), д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист РФ

Вопрос о процессуальной сущности специалиста в УПК РФ до сих пор не решен

Аннотация. В статье анализируются недостатки процессуальной регламентации заключения специалиста и его содержания. Анализируются противоречивые позиции ученых по этим вопросам

Ключевые слова: доказательства, заключение специалиста, суждение, исследование, письменная консультация, судебная экспертиза, процессуальная регламентация, судебные ошибки.

Готовясь к участию в работе Международной научно-практической конференции «Университетские правовые диалоги», посвященной 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля Высшей школы Юрия Даниловича Лившица, следует вспомнить его позицию о том, что «Уголовное судопроизводство следует рассматривать как специальное и специфическое средство пропаганды права, утверждения соответствующих правовых идей и принципов» [5, с. 139]. С этих позиций мы и рассмотрим, как выглядит процессуальная сущность специалиста в УПК РФ.

4 июля 2003 г. Федеральным законом № 92-ФЗ в УПК был введён новый вид доказательств – заключение и показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74). В виду удивительно несовершенной законодательной техники, эта новелла до сих пор вызывает в научных кругах весьма противоречивые отклики. Действительно, в ч. 1 ст. 74 УПК акцентируется внимание, что доказательствами по уголовному делу могут быть любые сведения, полученные в порядке, определённом настоящим Кодексом. Однако в анализируемом вопросе порядок совершенно не регламентирован. Это обстоятельство разделило позиции учёных по рассматриваемому вопросу на две противоположные группы.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что ряд известных учёных вообще отрицают необходимость такого дополнения УПК РФ.

В частности, один из авторитетнейших российских процессуалистов В. Божьев пришёл к выводу, что «сделан шаг к тому, чтобы торпедировать основу доказательственного права, выраженную в ч. 1 ст. 74 УПК. … Закон признал доказательством суждение человека, которое не обладает и, в

отличие от любого другого доказательства, не может (по определению) обладать свойством допустимости» [2, с. 2 – 3].

Однако были высказаны и иные точки зрения. Критикуя несовершенство законодательной деятельности, определённая часть учёных всё же видят некий положительный момент в рассматриваемой законодательной новелле.

А.А. Тарасов, отмечая, что новый вид доказательств противоречит всем сложившимся традициям использования специальных знаний в уголовно-процессуальном доказывании, задаётся вопросом: «а есть ли иная, юридически более корректная правовая форма введения в процесс доказывания по уголовному делу иного, чем у эксперта, альтернативного профессионального мнения по вопросам, выяснение которых требует специальных знаний?» Отрицательно отвечая на поставленный вопрос, А.А. Тарасов заключает: «В этих условиях получается, что несовершенный институт заключений и показаний специалиста – это единственная возможность ввести в процесс доказывания по уголовному делу мнение другого профессионала относительно тех же вопросов, которые поставлены перед экспертами. Наличие аналогичного права у обеих состязающихся в уголовном процессе сторон – это возможность проверки и перепроверки соответствующих профессиональных мнений» [10, с. 12].

Изложение столь разнообразных точек зрения учёных относительно рассматриваемой новеллы уголовного судопроизводства можно было бы продолжить. Публикаций по этому вопросу достаточно. Однако и изложенных данных достаточно для вывода о том, что подобный разброс мнений известных учёных можно объяснить лишь несовершенством процессуальной регламентации, позволившей в столь широком диапазоне трактовать нововведение.

Разошлись мнения учёных и относительно содержания заключения специалиста. Дискуссия развернулась, в основном, в отношении двух терминов: «исследование» и «суждение», весьма различно трактуемых в литературе. В ст. 58 УПК говорится «об исследовании материалов уголовного дела», а в ч. 3 ст. 80 УПК отмечается: «Заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами».

Целый ряд учёных, исходя из понимания ими термина «суждение», приходят к мысли, что специалист не вправе проводить какие-либо исследования. В частности, Е.Р. Россинская приходит к выводу, «что в отличие от эксперта специалист не проводит исследований материальных объектов. Заключение специалиста представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК)» [8, с. 159].

Однако существует и противоположная точка зрения.

И. Овсянников считает, что «Исследование объекта, проводимое специалистом, по глубине, полноте и всесторонности может не уступать исследованию, проводимому экспертом, или даже превосходить его. Если специалисту для ответа на поставленные перед ним вопросы понадобилось не только осмотреть представленные ему объекты, но провести какие-либо эксперименты, исследования с помощью физических, химических, биологических, математических или иных методов, то факт проведения таких исследований сам по себе не может служить основанием для упрёка в его адрес. Если для обоснованного ответа на поставленные перед специалистом вопросы эти исследования были необходимы, то их нельзя считать излишне полными или чрезмерно глубокими» [6, с. 32 – 33].

На наш взгляд, правы Ю.Г. Корухов и Т.В.Аверьянова, которые считают, что «суждение специалиста – это результат его исследований конкретных объектов (предметов, документов, места происшествия и т.п.)» [1, с. 260].

В связи с изложенным, вызывает недоумение позиция Верховного Суда Российской Федерации, издавшего спустя девять месяцев после дополнения ст. 144 УПК РФ, Постановление Пленума от 21 декабря 2010 г № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [7].

Здесь в п. 20 обращается внимание на то обстоятельство, «что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу (часть 2 статьи 74 УПК РФ). При этом следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза».

Положение о том, что специалист не проводит исследование полностью противоречит духу и букве Федерального закона от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ [11].

Следует обратить внимание на тот факт, что при проведении дознания в сокращенной форме, законодатель предусмотрел в п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ возможность «не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержаться в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении».

В связи с изложенным, нет оснований говорить об эффективности анализируемых норм права в современном их виде.

Примечательно в этом плане положение, нашедшее отражение в Постановлении шестого Всероссийского Съезда судей (ноябрь 2004 г.). Здесь отмечается: «следует констатировать, что качество ряда принятых в последнее десятилетие законов заслуживает серьёзной критики. Нормы многих из них признаны Конституционным Судом Российской Федерации

противоречащими Конституции Российской Федерации, большое число законов внутренне противоречиво, постоянно изменяется и дополняется, в том числе по причинам, не носящим объективно-необходимого характера, не всегда предусматривается механизм реализации норм. Всё это создаёт трудности в правоприменительной практике, включая деятельность судов, увеличивает число обращений в суды всех уровней, нарушает права граждан и организаций.

Принято немало актов, толкование и применение которых представляет значительную сложность. Этим обстоятельством в значительной степени объясняются судебные ошибки» [9, с. 4].

Имеющая место законотворческая деятельность привела и Председателя Конституционного Суда России В. Зорькина к необходимости обратить внимание на отрицательные тенденции развития отечественного законодательства, отметить нечёткость формулировок норм законодательных актов, слабую аналитическую и прогностическую оценку последствий принимаемых законодательных актов [4].

Не лучше обстоят дела и с применением анализируемых норм.

Изучение практики работы экспертно-криминалистического центра Управления МВД Смоленской области свидетельствует, что за весь период существования анализируемых норм, не проведено ни одного заключения специалиста.

Представляется актуальным, своевременным и сегодня, предложение С.М. Даровских создать «из представителей органов законодательной власти и высших судебных органов Российской Федерации комиссии для согласования и урегулирования различных конфликтных ситуаций, возникающих в связи с принятием и реализацией правовых позиций» [3, с. 16].

Библиографический список

1. Аверьянова, Т.В., Корухов, Ю.Г. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – М., 2004. – № 4 – С. 260.

2. Божьев, В. Изменение УПК – не всегда средство его совершенствования // Законность. – 2005. – № 8. – С. 2–3.

3. Даровских, С.М. Судебные правовые позиции в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и процессуальные формы: Автореф. дис. д. ю. н. – М., 2011. – С. 16.

4. Зорькин, В. Законный брак // Российская газета. – 2006. – 7 июля. – № 146 (4112).

5. Лившиц, Ю.Д. Избранные труды. – Челябинск, 2002. – С. 139.

6. Овсянников, И. Заключение и показания специалиста// Законность. – М., 2005. – № 7. – С. 32 – 33.

7. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. // Российская газета. – 30 декабря 2010 г. – № 296 (5375).

8. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М., 2005. – С. 14.

9. Судебная власть в Калининградской области. – Калининград, 2005. – № 1. – С. 4.

10. Тарасов, А.А. Антикоррупционный аспект некоторых теоретических проблем современного уголовного процесса России // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Сб. статей под ред. М.К. Свиридова. Часть 29. – Томск: Изд. Томского университета. – 2005. – С. 12.

11. Федеральный закон от 9 марта 2010 г № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // СПС «Консультант плюс».

УДК 343.11
ББК 67.410.2

Головачук О.С., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, к.ю.н.

Производство у мирового судьи по делам частного обвинения

Аннотация. В статье дан анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство у мирового судьи по делам частного обвинения; приведены положения, направленные на совершенствование исследуемого правового института.

Ключевые слова: мировой судья, частное обвинение, частный обвинитель, потерпевший, обвиняемый.

В соответствии с ч. 1 ст. 31 УПК РФ мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает 3 лет лишения свободы, в число которых входят и дела частного обвинения (дела о преступлениях, предусмотренных статьей 115 частью 1 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», статьей 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию» и статьей 128.1 частью 1 УК РФ «Клевета»).

Часть 1 ст. 318 УПК РФ предусматривает, что дела частного обвинения в отношении конкретного лица возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье. И хотя ученые-процессуалисты еще до принятия УПК РФ обращали внимание на некорректность использования термина «потерпевший» применительно к лицу, подающему такое заявление (так как согласно процессуальному за-

кону потерпевшим лицо становится после вынесения соответствующего постановления дознавателем, следователем или судьей) [1, с. 203 – 212], законодатель не спешит вносить изменения в текст действующего закона.

Также правом на подачу заявления в случае смерти потерпевшего наделяются его близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки – п. 4 ст. 5 УПК РФ), то есть кто-либо один из них.

Закон предъявляет определенные требования к заявлению, которое подается мировому судье. Так, в соответствии с частью 5 статьи 318 УПК РФ оно должно содержать:

1) наименование суда, в который подается (правильнее было бы говорить о мировом судье соответствующего судебного участка, т.к. действующая судебная система не предусматривает мировых судов, а только мировых судей);

2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;

3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству (в связи с тем, что уголовного дела как такового еще нет, следовало бы говорить – «просьба, адресованная мировому судье, о принятии заявления к производству». Справедливость данной позиции подтверждается и формулировкой части 7 статьи 318 УПК РФ: «с момента принятия…заявления к своему производству».);

3.1) данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность;

4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;

5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;

6) подпись лица, его подавшего.

При этом ряд ученых-процессуалистов, в частности, Е.Г. Мартынчик, считают, что составить заявление с соблюдением всех перечисленных требований закона сможет далеко не каждый потерпевший, тем более, что при составлении заявления требуется дать юридическую оценку содеянного лицом, в отношении которого ставится вопрос о возбуждении уголовного дела частного обвинения [2, с. 11 – 15].

Указанное заявление подается мировому судье с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело частного обвинения.

Если заявление соответствует всем предъявляемым требованиям, оно принимается мировым судьей к своему производству, о чем выносится постановление. С этого момента лицо, подавшее заявление, приобретает процессуальный статус частного обвинителя и ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьями 42 и 43 УПК РФ, о чем составляется протокол, подписываемый мировым судьей и заявителем.

При несоответствии заявления требованиям закона выносится постановление о возвращении его подавшему лицу. В данном постановлении мировой судья предлагает привести заявление в соответствие с имеющи-

мися требованиями, устанавливая для этого определенный срок. В случае неисполнения указаний мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству, о чем уведомляет лицо, его подавшее.

Если же в заявлении отсутствуют сведения о лице, которое подлежит привлечению к уголовной ответственности (и они неизвестны заявителю), то мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и направляет его в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке, предусмотренном статьей 147 УПК РФ. Данная новелла УПК РФ имеет исключительно положительное значение. Ранее действовавшая редакция УПК РФ не обеспечивала должным образом защиту прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения, вред которым был причинен неизвестными или малознакомыми лицами. Если сведения о причинителе вреда отсутствовали, то мировой судья отказывал в принятии заявления и возвращал его заявителю.

При наличии оснований для назначения судебного заседания мировой судья в течение 7 суток момента получения заявления вызывает лицо, которое привлекается к уголовной ответственности, знакомит его материалами уголовного дела, вручает копию поданного заявления, разъясняет права подсудимого в соответствии со статьей 47 УПК РФ и выясняет, кого, по мнению данного лица, необходимо вызвать в суд в качестве свидетелей защиты, о чем у него берется подписка. В случае неявки указанного лица к мировому судье копия заявления с разъяснением прав подсудимого, а также порядка примирения сторон направляется ему почтой.

В соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ мировой судья по ходатайству сторон вправе оказать им содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Формы, в которых мировой судья может оказывать сторонам содействие в собирании доказательств, прямо законодательством не установлены. Представляется, что такое содействие в первую очередь может быть выражено в направлении мировым судьей требований о предоставлении предметов и документов, с помощью которых могут быть установлены сведения, имеющие значение для дела. Помощь мировых судей сторонам в сборе доказательств в том случае, когда она осуществляется по ходатайствам сторон, не противоречит принципу состязательности. Мировой судья при этом не осуществляет обвинительную деятельность, он лишь помогает сторонам преодолеть препятствия, лишающие их возможности самостоятельно собрать необходимые доказательства по делу частного обвинения.

Особо следует отметить, что мировой судья должен разъяснить потерпевшему и подсудимому по делу частного обвинения их право на примирение, которое они могут реализовать до удаления судьи в совещательную комнату для постановления приговора.

Если стороны изъявят желание примириться, о чем направят соответствующие заявления мировому судье, то производство по уголовному делу подлежит прекращению на основании части 2 статьи 20 УПК РФ. В том

случае, если примирение между сторонами не достигнуто, мировой судья в соответствии с общими правилами назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании.

Мировой судья рассматривает уголовные дела в общем порядке. Но применительно к делам частного обвинения существуют определенные изъятия. Так, судебное следствие по ним начинается с изложения заявления частным обвинителем или его представителем (в зависимости от того, как поддерживается обвинение – лично или через представителя). В ходе судебного заседания частный обвинитель вправе представлять доказательства, участвовать в их исследовании, излагать суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания, а также по иным вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства. Кроме того, он может изменить обвинение, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту, а также отказаться от обвинения.

Законом предусмотрена возможность соединения заявления по делу частного обвинения со встречным заявлением. Такое соединение допускается на основании постановления мирового судьи до начала судебного следствия. При этом УПК РФ не содержит перечня обстоятельств, когда мировой судья может принять такое решение. На мой взгляд, следовало бы оговорить, что соединение заявлений допускается по постановлению мирового судьи, если они касаются одних и тех же лиц, одного противоправного деяния или хотя и разных деяний, но взаимосвязанных между собой. При соединении заявлений в одно производство лица, подавшие их, участвуют в процессе одновременно и в качестве частного обвинителя, и в качестве подсудимого. Для подготовки к защите в связи с поступлением встречного заявления и соединением его в одно производство с первоначальны по ходатайству лица, в отношении которого подано встречное заявление, разбирательство по делу может быть отложено на срок не более 3 суток.

Таким образом, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что нормы, регулирующие производство у мирового судьи по делам частного обвинения, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, хотя законодателем уже проделана определенная работа в данном направлении.

Библиографический список

1. Дорошков, В.В. Жалоба потерпевшего и ее процессуальное значение // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы: материалы конференции. Серия «Научные доклады». – М.: Московский общественный научный фонд, 1997. – № 47. – С. 203 – 212.

2. Мартынчик, Е.Г. Производство по уголовным делам частного обвинения: прерогативы и особенности мировой юстиции // Российский судья. – 2003. – № 7. – С. 11 – 15.

УДК 343.162.1 (470)

Гумерова Р.Р., преподаватель-методист учебного отдела Уфимского юридического института МВД России

К вопросу о полномочиях следователя

Аннотация. В статье рассмотрены процессуальные полномочия следователя в уголовном судопроизводстве. На взгляд автора статьи, кроме указанных процессуальных полномочий в статье 38 УПК РФ, следователь располагает и другими правами, предусмотренными в иных нормах уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: следователь, процессуальные полномочия, уголовное судопроизводство, руководитель следственного органа.

Следователь – это бесспорно основное и ведущее должностное лицо, на которое возложена ответственность за результат предварительного расследования, и предоставлен достаточный объем полномочий, реализация которых и обеспечивает выполнение им своих обязанностей.

Формулируя понятие, «следователь» законодатель не концентрирует внимание на принадлежности следователя к различным ведомствам, хотя некоторые ученые, разрабатывая дефиницию данного понятия, указывают на ведомственную принадлежность этого должностного лица [3], а также на неравный фактический статус следователей различных ведомств [2].

Процессуальные полномочия следователя изложены законодателем в статье 38 УПК РФ. Кроме указанных полномочий следователь располагает и другими правами, предусмотренными в иных нормах уголовно-процессуального закона.

Положим в указанной статье ничего не говорится о праве следователя применять меры принуждения (за исключением разве что давать указания о задержании, приводе и аресте), хотя таким правом он располагает. Более того, следователь вправе лично задерживать лицо по подозрению в совершении преступления (ч. 1 ст. 91 УПК РФ), но статья 38 закона об этом умалчивает. Равно как и то, что в части 3 статьи 39 УПК РФ, где перечисляются полномочия руководителя следственного органа, говорится о том, что следователь вправе не согласиться с указаниями руководителя и обжаловать их руководителю вышестоящего следственного органа. При этом обжалование указаний по вопросам: изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечение лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также по вопросам направления дела в суд или его прекращения приостанавливает их исполнение.

Право следователя реализовывать желание потерпевшего либо его представителя на участие в следственных, процессуальных действиях, производимых по их ходатайству, а также право определять, кто конкретно из родственников будет реализовывать права потерпевшего, определено в п. 10 ч. 2 ст. 42 и в ч. 8 ст. 42 УПК РФ соответственно, а право допускать эксперта к участию в процессуальных действиях – в п. 3 ч. 2 ст. 57 УПК РФ. Законодатель также представил следователю право отстранять представителя потерпевшего от участия в деле, если есть основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего, об этом указано в ч. 2² ст. 45 УПК РФ. Не отражено в статье 38 УПК РФ и право следователя на выделение уголовного дела в отдельное производство, основания и механизм данного действия содержаться в статье 154 УПК РФ.

В целом такой подход законодателя нельзя признать целесообразным, не понятно какими соображениями он руководствовался, указывая в 38 статье закона одни права и не указывая другие. Полагаем, что важные, ключевые для выполнения своих функций, права следователя, должны непременно быть изложены в статье 38 УПК РФ.

Следует обратить внимание, что, формулируя права следователя, законодатель в определенных случаях, позволяет допускать некоторую двусмысленность, вроде бы предоставляя право, но тут же, корректирует свою позицию в другой норме, фактически лишая следователя указанного права. В качестве примера можно привести следующую позицию: в ч. 1 ст. 146 УПК РФ следователю предоставлено право возбуждения уголовного дела, а в части 1 статьи 156 УПК РФ отмечается, что в постановлении о возбуждении уголовного дела следователь указывает и о принятии им уголовного дела к своему производству, но фактически вопрос поручать либо не поручать данному следователю производство расследования по конкретному делу, решает руководитель следственного органа (ч. 1 ст. 39 УПК РФ), поэтому сам следователь, решить принимать ли дело к своему производству, не может. Устранение данного разночтения норм, требует внесения изменений в текст ч. 1 ст. 156 УПК РФ, которая может быть изложена в следующей редакции «Предварительное расследование начинается с момента возбуждения уголовного дела, о чем следователь, дознаватель, орган дознания выносит соответствующее постановление. На основании поручения руководителя следственного органа, начальника органа дознания следователь, дознаватель в постановлении указывает о принятии им уголовного дела к своему производству».

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении права следователя на обжалование решений прокурора. С одной стороны, следователю предоставлено право с согласия руководителя следственного органа, обжаловать решения прокурора, в порядке, предусмотренном статьей 221 УПК РФ. Вопросы, по которым следователь может не согласиться с решениями прокурора и обжаловать их, перечислены в п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ. В случае несогласия следователя с требованиями прокурора по другим вопросам,

ч. 3 ст. 38 УПК РФ, он может представить только свои письменные возражения руководителю следственного органа, т.е. фактически ограничен в возможностях обжалования. Кроме того, предоставляя право следователю приносить свои возражения, законодатель не всегда предлагает механизм реализации данного права, что создает на практике сложности для правоприменителей. Например, в части 3 статьи 39 УПК РФ упоминается о том, что указания руководителя следственного органа могут быть обжалованы следователем вышестоящему руководителю следственного органа, но отсутствие разработанного порядка принесения и рассмотрения указанных жалоб, выступают дополнительным препятствием к реализации данного права. При проведении мной анкетирования на вопрос об обжаловании решении руководителя следственного органа и о результатах рассмотрения руководителем вышестоящего следственного органа жалобы, более 50 % респондентов, которым приходилось обжаловать решения, указали, что не получили ответа, и вынуждены были действовать соответственно решению руководителя, 14 % получили отрицательный ответ в течении 10 дней, 2 % респондентов жалобу удовлетворили.

На исследуемый момент обращают внимание и ученые, указывая, что «…следователь не упоминается в соответствующих статьях УПК в качестве субъекта обжалования, а в тексте уголовно-процессуального законе не существует норм, которые бы устанавливали специальный порядок, а соответственно, и сроки рассмотрения подобных жалоб. Такие небрежности законодателя создают серьезные проблемы в правоприменительной практике» [1, с. 6 – 9].

В связи с изложенным предлагаю внести изменения в текст уголовно-процессуального закона. Часть 2 статьи 38 УПК РФ дополнить п. 5^1 в следующей редакции «обжаловать решения и указания руководителя следственного органа, надзирающего прокурора руководителю вышестоящего следственного органа и вышестоящему прокурору».

Библиографический список

1. Безруков, С.С., Попков Н.В. Реализация следователем права на обжалование решения прокурора и сроки предварительного следствия: конфликт неизбежен // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 6 – 9.

2. Белавин, А.А. Процессуальные и организационные аспекты правового положения органов предварительного расследования России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – 26 с.

3. Пушкарев, В.В. Толкование функции уголовного преследования (обвинения) в решениях Европейского Суда по правам человека, Европейской комиссии по правам человека, Конституционного Суда РФ как предпосылка ее нормативного выражения в процессуальном статусе следователя [Электронный ресурс] // Режим доступа http://http://xn----7sbbaj 7auwnffhk.xn--p1ai/article/22551

УДК 343.1

Даровских С.М., профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы Юридического института ЮУрГУ (НИУ), д.ю.н., профессор

К вопросу о правовой определенности уголовно-процессуального закона в стадии предварительного расследования

Аннотация. В статье раскрывается термин «правовая определенность» применяемый в решениях Европейского суда по правам человека, Конституционного суда Российской Федерации и федеральных судов Российской Федерации. Автор исследует элементы данного понятия, приводит примеры использования термина на практике.

Ключевые слова: правовая определенность, ЕСПЧ, эффективность, срок содержания под стражей.

Европейский суд по правам человека подчеркивал значимость такой правовой категории как «правовая определенность». В Постановлении Большой Палаты, им было указано, что «правовая определенность» это определяющий элемент такого понятия как верховенство закона [2].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднозначно трактует данное понятие. Впервые требование определенности было им обосновано как конституционный принцип и одновременно критерий конституционности применимо к правовой норме в Постановлении от 25.04.1995 г. № 3-П [3]. Позднее Конституционный Суд РФ неоднократно ссылался на определенность правовой нормы как на «общеправовое требование», и как на «критерий» [4 – 6]. В Постановлении от 05.02.2007 № 2-П он формулирует уже несколько иную правовую позицию, о том, что «общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений» [7].

Не оспаривая указанные подходы в определении правовой природы такого явления как правовая определенность, хотелось бы более подробно остановиться именно на таком элементе её содержания как стабильность нормативного регулирования и именно в стадии предварительного расследования. Требования правовой определенности нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности предъявляются на любой стадии уголовного судопроизводства, но в первую очередь эти требования актуальны для стадии предварительного расследования, поскольку именно на данной стадии формируются доказательства причастности лица к совершению преступления и допущенные должностными лицами, ошибки, бывает достаточно сложно либо невозможно исправить в стадии судебного

разбирательства, и в проверочных стадиях, а, следовательно, и добиться эффективного результата уголовно-процессуальной деятельности.

Этимология слова «определенность» означает твердо установленный, ясный, не допускающий сомнений, а «стабильность» мы понимаем, как прочность, устойчивость, постоянство [1, с. 454, 759]. Исходя из этих установок правовая определенность конкретной нормы, регулирующей отношения участников уголовного процесса, предполагает ее ясную, не допускающую сомнений и двусмысленности, не подлежащую свободным изменениям, законодательную формулировку, коррелирующую как с нормами уголовно-процессуального закона, так и иных законодательных актов.

Присутствующая в уголовно-процессуальном законе правовая неопределенность по-разному влияет на правоприменительную практику. В одних случаях, она не мешает правоприменителям обходить данную неопределенность и принимать правильные решения. Это касается, например, ситуации относительно полномочия прокурора, указанного в п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ «проверять исполнение требований Федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях». Законодатель ссылается на закон, которого нет в системе правовых актов России, понимая это, правоприменители воспринимают данную позицию как право надзирающего за следствием и дознанием прокурора, выявлять нарушения уголовно-процессуального закона при осуществлении доследственной проверки в рамках стадии возбуждения уголовного дела и на практике не возникает проблемных ситуации при реализации прокурором данных прав. Следует отметить и отсутствие коллизий и недопонимания практиков по вопросу привлечения эксперта к осмотру трупа в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 178 УПК РФ. Указанное требование законодателя противоречит его же позиции изложенной в ч. 1 ст. 57 УПК РФ, где сформулировано понятие эксперта как лица, обладающего специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Поскольку в ходе осмотра трупа судебная экспертиза производиться не может, привлекать эксперта к производству данного следственного действия не совсем целесообразно.

Несмотря на явную неопределенность закона по данному вопросу, следователи и дознаватели, привлекают для проведения такого следственного действия как осмотр трупа лицо, не экспертов, а лиц, обладающих медицинским образованием, чаще всего патологоанатомов либо, что бывает достаточно редко, иной медицинской специальности. Подобных примеров дефектов законодательной техники можно привести достаточно много, но как уже отмечалось, в целом они не создают каких-либо сложностей в правоприменительной практике.

В других случаях, правовая неопределенность, допущенная законодателем, негативным образом влияет на итоговые результаты уголовно-процессуальной деятельности, ее эффективность. В качестве примера

можно привести положения закона, касающиеся сроков содержания под стражей и практики продления данных сроков. В статье 109 УПК РФ законодатель определил, что максимальный срок содержания под стражей составляет 18 месяцев. Часть четвертая указанной статьи содержит императивное положение о том, что «дальнейшее продление срока не допускается». Возможные исключения из этого правила законодатель предусмотрел в ч. 7, ч. 8, п. 4. ч. 10 статьи 109 и в ч. 2 ст. 221 УПК РФ, это случаи когда обвиняемому оказалось недостаточно времени для ознакомления со всеми материалами уголовного дела до истечения предельного срока содержания под стражей, если прокурор возвращает уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия в порядке п. 2 ч.1 ст. 221 УПК РФ и если в отношении лица, содержащегося под стражей на территории иностранного государства и в последствии, выданного по запросу о правовой помощи Российской Федерации, необходимо провести предварительное расследование на территории России. Третий вариант предусматривает ст. 221 УПК РФ, если к моменту направления уголовного дела в суд, срок содержания под стражей истекает, настолько, что суду его недостаточно для выполнения требований ст. 227 УПК РФ, прокурор вправе возбудить ходатайство о продлении срока содержания под стражей до 30 суток, несмотря на то, что при решении данного вопроса, дело фактически находится в суде. В части 11 ст. 109 УПК РФ, законодатель указал, что максимально предельный срок содержания под стражей может быть продлен не более чем на 6 месяцев и в каких случаях это допустимо.

Иных вариантов продления сроков содержания под стражей свыше 18 месяцев, закон не содержит. В то же время на практике складываются ситуации, требующие внимания законодателя, например, возможность продления срока содержания под стражей, после возвращения уголовного дела прокурору, для повторного ознакомления с появившимися новыми материалами. Имеется в виду, когда по сложному многофигурантному, многоэпизодному уголовному делу, после возвращения его прокурору, были проведены следственные (процессуальные) действия, занявшие значительное время, в результате увеличившие объем дела, может быть изменившие квалификацию действий обвиняемого либо обвиняемых, увеличившие количество эпизодов предъявленного обвинения, потребовавшие соединения уголовных дел и пр. После своего завершения данная деятельность требует ознакомления всех участников процесса с новыми, появившимися в деле материалами, а фактически со всеми материалами уголовного дела, если период ознакомления не войдет в предельный срок, на который было продлено расследование после возвращения дела прокурору, то и возникает необходимость его повторного продления.

Судебно-следственная практика по данному вопросу в различных регионах страны отличается разнообразием. В одних случаях суды весьма расширенно толкуют данную норму, полагая, что продление предельного

срока возможно и возможно неоднократно, в других случаях, решении принимаются исходя из того, что продление предельного срока, даже для ознакомления с новыми материалами, невозможно.

Рассматривая данную проблему Европейский Суд по правам человека посчитал, что увеличение предельного срока является нарушением ст. 5 Конвенции. В частности в п. 64 Постановления от 29 мая 2012 года жалоба № 2366/07 «Дело Суслов против Российской Федерации» им была высказана позиция, «..закон не предусматривает возможности повторного, в том числе после дополнительного расследования, обращения прокурора в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей того же обвиняемого в период его ознакомления с полученными в результате дополнительного расследования материалами. При отсутствии прямого указания в законе на возможность неоднократного продления предельного срока ареста по указанным мотивам иное истолкование оспариваемых положений нарушало бы запрет произвольного ареста в том его понимании, которое вытекает из Постановления Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 года».

Позиция Конституционного Суда РФ по данному вопросу менялась. Например, в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части 3 ст. 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С.В. Мухина» можно отметить уже иной подход к решению рассматриваемой нами проблемы. Суть правовой позиции Конституционного Суда РФ сводиться к тому, что «.. конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются, они определяются законодателем с учетом их разумности, обусловленной недопустимостью возложения на подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления обременении на неопределенное или слишком долгое время, и принимая во внимание требования эффективности реализации публичных функций и процессуальной экономии. Суд может продлить время содержания обвиняемого под стражей за рамками предельного срока в целях его ознакомления с материалами, полученными в результате проведения необходимых для устранения препятствий к судебному рассмотрению уголовного дела следственных и иных процессуальных действий, а по ходатайству обвиняемого или его защитника – и с иными материалами данного дела».

При этом оставшиеся при особом мнении судьи Конституционного Суда Ю.М. Данилов и С.М. Казанцев высказали достаточно убедительные аргументы против такого подхода к решению проблемы.

Полагаем, что правовая неопределенность по вопросу продления предельного срока содержания под стражей не лучшим образом влияет на складывающуюся судебную практику в России. Единственный выход из этого неоднозначного положения достаточно корректно сформулировать в

законе все возможные исключения из общего правила недопустимости продления максимально возможного срока (18 месяцев) заключения под стражу.

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой . – 21 изд., перераб. и доп. – М.: Рус. Яз., 1989. – С. 454, 759.

2. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1999 года «Дело Брумареску против Румынии (Brumarescuv. Romania)» (жалоба № 28342/95) // Режим доступа: СПС «Гарант» http://www.garant.ru/

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 г № 3-П «О проверке конституционности части первой и второй ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Режим доступа: СПС Гарант http://www.garant.ru/

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Российская газета. – 1999. – № 150.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2001 № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // Российская газета. – 2001. – № 250.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2012 № 28-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Авеста» // Российская газета. – 2012. – № 289.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377,380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ в связи с запросами Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ Нижнекамскнефтехим и Хакасэнерго, а также жалобами ряда граждан» // Режим доступа: СПС Гарант http://www.garant.ru/

УДК 343.60

Даровских О.И., доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Эффективность судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве

Аннотация. В статье рассматриваются критерии определения эффективности судебно-экспертной деятельности в уголовном судопроизводстве. Автор предлагает учитывать такие критерии эффективной судебно-экспертной деятельности как своевременность, качественность, справедливость, достаточность, объективность, а также ее законность и доступность и рассматривает особенности их проявления в судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: экспертная деятельность, уголовное судопроизводство, эффективность, критерии эффективности.

Эффективность представляет собой достаточно сложную категорию, реализуемую в различных областях человеческой деятельности: экономике, философии, технике, праве и т.д. В праве ученые выделяют ряд взаимосвязанных, взаимозависимых друг от друга, но тем не менее самостоятельных аспектов эффективной деятельности и принимаемых, в результате данной деятельности, решений, например, эффективность норм права [19, с. 22; 3, с. 101 – 105; 6, с. 30 – 34], эффективность законодательства [5, с. 49 – 63; 17, с. 96], эффективность деятельности отдельных должностных лиц и органов [1, с. 12 – 133; 7, с. 25 – 32; 15, с. 25], эффективность движения в праве [8, с. 176 – 198].

На современном этапе одной из важнейших задач государства является повышение результативности правового регулирования общественных отношений и в том числе уголовно-процессуальных. В рамках решения указанной задачи, эффективной уголовно-процессуальная деятельность становиться благодаря не только безупречной деятельности судей, сотрудников правоохранительных органов, но и сотрудников экспертных учреждений, обеспечивающих проведение в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства, различных экспертиз.

Эффективна или нет уголовно-процессуальная деятельность и в частности судебно-экспертная деятельность, позволяют определить критерии, под которыми принято понимать признаки, либо совокупность признаков, на основании которых какое-либо понятие, категория оценивается [4, с. 329]. Профессор Н.П. Майлис, выступая на заседании XXI Всероссийского круглого стола состоявшегося 19 октября 2018 года в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя на тему «Эффективность

судебно-экспертной деятельности: проблемы и пути решения», отметила что эффективность судебно-экспертной деятельности состоит из многих составляющих, в первую очередь знания основ и предмета судебной экспертизы, порядка исследования объекта в конкретном экспертном направлении, организационных и методических подходов, современных методов исследования. По ее мнению, немаловажным аспектом данной деятельности является соблюдение профессиональной этики и этики судебного эксперта. В целом не возражая против данных предложений, полагаем, что требования эффективности должны быть сформулированы более конкретно.

Е.И. Галяшина, рассматривая проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы, высказала свое мнение, относительно того, что понятие эффективность охватывает всю совокупность элементов, составляющих деятельность эксперта, в частности результативность, продуктивность, правильность и надежность выполняемых им экспертных исследований, а также экономию его сил, средств и времени, затрачиваемых на производство экспертизы.

Е.Р. Россинская исследуя эффективность судебно-экспертной деятельности через призму судебной экспертологии, обращала внимание на такие компоненты данной деятельности как получение в «разумные сроки» методологически, методически и процессуально состоятельного заключения эксперта, отвечающего требованиям независимости, полноты, достоверности, допустимости и достаточности. Кроме того, они должны быть экономически обоснованы. Она считает, что данные компоненты следует рассматривать в комплексе и с точки зрения классификации экспертиз по родам и видам, их организационного и правового обеспечения, психологических аспектов и экспертных технологий.

Анализируя указанные мнения ученых, сложившуюся судебно-следственную практику, полагаем, что судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в уголовном судопроизводстве, будет эффективной, если она будет осуществляться своевременно; качественно; отвечать требованиям достаточности; объективности; а также будет законна и доступна.

Рассмотрим указанные признаки эффективности применимо к судебно-экспертной деятельности.

Своевременность данной деятельности определяется в первую очередь моментом принятия решения о необходимости проведения соответствующей экспертизы для получения ответа на важный для данного уголовного дела, вопрос либо получения допустимого доказательства. Указанное решение принимается при получении определенной информации, предопределяющей возможность и необходимость проведения экспертизы. Например, для установления природы вещества, обнаруженного в кармане подозреваемого при производстве обыска. В этой ситуации, очевидно, что должна быть назначена судебная экспертиза наркотических средств и психотропных веществ. Анализируя судебно-следственную практику, к сожа-

лению, можно выявить примеры несвоевременного вынесения постановлений о назначении экспертиз. Например, по уголовному делу по обвинению гр-на К. обвиняемого по статье 105 УК РФ, при обыске была обнаружена гильза, впоследствии изъятая с места преступления. Имея все основания для назначения судебно-баллистической экспертизы, следователь этого не сделал, в представители стороны защиты выявили данное упущение только при ознакомлении с материалами уголовного дела, после чего и было ими заявлено ходатайство о назначении экспертизы [1]. Поскольку данный подход следователей к вопросу назначения экспертиз имеет системный характер, в научной литературе звучали предложения об обязательном ознакомлении представителей стороны защиты с протоколом осмотра места происшествия в целях обеспечения им возможности ходатайствовать о назначении более широкого круга экспертиз, чем те, которые считает целесообразным проводить следователь [9, с. 86 – 89]. Согласиться с данным предложением, на наш взгляд, сложно хотя бы потому, что в уголовном судопроизводстве должны соблюдаться интересы не только стороны защиты, но и обеспечено соблюдение тайны следствия. Несвоевременный доступ к информации, которая в последствии может быть использована защитой, нельзя признать правильным.

Своевременность экспертной деятельности также проявляется как в разумных сроках применения экспертных технологий, так и в своевременности изготовления заключения эксперта, производившего экспертизу. Неоправданная задержка оформления процессуального документа, как и неправильное его оформление вызывают проблемы использования данного доказательства. Может потребоваться назначение повторной либо дополнительной экспертизы, либо заключение будет признано недопустимым доказательством, в случае если дополнительная либо повторные экспертизы не могут быть назначены. Полагаем, что, рассматривая критерии эффективной судебно-экспертной деятельности, речь все-таки должна идти не о быстроте проведения экспертиз, а о их своевременности. Быстрота не всегда обеспечивает качество результата судебно-экспертной деятельности.

Качественность экспертной деятельности мы связываем с несколькими аспектами: способностью соответствующего судебно-экспертного учреждения или конкретного эксперта проводить определенные экспертизы, компетентностью назначенного эксперта, использованием современных методов исследования и современных экспертных технологий, а также строгим соблюдением порядком их применения.

Этимология термина «справедливость» означает беспристрастие, соответственно «справедливый» – действующий беспристрастно, соответствующий истине [10, с. 756]. Судебно-экспертная деятельность на всем своем протяжении должна осуществляться беспристрастно, ее результат не может быть ориентирован на какой-либо интерес.

Достаточность как критерий эффективности судебно-экспертной деятельности, на наш взгляд, обеспечивается в первую очередь наличием количества материала достаточного для проведения экспертизы. Кроме того, данный критерий предъявляется и к заключению эксперта в части тех выводов, на основании которых данное должностное лицо приходит к определенному результату. Полагаем, что достаточность как критерий эффективности определяет количество экспертиз, назначаемых для получения окончательного вывода.

Объективность как признак эффективной судебно-экспертной деятельности позволяет получать беспристрастные доказательства в виде заключений эксперта. Данный критерий судебно-экспертной деятельности предопределяет незаинтересованность эксперта в результатах экспертизы, а также предоставление исследуемого образца (расходного материала) полученного, упакованного и доставленного эксперту надлежащим образом в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона.

Законность судебно-экспертной деятельности обеспечивающая ее эффективность, определяется закрепленным в тексте уголовно-процессуального закона порядком ее производства в определенных стадиях уголовного судопроизводства. Например, до возбуждения уголовного дела следователь при наличии повода к возбуждению уголовного дела, на основании ч. 1 ст. 144 УПК РФ, вправе назначить проведение судебной экспертизы, обеспечить ее проведение, в том числе сам участвовать при ее производстве и получить результат этой экспертизы, заключение эксперта, причем, как указывает законодатель, в разумные сроки. Следует отметить, что не всегда закон регулирует уголовно-процессуальные отношения возникающие в процессе назначения и проведения экспертиз. В доктрине уголовно-процессуального права отмечаются проблемы связанные с необходимостью разработки нормативно-правовой базы, регламентирующей деятельность негосударственных экспертных учреждений и экспертов, работающих в данных учреждениях [11, с. 63]. Предлагаются различные варианты преодоления указанных проблем, например, обязательное лицензирование судебно-экспертной деятельности, особые организационно-правовые формы негосударственных судебно-экспертных учреждений с обязательным указанием судебно-экспертной деятельности в качестве основной в уставных документах [13, с. 323 – 324], создание независимых вневедомственных экспертно-квалификационных комиссии [14, с. 121] и т.д. Данные предложения требуют серьезной проработки и обсуждения, но вопрос требует решения. Судьи, представители органов предварительного расследования, сотрудники прокуратуры неоднозначно относятся к заключениям экспертов, проведенным по экспертизам в негосударственных учреждениях. Здесь и отчасти предвзятое отношение к качеству этих экспертиз, а с другой стороны не подготовленность участников процесса к выявлению допускаемых ошибок и нарушений.

Доступность экспертной деятельности для участников уголовно-процессуальной деятельности определяется той возможностью, которая предоставлена соответствующими нормами УПК РФ и в первую очередь возможностью заявлять любые ходатайства, т. е. высказывать любые просьбы и пожелания в том числе и о проведении определенных следственных, процессуальных действий к которым относится назначение и проведение судебной экспертизы. Гарантией обеспечения указанного права выступает положение части 2 ст. 159 УПК РФ о том, что подозреваемому, обвиняемому, их защитникам, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчика не может быть отказано в производстве судебной экспертизы если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют имеют значение для данного уголовного дела. В случае отказа данные лица наделены правом обжалования указанного отказа должностного лица в удовлетворении заявленного ходатайства о назначении и проведении экспертизы, вышестоящему должностному лицу, наделенному правом отмены соответствующего постановления об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства. Например, по уголовному делу гр-на П. ходатайство обвиняемого о проведении почерковедческой экспертизы, для установления авторства записки с угрозами, поступившей в адрес потерпевшей в ходе предварительного расследования, было отклонено следователем, по причине отсутствия, по его мнению, связи с инкриминируемым обвиняемому преступлением. Поступившая на имя руководителя следственного органа жалоба от обвиняемого по этому поводу, была удовлетворена, постановление следователя руководителем следственного органа было отменено, и судебная почерковедческая экспертиза была назначена [1].

Следует отметить, что все указанные критерии взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом в ходе уголовно-процессуальной деятельности, предопределяя их воздействие на результат судебно-экспертной деятельности обеспечивая ее эффективность.

Нам представляется, что в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» должно быть указано на обязательность обеспечения эффективной судебно-экспертной деятельности и с этой целью изложены ее критерии, требования которым она должна соответствовать.

Библиографический список

1. Архивное уголовное дело № 1-123/2015 архив Центрального суда гор. Челябинска.

2. Астафьев, А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки / Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2012. – № 1 (12). – С. 123–133.

3. Бадамшин, И.Д., Черепашкин, А.С. К вопросу о понятии и условиях эффективности уголовно-правовых норм // Законодательная экспертиза. Вып.3. – 2012. – С. 101 – 105.

4. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2006. – С. 329.

5. Горбань, В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. – М.: Изд. Дом «Юриспруденция», 2009. – С. 49 – 63.

6. Жинкин, А.В. Некоторые проблемы видов эффективности норм права // Журнал российского права. – 2004. – № 2. – С. 30 – 34.

7. Зникин, В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 1 (11). – С. 25 – 32.

8. Медяков, Т.С. Эффективность движения в праве // Власть Закона. – 2016. – № 3 (27). – С. 176 – 198.

9. Мишин, А.В., Мазуренко П.Н. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 1. – С. 86 – 89.

10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов/ под ред. Н.Ю. Шведовой. – 21 -е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 756.

11. Орлов, Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. – С. 63.

12. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // Режим доступа: http://www.consultant.ru/

13. Россинская, Е.Р., Галяшина, Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Проспект, 2010 – С. 323 – 324.

14. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 121.

15. Харебава, Г.Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012. – 25 с.

16. Чемерис, Д.А., Сагитов, АМ., Аминев, Ф.Г., Луценко, В.И., Гарафутдинов, Р.Р., Сахабутдинова, А.Р., Василов, Р.Г., Алексеев, Я.И., Сломинский, П.А., Хуснутдинова, Э.К., Чемерис, А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. – 2018. – Т. 10 (1). – С. 85 – 140.

17. Шундиков, К.В. Средства российского законодательства: проблемы эффективности // Вопросы теории государства и права. Новые идеи и подходы. – 2000. – Вып. 2. – С. 96.

18. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ. // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/

19. Эффективность правовых норм. – М., 1980. – С. 22.

20. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1924. – С. 31.

УДК 343.1

Дробышева Е.Н., судья Челябинского областного суда, преподаватель кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета

К вопросу эффективности надзорной инстанции как средства правовой защиты в уголовном процессе

Аннотация. Автором анализируется действующее законодательство, регулирующее надзорное производство по уголовным делам, с позиции предъявляемых Европейским Судом по правам человека критериев эффективности средств правовой защиты. Предлагается дальнейшее совершенствование правовой регламентации в данной сфере.

Ключевые слова: надзорное производство, уголовное судопроизводство, обжалование судебных решений, средства правовой защиты

Учитывая, что назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, вопрос эффективности предусмотренных действующим законодательством способов защиты прав участников судопроизводства является актуальным. В условиях продолжающейся судебной реформы он приобретает особенно важное практическое значение.

Критериями эффективности средств защиты, согласно практике Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ), являются их доступность, целесообразность и действенность [3, с. 128].

Как известно, ЕСПЧ [6] не признавал ранее существующую процедуру пересмотра судебных решений в порядке надзора эффективным средством правовой защиты нарушенных прав, которое необходимо исчерпать в соответствии с требованиями п. 1 ст. 35 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2]. Претензии ЕСПЧ были связаны с тем, что надзорная жалоба могла быть подана в любое время после того, как решение стало подлежать исполнению, даже спустя годы. Кроме того, если президиум суда областного уровня отклонял жалобу, она могла быть повторно подана в Верховный Суд РФ. В случае, когда судья отказал в передаче жалобы в президиум, председатель суда мог отменить данное постановление и принять свое решение. Осуществление этих полномочий не имело временных ограничений, что, по мнению ЕСПЧ, создавало правовую неопределенность.

За последнее время уголовно-процессуальное законодательство в области регулирования порядка пересмотра вступивших в законную силу судебных решений претерпело значительные изменения, тем не менее, оно и

теперь вряд ли будет удовлетворять требованиям, предъявляемым ЕСПЧ к предусмотренным национальным законодательством средствам правовой защиты для признания их эффективными.

По-прежнему остается неограниченной временными рамками возможность подачи жалоб на вступившие в законную силу судебные решения, за исключением случаев, когда вопрос ставится об ухудшении положения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (ст. 401.6, ч. 2 ст. 412.9 УПК РФ [8]). В части реализации Председателем Верховного Суда РФ (или его заместителем) полномочий относительно вынесенного судьей Верховного Суда РФ постановления об отказе в передаче надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума действующее российское законодательство также не содержит никаких норм, касающихся сроков обжалования такого постановления судьи и сроков принятия Председателем (его заместителем) решения. Применительно к отсутствию сроков обжалования, вступивших в законную силу приговоров (определений, постановлений) в целях улучшения положения лица, подвергающегося уголовному преследованию, среди ученых существуют две прямо противоположные точки зрения. Так, по мнению одних, отсутствие таких сроков видится правильным, вполне соответствующим назначению уголовного судопроизводства [4, с. 5]. Другие же полагают, что установление срока обжалования согласуется и с актами международно-правового характера, и с позициями высшего органа конституционного правосудия, направленными на поддержание принципа res judicata [1].

Как известно, законодатель быстро отказался от введенной им новеллы в части установления пресекательного срока обжалования [9]. В пояснительной записке к соответствующему законопроекту было отмечено, что не может быть никаких сроков для обжалования незаконных решений в целях улучшения положения осужденного [5]. Действительно, в практике имеют место случаи, когда осуждение признается незаконным спустя годы [7]. Установив пресекательный срок обжалования приговора, следуя позиции ЕСПЧ в целях устранения правовой неопределенности, законодатель лишил бы незаконно осужденного (иного лица, действующего в его интересах) права добиваться исправления столь серьезной судебной ошибки. При этом существующий в российском законодательстве институт пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, по новым или вновь открывшимся обстоятельствам не является альтернативой надзорного производства, когда приговор (постановление, определение) изменяется либо отменяется именно ввиду наличия судебной ошибки, которая не была замечена и, соответственно, устранена на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства. Не подменяет производство в порядке надзора и право на обращение в международный судебный орган, поскольку, как известно, ЕСПЧ не может изменить или отменить судебное решение по уголовному

делу (изменить квалификацию, наказание или, к примеру, признать человека невиновным), ведь в соответствии со ст.ст. 32, 34 Конвенции о защите прав и основных свобод в его компетенции рассматривать индивидуальные жалобы лишь на нарушение прав, гарантированных Конвенцией или в Протоколах к ней.

Однако сказанное вовсе не означает, что в стремлении найти баланс между правом на судебную защиту и принципом стабильности судебных решений, имеющих силу закона, последний должен превращаться в некую фикцию. Отсутствие в законе сроков обжалования решений, подлежащих исполнению, когда ставится вопрос об улучшении положения лица, подвергающегося уголовному преследованию, вполне объяснимо с позиции законности и справедливости. Другое дело – отсутствие четкой регламентации сроков рассмотрения таких жалоб. Речь идет о сроках принятия решения Председателем Верховного Суда РФ (его заместителем) по жалобе на постановление судьи Верховного Суда РФ, по сути препятствующее доступу к правосудию. Такой пробел в уголовно-процессуальном законе вряд ли будет способствовать укреплению режима законности и справедливости. С одной стороны, он предоставляет указанным лицам, правомочным рассматривать такие жалобы, слишком широкую свободу усмотрения, ограниченную лишь общими размытыми формулировками ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке, который представляет собой также оценочную категорию. С другой стороны – порождает у участников уголовного судопроизводства все то же состояние неопределенности, о котором так много говорилось Европейским Судом.

Этой же неопределенности служит и установленная п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ возможность неоднократной проверки судебных решений одной и той же судебной инстанцией. Безусловно, полномочие пересматривать свои же решения – нонсенс, делающий процесс обжалования в рамках национальной правовой системы бесконечным, что никак не сообразуется ни с принципом правовой определенности, ни с принципом законности.

Единственные ошибки, которые могут быть исправлены той же самой судебной инстанцией, на наш взгляд, это ошибки технического характера, не касающиеся сути принимаемых решений. Проводя аналогии с рассмотрением судом первой инстанции вопросов, связанных с разъяснением сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, целесообразно было бы предусмотреть в уголовно-процессуальном законе возможность исправить подобного рода описки путем вынесения соответствующих постановлений Президиумом Верховного Суда РФ, не затрагивая существа принятого им решения. Учитывая высокий уровень данной судебной инстанции, вероятность судебной ошибки, касающейся применения уголовного закона или соблюдения требований уголовно-процессуального закона, должна быть в принципе исключена. Только такой подход к суду надзорной инстанции и к принимаемым им решениям в полной мере будет

отвечать требованиям ЕСПЧ для признания этого средства правовой защиты эффективным и доступным.

Библиографический список

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления. Первый опыт критического осмысления / Е.А. Борисова, Л.В. Головко, Н.Н. Ковтун и др.; под общ. ред. Н.А. Колоколова // СПС «КонсультантПлюс»

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), вместе с Протоколом № 1, Протоколом № 4, Протоколом №7 // СПС «КонсультантПлюс»

3. Кузнецова, С.Н. Эффективность внутригосударственных средств правовой защиты: понятие и критерии в практике Европейского Суда по правам человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Государство и право». – 2013. – № 3 (2). – С. 127 – 130.

4. Панокин, А.М. Критерии эффективности российского надзорного производства, выработанные Европейским Судом по правам человека // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 6. – С. 3 – 6.

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статьи 401.2, 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»

6. Решение ЕСПЧ от 29.01.2004 «По вопросу приемлемости жалобы № 31697/03 «Леван Валерьевич Бердзенишвили против Российской Федерации» (Levan Valeryevich Berdzenishvili v. Russia) // СПС «Консультант Плюс»

7. Сколько стоят судебные ошибки в разных странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.ru

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001. № 174-ФЗ: ред. от 30.03.2015. // СПС «КонсультантПлюс»

9. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ «О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»

УДК 343.1

Дьяконова О.Г., доцент кафедры криминалистики и уголовного процесса Государственного социально-гуманитарного университета, к.ю.н., доцент

«Принуждение» при назначении и производстве судебной экспертизы в отношении потерпевшего и свидетеля

Аннотация. Несмотря на наличие правового регулирования в уголовном судопроизводстве неоднозначно решен вопрос о применении принудительного направления на судебную экспертизу потерпевшего и свидетеля. Проведенный анализ позволил предложить возможность разрешения ситуации с целью соблюдения баланса между необходимостью проведения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и исключения злоупотребления процессуальными правами участниками процесса.

Ключевые слова: судебная экспертиза, принуждение, потерпевший, свидетель, уголовный процесс.

Лица, в отношении которых проводится судебная экспертиза в судопроизводстве, наделяются дополнительным комплексом прав, позволяющих гарантировать обеспечение их законных интересов и конституционных прав (ст. 31 – 32 ФЗ о ГСЭД [9], ст. 37 Закона № 3185 – 1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [1], гл. 4 ФЗ № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]).

В ст. 28 ФЗ о ГСЭД закреплено общее правило о невозможности принудительного направления лица на судебную экспертизу в отсутствие прямого указания процессуального закона.

В российском уголовном судопроизводстве экспертиза живого лица может быть назначена в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля (ст. 196, 197 УПК РФ) и проводится в добровольном и принудительном порядке. В «принудительном порядке» судебно-медицинская (СМЭ) или судебно-психиатрическая (СПЭ) экспертизы проводятся, как правило, в условиях стационара в зависимости от того, находятся они под стражей или нет (ст. 203 УПК РФ, ст. 29 – 32 ФЗ о ГСЭД), назначается в отношении подозреваемого или обвиняемого. В добровольном порядке экспертиза назначается в отношении потерпевшего и свидетеля. Как правило, такая экспертиза проводится вне стационара, амбулаторно, однако встречаются случаи помещения указанных лиц в стационар. Исследователи отмечают, что в рамках уголовного судопроизводства допускается, принудительное помещение в стационар потерпевшего, хотя это возможно только в исключительных случаях в соответствии с положениями ч. 4 ст. 195, а также п. 2, 4, 5 ст. 196 УПК РФ.

А.В. Холодов, анализировавший п. 4 ст. 196 УПК РФ, сделал вывод, что по мысли законодателя «потерпевший важен для уголовного судопроизводства только …как свидетель обвинения», что его права не защищены и это положение «не соответствует ч. 1 ст. 6 УПК РФ» [7, с. 109]. Думается, ставить в вину органам следствия, что потерпевший имеет для них значение как источник доказательств вряд ли возможно. Кроме того, о каком «ущемлении» прав потерпевшего п. 4 ст. 196 УПК РФ можно говорить, если определение его психического и физического состояния имеет особое значение для дела, а его права установлены ст.ст. 29 – 32 ФЗ о ГСЭД.

С другой стороны, действительно, существует определенный пробел в законодательном регулировании возможности принудительного помещения потерпевшего в стационар для проведения экспертизы, поскольку имеющиеся законы [5] отсылают друг к другу в поисках ответа на этот вопрос. Тем не менее, нельзя согласиться с утверждением А.В. Холодова, «что потерпевшего, который уже пострадал от преступления, в дополнение к его страданиям … лишили свободы (т.е. ограничили его конституционные права на свободу передвижения, общения и пр.), более того, поместили в психиатрический стационар, где одновременно с ним находятся лица, подозреваемые, обвиняемые в совершении преступлений, создавая дополнительную угрозу безопасности потерпевшего» [7, с. 109]. Во-первых, потому что одновременно в тот же стационар, в котором может проводиться экспертиза в отношении обвиняемого, потерпевшего не имеют права поместить [6]. Во-вторых, в отношении потерпевшего экспертиза проводится только после того, как было представлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе (ст. 28 ФЗ о ГСЭД).

Кроме того, нельзя настолько расширять значимость защиты прав потерпевшего, поскольку подобный «перекос» нарушает права других участников процесса и ограничивает возможности деятельности по доказыванию. Конечно, существуют разные способы доказывания тех или иных обстоятельств, но, при необходимости применения специальных знаний в области медицины или психиатрии в отношении потерпевшего, в случаях, определенных п. 2, 4, 5 ст. 196 УПК РФ, вряд ли можно использовать какой-либо другой способ, помимо проведения экспертизы. Вид СПЭ – амбулаторная или стационарная – следует определять только по согласованию с экспертами. И, как свидетельствует практика, так и происходит. Первоначально назначается амбулаторная СПЭ, в случае, если эксперты не могут дать ответы на вопросы, то назначается стационарная экспертиза. Исходя из этого мнение о необходимости введения «в ст. 203 УПК РФ прямого запрета на проведение стационарной судебно-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшего» [7, с. 110] представляется неправильным.

Другой стороной проблемы добровольного производства экспертизы в отношении потерпевшего, является его возраст, и в соответствии с законом

к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители (ч. 1 ст. 45 УПК РФ).

И здесь среди мнений исследователей также прослеживается некоторый дисбаланс. Так, А.А. Тарасов отмечает несогласованность обязанности «получить согласие» конкретного лица на проведение экспертизы в отношении данного лица. Следует согласиться с тем, что «юридически «получить согласие» можно только от лица, отдающего себе отчет в своих действиях» [4, 98]. Д.В. Шарапова, в отличие от других ученых, считающих нецелесообразным получать в обязательном порядке такое согласие, настаивает на необходимости «получения согласия законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего на производство экспертизы» [8, с. 98]. Полагаем не совсем верным обе позиции, поскольку при наличии сомнений в отрицательном влиянии законного представителя на несовершеннолетнего потерпевшего, можно привлечь другого представителя, в том числе из органов опеки и попечительства (ч. 2.2 ст. 45, ч. 3 ст. 191 УПК РФ).

Серьезный вопрос у некоторых исследователей вызывает право свидетеля отказаться от прохождения экспертизы в соответствии с ч.4 ст.195 УПК РФ. Некоторые авторы обоснованно отмечают влияние психического состояния свидетеля, желающего дать показания по делу, на адекватность данных им сведений [3, с. 83]. Не отрицая возможности принудительного направления свидетеля на экспертизу, полагаем необходимым в ст. 198 УПК РФ *уравнять права свидетеля с правами потерпевшего, в случае, если в отношении него назначается и проводится судебная экспертиза*. Можно также поддержать мнение А.А. Тарасова о дополнении уголовно-процессуального закона перечнем лиц, в отношении которых экспертиза может производиться принудительно и определении в законе «случаев, не терпящих отлагательства», когда экспертное исследование может быть проведено без получения согласия «подэкспертного» с последующим объяснением причин таких действий [4].

Представляется, *в отношении потерпевшего и свидетеля экспертиза не должна проводиться в принудительном порядке, за исключением случаев обязательного назначения экспертизы, определенных в ст. 196 УПК РФ*. Следует определить порядок получения согласия указанных лиц в иных случаях при ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы. Однако несогласие указанных лиц подвергнуться экспертному исследованию, полагаем, должно повлечь процессуальную ответственность, а не уголовную, как установлено в ст.308 УК РФ.

Поэтому представляется *возможным введение в УПК РФ положения по аналогии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ*, по которому, в случае уклонения потерпевшего от прохождения экспертизы в зависимости от того, какое для него она имеет значение, следователь или суд вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Следует отметить, что данное положение не применяется к случаям

обязательного назначения судебной экспертизы. *Отказ потерпевшего от прохождения экспертизы, при наличии сомнений у следователя в психическом или физическом состоянии потерпевшего, которое давало бы ему возможность в полной мере реализовать свои права в уголовном процессе, должен повлечь обязательное привлечение к участию в деле представителя потерпевшего*.

В общей сложности назначение экспертизы в отношении живого лица, следует осуществлять только когда оно является обязательным по процессуальному законодательству. В иных случаях следует соизмерить, насколько проведение такой экспертизы будет целесообразным. К тому же следует продумать, есть ли возможность установления обстоятельств, для подтверждения или опровержения которых назначается экспертиза, с помощью других средств доказывания.

Библиографический список

1. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 2.07.1992 № 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 20.08.1992. № 33. Ст. 1913.

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

3. Старинов, Г.П., Цевелева, И.В., Бежкинева, Е.Ю. Особенности проведения судебно-психиатрических экспертиз при расследовании преступлений против жизни и здоровья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. – 2016. – № 1–2 (25). – С. 83.

4. Тарасов, А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России…… // СПС «КонсультантПлюс»

5. УПК РФ, Закон РФ № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и ФЗ о ГСЭД.

6. Установлено положениями ФЗ о ГСЭД, а также: Правилами организации деятельности отделения стационарной судебно-психиатрической экспертизы для лиц, не содержащихся под стражей, и отделения стационарной судебно-психиатрической экспертизы для лиц, содержащихся под стражей: Приложение № 4 к Порядку проведения судебно-психиатрической экспертизы, утвержденному приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 января 2017 г. № 3н // Российская газета. 17.03.2017. № 56; Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы: Приказ Минздрава России от 12.01.2017 № 3н (Зарегистрировано в Минюсте России 02.03.2017 № 45823) // Российская газета. – 2017. – № 56.

7. Холодов, А.В. Проблемы правового регулирования и практики применения назначения и производства судебно-психиатрической экспер-

тизы в российском уголовном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 3 (58). – С. 109.

8. Шарапова, Д.В. Проблемы назначения и производства судебно-психологической экспертизы в отношении несовершеннолетних, потерпевших по половым преступлениям // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 1. – С.98.

9. Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

УДК 347

Ежова Е.В., доцент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ, к.ю.н., доцент

Некоторые вопросы рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о возможности исследования судом апелляционной инстанции новых доказательств при рассмотрении уголовного дела.

Ключевые слова: УПК РФ, апелляция, новые доказательства.

После реформирования законодателем процедуры пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, до сих пор актуальным остается вопрос о возможности исследования судом апелляционной инстанции новых доказательств.

Согласно ст. 389.13 УПК РФ, доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. Это ходатайство должно быть отражено в апелляционной жалобе или представлении.

Указанные изменения в уголовно-процессуальный закон были внесены федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 217-ФЗ, в пояснительной записке к которому указывается следующее: «Важное значение для обеспечения в разумные сроки эффективного апелляционного производства, исключения возможности злоупотребления сторонами своими процессуальными правами имеет совершенствование норм, регламентирующих право и процедуру заявления ходатайств об исследовании доказательств в суде апелляционной инстанции. В проекте данное право сторон предлагается не ограничить, а упорядочить и сопроводить дополнительной правовой регламентацией с тем, чтобы с помощью таких ходатайств, особенно

касающихся новых доказательств, не создавались искусственные препятствия для рассмотрения дела в апелляционном порядке... В связи с этим в проекте предлагается дополнить статьи 389 6 и 389.13 новой главы 45.1 УПК... Предлагаемые изменения позволяют в законодательном порядке определить пределы полномочий суда апелляционной инстанции исходя из принципиального положения о том, что апелляционное производство является не повторным рассмотрением дела в суде вышестоящей инстанции, а формой реализации контроля вышестоящего суда за законностью отправления правосудия нижестоящим судом» [4].

Необходимо также упомянуть, что с согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции (ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ). Поэтому А.А. Романов обоснованно, на наш взгляд, полагает, что «правовая организация рассмотрения уголовного дела и, прежде всего, судебного следствия в апелляционной инстанции по действующему законодательству предоставляет суду широкие дискреционные полномочия по принятию решений, ограничивающих действие состязательности, непосредственности как неотъемлемых атрибутов судебной стадии уголовного судопроизводства, где дело разрешается по существу» [2].

Посылы законодателя понятны: уменьшение нагрузки на суды апелляционной инстанции, ограничение производства по пересмотру судебного решения, не вступившего в законную силу, только проверкой уже имеющихся в деле доказательств, чтобы не дублировать полномочия суда первой инстанции.

Данные нововведения, фактически, изменили сущность апелляционного производства, при реформировании которого изначально предусматривалась возможность полного пересмотра уголовного дела судом второй инстанции. Хотя именно на эту сущностную особенность рассматриваемого производства не раз обращал внимание Конституционный Суд РФ применительно еще к пересмотру в апелляционном порядке решений только мирового судьи: «… в силу особенностей процедуры апелляционного производства суд апелляционной инстанции не только осуществляет контрольные полномочия по отношению к решениям мирового судьи, но и разрешает уголовное дело по существу, руководствуясь правилами, установленными законом для производства в суде первой инстанции, в рамках которого допускается как непосредственное исследование имеющихся в деле доказательств, так и собирание новых доказательств путем проведения судебных следственных действий, а также возможность изменения судебного решения и вынесения нового решения по существу уголовного дела. Наделение суда апелляционной инстанции такими полномочиями не препятствует реализации закрепленного в ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ права граждан на судебную защиту, поскольку не только предполагает предоставление заинтересованным лицам возможности добиваться исправления ошибок, если

таковые были допущены судами при рассмотрении уголовных дел, но и обеспечивает сторонам возможность участвовать в исследовании доказательств, представлять новые доказательства и иными способами отстаивать свои позиции в проводимом на основе принципа состязательности и равноправия сторон судебном разбирательстве (Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 136 – О) [1, с. 495 – 496].

Поэтому неудивительно, что п. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ вызвал обоснованные опасения у участников процесса (особенно со стороны защиты), что теперь возможность исследования новых доказательств в суде апелляционной инстанции полностью зависит от усмотрения судьи, который признает причины их непредставления в суд первой инстанции уважительными, либо нет. Отсюда – большое количество жалоб в Конституционный Суд РФ, который признал указанную норму соответствующей Конституции РФ, обосновывая это следующими аргументами:

– «суд апелляционной инстанции согласно предписанию статьи 389.9 УПК Российской Федерации осуществляет по соответствующим жалобам, представлениям проверку законности, обоснованности и справедливости приговора, а также законности и обоснованности иного решения суда первой инстанции, в связи с чем вопрос об исследовании новых доказательств разрешается им по своему дискреционному усмотрению, учитывая имеющуюся у сторон возможность представлять такие доказательства и (или) ходатайствовать об их истребовании в суде первой инстанции» [5];

– «приведенные нормы, закрепляющие возможность заинтересованных лиц ходатайствовать перед судом апелляционной инстанции об исследовании доказательств как уже изучавшихся судом первой инстанции, так и иных, направлены на защиту прав участников судебного разбирательства и не освобождают суд от обязательного рассмотрения заявленного, в том числе в ходе судебного заседания ходатайства осужденного об исследовании доказательств, не предполагают, действуя в системе уголовно-процессуального регулирования, произвольного применения, равно как и необоснованного отказа суда в удовлетворении ходатайств» [6].

Отказывая в рассмотрении аналогичных жалоб граждан, Конституционный Суд РФ также закономерно ссылается на то, что нарушение своих прав они связывают с необоснованным отклонением судом апелляционной инстанции заявленных ходатайств об исследовании новых доказательств, но проверка этого не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. Однако уголовно-процессуальный закон также не предусматривает возможность обжаловать решение апелляционного суда об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства сторон.

В связи с вышесказанным, можно согласиться с мнением А.Ю. Титова, согласно которому право вышестоящего суда рассмотреть уголовное дело без проверки доказательств, исследованных судом первой инстанции, должно реализовываться лишь при отсутствии оснований к вынесению но-

вого судебного решения [3, с. 10]. Сказанное, на наш взгляд, актуально и для исследования новых, ранее не заявленных доказательств в суде апелляционной инстанции. В этом случае суду необходимо исследовать материалы уголовного дела в полном объеме.

Библиографический список

1. Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З.Д. Еникеев, Е.Г. Васильева, Р.М. Шагеева, Е.В. Ежова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 703 с.

2. Романова, А.А. Современное апелляционное производство в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2017. // [Электронный ресурс]. URL. http://www.iuaj.net/node/2157

3. Титов, А.Ю. Пересмотр судебных решений по уголовным делам в апелляционном порядке: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2015. – 22 с.

4. Пояснительная записка к Федеральному закону 217-ФЗ от 23.07.2013 г. – URL. http://poyasnite.ru/federalnyj–zakon–217–fz–23–07–2013/

5. Определение Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2014 г. №2801 – О «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шимарова Вячеслава Сергеевича на нарушение его конституционных прав частями шестой и седьмой статьи 38913 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL. http://www.ksrf.ru/ru/

6. Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 278 – О «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 271, 389.13 и 389.28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. [Электронный ресурс]. URL. http://www.ksrf.ru/ru/

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Зайцева Е.А., профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России, д.ю.н., профессор

Запрет определенных действий сквозь призму соразмерности и справедливости

Аннотация. В статье анализируются «пропорции», установленные законодателем при зачете в срок содержания под стражей времени применения меры пресечения в виде запрета определенных действий. Делается вывод о несоразмерности и несправедливости данных пропорций.

Ключевые слова: запрет определенных действий, заключение под стражу, срок применения запрета, баланс интересов.

Проблематика мер пресечения всегда была в фокусе исследовательского интереса Юрия Даниловича Лившица, который в 1959 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную мерам процессуального принуждения, а в 1964 г. издал монографию «Меры пресечения в советском уголовном процессе», где вопросы применения мер пресечения анализировались сквозь призму охраны прав участников уголовного судопроизводства. Еще в те далекие годы Юрий Данилович писал о необходимости соблюдения баланса интересов при избрании мер пресечения: «Применение той или иной меры пресечения должно всегда производиться только компетентным на то органом. Последний при выборе конкретной меры пресечения, с одной стороны, учитывает публичный интерес, который нарушен преступлением (иначе: интересы государства), а с другой – интересы личности, к которой применяется принудительная мера» [1, с. 17].

Полагаем, данный баланс должен соблюдаться не только правоприменителем при выборе конкретной меры пресечения: адекватное применение мер пресечения, соответствующее назначению уголовного судопроизводства, возможно только при наличии безупречной системы норм, призванных регулировать соответствующие правоотношения. Основу для этого баланса должен закладывать законодатель, выстраивая должную систему нормативного регулирования соответствующих общественных отношений, систему, которая бы обеспечивала достижение назначения уголовного судопроизводства.

Россия, следуя своим международным обязательствам в сфере защиты прав и свобод граждан, старается модернизировать уголовно-процессуальное законодательство с учетом создания действенных гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц и организаций, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Ориентиром такой модернизации выступают сформулированные в ст. 6 УПК РФ положения, раскрывающие предназначение российского уголовного процесса.

Особое место в системе средств достижения назначения уголовного судопроизводства занимают меры пресечения, которые выступают адекватной реакцией государства на совершенное преступление: мера ограничения прав и свобод лиц, в отношении которых ведется производство по уголовному делу, должна коррелировать с тяжестью совершенного преступления, опасностью лица, привлекаемого в качестве подозреваемого и обвиняемого, характером и размером причиненного им вреда. На необходимость соблюдения этого разумного баланса неоднократно указывал в своих правовых позициях Конституционный Суд РФ; данное требование формулируется при регламентации оснований и условий применения ряда мер пресечения, содержащих в себе серьезный правоограничительный по-

тенциал, что диктует необходимость обращения к суду за получением разрешения на применение такого правоограничения.

По сути, новая мера пресечения – «запрет определенных действий» – обладает указанным свойством, т.к. предусматривает ряд изъятий из обычного порядка реализации своих прав и свобод обвиняемыми и подозреваемыми. Не случайно в ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ законодатель использует формулировку: «при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения» (аналогичная языковая конструкция присутствует в ч. 1 ст. 107 УПК РФ (она регламентирует домашний арест) и в ч. 1 ст. 108 УПК РФ, закрепляющей правила заключения под стражу.

Среди мер пресечения, избираемых по судебному решению, запрет определенных действий призван занять особое положение: он рассчитан на самостоятельное применение как «полноценная» мера пресечения и может использоваться в сочетании с залогом, а также в качестве принудительного компонента такой меры, как домашний арест, в ходе которого применяются запреты, предусмотренные п.п. 3, 4, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. «Комбинаторный» характер указанной меры пресечения обеспечивает запрету определенных действий своеобразную универсальность, гибкость в применении.

Если попытаться классифицировать меры пресечения, избираемые по судебному решению, то можно, взяв за основу их разграничения – усиление степени принудительного воздействия, выстроить следующую иерархию: залог, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу. Правоограничительный аспект тем сильнее, чем жестче ограничивается такое конституционное право, как право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ).

Так, запрет определенных действий в качестве компонента своей принудительной структуры включает запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях» (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Образно говоря, указанный запрет можно сравнить с «комендантским часом», который должны соблюдать обвиняемый и подозреваемый, если им установили запрет покидать определенное помещение в конкретные часы. В отличие от домашнего ареста, предусматривающего постоянное нахождение лица в конкретном помещении без права покинуть его, запрет выходить за пределы помещения (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), не ограничивает абсолютно свободу передвижения обвиняемого или подозреваемого: лишь бы они находились в течение установленного времени в указанном им помещении. Правоограничительный аспект при применении этой меры выражен не столь явно, как при избрании домашнего ареста и, тем более, при заключении под стражу.

Однако, учитывая, что данный запрет ограничивает право на свободу и личную неприкосновенность, законодатель установил сроки его применения – в режиме самостоятельной меры пресечения или в качестве от-

дельного принудительного компонента при дополнении новыми запретами ранее установленного перечня запретов (ч. 9 ст. 105.1 УПК РФ).

Следует обратить внимание на то, что законодатель увязал срок применения указанного запрета покидать определенное помещение в конкретное время с тяжестью инкриминируемого подозреваемому или обвиняемому преступления. Так, принимая решение об установлении данного запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, суд должен указать в постановлении срок не более 12 месяцев; по делам о тяжких преступлениях – не более 24 месяцев; об особо тяжких преступлениях – не более 36 месяцев.

Подобные «пропорции» определены ввиду того, что законодатель уравнял два дня применения указанного запрета и один день нахождения лица под стражей (п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ). Напомним, что ранее, Федеральным законом от 03.07.2018 г. № 186-ФЗ в УК РФ были установлены новые правила зачета времени содержания под стражей в срок отбытия наказания. Теперь 1 день содержания под стражей равняется 1 дню отбывания наказания в тюрьме либо исправительной колонии строгого или особого режима; 1,5 дням отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима; 2 дням отбывания наказания в колонии-поселении. А 2 дня нахождения под домашним арестом приравниваются к одному дню содержания под стражей или лишения свободы (ст. 72 УК РФ).

Насколько справедливы данные «пропорции»? Действительно ли жесткость ограничения права на свободу и личную неприкосновенность при применении запрета «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях» (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) сопоставима с теми лишениями, которые испытывает лицо, находящееся под стражей (напомним – чаще всего – в следственном изоляторе, а иногда, в исключительных случаях – в изоляторе временного содержания)? Если законодатель посчитал, что пребывание в следственном изоляторе в период применения заключения под стражей весьма серьезно ограничивает права и свободы гражданина, и настолько сильно, что это даже выглядит более сурово по сравнению с отбыванием наказания в колонии–поселении, то почему один день запрета покидать помещение в определенные периоды времени был фактически приравнен к одному дню применения данного наказания?

Полагаем, по степени ограничения прав и переносимых лишений данные виды принудительного воздействия явно несопоставимы. Что по своей природе представляет запрет «выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения»? Это предписание в определенное время находиться дома! Например, пребывать дома в ночное время, что делают обычные граждане, как правило, добровольно, а большинство – с нескрываемым удовольствием. По сути, законодатель уравнял два дня примене-

ния запрета, когда подозреваемый и обвиняемый ночует у себя дома, с одним днем нахождения в следственном изоляторе! Как говорится, комментарии излишни…

Представляется, что надлежит исключить из п. 1.1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ упоминание о зачете времени применения указанного запрета в срок содержания под стражей и срок отбытия наказания в виде лишения свободы. Уж явно противоречат установленные законодателем пропорции принципу соразмерности и справедливости.

Библиографический список

1. Лившиц, Ю.Д. Избранные труды. – Челябинск: Книга, 2004. – С. 17.

УДК 343.122

Зуев С.В., заведующий кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Юридического института ЮУрГУ (НИУ), д.ю.н., доцент

Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего с использованием информационных технологий

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве с учетом развития информационных технологий, что вполне соответствует новой парадигме.

Ключевые слова: потерпевший, уголовный процесс, информационные технологии, права.

Информационные технологии все глубже проникают во все области жизнедеятельности человека. Уголовное судопроизводство не является исключением. В настоящее время информация представляет собой неотъемлемую содержательную сторону доказательств и всех процессов доказывания, а также становится привлекательным и одновременно остается малоизученным продуктом. Кроме того, представляется, что публичное уголовное преследование может сменить новая парадигма, направленная на приоритетное обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса с использованием информационных технологий в рамках предоставления государственных услуг. Это вполне корреспондирует с положением ч. 1 ст. 6 УПК РФ, согласно которому назначение уголовного судопроизводство связано с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Данное направление в конечном счете реализуется в обвинительном приговоре, возмещении ущерба потерпевшему, восстановлении социальной справедливости, назначении виновному в совершении преступления соразмерного уголовного наказания.

Отправной точкой обеспечения прав и законных интересов потерпевшего может быть момент обращения гражданина в правоохранительные органы через сайт оказания государственных услуг с заявлением о преступлении. При этом данный акт оформляется в электронном виде и подлежит регистрации, проверке и принятию по ее результатам процессуального решения (приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.11.2018) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»).

Государственные органы обязаны обеспечивать не только права, но и законные интересы обратившегося к ним гражданина. При этом переход на электронное уголовное дело – это не просто формальная замена бумажных носителей информации на электронные, а один из элементов преобразования всей системы уголовного судопроизводства, где многое будет зависеть от инициативы, интересов и волеизъявлений заявителя. Это означает, что все процессуальные действия должны проходить в режиме онлайн, дистанционно, в удобное для потерпевшего время и (или) по согласованию с ним.

Реализуя общую идею информационного обеспечения уголовного судопроизводства необходимо перестроить некоторые институты и правовые механизмы. Уже сегодня можно заметить вопиющую несправедливость, когда заявитель по действующему УПК практически не наделен и не обеспечен надлежащими правами, а также не учтены его законные интересы. Представляется, что в случае перехода на цифровой формат уголовного судопроизводства заявитель получит ряд дополнительных возможностей.

1. Потерпевший должен быть своевременно информирован о факте регистрации и результатах проверки его заявления о преступлении. При этом правоохранительные органы обязаны обеспечить заявителя необходимой информацией незамедлительно или по требованию данного лица.

По мнению А.М. Долгова, в ходе дальнейшей проверки сообщения о преступлении возможно производство видеоопроса и получение объяснений от заявителя, а также от иных лиц, участвующих в проверке. Это может иметь место в том случае, когда они находятся на удаленном расстоянии от должностного лица, производящего проверку. О принятом по результатам проверки решении заявителю может стать известно посредством направления ему электронной копии соответствующего процессуального решения [1, с. 57].

В Республике Казахстан, к примеру, предусмотрена возможность участника уголовного процесса в случае удаленного доступа знакомиться с материалами уголовного дела путем получения их электронной копии [2, с. 71].

2. Потерпевший должен иметь возможность подавать ходатайства, обжаловать действия и решения должностных лиц органов предварительного

расследования и судов, оформив документ в электронном виде и направив его в соответствующую инстанцию.

Отчасти этот вопрос решается путем реализации положений главы 56 УПК РФ «Прядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов». Однако глава содержит всего две статьи, а этого явно недостаточно. Необходимо предусмотреть в законе и реализовать на практике более детальный правовой механизм обжалования и подачи ходатайств. Принятие по ним решений и сообщение о них заинтересованным лицам, осуществляемое в электронном виде, возможно, исключило бы латентное нарушение процессуальных сроков должностными лицами правоохранительных органов [1, с. 57].

3. Потерпевшему необходимо предоставить возможность участвовать в производстве следственных действий дистанционно при нахождении в удобном для него месте. Важно отметить, что расширение возможностей с широким внедрением информационных технологий в уголовный процесс путем совершенствования программы реализации видеоконференцсвязи (проведение с использованием данной технологии таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание), должно сопровождаться не только решением вопросов, связанных с обеспечением достоверности и допустимости полученной таким образом информации, ее безопасности и сохранности, тайны следствия, но и соблюдением прав и законных интересов человека и гражданина.

4. Потерпевшему следует предоставить возможность знакомиться со всеми результатами предварительного расследования, оформленными в электронном виде, и подвергать их проверке.

Как правило, этот вопрос рассматривается относительно эффективности самого уголовного судопроизводства, деятельности должностных лиц. К примеру, использование руководителем следственной группы общей специализированной системы, создаваемой в порядке ст. 163 УПК РФ, позволило бы сделать более эффективным взаимодействие участников следственной группы, а также способствовало бы более прозрачному управлению и контролю со стороны ее руководителя. Формирование материалов дела не только в бумажном виде, но и в форме электронного уголовного дела, несомненно, упростит реализацию ст. 158.1. УПК РФ (восстановление утраченного уголовного дела). Кроме того, реализация контрольных полномочий прокурора при утверждении обвинительного заключения (или акта) будет значительно упрощена введением электронного уголовного дела [4, с. 164 – 165].

Однако в нашем случае речь идет не о работе правоохранительных органов, а об операциях с электронными документами потерпевшего. Это касается ознакомления с ними, удостоверение их с помощью электронной подписи и предоставление возможности подвергнуть их проверке с использованием информационных технологий, то есть проведение в онлайн-

режиме своего рода экспертизы по инициативе данного лица. Программа должна позволять это сделать самому потерпевшему, чтобы убедиться в подлинности документа. Такая проверка электронного документа должна проводиться независимо от решения следователя (дознавателя), в чьем производстве находится уголовное дело.

Широкое использование видеозаписи при производстве следственных действий позволит потерпевшему и другим участникам в цифровом формате оценивать законность выполняемых операций и при необходимости подавать заявления о допущенных ошибках в электронном виде. Все это приведет к повышению требований, предъявляемых к качеству производства процессуальных действий, а также личной ответственности лиц их осуществляющих. В литературе имеются предложения о том, чтобы на законодательном уровне следует предусмотреть возможность осуществления видеозаписи при проведении следственных действий в автоматическом режиме в служебных помещениях органов предварительного расследования в уведомительном порядке [3, с. 50]. Это может рассматриваться с положительной стороны, но одновременно создаст дополнительные сложности для правоохранительных органов.

5. Потерпевший должен иметь возможность участвовать в рассмотрении уголовного дела в судах с использованием видеоконференцсвязи.

Интерес представляет зарубежный опыт, где уже имеет место практика проведения виртуальных судебных процессов с использованием современных информационных технологий.

Так, например, в Актогайском районном суде Карагандинской области Республики Казахстан при рассмотрении уголовного дела по п. 5 ч. 2 ст. 190 УК РК применялась мобильная видеоконференцсвязь. По делу проходило около 60 свидетелей, многие из которых были из Приозерска. При этом учитывалась отдаленность района, отсутствие возможности явиться в суд и необходимость и допроса. Техническая возможность позволила участникам судебного процесса вне зависимости от их местонахождения и финансовой ситуации слышать и видеть ход судебного заседания, задавать вопросы и получать на них ответы, тем самым реализовывать свои права и обязанности. Рассмотрение дел с использованием видеоконференцсвязи позволило участникам судебного процесса сэкономить время и финансовые средства [5].

В заключение хочется отметить, что акцент в сторону обеспечения прав и законных интересов потерпевших в цифровом формате не должен рассматриваться как отказ от публичного уголовного преследования и умаление важности решения задач правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в стране. Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство не может не учитывать потребности общества и уровень современного развития информационных технологий.

Библиографический список

1. Долгов, А.М. Электронное уголовное дело в досудебных стадиях уголовного процесса // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 9. – С. 57.

2. Задорожная, В.А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4. – С. 70 – 75.

3. Зозуля, В.В. К вопросу о применении видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. – 2016. – № 1 (3). – С. 47 – 51.

4. Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / под ред. д-ра юрид. наук С.В. Зуева. – М., 2018. – 248 с.

5. Режим доступа: https://www. kazpravda.kz/ news/obshchestvo/ virtualnii– sudebnii–protsess–proveli–v–karagandinskoi–oblasti

УДК 343.1
ББК 343.132.4

Казакова А.В., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, к.ю.н.

Применение видеоконференц-связи при производстве допроса в уголовном процессе России

Аннотация. Молниеносное развитие компьютерных технологий облегчает не только бытовые потребности человечества, но и интересы в сфере судопроизводства и госуправления. Автор поставил целю изучить особенностей проведения следственных действий посредством применения видеконференц-связи. При написании использованы методы анализа, синтеза, сравнительно-логический и прогностический.

Видеоконференц-связь, как представляется, является одной из ступенек к построению более продуктивного и скорого уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: видеконференц-связь, информационные технологии, допрос свидетеля, очная ставка.

В марте 2011 г. в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) была введена ст. 278.1, которая позволяет допрашивать во время судебного заседания свидетеля, находящегося на территории другого региона посредством системы видеоконференц-связи (далее по тексту – ВКС) [8]. Обоснованием новеллы явилась попытка

облегчить работу судебного аппарата и снизить судебные издержки, связанные с проездом до места разбирательства.

Указанная норма повлекла дискуссии среди теоретиков и практиков, что вылилось в фундаментальные теоретические исследования [2].

Использование ВКС в заседании выглядит следующим образом.

Решение о применении ВКС фиксируется в постановлении о назначении судебного заседания. Если этот вопрос возник в ходе судебного разбирательства, то суд должен принять его в совещательной комнате и оформить в виде отдельного постановления [3, с. 26 – 28], несмотря на то, что ст. 256 УПК РФ не содержит такого требования.

Суд, рассматривающий дело по существу, передает поручение об организации допроса свидетеля суду по месту его нахождения. Председатель получившего данный документ суда передает его для исполнения одному из судей, который обязан выполнить ряд действий:

- поручить техническому персоналу данного суда включить и настроить систему ВКС;
- если есть необходимость, то обеспечить участие переводчика;
- информировать суд, рассматривающий дело, о явке свидетеля;
- удостоверить личность свидетеля, после чего отобрать подписку о разъяснении прав/обязанностей/ответственности;
- после окончания следственного действий направить подписку, копию паспорта, протокол допроса и документы, предоставленные свидетелем по почте в суд, рассматривающий дело.

Сам допрос осуществляет суд, рассматривающий дело. Как правило, это же суд вызывает свидетеля на допрос повесткой, а в случае неявки по неуважительным причинам принимает решение о приводе и направляет его в службу судебных приставов по месту проведения допроса.

Допрос проводится по общим правилам. Стороны не вправе заявить отвод судье-исполнителю.

Если ввиду технических неполадок невозможно провести трансляцию, то суду целесообразно исследовать другие доказательства, а допрос провести позже.

УПК РФ не содержит разрешения на применение ст. 278.1 УПК РФ к лицам, находящихся за границей (вне территории РФ). Это является защитой российского суверенитета, т.к. не во всех государствах законодательно закреплено использование ВКС. При допросе свидетеля на территории иностранного государства обязательно возникнет вопрос о применении иностранного процессуального права к следственному действию.

Следует указать на препятствия, имеющиеся на пути эффективного применения ст. 278.1 УПК РФ:

1. Недостаточное техническое обеспечение, т.к. необходимым оборудованием оснащены только суды субъектов РФ и Верховный Суд РФ. В ряде районных судов и у мировых судей отсутствует такое оборудование.

2. Использование неспециализированных систем (например, Skype) нежелательно, но напрямую и не запрещено.

3. Отсутствует нормативная регламентация по вопросу возможности допроса с использованием ВКС других участников процесса (эксперта, специалиста, потерпевшего, гражданского истца, ответчика и т.д.).

4. Вероятность технических сбоев в виде некачественного изображения или звука и т.д. Так, при рассмотрении апелляционной жалобу по делу № 19–9/2018 в отношении С., который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.2 УК РФ в феврале 2018 г. возникла проблема технического характера: на мониторе не было видно подсудимого; шел только звук [6, с. 2 – 6].

5. Невозможность использование ВКС на досудебных стадиях. На данном положении необходимо поговорить подробнее.

С.А. Новикова полагает, что для использования ВКС не досудебных стадиях нет необходимости вносить изменения в закон, т.к. УПК РФ позволяет использовать любые технические средства, а поскольку использование ВКС допустимо на этапе судебного производства, то применима аналогия закона [5, с. 305 – 308].

Первое использование системы ВКС датировано 1999 г., за 20 лет с ее помощью было разрешено более 350 000 уголовных дел [4].

Полагается, что хорошие результаты использования ВКС во время судебного разбирательства привело к внесению в Государственную Думу законопроекта № 434998–7, в котором предлагается установить возможность использования ВКС в досудебном производстве при допросе свидетеля [7]. По проекту: следователь, в производстве которого находится уголовное дело, вправе направить специальное постановление в орган предварительного расследования по месту нахождения свидетеля. Допрос будет производить следователь, в производстве которого находится уголовное дело, а вопросы по организации связи, удостоверению личности свидетеля и составлению протокола передаются в ведение следователя, который находится рядом с допрашиваемым. Протокол и иные документы должны быть направлены следователю, который ведет дело. Имеется требование о подписях обоих следователей в протоколе допроса.

Некоторые ученые полагают, что проведение следственного действия с системой ВКС противоречит ч. 1 ст. 187 УПК РФ, содержащей требование о проведении допроса по месту производства предварительного следствия [3, с. 26 – 28, 125].

При подготовке настоящего исследования автором была обнаружена информация о том, что примерно с декабря 2015 г. в подразделениях Следственного управления МВД России по Хабаровскому краю при проведении очной ставки применяется ВКС [1, с. 47 – 49].

Процедура выглядит следующим образом: используется ВКС при применении сервиса СВКС–М, который находится в системе электронного

документооборота ИСОД МВД России. Следователь на основании п. 4 ст. 38 и ч. 1 ст. 152 УПК РФ направляет поручение следователю по месту нахождения второго участника очной ставки. В назначенное время оба следователя обеспечивают явку необходимых участников к рабочим местам с компьютерами, на которых имеется выход в ИСОД МВД России. Включается электронная система, проводится очная ставка по общим правилам, установленным ст. 192 УПК РФ, при этом участникам следователь разъясняет права и обязанности, порядок производства следственного действия, а также предупреждают об использовании технических средств (компьютера, принтера, сканера) и производства видеозаписи, которая будет приобщена к делу.

Следователь, ведущий расследование, составляет протокол по ст. 166 УПК РФ.

После завершения очной ставки с протоколом допрошенного знакомит следователь, производящий следствие. После чего протокол сканируется и с использованием системы электронного документооборота ИСОД МВД России направляется на электронный адрес следователя, находящегося со вторым участником. Второй следователь распечатывает и предъявляет протокол другому допрошенному; после ознакомления подписывает, после чего протокол снова сканируется и направляется на электронный адрес первого следователя. Оба протокола приобщаются к материалам уголовного дела.

Интересная практика, поскольку, с одной стороны, следователи Хабаровского края уже имеют практический опыт по использованию ВКС, с другой, показательно, что эта система применяется только при производстве одного следственного действия – очной ставки.

Вот и получается, что на одной чаше весов у нас публичный интерес, связанный с эффективным и быстрым судопроизводством, с другой – незыблемые постулаты процесса. Хотелось бы выразить надежду, что в условиях скачка развития компьютерной техники возможно осуществление следственных действий посредством информационных технологий без ущерба для неукоснительного соблюдения процессуальной формы.

Библиографический список

1. Авдонин, К.В., Черкасов, В.С. Видеоконференц-связь в следственных действиях: как правильно использовать и что поменять в УПК // Уголовный процесс. – 2018. – № 7. – С. 46 – 53.

2. Архипова, Е.А. Применение видеоконференц-связи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование): дис…канд. юрид. наук. – М., 2013. – 198 с.

3. Долгополов, Д.В. Допрос свидетеля по видеоконференц-связи: ответы на вопросы судей // Уголовный процесс. – 2017. – № 7. – С. 26 – 28, 125.

4. Кравец, Е.Г., Казначей, И.В. Результаты анализа проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи)» // Режим доступа: science-education.ru/pdf/2015/2/479.pdf

5. Курочкина, Ю.С. Проблемы проведения судебных действий следственного характера с использованием видеоконференцсвязи // Вестник КГУ. – 2018. – № 2. – С. 305 – 308.

6. Новиков, С.А. Допрос с использованием систем видеоконференцсвязи: завтрашний день российского предварительного расследования // Российский следователь. – 2014. – № 1. – С. 2 – 6.

7. СПС «ГАРАНТ».

8. Федеральный закон № 39-ФЗ от 20.03.2011 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2011. – 25 марта.

УДК 343.163

Кожевников О.А., доцент кафедры судебной деятельности Уральского государственного юридического университета, член аттестационной комиссии Военной прокуратуры Центрального военного округа, к.ю.н., доцент

Щербинин В.В., директор филиала ФГУП по техническому обслуживанию защитных средств и сооружений гражданской обороны «Экран» г. Кургана

Вопросы компетенции специализированных прокуратур

Аннотация. В статье рассматривается компетенция прокуратур по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах, даются предложения по совершенствованию законодательства

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, особо режимный объект.

В соответствии со статьей 11 Федерального закона о прокуратуре систему прокуратуры Российской Федерации составляют Генеральная прокуратура Российской Федерации, прокуратуры субъектов Российской Федерации, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, являющиеся юридическими лицами, а также прокуратуры городов и районов, другие территориальные, военные и иные специализированные прокуратуры.

Закон не определяет виды иных, кроме военной, специализированных прокуратур, они определяются приказами Генерального прокурора РФ. В настоящее время действуют:

1. Подчиненные Генеральной прокуратуре РФ транспортные прокуратуры. Они состоят из двух звеньев – транспортные прокуратуры на правах прокуратуры субъекта РФ (Дальневосточная, Западно-Сибирская, Восточно-Сибирская, Московская межрегиональная, Приволжская, Уральская, Северо-Западная, Южная) и транспортные прокуратуры на правах прокуратур городов и районов.

2. Подчиненные прокуратурам субъектов РФ специализированные прокуратуры (на правах прокуратур городов и районов)

а) прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях,

б) природоохранные прокуратуры (за исключением Волжской межрегиональной, Амурской бассейновой, Байкальской межрегиональной, которые действуют на правах прокуратуры субъекта РФ).

в) прокуратуры метрополитена (Москве, Санкт-Петербург),

г) межрайонные прокуратуры по надзору за исполнением законов в угледобывающей отрасли (Кемеровская область. Республика Коми).

Особе место в системе органов прокуратуры занимают прокуратуры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах (на правах прокуратур городов и районов, за исключением прокуратуры комплекса «Байконур»).

Как указывает А.В. Ерёмин, 1 июня 1979 г. вступил в действие указ Президиума Верховного Совета СССР № 214–Х «О судах, прокуратуре, адвокатуре, нотариате и органах внутренних дел, действующих на особо режимных объектах», который дополнил систему специализированных прокуратур прокуратурой на особо режимных объектах, действующей на правах городской прокуратуры» [2, с. 11, 112]. Из этого делается вывод, что 1 июня 1979 г. созданы прокуратуры на особо режимных объектах. Однако это не так. Этот акт вступил в силу 1 июля 1979 г. Прокуратуры на особо режимных объектах (далее ОРО) были созданы в конце 40-х – начале 50-х годов под названием прокуратур почтовых ящиков, с 1967 г. получивших название прокуратур войсковых частей, функционирующих для обеспечения законности на особо режимных объектах и в особо режимных войсковых частях. Так, в 1948 г. создана прокуратура ИТЛ и строительства № 1418 МВД СССР (ныне прокуратура ЗАТО г. Лесной), 24.12.1948 г. создана прокуратура ЗАТО г. Свердловск-44 (ныне г. Новоуральск). Они непосредственно подчинялись Управлению Генеральной прокуратуры СССР по надзору за местами заключений и сочетала в себе функции прокуратуры по надзору за местами заключений, территориальной и военной прокуратур. В 1960 г. в подчинение прокуратуры п/я 44 (г. Свердловск-44, ныне Новоуральск) передали участковые прокуратуры на оборонных предприятиях в Свердловске (прокуратура п/я 2), Верхней Салде (прокуратура п/я 3170), а в 1965 г. – в Карталах Челябинской области (прокуратура в/ч 18945). Прокуратура осуществляла надзор за военно-строительными час-

тями, задействованными в строительстве объектов для ракетных войск [3, с. 331, 424, 434]. По своему процессуальному положению прокуроры войсковых частей в закрытых городах приравнивались к статусу областного прокурора.

С начала 70-х годов прокуроры войсковых частей действовали на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1971 г. «О специальных судах, прокуратуре, адвокатуре, нотариате и органах внутренних дел, действующих на особо режимных объектах». Они подчинялись Второму управлению Генеральной прокуратуры СССР. Приказом от 22.01 2001 г. в связи с ликвидацией Второго управления Генеральной прокуратуры РФ прокуратуры войсковых частей были переименованы в прокуратуры ЗАТО или в прокуратуры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах.

С 1992 г. неоднократно менялась компетенция этих прокуратур. Приказ Генерального прокурора РФ от 08.07.1994 № 35 «О полномочиях прокуратур войсковых частей» прокуратуры войсковых частей, осуществляющие надзор за исполнением законов в закрытых административно-территориальных образованиях, на ОРО и в особо режимных военно-строительных и воинских частях, были наделены правами прокуратур областей. Приказ Генерального прокурора РФ от 6 мая 1997 № 146–ву «О прокурорском надзоре в ЗАТО и закрытых военных городах» определялась территориальная компетенция всех прокуратур войсковых частей. Приказ Генерального прокурора РФ от 23 октября 2000 г. № 137 предписывал передать от прокуратур войсковых частей в органы военной прокуратуры надзор за соблюдением законности в воинских частях и соединениях по охране особо важных государственных объектов и специальных грузов внутренних войск МВД России.

В разное время действовали ныне утратившие силу Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2007 г. № 201 «Об организации надзора за исполнением законов в оборонно–промышленном комплексе», от 29 сентября 2011 года № 320 «Об организации надзора за исполнением законов в оборонно-промышленном комплексе», от 18.11.2014 № 637 «О мерах по повышению эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере оборонно-промышленного комплекса».

В настоящее время организацию надзора в ЗАТО и на ОРО регламентируют Приказ от 7 мая 2008 года № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» (с изменениями на 14 ноября 2018 года) и Приказ от 2 ноября 2018 года № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного комплекса» Так, Приказом № 84 предписывается прокурорам по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах осуществлять: надзор за исполнением законов и

законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами в хозяйствующих субъектах оборонно-промышленного комплекса, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 31.12.97 № 1655–75 (за исключением объектов Федеральной службы по техническому и экспортному контролю), в том числе в закрытых административно-территориальных образованиях и обособленных военных городках Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации, на космодроме «Восточный», где проживает или работает гражданское население; надзор за исполнением законов, соответствием законам издаваемых правовых актов подразделениями Следственного комитета Российской Федерации по закрытым административно-территориальным образованиям и на особорежимных объектах (за исключением комплекса «Байконур»); надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в указанных органах и учреждениях; надзор за исполнением законов подразделениями органов исполнительной власти, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие на объектах оборонно-промышленного комплекса и в закрытых административно-территориальных образованиях; надзор за соблюдением законов подразделениями Следственного комитета Российской Федерации при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных в хозяйствующих субъектах оборонно-промышленного комплекса, в пределах закрытых административно-территориальных образований проживающими либо работающими в них гражданскими лицами.

Отдельно регламентируется компетенция двух прокуратур. Прокурору комплекса «Байконур» (на правах прокурора субъекта Российской Федерации) предписывается осуществлять: надзор за исполнением законов и законностью правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина подразделениями федеральных органов исполнительной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, органами управления коммерческих и некоммерческих организаций, действующих на территории комплекса «Байконур»; надзор за исполнением законов, соответствием законам издаваемых правовых актов следственным отделом Следственного комитета Российской Федерации на комплексе «Байконур»; надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в указанных органах и учреждениях; надзор за исполнением законов подразделениями федеральных органов исполнительной власти, уполномоченными осуществлять оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие на территории комплекса «Байконур»; надзор за исполнением законов подразделениями Следственного комитета Рос-

сийской Федерации при приеме, регистрации, проверке и разрешении заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных на территории комплекса «Байконур» проживающими либо работающими в них гражданскими лицами; утверждение обвинительных заключений (обвинительных актов) по таким уголовным делам, направление уголовных дел в суды согласно нормам подсудности; участие в судебном рассмотрении уголовных дел, обвинительные заключения или обвинительные акты по которым утверждены прокурором комплекса «Байконур» и его заместителями; направление исков и участие в рассмотрении судами гражданских, административных дел и дел, подведомственных арбитражному суду, в соответствии с нормами федерального законодательства и организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации; рассмотрение обращений, содержащих сведения о нарушении законов руководителями и должностными лицами органов управления оборонно-промышленного комплекса, органов самоуправления закрытых административных образований, предприятий и организаций, действующих на их территории; в пределах компетенции участие в судебном рассмотрении ходатайств и жалоб в порядке уголовного судопроизводства; координацию деятельности по борьбе с преступностью правоохранительных органов, осуществляемой ими на территории комплекса «Байконур»; анализ и обобщение данных о состоянии законности и правопорядка на территории комплекса «Байконур», участие в формировании государственной и межведомственной статистической отчетности о работе органов прокуратуры; взаимодействие со средствами массовой информации в порядке, установленном организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации.

Участие в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций по уголовным и гражданским делам, рассмотренным судом первой инстанции с участием либо по инициативе прокурора комплекса «Байконур», обеспечивается Главной военной прокуратурой. Участие в арбитражном суде по исковым заявлениям прокурора комплекса «Байконур» обеспечивает прокурор Московской области.

Прокурору Амурской области предписывается обеспечить надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, исполнением законов, соответствием законам издаваемых правовых актов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами управления и должностными лицами учреждений и организаций, действующих на территории закрытого административно-территориального образования – поселка Углегорска и космодрома «Восточный», в части деятельности, связанной со строительством данного космодрома.

Приказ от 2 ноября 2018 года № 723 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере оборонно-промышленного ком-

плекса» указывает на важнейшую задачу надзорной деятельности – обеспечение законности при исполнении законодательства в сфере ОПК, в том числе законодательства о государственном оборонном заказе, своевременное предупреждение нарушений законов и преступных проявлений в названной сфере.

Практика применения закона показала на определенные организационные проблемы, связанные с деятельностью указанных прокуратур, которые можно разрешить следующим путем. Необходимо воссоздать специализированное Управление в структуре Генеральной прокуратуры России [4, с. 32 – 38], а прокуратурам ЗАТО и на ОРО вновь предоставить права прокуроров субъектов РФ, уточнить перечень субъектов, надзор за исполнением законов которыми осуществляют данные специализированные прокуратуры [1, с. 8, 15], с включением в него объектов гражданской защиты, в том числе бомбоубежищ.

Библиографический список

1. Докучаева, Е.Н. Прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства на особо режимных объектах: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 8, 15.

2. Ерёмин, А.В. История отечественной прокуратуры Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. – СПб., 2018. – С. 11, 112.

3. Кузнецов, В.Н. Атомные закрытые административно-территориальные образования Урала: история и современность. Часть 1. Советский период. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – С. 331, 424, 434.

4. Паненков, А.А. Системному развитию оборонно-промышленного комплекса России необходим эффективный прокурорский надзор // Право и безопасность. – 2012. – № 2. – С. 32 – 38.

УДК 347.261

Козубенко Ю.В., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, д.ю.н., доцент

Возраст потерпевшего и наказание виновного: постановка проблемы

Аннотация. В статье рассматривается зависимость вида и размера назначаемого наказания от возраста потерпевшего, приводятся примеры из судебной практики назначения наказания при причинении вреда различным группам потерпевших.

Ключевые слова: возраст потерпевшего, молчаливый участник уголовного судопроизводства, отягчающее наказание обстоятельство.

Как показывает история уголовного судопроизводства и современная судебная практика, существует (должна существовать) зависимость вида и размера назначаемого наказания от возраста потерпевшего [1, с. 6 – 7]. Однако не всегда ее можно расценить как положительное явление.

В Средние века, например, детей воспринимали как мелкокалиберных взрослых и не находили никакой отдельной ценности в их малом возрасте и росте. В современной России пошли дальше: маленьких детей, судя по приговорам за их истязания и убийства, вообще не считают полноценными людьми.

Вот, например, весьма показательные судебные решения по «детским» делам недавнего прошлого.

В Черногорске (Хакассия) в ноябре 2011 года в больницу в крайне тяжелом состоянии поступила пятимесячная девочка с кахексией, опрелостями ягодиц, паховой области, нижних конечностей, гематомами верхних конечностей, гидроцефалией. 25 – летняя мать, уходя в загул, отдала дочь и двухлетнего сына на попечение подруги-алкоголички, оставив полпакета сухих сливок и один подгузник. Обещала вернуться через день. Дети пробыли у подруги десять дней без ухода и практически без питания. И вот через год уголовное дело было рассмотрено, мировой судья приговорил нерадивую мать к полутора годам ограничения свободы тогда, как прокурор просил суд о лишении свободы на срок два года шесть месяцев.

В Красноярске по итогам аналогичного происшествия – мать бросила на пять дней без еды десятимесячного мальчика и двухлетнюю девочку – подсудимая отделалась условным наказанием. Оставив детям бутылку молочной смеси и хлеб, дама ушла в гости (суду пояснила, что устала и решила отдохнуть). Мальчик ел себя: рассосал и сгрыз перепонку между большим и указательным пальцами. Спустя три дня детский вой услышали соседи и вызвали полицию. Суд Ленинского района г. Красноярска приговорил женщину к году лишения свободы условно с испытательным сроком на один год.

Вскоре после этого состоялся еще один процесс: в Советском районе г. Красноярска мать бросила без еды дочерей – шести и двух лет. Квартира была съемной, и соседи на пятый день детского плача нашли владельца квартиры, который открыл дверь. Сама мать вернулась только через 9 дней. Суд ее приговорил к 5 месяцам лишения свободы условно.

Или другой случай – проводница поезда Анапа-Новокузнецк родила в вагоне мальчика и тут же задушила его. Труп принесла в служебное купе и спрятала в свою дорожную сумку. Судом признана вменяемой, приговорена к полутора годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении [2, с. 4].

О том, что это, на самом деле, актуальная проблема, свидетельствуют и попытки законодателя усложнить участь виновных, расширив перечень обстоятельств, отягчающих наказание, перечисленных в ст. 63 УК РФ, пунктом «п» (совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)). Однако, как свидетельствует практика, проблему это не решает. И связано это не только с привилегированностью некоторых составов преступлений, совершаемых родителями в отношении своих детей (например, ст. 106 УК РФ, где санкция в три раза меньше, чем по ч. 1 ст. 105 УК РФ), но и с тем, что ребенок – потерпевший от преступления своих родителей – фактически выступает молчаливым участником уголовного судопроизводства, он ничего не может сказать в свою защиту, ему даже не полагается профессиональный защитник-адвокат в отличие от несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 51 УПК РФ). Для защиты их интересов к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители (п. 12 ст. 5, ч. 2 ст. 45 УПК РФ), которыми являются родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего потерпевшего, либо представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний потерпевший, органы опеки и попечительства, т.е. фактически сами обвиняемые в совершении преступления в отношении своего подопечного.

Так, воспитатель Кызылской школы-интерната, заточила на трое суток одного из своих воспитанников, выпуская его из комнаты только несколько раз день в столовую. Семиклассник не посещал занятия, полноценно не ел, а когда хотел в туалет, вынужден был подолгу стучать в дверь, чтобы его выпустили. В ходе проведенной проверки прокуратурой г. Кызыл установлено, что воспитатель постоянно кричала на него, оскорбляла и била по спине. В результате возбуждено уголовное дело [3, с. 4]. Извините за сравнение, но все это очень напоминает на отбывание наказание в исправительной колонии.

Вывод только один – несовершеннолетние потерпевшие, особенно малолетние, в современном уголовном судопроизводстве при совершении в отношении них преступлений в результате действий законных представителей никак не защищены. В силу ст. 15 УПК РФ в подобных случаях они (законные представители) не могут защищать интересы несовершеннолетних потерпевших, так как их интересы попросту противоречат интересам последних. Введение должности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, а затем и региональных уполномоченных не сдвинуло решение данной проблемы с мертвой точки, так как указанные упол-

номоченные не получили никаких процессуальных прав в уголовном судопроизводстве.

Введение нормы ч. 2.2 ст. 45 УПК РФ о том, что по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего, до конца не снимает проблему, особенно, если отсутствуют другие законные представители на замену.

Таким образом, защищать несовершеннолетних потерпевших остается только прокурору в суде и органам предварительного расследования в досудебном производстве, и … и законодателю, которого в последнее время больше интересуют проблемы отправления правосудия в иностранных государствах, когда совершаются преступления в отношении усыновленных российских детей иностранцами, в том числе мягкость назначаемого наказания иностранным «родителям», а почему то не у себя здесь, в России (Достаточно вспомнить «закон Димы Яковлева»).

Вообще поразительно, даже обзоры судебной практики обходят стороной этот вопрос, как будто он не стоит перед правоприменителем. Вместе с тем, за убийство взрослого российские суды приговаривают вплоть до пожизненного, а за убийство ребенка могут условно или год-два колонии-поселения, как будто совершение преступления в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица является смягчающим, а не отягчающим наказание обстоятельством (п. «з» ч.1 ст. 63 УК РФ); причем в некоторых составах – квалифицирующим признаком (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «в» ч. 3 ст. 228.1, п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ).

По логике законодателя должно быть наоборот – за совершение преступлений в отношении малолетнего наказание должно быть строже, чем в отношении взрослого.

Так, как свидетельствуют и другие примеры из судебной практики, «законодатель, устанавливая повышенную уголовную ответственность за квалифицированное убийство, которым является причинение смерти лицу, заведомо для виновного находящемуся в беспомощном состоянии, каковыми признаются лица, неспособные в силу физического и психического состояния защитить себя, относит к ним и малолетних детей, вследствие чего данное обстоятельство, указанное также в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, не может быть учтено повторно при назначении наказания.

Между тем Б.А. совершил особо тяжкое преступление, лишив жизни свою новорожденную дочь, в связи с чем ему, независимо от совокупности смягчающих ответственность обстоятельств, должно быть назначено наказание, связанное с реальным лишением свободы» [2, с. 15].

Следовательно, этот вопрос не к законодателю …

Безусловно, эта проблема заслуживает отдельного исследования и тщательной проработки.

Библиографический список

1. Боровых, Л.В. Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования: Автореферат дис. … канд. юр. наук. – Екатеринбург, 1993.

2. Приговор Ленинградского областного суда от 29.06.2010 по делу № 2-22/2010 // СПС КонсультантПлюс.

3. Тарасов, А. Отечественная война с детьми // Новая газета на Урале. – 2012. – 24 декабря. – № 146.

УДК 343.145

Кочетова А.В., доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Отдельные вопросы прекращения уголовного дела с применением судебного штрафа

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы прекращения уголовного дела (преследования) с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Подозреваемый и обвиняемый должны иметь возможность самостоятельно заявлять ходатайство в суд. Несогласие потерпевшего на освобождение от уголовной ответственности по данному основанию в отдельных случаях может быть преодолено

Ключевые слова: судебный штраф, мера уголовно-правового характера, прекращение уголовного дела (преследования), права обвиняемого (подозреваемого), ходатайство следователя (дознавателя).

Гуманизация уголовной ответственности стала основной тенденцией реформирования уголовного законодательства. В настоящее время осуществляется поиск отличных от судимости форм правового положения лица, совершившего преступление. В уголовное судопроизводство вводятся процедуры, которые позволили внедрить уголовно-правовые институты, устанавливающие альтернативные способы установления ответственности на неправомерное поведение. Примером тому является введение в Уголовно-процессуальный кодекс статьи 25–1, устанавливающей прекращение уголовного дела в связи с применением к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Применение судебного штрафа рассматривается как альтернатива уголовной ответственности, когда лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, не признается виновным, но несет материаль-

ную ответственность за неправомерные действия, образующие в соответствии с УК РФ состав преступления. Закон устанавливает условия, при которых возможно применение судебного штрафа. Во-первых, лицо должно подозреваться или обвиняться в совершении преступления небольшой или средней тяжести. Во-вторых, оно должно возместить ущерб или иным образом загладить причиненный преступлением вред. При этом В. Трегубов отмечает, что «способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим» [3]. Отдельно условие определено ст. 76–2 УК РФ: лицо совершило преступление впервые.

Решение о применении судебного штрафа принимает суд. При этом на стадии предварительного расследования инициировать вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по ст. 25–1 УПК РФ может только следователь или дознаватель, который обратился с соответствующим ходатайством в суд, предварительно согласовав свою позицию с руководителем следственного органа или прокурором соответственно.

Однако само лицо или его защитник, совершив необходимые действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением, не могут быть лишены права обратиться к лицу, осуществляющему расследование, с ходатайством об обращении в суд для рассмотрения вопроса о прекращении уголовного дела или преследования по рассматриваемому основанию. На практике может возникнуть спорная ситуация, когда все условия выполнены, а следователь или дознаватель такое ходатайство не возбуждают, либо руководитель следственного органа или прокурор не дают согласие. Мотивы такого поведения должностных лиц могут быть самыми разными.

М.Ю. Юсупов, исследуя данную проблему, отмечает, что действующий закон не оставляет следователю вариантов поведения. «Слова «принимает» и «выносит», которые использованы законодателем в конструкциях ст. 25.1 и гл. 51.1 УПК РФ, выражают не усмотрение, а обязанность правоприменителя. В этих нормах нет никакой правовой неопределенности. Закон предписывает следователю и дознавателю, а также их процессуальным начальникам при установлении в ходе расследования предусмотренных ст. 25.1 УПК РФ оснований возбудить соответствующее ходатайство и направить его в суд» [1].

Разрешить такую ситуацию, исходя из действующего закона, возможно только через обжалование отказа в удовлетворении ходатайства непосредственно в судебную инстанцию. При этом рассматривая жалобу следователя, суд не может одновременно решать вопрос о прекращении уголовного дела (преследования). Это обусловлено функцией суда на досудебном производстве – осуществление судебного контроля. Здесь судебный орган выступает как гарант защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. Суд решает вопрос о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового ха-

рактера в виде судебного штрафа в отдельном судебном заседании при соблюдении всех, формальных условий, установленных УПК РФ.

Если рассматривать производство в рамках применения статьи 25–1 УПК РФ по аналогии с особым порядком судебного заседания, урегулированным главой 40 УПК РФ, то инициатива может, а, возможно, и должна исходить о самого обвиняемого или подозреваемого независимо от того, на какой стадии находится производство по уголовному делу. Тогда лицо или его защитник уведомляют следователя или дознавателя о выполнении всех условий и обращаются с ходатайство непосредственно в суд. Суд, базируясь на состязательном характере судопроизводства, предоставляет возможность в судебном заседании высказаться и следователю, и прокурору, и заявителю. Такая процедура была бы истинно демократичной, соответствующей современным тенденциям расширения состязательных начал уголовного судопроизводства, исключив какие-либо злоупотребления со стороны должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Остается открытым вопрос о необходимости получения согласия потерпевшего на освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа.

Пленум Верховного Суда РФ определил, что «под заглаживанием вреда для целей статьи 76 УК РФ следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Способы заглаживания вреда, которые должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц, а также размер его возмещения определяются потерпевшим» [2].

Тогда согласие потерпевшего является одним из существенных условий принятия решения об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Важно, как отмечает Е.А Хлебницына, чтобы в материалах уголовного дела находились доказательства, «подтверждающие факт возмещения причиненного ущерба или заглаживания вреда. Активная позиция виновного, настроенного на возмещение причиненного им ущерба или заглаживание вреда, свидетельствует о выполнении анализируемого условия» [4, с. 142]. У суда остается необходимость оценить позицию потерпевшего, который возражает против прекращения уголовного дела (преследования), считая предпринятые со стороны обвиняемого или подозреваемого меры по заглаживанию вреда недостаточными. Это проблема определения объема возмещения ущерба или заглаживания вреда. Суду необходимо определить, что предпринятые со стороны обвиняемого или подозреваемого меры по возмещению ущерба или иному заглаживанию вреда достаточны и разумны, исключив злоупотребления со стороны потерпевшего. В таких случаях позиция потерпевшего о несогласии с применением ст. 25–1 УПК РФ и ст. 76–2 УК РФ может быть преодолена.

В заключение следует сказать, что в настоящее время проходит период апробации законодательных новелл, предусматривающих прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Это определяет интерес со стороны правоприменителй и ученых к анализу данных процедур и способствует совершенствованию как практики применения, так и однообразному толкованию действующих норм права.

Библиографический список

1. Магомедгаджи, Ю. Ю. Практика и проблемы применения судебного штрафа / Ю.Ю. Магомедгаджи //https://pravo163.ru/praktika-i-problemy-primeneniya-sudebnogo-shtrafa/ (обращение 01.03.2019 г.)

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 г. Москва «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»

3. Трегубов, В. Суденый штраф как мера уголовно-правовой ответственности / В. Трегубов // https:// zakon.ru /blog/2018/9/24/ sudebnyj _ shtraf_ kak _mera_ugolovno- pravovoj_ otvetstvennosti. (обращение 01.03.2019 г.)

4. Хлебницына, Е.А. Возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Е.А. Хлебницына // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С. 139 – 144.

УДК 343.1

Кучинская А.В., адъюнкт адъюнктуры ФГКОУ ВО Нижегородской академии МВД России

Проблемы совершенствования уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых

Аннотация: В статье проведен сравнительный анализ положений уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующих защиту прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). На основании правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ в статье предложены способы повышения качества защиты несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых).

Ключевые слова: «гарантии законности», «несовершеннолетний», «право на защиту» .

Расследование уголовных дел в отношении несовершеннолетних осуществляется с применением комплекса специальных процессуальных га-

рантий, установленных в главе 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Во-первых, право на защиту является конституционно закрепленным и не подлежащим ограничению. Во-вторых, оно распространяется на все категории несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), независимо от тяжести преступления, личного желания и иных обстоятельств.

Имеются и процессуальные проблемы при осуществлении профессиональной защиты несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). В связи с изложенным, избранная тема представляется актуальной.

Среди сформулированных по данному вопросу научных позиций можно отметить следующие. Так, исследователи исходят из того, что по делам несовершеннолетних представительство возникает в силу закона и является безусловным [3, с. 58]. Кроме того, обращается внимание на то, что восстановительная, а не «карательная», направленность правосудия в отношении несовершеннолетних, требует создания усиленных гарантий обеспечения права на защиту [4, с. 26 – 29]. Справедливым является и суждение о том, что институт представительства позволяет установить истину по уголовному делу и вынести мотивированное и обоснованное решение [2, с. 297 – 302].

Следует критически оценить позиции авторов, полагающих, что несовершеннолетнему должно быть обеспечено право на выбор законного представителя [6, с. 134]. Во-первых, действующая редакция п. 12 ст. 5 УПК РФ этого не подразумевает. Во-вторых, фактически такая возможность может быть реализована только в отношении несовершеннолетнего, воспитывающегося в полной кровно-родственной или приемной семье. Соответственно, установление права на выбор законного представителя не будет носить общий характер и не сможет быть реализовано в отношении всех несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). По сути, такая норма будет носить дискриминирующий характер и распространяться только на относительно небольшую группу несовершеннолетних.

Таким образом, на сегодняшний день положения п. 12 ст. 5 УПК РФ и ст. 48 УПК РФ не в полном объеме учитывают совокупность различных ситуаций, возникающих в досудебном производстве по уголовному делу. В связи с этим уместно законодательно закрепить следующие обстоятельства. Во-первых, установить, что в исключительных случаях в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) может быть допущен любой близкий родственник, если он проживает совместно с ним и может эффективно содействовать защите его интересов. Во-вторых, закрепить, в каких случаях лицо не может быть допущено к участию в деле в качестве законного представителя.

Предлагаемые дополнения придадут большую степень правовой определенности положениям УПК РФ о лицах, которые могут быть допущены к участию в уголовном деле в качестве законного представителя. Одновременно они создадут гарантии обеспечения права на защиту тем несо-

вершеннолетним, которые проживают в неполных семьях или являются социальными сиротами.

Как установлено и другими исследователями, случаи отстранения законных представителей от участия в деле носят единичный характер [5, с. 41 – 46]. Из этого можно сделать вывод о том, что обеспечение права несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) на защиту носит комплексный характер. Защита их интересов осуществляется в равной степени и профессиональными адвокатами, и законными представителями.

В связи с этим вызывает интерес исследование эффективности участия защитника и законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) в досудебном производстве по уголовному делу.

В свете правовой позиции, сформулированной Пленумом Верховного Суда РФ в действующем постановлении «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», вызывает интерес вопрос о необходимости специализации адвокатов. Применительно к судьям Пленум Верховного Суда РФ указал, что для рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних должны назначаться наиболее опытные кадры, владеющие не только правовыми знаниями, но и знаниями в области педагогики, психологии, социологии, криминологии, ювенальных технологий. В отношении адвокатов такой порядок не предусмотрен ни законодательно, ни рекомендательно. Между тем, в целях усиления гарантий обеспечения права на защиту несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) это могло бы оказаться востребованным. В связи с изложенным становится необходимой разработка и реализация программ повышения квалификации адвокатов в рамках органов адвокатского сообщества. Это стало бы не только инструментом профессионального отбора, но и средством повышения эффективности деятельности защитника.

В заключение представляется необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства. Обеспечение несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) права на защиту имеет дуалистическую природу. В этой связи к участию в уголовном деле привлекаются защитник и законный представитель. Наличие у этих участников уголовного процесса общих процессуальных целей требует унификации момента допуска их к участию в деле. Одновременно представляется необходимым внесение изменений в действующее законодательство, направленных на придание большей правовой определенности положениям о законном представительстве. Анализ судебной практики по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних позволил выявить наибольшую эффективность процессуальной деятельности, связанной с обеспечением права на защиту несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), в тех случаях, когда она осуществляется согласованными усилиями профессионального защитника и законного представителя. Вследствие этого в качестве дополнительного

инструмента обеспечения права на защиту может быть рассмотрена единая тактика, выработанная между ними.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (по сост. на 29.11.2016) // Российская газета – 2011. – 11 фев.

2. Владимирова, Ю.К. Сущность уголовно-процессуального представительства несовершеннолетнего лица в российском уголовном судопроизводстве /Ю.К. Владимирова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2013. – № 2–1. – С. 297 – 302.

3. Галимов, О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве /О.Х. Галимов. – СПб: Питер, 2001. – С. 58.

4. Давыденко, В.М. Необходимость создания в России ювенальной юстиции / В.М. Давыденко// Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 6. – С. 26 – 29.

5. Ларинков, А.А. Участие в ходе предварительного расследования законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых /А.А. Ларинков // Криминалистъ. – 2010. – № 2. – С. 41 – 46.

6. Михальчук Ю.П. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2005. – С. 134.

УДК 343.1

Лукомская А.С., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, к.ю.н.

Процессуальный порядок применения технических средств по уголовным делам об экологических преступлениях

Аннотация. В статье анализируются вопросы процессуального порядка применения технических средств по уголовным делам об экологических преступлениях, обладающих своей спецификой, особенностями выявления, раскрытия и расследования

Ключевые слова: уголовный процесс, технические средства, экологические преступления.

Развитие информационно-коммуникативных технологий сказалось на всех сферах жизнедеятельности человека, а новейшие цифровые технологии вывели существующие технические средства на более высокий уро-

вень телекоммуникации. Организованные группы и преступные сообщества придумывают все новые способы совершения экологических преступлений, применяют достижения научно-технического прогресса. Эффективность выявления, раскрытия, расследования экологических преступлений зависит от внедрения научно-технических возможностей в деятельность органов и должностных лиц уголовного преследования.

Исследования, посвященные применению научно-технических достижений в уголовном судопроизводстве многочисленны и представлены в отдельных монографических исследованиях, а также в виде научных статей, при этом работ, посвященных процессуальному порядку применения технических средств при производстве по уголовным делам об экологических преступлениях, не встречается.

С учетом специфических особенностей и видового многообразия предметов экологических преступлений, практика формирует острую необходимость разработки уголовно-процессуального порядка применения технических средств для целей выявления, раскрытия, расследования и рассмотрения уголовных дел об экологических преступлениях.

А.Е. Федюнин под техническими средствами, применяемыми в уголовном судопроизводстве понимает совокупность технических средств (приборов, устройств, приспособлений, программных продуктов), применяемых участниками уголовного процесса в целях обеспечения производства процессуальных действий в соответствии с их правомочиями, определенными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации [3].

И.И. Литвин технические средства по порядку их использования (по способу «введения» результатов применения технических средств в доказывание по уголовным делам) делит на следующие группы: 1) технические средства, используемые при производстве следственных действий; 2) технические средства, используемые за рамками уголовного процесса органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность; 3) технические средства, используемые за рамками уголовного процесса иными организациями и гражданами [1, с. 119 – 121].

Выявление уголовных дел об экологических преступлениях чаще всего связано с материалами, поступающими из контролирующих органов. При проверке применяют различные технические средства группы цифровых и аналоговых. Наряду с компьютерной техникой используются технические средства, в том числе с использованием лучей невидимой части спектра – ультрафиолетовые, инфракрасные принадлежности для измерений, вычерчивания схем; приборы для отбора проб воздуха, воды, почвы, дозиметры (пробоотборники и дозиметры и др.) [5].

Например, преступления, связанные с незаконной рубкой либо уничтожением или повреждением лесных насаждений (ст. 260 – 261 УК РФ), зачастую выявляются лишь по результатам космического мониторинга по истечении длительного времени с момента совершения преступления. Так,

прокуратурой Иркутской области в ходе изучения приостановленных уголовных дел установлено, что около 79 % таких дел возбуждено по материалам лесничеств, переданным в органы внутренних дел спустя продолжительное время с момента совершения преступления; из них 25 % выявлены в ходе космического мониторинга, которым устанавливаются преступления, совершенные более 1,5 – 2 лет назад. В результате имевшиеся на месте преступления следы безвозвратно утрачиваются, перспективы раскрыть преступления практически отсутствуют [2, с. 92 – 97].

Раскрытие и расследование экологических преступлений, совершенных в процессе добычи углеводородного сырья, посягающих комплексно на все элементы природной среды, компоненты геосистем требует применение технических средств, позволяющих произвести топографическую съемку, измерительной технике, способной установить количество и свойства жидких и газообразных углеводородов, измерения физико-химических параметров нефти и газа, количественно-качественных ее характеристик и параметров: плотности, состава, вязкости и температуры и т.д.

Создаются все новые информационные системы, обслуживающие экологических сектор. Например, в 2017 г., по заказу «Центра системы мониторинга рыболовства и связи», созданы государственные информационные системы «Электронный промысловый журнал», которые апробированы на 300 судах России и планируются к использованию на 3 тыс. отечественных судах, что позволит заменить «бумажные» журналы на цифровые. По замыслу эта техника повлияет на рациональность использования водных биологических ресурсов и изучение их имеющихся запасов, упростит ежедневные рутинные процедуры как для судовладельцев, а контролирующие органы смогут дистанционно отслеживать состояние судна, объемы вылова и переработки рыбопродукции [6]. Для контролирующих органов, должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное преследование, для целей раскрытия незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) требует применение технических средств обнаружения и изъятия цифровой информации такой системы.

Значительное число экологических преступлений, посягающих на экологический правопорядок, связанных с несоблюдением норм и требований экологического законодательства, совершается в кабинетах «экологообязанных лиц». В связи с чем возникает необходимость изъятия носителей информации и ее дальнейшее преобразование в сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Экологические преступления обладают своей спецификой, которая в общем порядке признания вещей и документов не учитывается, как, например, в процессуальном порядке признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики [4].

Справедливо то, что современные достижения науки и техники позволяют на совершенно новом уровне решать вопросы выявления, раскрытия,

расследования, рассмотрения уголовного дела об экологическом преступлении; использовать более эффективные средства обнаружения и фиксации доказательств по делу (сообщению) об экологическом преступлении; упростить координацию деятельности различных государственных органов в борьбе с экологическими преступления; использовать средства связи. Стремление правоприменителя к унификации правил в уголовном судопроизводстве понятно. Полагаем, что все же первичная задача заключается в разработке базовых общих принципов и процессуального порядка применения технических средств в уголовном процессе, который должен своей универсальностью вбирать специфику отдельных видов преступлений.

Библиографический список

1. Литвин, И.И. Классификация технических средств в уголовном процессе // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. – № 3(49). – С. 119 – 121.

2. Максименко, В. А. О состоянии работы правоохранительных органов по противодействию преступлениям в сфере лесопользования // Прокурор. – 2016. – № 2. – С. 92 – 97.

3. Федюнин, А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в уголовном судопроизводстве. Диссертация на соискание доктора юрид. наук., М., 2009. // Режим доступа: URL: http: //www. dissercat. com/ content/pravovoe-regulirovanie-primeneniya-tekhnicheskikh-sredstv-v-sfere-ugolovnogo-sudoproizvodstv

4. Федеральный закон от 27.12.2018 N 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

5. Экологические преступления: квалификация и методика расследования / Под ред. В.Е. Коноваловой, Г.А. Матусовского. Харьков, 1994.

6. Электронный ресурс // Режим доступа: http:// www. cnews. ru/ news /line/2017-11-01_informzashchita_avtomatiziruet_otchetnost_rybolovetskih

УДК 343.985

Макаренко И.А., директор Института права БашГУ, д.ю.н., профессор

Психологический контакт как условие эффективности производства вербальных следственных действий

Аннотация. В статье рассматривается понятие и значение психологического контакта следователя с допрашиваемым при производстве вербальных следственных действий. Перечисляются условия, при которых

возможно установить и поддерживать психологический контакт в процессе расследования.

Ключевые слова: вербальные следственные действия, психологический контакт.

Результаты вербального следственного действия зависят от многих условий и, в частности, от наличия психологического контакта между следователем и допрашиваемым.

В криминалистике и судебной психологии понятие психологического контакта является весьма дискуссионным. Одни ученые рассматривают его как своеобразный тактический прием, являющийся предпосылкой для получения правдивых показаний, [7, с. 155; 5, с. 76] другие характеризуют психологический контакт как стадию, в ходе которой «определяются такие общие параметры беседы, как ее темп, ритм, уровень напряженности, основные состояния собеседников и главные аргументы, которыми они будут убеждать друг друга в своей правоте» [4, с. 357].

Л.Л. Каневский рассматривал психологический контакт как «состояние, при котором участники следственного действия проявляют интерес и готовность к общению и восприятию информации, исходящей друг от друга» [5, с. 112 – 113].

Полагаем, что психологический контакт вряд ли можно считать тактическим приемом, поскольку его нельзя отнести к конкретному действию или бездействию следователя, скорее он может быть установлен при помощи комплекса тактических приемов. Так как психологический контакт должен быть длящимся и желательным не только при производстве определенного следственного действия, но и в процессе всего расследования, спорно ограничивать его какой-либо стадией. Из перечисленных определений нам представляются наиболее верными те, в соответствии с которыми психологический контакт рассматривается как состояние взаимопонимания и желания лиц общаться друг с другом.

Психологический контакт следователя с допрашиваемым, по мнению С.А. Антиповой, – «это получение правдивых показаний по существу устанавливаемых по делу обстоятельств, от истинности которых зависит его дальнейшее процессуальное положение по уголовному делу, а также избрание соответствующей меры пресечения» [1, с. 90].

Вышеуказанное определение С.А. Антиповой считаем спорным по нескольким причинам. Во-первых, установление психологического контакта или доверительных отношений между следователем и допрашиваемым не означает, что полученные показания будут правдивыми. Психологический контакт лишь способствует даче правдивых показаний, но не является обязательным их условием. Во-вторых, если речь идет об обвиняемом, то мера пресечения избирается по другим основаниям, перечисленным в уголовно-процессуальном кодексе, и дача правдивых или ложных показаний не

должна влиять на это решение, поскольку дача любых показаний – это право обвиняемого, но не его обязанность.

Таким образом, под психологическим контактом следует понимать наличие особой психологической атмосферы, заключающейся в готовности следователя и допрашиваемого к общению друг с другом.

Установление психологического контакта следователя с допрашиваемым и его поддержание во время следственных действий зависит: 1) от качества организационных мероприятий, проведенных при подготовке к вербальным следственным действиям и непосредственно во время их производства; 2) от профессиональных и нравственно-психологических качеств следователя; 3) от личностных качеств допрашиваемого и глубины его социальной запущенности; 4) от готовности допрашиваемого к общению со следователем.

1. Следователь должен провести тщательную подготовку к вербальным следственным действиям: решить вопрос об участии третьих лиц (особенно если речь идет о несовершеннолетнем допрашиваемом), месте производства следственного действия и т.д. Начинать следственное действие необходимо строго в указанное в повестке время. В кабинете не должно быть никаких отвлекающих обстоятельств – присутствия посторонних лиц, телефонных звонков, беспорядка на столе и в кабинете. Кроме того, следователь обязан хорошо знать материалы дела и обладать совокупностью сведений, характеризующих личность допрашиваемого.

2. Установление психологического контакта во многом зависит от индивидуальных качеств и коммуникативных способностей следователя. Полагаем, что только профессионально грамотный, воспитанный, корректный и аккуратный следователь сможет эффективно использовать свои знания и информацию об особенностях личности допрашиваемого для решения поставленной задачи.

Следователь должен обладать коммуникативной компетентностью, которая состоит из интеллектуальных и творческих способностей человека. Коммуникативная компетентность предполагает наличие у следователя развитого воображения, гибкого, отличающегося переключаемостью мыслительных процессов мышления, способности адекватно воспринимать действительность. Кроме того, он должен уметь точно формулировать свои мысли, излагать их доступным для собеседника языком.

Относительно тона речи следователя существуют различные мнения. «Мягкий тон в обращении с обвиняемым, – писали И.Н. Якимов и П.П. Михеев еще в 1930 году, – единственно допустимый, не говоря уже о том, что такое обращение достигает намеченных целей при допросе лучше резкостей и упреков» [9, с. 20]. По мнению Р.С. Белкина, «следователь вправе в разумных пределах пользоваться всей гаммой интонаций, а в исключительных случаях – и повышенным тоном» [2, с. 111]. Л.Л. Каневский отме-

чал, что недопустимы слишком громкая и резкая речь, которая также, как и тихая, вызывает утомляемость и скуку [5, с. 115].

Кроме перечисленных способностей, которыми должен обладать следователь стоит остановиться и на его внешнем виде. А.С. Подшибякин абсолютно справедливо отмечал, что внешность следователя, выражение его лица, поза крайне важны для установления контакта. Следователь, встречающий допрашиваемого с папиросой в руке или в зубах, развалившийся на стуле, всегда вызывает неприятные чувства [6, с. 95]. Действительно, чем больше внешне привлекателен для нас человек, тем он кажется лучше во всех других отношениях; если же он внешне не привлекателен, то и остальные его качества недооцениваются.

3. Установление психологического контакта зависит от личностных качеств допрашиваемого и глубины его социальной запущенности.

Существует множество мнений ученых относительно личностных качеств индивида и его развития. В связи с этим, разработать универсальную тактику установления психологического контакта с допрашиваемыми, учитывая разнообразные направления, исследующие личность, в том числе и в подростковом возрасте, невозможно и нецелесообразно с практической точки зрения. Следователю необходимо помнить, что каждый человек обладает своими, только ему присущими индивидуальными качествами.

С особым вниманием следует относиться к несовершеннолетнему допрашиваемому, поскольку нередко они неправильно понимают и оценивают свои черты характера, принимая упрямство за силу воли, грубость – за правдолюбие и мужество, невежливость – за прямоту, высокомерие – за гордость и проявление чувства собственного достоинства. Некоторые несовершеннолетние, даже осознавая недостатки своего характера, не хотят от них избавляться. Например, считают, что лень помогает сохранить жизненные силы, а неискренность и своевременная расчетливость – добиться личного преуспевания в служебной карьере [8, с. 145].

Разумеется, следователю не удастся в одночасье помочь подростку правильно оценить недостатки своего характера, однако приложить усилия к этому и оказать содействие в том, чтобы он попытался разобраться в особенностях своего поведения, нужно обязательно.

Одним из самых распространенных в подростковом возрасте недостатков поведения является упрямство, когда некоторые несовершеннолетние стремятся действовать вопреки всем разумным доводам и соображениям. Для преодоления такого поведения следователю необходимо выяснить причины упрямства и постараться объяснить, что в сложившейся ситуации оно является отрицательным фактором, так как мешает установлению всех обстоятельств дела, в том числе смягчающих ответственность несовершеннолетнего. Необходимо разъяснить, что дача показаний – это еще и форма защиты.

Учитывая названные обстоятельства и то, что для несовершеннолетнего характерна повышенная возбудимость, эмоциональность и внушаемость, установление психологического контакта с ним является сложным и важным этапом предварительного следствия, в связи с чем, следователь должен уделять серьезное внимание этому вопросу.

4. Что касается готовности допрашиваемого к общению со следователем, то она зависит, в частности, от его психологических качеств, осведомленности по существу дела и об информированности следователя относительно совершенного преступления, примененной к нему меры пресечения (если это обвиняемый), установки, полученной от адвоката и других заинтересованных лиц, внешних условий, создаваемых следователем до начала следственного действия и во время него.

Установление психологического контакта с допрашиваемым создает атмосферу, благоприятную для производства вербальных следственных действий, но это не означает, что полученные показания будут правдивыми и тем более полными. Для детализации, конкретизации, преодоления ложных показаний применяются тактические приемы, выбор которых зависит от складывающейся ситуации и особенностей личности допрашиваемого.

Библиографический список

1. Антипова, С.А. Особенности тактики допроса лиц с дефектами психики: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 90.

2. Белкин, Р.С., Лившиц, Е.М. Тактика следственных действий. – М.: Новый Юристъ, 1997. – С. 111.

3. Васильев, А.Н., Карнеева, Л.М. Тактика допроса. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 76.

4. Васильев, В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 357.

5. Каневский, Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. – Красноярск, 1991. – С. 112–113.

6. Подшибякин, А.С. Допрос как разновидность общения // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. – Краснодар, 2002. – С. 95.

7. Селиванов, Н.А., Танасевич, В.Г., Эйсман, А.А., Якубович, Н.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М.: Юрид лит., 1978. – С. 155.

8. Степанов, В.Г. Психология трудных школьников. – М.: Академия, 1996. – С. 145.

9. Якимов, И.Н., Михеев, П.П. Допрос. – М., 1930. – С. 20.

УДК 343.137

Машинникова Н.О., аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета

Ограничение судебного усмотрения при особом порядке судебного разбирательства

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему судебного усмотрения и его границы при рассмотрении дел в особом порядке, указывает на то, что особый порядок судебного разбирательства не направлен на решение задач, установленных ст. 6 УПК РФ и с учетом положений 226.9 УПК РФ препятствует доступу к правосудию в Российской Федерации.

Ключевые слова: усмотрение, истина, особый порядок, соглашение, исследование доказательств.

Особый порядок судебного разбирательства является ценным инструментом в руках судейского сообщества. Он экономит время рассмотрения дела, что позволяет судьям соблюдать нормы по срокам и нагрузке, препятствует обжалованию приговора в вышестоящий суд по основаниям несоответствия выводов суда материалам дела.

УПК РФ содержит два основания для рассмотрения уголовного дела в особом порядке: 1) при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (Глава 40 УПК РФ); 2) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ). Каждый из них имеет свои особенности.

Особый порядок судопроизводства характеризуется большим количеством изъятий, ограничений и запретов. Однако, он не обязывает судью соглашаться с предъявленным подсудимому обвинением, даже при согласии с ним последнего. Отсутствует в законе и указание на обязательное постановление судом обвинительного приговора при рассмотрении дела в особом порядке.

Согласно п. 12 ППВС РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [2], глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности, содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано, а само уголовное дело прекращено… если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются. При этом п. 6 ст. 316 УПК РФ прямо предусматривает право судьи по собственной инициативе прекращать рассмотрение дела в особом порядке и переходить в рассмотрение дела в общем порядке.

Российское уголовное судопроизводство не направлено на отыскание истины по делу. Введение состязательного процесса фактически отнесло вопрос отыскания истины по делу к усмотрению суда. В полной мере этот тезис подтверждается именно в нормах об особом порядке судопроизводства.

Статья 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства закрепляет: 1) защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, а также назначение виновному справедливого наказания. Статья 297 УПК РФ обязывает судью выносить приговор законный, обоснованный и справедливый. Добиться этого невозможно без установления и проверки всех обстоятельств совершенного преступления. Следовательно, постановление справедливого приговора невозможно на основании неполных и недостоверных данных, неправильно истолкованных и оцененных судом сведений и правовых норм, то есть – без установления истины по делу.

Основной чертой общего порядка судебного разбирательства является наличие у него такой стадии, как судебное следствие, в рамках которой суд производит анализ, проверку и оценку доказательств. При рассмотрении дела в особом порядке стадия судебного следствия отсутствует. При этом законодатель ограничил полномочия суда по переходу из особого в общий порядок судебного разбирательства. Части 2 и 3 ст. 314 УПК РФ обязывают судью перейти из особого порядка в общий только по двум основаниям: в случае если установит, что обвиняемый не осознает характер и последствия заявленного им ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, либо указанное ходатайство заявлено им против его воли или без консультации с защитником. закон обязывает судью исследовать все имеющиеся по делу доказательства, в случае установления им отсутствия воли обвиняемого на согласие с предъявленным ему обвинением и на рассмотрение дела в особом порядке. Однако, как быть, если судья удостоверился в осознанности и добровольности совершенных обвиняемым действий, но при этом есть основания полагать, что имеет место самооговор? На этот вопрос закон увы ответа не даёт.

Действительно, закон предусматривает возможность судьи вопреки воле сторон по собственной инициативе прекратить рассмотрение дела в особом порядке и перейти в общий. Здесь надо понимать, насколько сильным должно быть внутреннее убеждение судьи для того, чтобы принять такое решение по делу вопреки воли всех участников судебного заседания, с учетом того, что оно влечет за собой существенное увеличение нагрузки на судью и необходимость принятия еще более сложных решений на основе оценки доказательств по делу.

Постановление приговора в особом порядке в соответствии с ч. 2 ст. 314 УПК РФ является правом суда. Этим правом суд может воспользоваться только в том случае, если своим правом на ходатайство о постанов-

лении приговора без проведения судебного разбирательства воспользуется сам обвиняемый. Следовательно, в случае, если обвиняемый своим правом на постановление в отношении него приговора в особом порядке воспользовался, а суд, по собственному усмотрению решил перейти в общий порядок судебного разбирательства, то можно предположить, что суд нарушил право обвиняемого на гарантированную ему при рассмотрении дела в особом порядке льготу при назначении наказания, поскольку п. 7 ст. 316 УПК РФ ограничивает предельный размер наказания 2/3 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Действительно, переход в общий порядок судебного разбирательства может привести к увеличению срока и утяжелению вида наказания в случае постановления в отношении этого же подсудимого обвинительного приговора, что формально является нарушением его прав на ограничение размера наказания, но с другой стороны, этот переход обеспечивает возможность постановления объективного и справедливого приговора. Именно посредством перехода из особого в общий порядок судебного разбирательства суд реализует свое полномочие на отыскание истины по делу. Размер же назначаемого судом наказания при этом в пределах имеющейся санкции остается на усмотрение суда и может быть оставлен в пределах, установленных ч. 7 ст. 316 УПК РФ в случае постановления обвинительного приговора.

Из общей нормы о праве суда по собственному усмотрению переходить из особого в общий порядок судебного разбирательства имеется изъятие, которое закреплено в ч. 5 ст. 226.9 УПК РФ, из неё следует, что при условии проведения дознания в сокращенной форме у судьи впоследствии отсутствует право на рассмотрение дела в общем порядке. При этом назначенное подсудимому наказание при условии проведения дознания в сокращенной форме не может превышать 1/2 максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Существенное снижение предела верхней санкции при согласии обвиняемого на проведение дознания в сокращенной форме является стимулирующим фактором для самого обвиняемого, которому предлагается признать некий факт, который не всегда соответствует действительности в обмен на минимально возможный размер и вид наказания. Таким образом, за сокращенным порядком дознания, где не исследуется весь объем доказательств и не проводится весь комплекс необходимых следственных действий по делу, следует особый порядок судопроизводства, альтернативы которому законодателем не предусмотрено. Судебного следствия с исследованием и оценкой доказательств по нему также не проводится. Постановленный на основании таких усечённых процедур приговор, который вряд ли может отвечать признакам объективности не подлежит обжалованию по основаниям несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом

первой инстанции (ст. 317 УПК РФ). При таком порядке суд, исходя из смысла глав 32.1 и 40 УПК РФ, лишен права постановить иной, кроме обвинительного, приговор. Это обстоятельство является абсурдным с точки зрения статуса судьи, как лица, принимающего решение по делу по собственному усмотрению, руководствуясь совестью и законом, а также требований к приговору установленных ст. 297 УПК РФ. Законодатель сознательно предусмотрел в законе возможность привлечения к уголовной ответственности людей фактически «без суда и следствия», а именно, без проведения в полном объеме дознания и без проведения судебного следствия, которое могло бы восполнить недостатки, допущенные при проведении дознания в сокращенной форме. Частью 5 ст. 226.9 УПК РФ законодатель не только ограничил полномочия суда по отысканию истины по делу, но и прямо запретил суду это делать. С одной стороны, им назначается наказание, а с другой, надёжность и истинность такого приговора вызывают обоснованные сомнения. Как справедливо полагает профессор З.З. Зинатуллин, подобное соглашение (соглашение об особом порядке судебного разбирательства – *прим. автора*) под воздействием различных психофизических и иных субъективных факторов, может оказаться весьма далеким от реальности, от обстоятельств конкретного дела [1, с. 25]. Такие действия законодателя отнюдь не обеспечивают возможности, но и прямо препятствуют постановлению судом истинного и правосудного приговора и способствуют увеличению судебных ошибок. Как верно отмечено Н.И. Ревенко, особый порядок судебного производства, ставит под большие сомнения возможность реализации таких принципов уголовного процесса, как презумпция невиновности, законность, состязательность, осуществление правосудия только судом [3, с. 171]. Не направлен такой порядок судопроизводства и на предупреждение осуждения невиновных. Напротив, он лишь способствует обратному посредством сокращения сроков судебных процедур и отсутствия возможности обжалования постановленного приговора по основаниям п. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

Всё вышесказанное свидетельствует о наличии в особом порядке судопроизводства реальной угрозы нарушения прав и законных интересов обвиняемых и подсудимых, ограничения усмотрения судьи на проведение действий, направленных на отыскание истины по делу. Особый порядок в том виде, в котором он в настоящее время закреплен в действующем законе, способствует увеличению количества и легализации судебных ошибок, а также препятствует их исправлению в апелляционном и кассационном порядке. Анализируя изложенное можно сделать вывод о том, что особый порядок судебного разбирательства с учетом положений ст. 226.9 УПК РФ препятствует доступу к правосудию в Российской Федерации.

В целях повышения качества правосудия представляется необходимым предоставить суду право на рассмотрение дела в общем порядке во всех случаях возникновения у него любых обоснованных сомнений в ви-

новности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, а также самого события преступления. Предоставить суду право самостоятельно, разрешать вопрос о виновности либо невиновности подсудимого с учётом материалов уголовного дела, опираясь на совесть и закон. Иное никогда не позволит суду достичь задач, установленных ст. 6 УПК РФ, в частности – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также защиты личности от необоснованного обвинения и осуждения.

Библиографический список

1. Зинатуллин, З.З. Сколько же истин (и каких) надлежит устанавливать по одному уголовному делу? Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 25.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Режим доступа: http:// www. consultant.ru /cons/

3. Ревенко, Н.И. Возможности проявления формальной истины в уголовном судопроизводстве России. Вестник Омского университета. – 2005. – № 2 (3). – С. 171.

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Машовец А.О., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, д.ю.н., доцент

Никифорова Е.Ю., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, к.ю.н.

Вопросы теории и практики доказывания в аспекте цифровых технологий

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные направления развития информационных технологий в уголовном процессе, вопросы внедрения в процесс доказывания процессуальных документов, легитимность которых подтверждена нотариально, проблемы применения современных средств коммуникации между участниками уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, информационные технологии, уголовно-процессуальный кодекс.

Развитие информационных технологий ставит перед уголовно-процессуальной наукой задачи, предвидеть которые было возможно, только обладая даром научно-фантастического прогнозирования. Если относительно недавно основы теории доказательств выглядели незыблемыми, то наступление эры цифровых технологий ставит перед учеными не только вопросы применения технических средств доказывания, ведения уголовного дела в электронном виде, но и заставляет задуматься над понятием доказательств, преломляет характеристику свойств доказательств, роль субъектов доказывания. «Четвертая информационная революция, по праву именуемая цифровой, неминуемо ведет к переосмыслению информационно-доказательственной идеологии и методологии уголовного процесса» [9].

Впрочем, основы сложившейся еще в советские времена теории уголовно-процессуальных доказательств остаются неизменными. Учеными не отрицается формирование современных отраслевых теорий доказательственного права преимущественно как теории следственного образца [1, с. 25]. Пересмотр теории доказательств с учетом современных реалий и мирового опыта признается авторами из ключевых направлений совершенствования уголовно-процессуального права [2, с. 69].

Проникновение информационных технологий в уголовное судопроизводство, влияя на процессуальную форму, влечет расширение трактовки доказательств и пересмотр следственных инструментов в сторону усиления состязательности.

Сегодня еще достаточно осторожно можно говорить о новом виде доказательства, доказательства цифрового или электронного (электронной информации, хранящейся в форме электронного файла) [6]. Такого рода доказательства по своему содержанию вполне соответствуют классическому пониманию доказательства как информации, подлежащей установлению по делу. Влияние информационных технологий проявляется прежде всего в расширении трактовки допустимости доказательств и, соответственно, субъектов, представляющих их в процесс, в стирании граней между способами получения электронной информации следователем и иными участниками уголовного дела.

Так, в современных исследованиях, посвященных использованию в доказывании электронной информации, делается упор на необходимость перехода к техническим гарантиям верификации, установления аутентичности сведений, содержащихся в «источнике», материальном носителе, представляемом суду; свойство допустимости доказательства отступает на второй план перед свойством его полезности, пригодности для установления истины по делу. По мнению сторонника технологизации стандарта допустимости П.С. Пастухова, технические возможности верификации электронной информации, представленной стороной в виде досудебного доказательства, которые помогают подтвердить ее достоверность в суде, позволяют если не игнорировать, то ослаблять традиционные – следственные –

требования к допустимости доказательств [8, с. 19, 181 – 193]. Такого же мнения придерживается С.И. Кувычков: по его мнению, электронная информация может использоваться в качестве средства доказывания, только когда ее аутентичность подтверждается техническими средствами; при этом вопросы о времени, месте, субъекте получения такой информации имеют второстепенное значение [5, с. 14].

О возможности материально–правового подхода к допустимости доказательств (при признании доказательства, хоть и полученного с нарушением закона, но не вызывающего сомнений в достоверности), пишет К.Б. Калиновский: «Следует оценить, чьи именно и какие именно права нарушены. Нужно выяснить, посягают ли такие нарушения на справедливое судопроизводство или другие права, будет ли способствовать исключение доказательств восстановлению или защите нарушенных прав, или же, наоборот, может усугубить последствия допущенного нарушения» [4, с. 49].

Такой «материально-правовой» подход включает наряду с оценкой формального нарушения процессуального закона урон, который был или мог быть причинен охраняемому объекту – справедливой процедуре судопроизводства и конституционным правам личности.

Таким образом, имеются предпосылки к переходу от формального к материальному стандарту допустимости доказательства как средства удостоверения истины по уголовному делу, в основе которого должна быть верифицируемость представленной стороной информации. В ходе производства по уголовному делу стороной может быть представлена любая электронная информация, полученная в ходе производства по уголовному делу, и если ее исследование с применением технических средств подтвердит ее аутентичность, то она может быть признана допустимым доказательством по делу.

Иллюстрируя сказанное, отметим выделяемые в научной среде перспективные направления в развитии информационных технологий в уголовном судопроизводстве, в частности, широкое применение дистанционных форм проведения процессуальных действий на любой стадии уголовного судопроизводства, внедрение в уголовно-процессуальную материю удобной и надежной технологии удостоверения процессуального документа любым участником уголовного процесса вместо его обычной подписи [3].

Допустимость применения дистанционных форм проведения процессуальных действий в рамках судебного производства сомнений не вызывает. Несмотря на то, что в ст. 164 УПК РФ закреплена возможность использования технических средств при производстве следственных действий, проведение в ходе предварительного расследования допросов, очных ставок, опознаний посредством видео-конференц-связи, видео- и голосовой связи по Skype через Интернет уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает. Между тем применение этих средств современной коммуникации между участниками уголовного судопроизводства обуслов-

лено все возрастающим влиянием информационных технологий на уголовное судопроизводство в целом и процесс доказывания в частности. Так, в ходе расследования уголовного дела следователем СУ СКР по Свердловской области К. было принято решение провести очную ставку между свидетелями с использованием связи по Skype через Интернет. Участники следственного действия столкнулись с проблемой подписания протокола с учётом положений ч. 7 ст. 166 УПК РФ. Протокол подписали по ту сторону экрана после оглашения текста вслух с последующей пересылкой (почтой) по месту производства предварительного расследования для подписания следователем и вторым свидетелем. Временного разрыва в подписании протокола очной ставки (и, соответственно, пересылки почтовой связью) можно было избежать, легализовав электронный образ процессуального документа с последующей его передачей по компьютерным сетям.

Особую актуальность приобретает использование в процессе доказывания документов, исходящих от физических лиц – участников уголовного судопроизводства и не имеющих возможности непосредственного их представления соответствующему должностному лицу (органу).

В этих случаях сторона защиты все чаще использует нотариальные процедуры удостоверения документов (протоколов опроса лиц с их согласия, заявленных ходатайств), в том числе имеющиеся в распоряжении нотариусов других государств. В частности, использование возможностей единой информационной системы нотариата в РФ в случаях нахождения участников уголовного судопроизводства (подозреваемых, обвиняемых, потерпевших) в силу объективных уважительных причин вне места производства предварительного расследования. Так, при расследовании уголовного дела следователем отдела 1 СЧ ГСУ ГУ МВД РФ по Свердловской области по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 201 УК РФ, подозреваемый Н., постоянно проживающий в г. Москве, обратился с ходатайством к следователю об отзыве ранее заявленного им ходатайства о проведении фонографической экспертизы. При этом Н. были использованы возможности нотариального портала в г. Москве и г. Екатеринбурге для передачи ходатайства, подписанного им в присутствии нотариуса и удостоверенного усиленной цифровой подписью нотариуса г. Москвы. Буквально в течение часа (после засвидетельствования нотариусом г. Екатеринбурга равнозначности, изготовленного ею на бумажном носителе документа содержанию представленного электронного документа) ходатайство было представлено в орган предварительного расследования.

Сложнее удостоверить процессуальный документ, содержащий объяснения лица, проживающего за пределами Российской Федерации. Так, при расследовании уголовного дела тем же ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области защитником обвиняемого К. был проведён опрос подзащитного, находящего в Объединённых Арабских Эмиратах, после чего протокол опроса был переведён на арабский язык и удостоверен нота-

риально в ОАЭ. В г. Екатеринбурге было заявлено ходатайство о приобщении протокола опроса (на арабском языке, поскольку именно он был удостоверен нотариусом ОАЭ). После перевода на русский язык протокол был приобщен к материалам уголовного дела. Несмотря на определённые сомнения, возникшие у следователя по поводу допустимости данного доказательства (составленного и удостоверенного вне пределов России), документы были приобщены к уголовному делу и послужили основанием для вынесения соответствующего процессуального решения (постановления о прекращении уголовного преследования в первом случае – по п. 2 ст. 27, п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием состава преступления, во втором – по п. 2 ст. 27, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с истечением сроков давности).

Надо отметить, что зачастую встречается и другой подход органов предварительного расследования, а именно полнейшее непринятие подобного рода доказательств как иных документов со ссылкой на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации процедуры использования и приобщения процессуальных документов, представленных с использованием нотариальных процедур. Так, при расследовании ГСУ СК РФ уголовного дела по обвинению руководителей и сотрудников ГУЭБиПК МВД РФ и иных лиц в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 210 УК РФ, п. в ч. 3 ст. 286 УК РФ и ст. 304 УК РФ, защитником обвиняемого П. заявлялось ходатайство о приобщении протокола опроса П., произведённого на территории Испании. Ст. следователь по особо важным делам ГСУ СК РФ М. в приобщении данного документа в силу ст.ст. 17, 38 УПК РФ отказал с указанием на то, что протокол опроса П. был составлен защитником на территории другого государства – Испании. При этом аналогичные опросы свидетелей, проведенные защитником обвиняемого П. на территории Германии, были тем же следователем приобщены к уголовному делу.

Отсутствие в УПК РФ единых подходов, регламентирующих порядок использования в процессе доказывания документов, составленных с использованием нотариальных процедур, а также электронных документов, подписанных электронной подписью, порождает различие подходов органов предварительного расследования в принятии решений о приобщении к уголовному делу такого рода источников. Конституционный суд Российской Федерации в одном из своих определений указал, что использование участниками уголовного процесса со стороны защиты указанных в ст. 86 УПК способов собирания доказательств без нарушения ими каких–либо других правовых норм не влечет признание полученных сведений недопустимыми [7]. Полагаем необходимым отразить указанную позицию Конституционного суда Российской Федерации в уголовно-процессуальном законодательстве.

Библиографический список

1. Боруленков, Ю.П. Теория доказательств и доказывания: о содержании процессуальных доказательств // Российский следователь. – 2019. – № 2. – С. 25.

2. Зайцев, О.А. Основные направления совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестн. Москов. ун-та МВД России. – 2016. – № 4. – С. 69.

3. Зуев, С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Режим доступа: http://www.iuaj.net/node/2614

4. Калиновский, К.Б. Выемка до возбуждения дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. – 2016. – № 3. – С. 49.

5. Кувычков, С.И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2016. – С. 14.

6. Основы теории электронных доказательств. Коллектив авторов. под ред. С.В. Зуева. – М., Юрлитинформ, 2019.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 263-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прохорова Федора Геннадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

8. Пастухов, П.С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества. – М., 2015. – С. 19, 181 – 193.

9. Поляков, М.П. «Электронные доказательства» – просто новый термин или оригинальное явление в теории и практике доказывания // Режим доступа: http:// www.expertugproc. ru/publ/poljakov_m _p/ehlekt ronnye_dokazatelstva_prosto_novyj_termin_ili_originalnoe_javlenie_v_teorii_i _praktike_dokazyvanija/2-1-0-68?fbclid=IwAR1EWL1VKsRZmq fVnxG-Acd hL 8p6DYZNsIo l04y 2U1 fak Ohe HTS1dT_kC_M

УДК 343.1
ББК Х410.2

Милицин С.Д., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, к.ю.н., доцент

Устремления законодателя и традиции правоприменителя

Аннотация. В статье на примере изменений процедуры рассмотрения уголовных дел в суде второй инстанции анализируются понятие, причины сохранения и изменения традиций в уголовно-процессуальном праве.

Ключевые слова: традиции в уголовно-процессуальном праве, традиции правоприменителя, производство в суде второй инстанции.

Как известно, процессуальное право, как совокупность правовых норм, регулирующих юрисдикционную и иную охранительную деятельность специально уполномоченных государственных органов, появляется на сравнительно поздних этапах жизни человеческого общества [1, с. 298], которые, тем не менее, насчитывают уже не одну сотню лет. За это время уголовное судопроизводство «обросло» различными традициями, которые, с одной стороны, отображают и фиксируют некие родовые признаки явления, а с другой – нацелены на сохранение сложившейся в обществе процедуры реализации уголовной ответственности.

В настоящее время в самом общем виде традициями (от лат. *traditio* - передача, предание) чаще всего обозначаются элементы социального и культурного наследия – представления, обычаи, обряды, привычки и навыки практической и общественной деятельности, передаваемые из поколения в поколение, выступающие в качестве норм поведения и являющиеся одним из регуляторов общественных отношений [2, с. 835, 453, 449; 5, с. 692; 8, с. 936]. В этой формулировке можно увидеть важные составляющие: традиция – это то, что существует длительное время, передается из поколения в поколение и выступает регулятором общественных отношений. Термин «традиция» будет использоваться ниже применительно к явлениям в сфере уголовного судопроизводства, сохраняющим свою суть на протяжении длительного времени независимо от проходивших трансформаций в правовом регулировании (например, вследствие новой кодификации или внесения существенных изменений в действующее законодательство).

Утверждение о наличии традиций в уголовно-процессуальном праве неминуемо порождает два вопроса: как возникают (складываются) эти традиции, и кто является их носителем или, говоря другими словами, кто их поддерживает и соблюдает, а затем, при наступлении определенных событий или причин, отменяет. На наш взгляд, традиции в уголовно-процессуальном праве имеют важную особенность – их существование одобряется и поддерживается законодателем, который может изменить сложившийся на протяжении десятилетий или даже столетий порядок и организовать уголовно-процессуальные отношения иным образом, однако часто предпочитает не делать этого, сохраняя все в неизменности и действуя при этом в интересах общества в целом. Наряду с законодателем к поддержанию традиций в уголовно-процессуальном праве и, как следствие – уголовном судопроизводстве причастны многочисленные участники конкретных уголовно-процессуальных отношений, соблюдающие требования закона и тем самым «претворяющие в жизнь» то или иное законоположение. Более сложная роль у представителей уголовно-процессуальной науки, которые могут выступать как апологетами существующего порядка,

так и его разрушителями и одновременно – создателями новых традиций. И если правоведы или правоприменители убеждают законодателя в необходимости изменений, самая продолжительная традиция может завершиться. В современный период применительно к рассматриваемой проблеме весьма специфическим является положение Европейского суда по правам человека и Конституционного суда РФ, решения которых могут иметь как положительное, так и отрицательное значение для сохранения традиций в уголовно-процессуальном праве.

Причины возникновения, существования и прекращения действия традиций могут быть разными. Прежде всего, на сохранение того или иного порядка процессуальных действий или институтов влияет их эффективность применительно к достижению поставленных целей или, говоря языком российского закона, для назначения уголовного судопроизводства. В большинстве случаев ни законодатель, ни (тем более!) правоприменитель не заинтересованы в сохранении малоэффективных, не востребованных практикой уголовно-процессуальных институтов. И обратный вариант: в случае востребованности практикой законодатель сохраняет то, от чего уже, казалось бы, можно отказаться. Примером этому может служить институт понятых, который появился в отечественном уголовном судопроизводстве очень давно и функционирует до сих пор (см. ст. 60, 170 УПК РФ). Современный уровень и доступность электронных (цифровых) средств фиксации позволяет производить видеосъемку любого следственного или процессуального действия, что ставит под сомнение необходимость существования института понятых в уголовно-процессуальном праве. Тем не менее, законодатель сохраняет их как участников уголовного судопроизводства, во многих случаях оставляя решение вопроса об их привлечении на усмотрение следователя (ч. 1.1, 2, 3 ст. 170 УПК РФ), справедливо считая, что возможности видеосъемки и личного восприятия понятого различны и предполагая, что при необходимости допрос понятого может помочь устранить допущенные неточности и сомнения.

Следующая причина появления и сохранения традиции – прочная «увязка» конкретного уголовно-процессуального института или процедуры с другими институтами или процедурами (причем, далеко не всегда уголовно-процессуальными). В качестве примера можно вспомнить, что в течение очень продолжительного периода времени в нашей стране участие осужденного или оправданного при рассмотрении дела во второй инстанции не являлось обязательным. Ни Устав уголовного судопроизводства Российской империи, ни советские уголовно-процессуальные кодексы не предусматривали непременное участие лица, судьба которого решалась при повторном рассмотрении дела по жалобе или протесту. Причинами этой весьма недемократичной традиции были не в последнюю очередь многочисленные сложности со своевременной доставкой (этапированием) осужденного, находящегося под стражей, в суд второй инстанции, нередко

весьма удаленный от его места содержания. Это подтверждалось стыдливой оговоркой советского законодателя, определявшего, что «явившийся в судебное заседание осужденный или оправданный во всех случаях допускается к даче объяснений» (ч. 2 ст. 335 УПК РСФСР 1960 г.). Аналогичное правило применительно к кассационному производству в Верховном Суде РСФСР было ранее закреплено и в ч. 2 ст. 435 УПК РСФСР 1923 г. Явно негативная ситуация, воспринимавшаяся большинством юристов как данность, была сломана постановлением Конституционного Суда РФ только в 1998 г. [4]. Как известно, к концу XX века технический прогресс уже позволял обходиться без физического перемещения осужденного благодаря возможности его участия в заседании суда второй инстанции посредством видеоконференцсвязи. Это обстоятельство дало возможность достаточно легко отвергнуть многолетнюю традицию и в настоящее время законодатель признает участие осужденного при рассмотрении уголовного дела в апелляционной инстанции обязательным в случаях, когда он ходатайствует о своем участии или суд посчитает это необходимым (ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ). Таким образом, прекращение существования какой-либо традиции возможно в случаях, когда законодатель находит более эффективное решение, чем ранее действовавшая процедура. Попутно заметим, что уголовно-процессуальные традиции могут быть не только положительными, но и отрицательными применительно к назначению уголовного судопроизводства.

Приведенные выше примеры демонстрируют единство и взаимопонимание между законодателем и правоприменителями по вопросу сохранения и поддержания уголовно-процессуальных институтов, давно уже ставших традиционными для отечественного уголовного судопроизводства. Но подобная сплоченность двух заинтересованных сторон случается далеко не всегда. Нередко правоприменители не воспринимают высокие идеи и замыслы законодателя или напротив, законодатель в течение длительного времени не замечает справедливых и своевременных устремлений правоприменителя. Случается, и так, что нововведение, пришедшее на смену многолетней традиции, на проверку оказывается ничуть не лучше прежнего варианта. К сожалению, практика современного российского уголовного судопроизводства дает немало поводов думать именно таким образом.

Обратимся к примеру. В течение многих десятилетий (и нескольких кодификаций) рассмотрение уголовных дел по второй инстанции в нашей стране традиционно происходило в кассационном порядке. Для этой процедуры характерными чертами являлись ревизионное начало (то есть исследование материалов дела в полном объеме для выявления допущенных нарушений независимо от доводов кассационной жалобы или протеста), минимальные требования к содержанию и оформлению жалоб, недопустимость предоставления новых материалов (за исключением особо оговоренных случаев). Таким образом, написанная на одном листе бумаги немотивированная кассационная жалоба осужденного, содержавшая только просьбу об

отмене приговора как незаконного или несправедливого, понуждала суд второй инстанции полностью изучать нередко многотомное уголовное дело с целью отыскания предполагаемых нарушений уголовного или уголовно-процессуального закона. Закон не допускал повторного судебного следствия, поэтому судебные заседания в кассационной инстанции проходили очень быстро и нередко носили формальный характер, поскольку принятие решения об отмене (изменении) приговора или отклонении жалобы, или протеста во многом зависело от добросовестности и проницательности судьи, заранее изучавшего дело. Желая улучшить ситуацию и, вероятно, привести её в соответствие с европейской практикой, законодатель сломал многолетнюю традицию, заменив во второй инстанции кассационный порядок на апелляционный, который, как известно, отличается возможностью фактически повторного рассмотрения дела с использованием всех процессуальных механизмов суда первой инстанции [7]. Но ломка традиции и замена одной (краткой по сути) процедуры на другую (как предполагалось – более развернутую и сложную) не привела, да и не могла привести к уменьшению количества жалоб. В результате судьи апелляционных инстанций оказались вынужденными работать еще быстрее и, по всей видимости, формальнее, чем их предшественники – «кассаторы». И если апелляционное производство в районных судах по делам, рассмотренным мировыми судьями, еще сохраняет черты «штучного» производства, то апелляционный порядок по делам, рассмотренным федеральными судьями, все больше становится похожим на «старую добрую» кассацию, в которой итоговое процессуальное решение принималось в течение получаса, а то и быстрее. Даже в случае заявления одной из сторон ходатайства о повторном исследовании доказательств и его удовлетворения судом апелляционной инстанции, в большинстве случаев это исследование проходит весьма скоротечно и не слишком влияет на результат. Очень показательными являются и статистические данные о работе судов второй инстанции. Доля отмененных или измененных приговоров, постановленных федеральными судьями, в общем количестве обжалованных судебных решений осталась практически неизменной по сравнению с периодом, когда существовал кассационный порядок и не превышает 7 %, в которых подавляющее большинство составляют не отмененные, а измененные судебные решения [3]. Примерно такие же данные приводил О.П. Темушкин еще в 1978 г. [6, с. 78], то есть в самые «зрелые» годы действия УПК РСФСР 1960 г. Если учесть, что качество предварительного и судебного следствия за последние годы в лучшем случае осталось на прежнем уровне с тенденцией к ухудшению, то ситуация выглядит весьма странно. Слом многолетней традиции не повлек за собой повышения эффективности трансформированного уголовно-процессуального института. Невольно хочется задать вопрос о цели такого реформирования. Утверждение о том, что изменения в закон были внесены в интересах участников процесса, не выдерживает критики – в настоящее время сторонам процесса приходит-

ся намного тщательнее относиться к составлению своих апелляционных жалоб и представлений, потому что малейшее несоответствие к жестким и формальным требованиям закона (ч. 1, 1.1, 2 ст. 389.6 УПК РФ) повлечет её возвращение заявителю (ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ), а отмена ревизионного порядка рассмотрения уголовных дел во второй инстанции обязывает заявителей обладать квалификацией по крайней мере не ниже, чем у судей суда второй инстанции, чтобы увидеть и описать в жалобе все недостатки первоначального судебного решения.

Можно ли утверждать, что загруженность судей судов второй инстанции фактически погасила все усилия законодателя по совершенствованию процедуры? Ответ на этот вопрос не будет однозначным. Каждая из двух описанных процедур имеет свои «встроенные» достоинства и недостатки и, вероятно, сохранение существовавшей традиции кассационного производства с привнесением в нее новых элементов (например, расширением возможности повторного исследования доказательств и предоставления новых материалов) позволил бы примирить заботу законодателя и устремления правоприменителя. Полагаю, что следующий предстоящий шаг законодателя, о котором уже было объявлено – создание специальных апелляционных судов для рассмотрения уголовных дел также не повлечет за собой существенное повышение эффективности второй инстанции, а лишь послужит существенной причиной для увеличения судебных издержек по конкретным делам и увеличением государственных расходов на отправление правосудия. Традиции тем и хороши, что позволяют избегать лишних резких реформирований и направлять усилия на повышение эффективности существующих уголовно-процессуальных институтов.

Библиографический список

1. Кашанина, Т.В. Происхождение государства и права. – М.: Юристъ, 1999. – С. 298.

2. Ожегов, С.И. и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.:АЗЪ, 1993. – С. 835, 453, 449.

3. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 1 полугодие 2018 года, опубликованные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ // Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 1998 г. № 27–П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6341.

5. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд. – Лондон, Франкфурт-на-Майне…1998. – С. 936 и др.

6. Темушкин, О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. – М., Юрид. лит., 1978. – С. 78.

7. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29.12.2010 N 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 1. – Ст. 45.

8. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 692.

УДК 343.13
ББК 67. 410. 2

Панчук Е.А., аспирант кафедры уголовного процесса Донбасской юридической академии

Пути повышения эффективности органов предварительного следствия в Донецкой Народной Республике

Аннотация. Статья посвящена проблематике, связанной с формированием уголовной юстиции в Донецкой Народной Республике. Рассматривается пути совершенствования органов предварительного следствия созданием корпуса следственных судей «классический» европейский или российский, выраженный в создании обособленного Следственного комитета.

Ключевые слова: предварительное следствие, уголовная юстиция, следственный судья, уголовная юстиция, досудебное производство, Следственный комитет.

Сложные геополитические процессы, проистекающие в настоящее время на территории постсоветского пространства, зачастую приводят к дезинтеграционным последствиям, к появлению новых государств и государственных образований. Весной 2014 г. в результате политического кризиса на Украине была образована Донецкая Народная Республика (ДНР) – новое государственное образование, сразу взявшее курс на сближение с Российской Федерацией.

Вполне естественно, что становление ДНР, формирование государственных институтов, создание органов власти связано с целым рядом различных проблем. И самой главной из них, безусловно, является непризнанность Республики мировым сообществом как независимого государства, субъекта международного права, участника транснациональных отношений. Тем не менее, несмотря на все существующие трудности, население ДНР пытается построить на своей территории полноценное современное государство с полным спектром присущих ему государственных функций. В настоящее время активно разрабатывается нормативно-правовая база; проводится работа по ее постепенному внедрению в жизнедеятельность Республики и т.д.

Одной из первостепенных задач, подлежащих разрешению в данном направлении, является создание эффективной системы уголовной юстиции, обеспечивающей реализацию государственных функций в сфере уголовного судопроизводства, в том числе в условиях военного конфликта с Украиной. И в этой связи руководство ДНР проводит активную работу в целях скорейшего формирования судов, прокуратуры, органов дознания и предварительного следствия, подбора квалифицированных кадров, их материального обеспечения, создания правовой основы для их деятельности.

24 августа 2018 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс ДНР [1], во в многом сохранивший правовую преемственность к действующему ранее советскому уголовно-процессуальному законодательству, в частности к УПК Украинской ССР. Будучи построенным на канонах континентального (смешанного) типа уголовного процесса УПК ДНР предполагает этап досудебного производства, включающий возбуждение уголовного дела и предварительное расследование, осуществляемое в форме дознания или предварительного следствия.

В уголовно-процессуальной доктрине уже давно сложилось четкое понимание предварительного расследования как деятельности органов дознания и предварительного следствия, направленной на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения для последующего судебного разбирательства [2, с. 30 – 31]. Именно эта позиция и была заложена в УПК ДНР, по смыслу которого предварительному расследованию подлежат все уголовные дела за исключением так называемых дел частного обвинения, предполагающих возложение обвинительной функции на потерпевшего ч. 1 ст. 29 УПК ДНР.

Основная форма предварительного расследования в ДНР – это предварительное следствие, начинающееся с момента возбуждения уголовного дела либо с момента получения материалов возбуждённого дела из органа дознания и заканчивающееся направлением уголовного дела в суд с обвинительным заключением (постановлением о направлении дела в суд для разрешения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера), либо прекращением уголовного дела. Согласно ст. 114 УПК ДНР предварительное следствие осуществляют следователи прокуратуры, следователи органов внутренних дел и следователи органов государственной безопасности в соответствии с правилами ведомственной подследственности.

Однако существующая система органов предварительного следствия – это лишь первый шаг (некий «пилотный» проект) на пути к построению в ДНР подлинно эффективной и действенной системы досудебного производства. Как было отмечено выше она была сконструирована в контексте правовой преемственности к существовавшему ранее советскому уголовно-процессуальному законодательству, являющемуся в настоящее время правовым анахронизмом. Первые результаты практической апробации нового уголовно-процессуального законодательства ДНР уже наглядно де-

монстрируют необходимость дальнейшего совершенствования и оптимизации организационного построения следственных органов как элемента общего механизма обеспечения безопасности общества и государств в целом и отдельно взятой личности в частности.

За годы, прошедшие со времени распада СССР, многие государства, возникшие на постсоветском пространстве, провели кардинальные реформы органов предварительного следствия. В частности, страны, тяготеющие к «классической» европейской (французской) модели уголовного судопроизводства: Армения, Грузия, Латвия, Литва, Украина, Эстония и др. – ввели в систему уголовной юстиции специального субъекта – следственного судью (фр. – juge d'instruction), осуществляющего досудебное депонирование доказательств и (или) судебный контроль за деятельностью органов дознания. Тогда как страны, стремящиеся выработать свой собственный, национальный путь развития досудебного производства: Россия и Беларусь – создали специальные Следственные комитеты, которые будучи напрямую подчиненными президентам этих государств, выполняют свои функции в условиях правовой автономности и независимости и от органов исполнительной власти, и от прокуратуры, и от судейского сообщества [3, с. 2 – 3].

Таким образом, в настоящее время Донецкая Народная Республика стоит перед сложной дилеммой. По какому пути следует развивать органы предварительного следствия? По «классического» европейскому, предполагающему формирование корпуса следственных судей или по российско-белорусскому, выраженному в создании обособленного Следственного комитета? Каждый из этих вариантов имеет свои преимущества и недостатки; каждый из них может быть проанализирован посредством изучения правоприменительной практики соответствующих постсоветских государств.

На наш взгляд, сегодняшние реалии существования ДНР таковы, что в решении этого вопроса следует идти именно по российско-белорусскому пути реформирования уголовной юстиции и разрабатывать концепцию создания в ДНР специализированного и независимого Следственного комитета.

Ведь формирование института следственных судей по «классической» европейской модели досудебного производства – это весьма долгосрочный проект, который может занять не один десяток лет. Подобная идея подлежит реализации лишь при наличии в государстве достаточного количества квалифицированных юристов, обладающих высоким профессионализмом, правосознанием, правопониманием, личной ответственностью и т.д. И в этой связи мы совершенно согласны с С.Б. Россинским, который отмечает, что если нынешних следователей назвать судебными следователями, следственными судьями или как-то еще и переназначить на новые должности (других–то пока взять неоткуда), то по своей сути они останутся теми же следователями; поменяется только надпись в служебном удостоверении [4, с. 95].

В настоящее время ДНР еще не располагает достаточным кадровым потенциалом, не имеет необходимого количества опытных юристов, которых можно отпустить «в свободное плавание», то есть освободить от бремени прокурорского надзора и процессуального руководства (ведомственного контроля) со стороны начальников следственных отделов.

Справедливость данного тезиса весьма показательно подтверждается и первыми итогами практики применения УПК Украины, который действовал на территории Донецкой области с 2012 по 2014 гг. Поспешность украинского законодателя с введением института следственных судей привела к массовым нарушениям закона и ущемлениям прав и свобод личности. Кстати, во–многом именно поэтому руководство ДНР отказалось от использования украинской модели уголовного судопроизводства и начало разработку собственного процессуального законодательства.

Тогда как создание в ДНР Следственного комитета по образу и подобию РФ, наоборот, повлияет на повышение качества предварительного следствия, в частности на соблюдение конституционных прав и свобод личности, сохранит потенциал прокурорского надзора и процессуального руководства (ведомственного контроля), которые в современных условиях являются необходимыми гарантиями законности, полноты, всесторонности и объективности досудебного производства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики (принят Постановлением Народного Совета ДНР № 240-IНС от 24 августа 2018 г.).

2. Жогин, Н.В., Фаткуллин, Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 30 – 31.

3. Лоза, Т.В. История создания и становления следственного комитета Российской Федерации // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. – 2013. – № 1(1).

4. Россинский, С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 10.

УДК 343.131.5

Раменская В.С., доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, к.ю.н., доцент

Проблемы возмещения юридическим лицам в порядке главы 18 УПК РФ

Аннотация. Работа посвящена изучению проблем, возникающих в процессе возмещения ущерба юридическим лицам, причинённого незаконным/необоснованным привлечением физических лиц к уголовной ответственности. Рассмотрены вопросы, возникающие при возмещении разных категорий вреда.

Ключевые слова: реабилитация, юридическое лицо, возмещение вреда, восстановление деловой репутации.

Юридическое лицо участвует в уголовном судопроизводстве гораздо реже, чем физическое. Данное обстоятельство объясняется не только конструкцией состава преступления, закреплённой в действующем законодательстве концепцией привлечения к уголовной ответственности физических лиц, но и складывающейся практикой применения действующих уголовных и уголовно-процессуальных актов.

Тем не менее, юридическое лицо может участвовать в уголовном судопроизводстве в разных процессуальных статусах. Но предметом рассмотрения данной работы будут случаи возмещения вреда, причинённого организациям, в ходе расследования и рассмотрения по существу уголовных дел.

Базовой нормой, регулирующей правоотношения такого рода, выступает статья 139 Уголовно-процессуального кодекса России (далее – УПК РФ) [1]. Согласно ей вред, возникший у юридического лица в результате незаконных действий/бездействия, решений, принимаемых в рамках уголовного дела, должен быть возмещён государством в порядке и в сроки, определённые главой 18 УПК РФ «Реабилитация».

Проанализируем это правило. В рамках указанной главы может быть возмещён имущественный вред, компенсирован моральный, восстановлены пенсионные, жилищные, трудовые, иные права реабилитированного. Что из данных правовых предписаний можно применить к юридическому лицу? Предполагаю, что немногое. Жилищные, пенсионные, трудовые права компаний нарушены быть не могут. Также невозможным представляется компенсировать моральный вред в том смысле, который предаётся данному термину статьёй 151 Гражданского кодекса РФ. Поэтому в рамках правил, закреплённых в данной главе УПК РФ, юридическое лицо может претендовать на восстановление лишь имущественных прав и попробовать возместить вред, причинённый деловой репутации.

Обратим внимание на те виды имущественного вреда, которые предлагается возместить государством в уголовном судопроизводстве. Опять та же картина. Положения части 1 статьи 135 УПК РФ рассчитаны на физических лиц и не могут быть реализованы в полном объёме применительно к юридическим. Вопросы защиты деловой репутации не урегулированы гл. 18 УПК РФ.

Поэтому допускаю, что статья 139 УПК РФ не часто применяется на практике. В пользу этой версии может косвенно свидетельствовать то обстоятельство, что вопросам, возникающим при реализации предписаний данной нормы, в Постановлении Пленума Верховного Суда России от 29.11.2011 №17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [2] уделена пара строк в пункте 6. Положение не изменилось и после внесения изменений в этот документ 2 апреля 2013 года [3]. Да и другие правила главы 18 УПК РФ не всегда оперативно изменялись. В статье 137 УПК РФ почти 8 лет присутствовали ссылки на положения закона, утратившие силу. Считаю такую ситуацию не допустимой.

Возвращаясь к анализу статьи 139 УПК РФ, хотелось бы отметить что указанная норма существует в кодексе более 17 лет, и при должно разработанном правоприменительном механизме создаёт более льготный режим возмещения вреда юридическим лицам в уголовном судопроизводстве, что абсолютно оправдано, если обратить внимание на причины возникновения такого вида ущерба.

Конечно, компании сохраняют право обратиться с соответствующими требованиями в порядке арбитражного судопроизводства. Положения ст. 69 АПК РФ позволяют признать доказанными обстоятельства, касающиеся факта совершения конкретным лицом преступного деяния. Но такая ситуация не способствует реализации принципа разумного срока судопроизводства, закреплённого и в уголовном, и в арбитражном процессе. Также не получится вести речь о повышении эффективности работы судебной системы в целом.

Поэтому правила статьи 139 УПК РФ актуальны. Они несколько оторваны от других норм главы. Законодатель, а в след за ним и правоприменитель, не говорят о реабилитации компаний. Основания применения рассматриваемого механизма сформулированы шире, чем основания реабилитации, закреплённые в статье 133 УПК РФ. Требуется установить незаконных характер действий/решений должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, осуществляющих контроль, надзор за такой деятельностью. Инициатива в этом вопросе не обязательно должна исходить от самой организации. Далее важно выявить причинно-следственную связь между незаконными деяниями/решениями и причинённым компании вредом. Пункт 6 указанного ранее постановления Пленума говоря о праве на возмещение вреда, упоминает ч. 3 ст. 133 УПК РФ. Из чего я делаю вывод,

что право на возмещение вреда возникает, если лицо было подвергнуто мерам процессуального принуждения. Значит, стоит вести речь только о широком понимании принуждения, не сводить содержание термина только к положениям раздела IV УПК РФ [4, с.216 – 217]. Осталось нормативно закрепить ответ на вопрос: должны ли быть все три основания в совокупности, или достаточно доказать лишь факт незаконных действий и причинную связь с причинённым вредом? Полагаю, что законодателю следует максимально упростить механизм восстановления в правах организаций и не настаивать на необходимости доказывать факт причинения вреда обязательными к исполнению указаниями лиц, ведущих производство по делу.

Законом не определён объем такого вреда и специальный процессуальный порядок его возмещения. Предлагается руководствоваться общими правилами. Здесь, на мой взгляд, кроется ряд противоречий.

Во-первых, законодатель говорит о возмещении вреда в полном объёме, не расшифровывая о каких категориях идёт речь. Значит, можно требовать, как возмещения реального ущерба, так и упущенной выгоды? Но анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17, складывающейся судебной практики не позволяют говорить об этом. Требовать возмещения можно только тех имущественных потерь, которые имели место. Говоря о недополученных доходах физических лиц, пункт 15 указанного решения подчёркивает, что субъект лишился этих доходов в результате уголовного преследования. Их размер исчисляется с момента прекращения выплаты на основании платёжных бухгалтерских документов. Поправка делается только на коэффициент инфляции. Значит, возмещение упущенной выгоды от незаключённых сделок, не надлежаще исполненных обязательств гражданско-правового характера в уголовном судопроизводстве не предусмотрено. Ведь в этих случаях вмешивается предпринимательский риск, учёт которого не происходит. Предлагаю закрепить возможность возмещения упущенной выгоды не только для юридических лиц, но и для индивидуальных предпринимателей. Стоит буквально понимать норму закона в практике.

Во-вторых, ст. 136 УПК РФ говорит только о компенсации морального вреда. Но содержание нормы расходится со ст. 151 ГК РФ. Ведь принесение официальных извинений прокурором от имени государства, публикации в СМИ, сообщения об оправдывающих решениях по месту учёбы, работы, жительства не имеют отношения к денежной компенсации такого вида вреда – единственному гражданско-правовому способу защиты. Поэтому предлагаю дополнить этот перечень механизмами защиты деловой репутации, указанными в ст. 152 ГК РФ: опровержение сведений, опубликование своего ответа, возмещение убытков. Следует отличать сообщение о реабилитации физического лица и защиту деловой репутации компании. Конечно, допустимо, что все эти сведения будут опубликованы в одном тексте, но, если по какой-либо причине это невозможно, юридическое лицо

должно иметь возможность использовать предоставленные ему законом права самостоятельно. В связи с этим видится возможным рекомендовать изменить название ст. 136 УПК РФ. По сути речь идёт о защите нематериальных благ. В тексте нормы предпочтительно учесть и способы защиты деловой репутации, предусмотренные ГК РФ. Тем самым будет упрощённый порядок их защиты.

В-третьих, возмещение имущественного вреда физическим лицам производится в порядке ст. 399 УПК РФ. Можно предположить, что порядок будет сохранён и в отношении организаций. Но эти правила рассчитаны на рассмотрение спорных вопросов, возникающих при исполнении приговора в отношении физических лиц. Данной идее подчинено все: начиная от территориальной подсудности, обязательного участия отдельных лиц, предмета доказывания в судебном заседании, заканчивая выносимым решением, порядком и сроками его принятия. Считаю необходимым закрепить свой процессуальный порядок для восстановления в правах физических и юридических лиц. Надо учесть все указанные факторы и дополнить необходимыми правилами главу 18 УПК РФ.

Конечно, ст. 139 УПК РФ не часто применяется на практике, но это не означает, что она должна пребывать в том виде, когда её в принципе невозможно применить. Поэтому эта норма нуждается в серьёзных дополнениях, после которых должна превратиться из предписания декларативного характера в реально работающий механизм.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ // Собрание законодательства. – 2001. – № 52.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. №17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. – Федеральный выпуск № 5649 (273).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 апреля 2013г. № 6 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» // Российская газета. – Федеральный выпуск № 6050 (74).

4. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. – 916 с.

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Россинский С.Б., профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., доцент

О взаимосвязи привлечения в качестве обвиняемого и избрания меры пресечения

Аннотация. Исходя из правовой сущности обвинения как результата дискретных полномочий следователя, основанного на совокупности достаточных доказательств, автор приходит к выводу о недопустимости фактического ограничения срока привлечения лица в качестве обвиняемого ввиду необходимости избрания в отношении него меры уголовно-процессуального пресечения.

Ключевые слова: заключение под стражу; меры пресечения; обвинение; полномочия следователя; привлечение в качестве обвиняемого.

Среди множества вопросов уголовно-процессуальной науки и практики, входивших в круг интересов профессора Ю.Д. Лившица, особое место традиционно занимали проблемы мер пресечения как наиболее строгих правоограничительных механизмов, направленных на обеспечение надлежащего поведения лиц, подвергаемых уголовному преследованию, и требующих создания надлежащего уровня правовой защищенности от следственных и судебных ошибок, от возможных злоупотреблений и иных незаконных действий субъектов уголовной юрисдикции. В этой связи ученый неоднократно обращал внимание на необходимость точного и неукоснительном соблюдения процессуальной формы, установленной для избрания мер пресечения, в особенности, заключения под стражу [6, с. 13]. Подобные позиции традиционно высказывали и многие другие авторы [3, с. 93; 7, с. 18].

Однако при этом некоторые из условий правомерности применения мер пресечения никогда не вызывали особого научного интереса. В частности, правило о предварительном привлечении «адресата» в качестве обвиняемого традиционно воспринималось как само собой разумеющееся; в многочисленных публикациях по данной тематике этот вопрос освещается посредством простого пересказывания или цитирования уголовно-процессуального закона. И на первый взгляд, здесь нет ничего странного, поскольку указанное положение лишь создаёт дополнительные гарантии защищенности личности. Однако это не совсем так.

Ведь само по себе обвинение («уголовный иск») как результат дискретных полномочий следователя формулируется исключительно на основе принципа свободы оценки доказательств. Они может быть выдвинуто

лишь при уверенности следователя в виновности лица в совершении инкриминируемого деяния. В противном случае нарушается один из концептуальных принципов уголовного судопроизводства – презумпция невиновности, а именно требование о толковании всех сомнений в пользу обвиняемого. Поэтому обвинительные тезисы, содержащие сомнительные, «натянутые» позиции, обусловленные недостаточной совокупностью доказательств, незаконны, либо преждевременны. И, таким образом, законодатель не может устанавливать процессуальных сроков для наступления того «кульминационного» момента производства по уголовному делу, когда у следователя появится достаточная совокупность доказательств для выдвижения уголовно-правовой претензии.

Но установленная ч. 1 ст. 171 УПК РФ норма о свободном (дискретном) выборе времени привлечения лица в качестве обвиняемого невольно упирается в процессуальные требования для избрания этому лицу меры пресечения. Установленное ч. 1 ст. 97 УПК РФ правовое условие о возможности применения меры пресечения лишь к обвиняемому (в исключительных случаях – к подозреваемому) фактически сводит на нет всякую свободу оценки доказательств. О каких дискретных полномочиях может идти речь, если необходимо срочно избрать меру пресечения? Ввиду безотлагательности любой из них (а в противном случае мера пресечения, вообще теряет всякий смысл) следователь вынужден предъявлять лицу обвинение в самом начале его уголовного преследования.

Особенно остро эта проблема ощущается в практике применения домашнего ареста или заключения под стражу, избираемых, как правило, после предварительного задержания лица по подозрению в совершении преступления. Ввиду установленного законом короткого 48-часового срока задержания, из которого надо еще исключить время, затраченное на доставление задержанного в орган предварительного расследования, а также 8-часой срок, оставленный для судебного заседания, в распоряжении следователя для проведения всех необходимых процессуальных действий остаются «жалкие крохи» – немногим более суток. О какой обоснованности обвинения в данном случае вообще можно говорить? Успеть бы провести минимум первоначальных следственных, «на скорую руку» сформулировать обвинение, предъявить его обвиняемому, да подготовить в суд ходатайство об избрании меры пресечения. И еще хорошо, если по делу задержан один подозреваемый. А если их несколько?

Конечно, уголовно-процессуальный закон предусматривает определённый выход из всех подобных ситуаций – возможность воспользоваться правом избрания меры пресечения в отношении подозреваемого (ст. 100 УПК РФ). Однако законодатель прямо указывает на данный механизм как на исключительный, подразумевая возможность его использования в редких, очевидно, наиболее сложных случаях, связанных, например, с большим количеством задержанных, удаленностью суда и другими нестан-

дартными обстоятельствами. Тем более, что он всего лишь предоставляет небольшую процессуальную отсрочку – 10 или 30 суток, которых с учетом особенностей многих современных уголовных дел зачастую все равно недостаточно.

Трудно сказать, порождает ли правило о предварительном придании «адресату» меры пресечения статуса обвиняемого какие-либо дополнительные процессуальные гарантии, влияет ли этот механизм на обеспечение его прав. Но посредством подобного законодательного подхода лицо испытывает гораздо бóльшую правовую несправедливость – он становится заложником вынесенного в отношении него априорно необоснованного или преждевременного обвинения, что в конечном счете искажает весь смысл уголовно-процессуальной деятельности и противоречит ее назначению. В этой связи Л.М. Карнеева писала, что преждевременное обвинение, также, как и обвинение запоздалое, влечет нарушение прав лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, и отрицательно отражается на результатах расследования [2, с. 6]. Ф.М. Кудин вообще полагает, что необоснованное привлечение лица в качестве обвиняемого приводит к неоправданному избранию в отношении него меры пресечения [5, с. 348 – 349], то есть в контексте наших рассуждении фактически предопределяет некий замкнутый круг.

Правило, в соответствии с которым мера уголовно-процессуального пресечения может применяться лишь в отношении обвиняемого, уходит своими корнями далеко в прошлое. Такой порядок был определен еще в Своде Законов Российской Империи Николая I, перешел оттуда в Устав уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., а затем – в УПК РСФРФ 1923 г. и т.д. Поэтому в настоящее время уже достаточно сложно понять замысел наших достопочтенных предшественников, впервые внедривших данную норму в систему уголовно-процессуального регулирования. В данном случае может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Дело в том, что законодательство Российской Империи в принципе не предполагало столь сильной формализации процессуального статуса обвиняемого подобно тому, как этот вопрос решается сегодня. Дореволюционный обвиняемый как бы существовал в достаточно свободной форме. В отличии от Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР и УПК РФ этим термином обозначался не строго определённый участник процесса, вовлекаемый в уголовное дело посредством специального публично-правового акта. Хотя для справедливости следует отметить, что ст. 403 Устава уголовного судопроизводства в отличии от более ранних нормативных источников уже регламентировала некий прообраз предъявления обвинения. Обвиняемым считался некий субъект, а точнее даже объект познавательных изысканий, направленных на установление его причастности к преступлению. Фактически, дореволюционный обвиняемый скорее напоминал сегодняшнего подозреваемого. Тогда так самим

подозреваемым признавалось лицо, еще не попавшее в сферу компетенции судебного следователя и находившееся в ведении полиции, то есть человек, которого в современной доктрине принято называть заподозренным, задержанным и т.п.

Вполне очевидно, что авторы первого советского УПК просто не учли данных обстоятельств в контексте избрания меры пресечения, не придали им важного значения, а просто механически перенесли в него положения отмененного царского законодательства. Тем более, что на общем фоне достаточно репрессивных уголовно-процессуальных механизмов первых десятилетий существования советской власти эти противоречия вряд ли вообще были столь заметны и ощутимы.

Другое дело – современная модель уголовного судопроизводства, обусловленная переходом Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признанием приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и т.д. При подобном подходе предусмотренная законом зависимость применения к лицу меры пресечения от факта выдвижения в отношении него обвинения не выдерживает никакой критики.

Кроме того, существующий механизм еще и сильно усложняет порядок досудебного производства, приводит к необходимости проведения дополнительных процессуальных действий, составлению лишних процессуальных документов. Для современных следователей уже обыденностью, привычкой стала сложившаяся практика, выраженная в фактически 2-этапной процедуре выдвижения в отношении лица публичной уголовно-правовой претензии: первоначального и окончательного обвинения.

Признание лица обвиняемым и избрание в отношении него меры уголовно-процессуального пресечения – это независимые друг от друга процессуальные механизмы, имеющие принципиально разные основания для применения и различную правовую природу. Предъявление обвинения и избрание меры пресечения – пишет В.М. Корнуков – хотя и тесно связаны между собой, представляют два различных процессуальных акта. Для привлечения лица в качестве, обвиняемого необходимо установить его причастность к совершенному преступлению, а для избрания ·меры пресечения – располагать сведениями о том, что определенное поведение обвиняемого может помешать нормальному ходу следствия [4, с. 64].

Таким образом, предусмотренное ч. 1 ст. 97 УПК РФ правовое условие о возможности применения меры пресечения лишь к обвиняемому на сегодняшний день является явным законодательным анахронизмом, подлежащим безусловному изменению. *Наиболее рациональным вариантом решения данной проблемы будет подход, предполагающий возможность применения меры пресечения на общих основаниях не только к обвиняемому, но и к подозреваемому*.

Представляется, что ни действующий закон, ни сложившаяся практика не содержат никаких существенных рисков нарушения прав подозреваемого в случае его «правового равенства» с обвиняемым в части возможного избрания в отношении них меры процессуального пресечения. Да и вообще предусмотренные ст. 46 – 47 УПК РФ процессуальные статусы не имеют особых процессуальных различий, если конечно не считать некоторых дополнительных прав обвиняемого, касающихся окончания предварительного расследования и судебного производства – то есть тех правоотношений, участие в которых подозреваемого невозможно исходя их самой сущности данного субъекта уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи Б.Я. Гаврилов совершенно прав, полагая, что современный законодатель по сути нивелировал разницу в правовом статусе подозреваемого и обвиняемого [1]. Поэтому, вполне разумно предположить, что государство, предоставляя указанным лицам практически одинаковые юридические возможности, должно устанавливать режим, предполагающий тождественные формы ограничения их прав и свобод, в частности, при избрании мер принуждения.

По крайней мере, подобные новации позволят решить поднятую научно-практическую проблему, связанную с существенным нарушением прав личности, выраженном в необоснованном или преждевременном привлечении к уголовной ответственности по формальным причинам – ввиду необходимости применения меры процессуального пресечения.

Библиографический список

1. Гаврилов, Б.Я. Эффективность досудебного производства // Уголовное судопроизводство. – 2017. – №. 2

2. Карнеева, Л.М. Привлечение в качестве обвиняемого. – М.: Юрид. лит., 1962. – С. 6.

3. Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. – Воронеж: ВГУ, 1975. – С. 93.

4. Корнуков, В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. – Саратов: Саратовский университет, 1978. – С. 64.

5. Кудин, Ф.М. Избранные труды. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. – С. 348 – 349.

6. Лившиц, Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 13.

7. Михайлов, В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. – М.: Академия МВД СССР, 1991. – С. 18.

УДК 343.121
ББК 67.410.2

Рябоконев С.И., ведущий юрист юридического агентства «Лигал Групп»

Объективность следователя и адвоката в установлении обстоятельств совершённого преступления

Аннотация. В статье доказывается, что при производстве по уголовному делу с позиции объективности установления обстоятельств расследуемого преступления следователем или адвокатом большая степень объективности достигается следователем. Достигнуть обратного можно только перейдя на англосаксонскую модель судопроизводства

Ключевые слова: истина, объективность, адвокат, следствие.

Сравнительный анализ позволяет высказать суждение: при производстве по уголовному делу, в установлении обстоятельств расследуемого преступления следователем или адвокатом большая объективность достигается при расследовании уголовного дела следователем. Процессуальным действиям адвоката присущ высокий уровень субъективности, утверждает большинство опрошенных специалистов.

У сторонников реализации конституционного принципа состязательности в досудебном производстве посредством развития института ходатайств и жалоб, а не посредством расширения правомочий адвоката по собиранию доказательств, данное обстоятельство является одним из аргументов в отстаивании своей позиции. Нормы уголовно-процессуального законодательства обязывают следователя производство по уголовному делу осуществлять в объёме, указанном в статье 73 УПК РФ. Расследование всех установленных обстоятельств, считает законодатель, при качественном расследовании устанавливает истинную картину преступления. Отсутствие в уголовном деле сведений хотя бы по одному пункту статьи 73 УПК РФ характеризует расследование как неполное и является основанием возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Что бы из дискуссионного вопрос об обязательном установлении истины по уголовному делу перевести в разряд решённых, по инициативе Верховного Суда Российской Федерации разработан соответствующий законопроект. В нём предлагается статью 5 УПК РФ дополнить пунктом 22.1. Этим пунктом закрепляется понятие объективной истины как цели досудебного производства: «объективная истина - соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения» [1]. До настоящего времени данная инициатива не получила законодательного закрепления, но количество сторонников её претворения не уменьшается [2, с. 11].

В сравнении с деятельностью следователя процессуальную деятельность адвоката уголовно-процессуальное законодательство организует другим порядком (образом). Осуществлять адвокатское расследование законом определено как право адвоката, но не обязанность. Это право адвокат реализует в тех следственных ситуациях, когда «максимальный эффект в отстаивании прав и законных интересов подзащитного может быть достигнут только посредством поиска и обнаружения фактов и обстоятельств, которые облегчают защиту от обвинения» [3, с. 51]. В отличии от процессуальной деятельности следователя защитник в производстве по уголовному делу исходит не из принципа установления всех обстоятельств совершённого преступления (полного расследования), всестороннего их рассмотрения и оценки. Закон этого не требует. Защитник исходит из узко представленного в расследовании интереса одного участника – обвиняемого (подозреваемого), в полной мере не обеспечивая интересы потерпевшего и других участников процесса – гражданского истца, их представителей, интересы публичного порядка [4, с. 52]. Если защитник считает, что для подзащитного проведение процессуальных действий положительных результатов не даст, то его активность минимальна [5]. Он ограничивается критическим анализом процессуальной деятельности следователя на предмет обнаружения отклонений от выполнения им законом предписанного алгоритма процессуальных действий (следственных). При обнаружении нарушений процессуального законодательства исследует вопрос, как эти нарушения можно использовать во благо защиты обвиняемого [6]. Для наиболее эффективного решения задач отстаивания интересов подзащитного в досудебном производстве ведутся исследования по разработке специфичной тактики «адвокатского опроса с элементами разведывательного опроса, основанных на закономерностях установления психологического контакта», а также рекомендации «по тактике нейтрализации адвокатом доказательственной базы обвинения при проведении следственных действий с его участием» [7, с. 7]. Акцентируется внимание: «адвокатское расследование заключается не только в поиске новых сведений, свидетельствующих о невиновности подзащитного или о меньшей степени его виновности, но и в осуществлении правомерной деятельности по обнаружению ошибок, упущений и процессуальных нарушений, допускаемых стороной уголовного преследования, с целью ослабления ее доказательственной базы или, точнее, нейтрализации» [7, с. 7].

Исследователи существа рассматриваемого вопроса, в том числе опрошенные специалисты отмечают, что преследуя цель «ослабления» доказательственной базы обвинения адвокаты в ряде ситуаций допускают злоупотребление правом, то есть «формально законное, но не правомерное по сути поведение защитника, при котором субъективные права осуществляются им в противоречии с их назначением, нарушают права и свободы других участников процесса и причиняют (либо могут причинить) вред ча-

стным и публичным интересам … » [8, с. 10]. Указанные обстоятельства доказывают, что при производстве по уголовному делу могут возникать ситуации, когда в интересах своего клиента (обвиняемого, подозреваемого) защитник не заинтересован в установлении истины. Утверждение обратного не соответствовало бы действительному положению дел [9].

Изложенное объясняет «оригинальный» подход сторонников расширения адвокатских полномочий по собиранию доказательств к вопросу об установлении истины по уголовному делу, её сущности. Понимая, что правосудие не состоится без познания истины об обстоятельствах расследуемого события, и поэтому, не отрицая необходимость устанавливать истину об обстоятельствах совершённого преступления, ими предпринимаются попытки представить истину как некую структурированную категорию: «истина промежуточная», «истина вероятностная». Такие подходы к пониманию истины представляются ошибочными. Они не способствуют повышению эффективности уголовного правосудия, а, следовательно, осложняют реализацию положений статьи 6 УПК РФ. Мы разделяем позицию тех, кто определяет истину, как соответствие полученных сведений имевшим место в реальности событиям, которые должны быть установлены посредством следствия. Не могут быть истинными знания, которые в процессе расследования получены, но недостаточны для вывода о полном и достоверном познании устанавливаемого криминального события (промежуточные знания [7, с. 9]) или допускают различные предположения о протекании, устанавливаемого события и отдельных его элементах (времени, места, последствиях, виновности и пр. – вероятностная истина [10]). При производстве по уголовному делу отсутствие у адвоката стремления устанавливать истину в ситуации, когда это не в интересах подзащитного, доказывает, что разговоры о параллельном со следователем адвокатском расследовании – не состоятельны. Исследования в этом направлении дать положительных результатов не могут. И, если законодатель, всё-таки, продолжит расширять полномочия адвоката по собиранию доказательств, то такое правотворчество не будет способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства [11], существенно осложнит и увеличит время судебного разбирательства. При этом положительный результат обеспечения прав и свобод участников уголовного процесса получен не будет.

Библиографический список

1. Проект закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Режим доступа: http://ппвс.рф/bulletin/documents/zakonoproekt-N440058-6-ot-29.01.2014.html

2. Отчерцова, О. В. Проблемы реализации принципа состязательности в деятельности адвоката-защитника на стадии предварительного расследования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2017. – С. 11 – 30.

3. Подольный, Н.А. Участие защитника в процессе доказывания: проблемы и пути их разрешения // Адвокатская практика. – 2018. – № 1 (51). – С. 48–53; Ясельская, В.В. Пути повышения эффективности участия защитника на стадии предварительного расследования // Уголовная юстиция. – 2014. – № 2 (4). – С. 34 – 38.

4. Никулочкин, Е.О., Сергеев А.Б. Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность // Социум и власть. – 2012. – № 3 (35). – С. 50 – 52.

5. Сергеев, А.Б., Савченко, А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 19 (348). – С. 58 – 64.

6. Воскобитова, Л.А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании. Статья 1. Поиск алгоритма // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 2. – С. 22 – 24.

7. Осьмаков, М. А. Адвокатское расследование в современном уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – С. 7 – 177.

8. Сибирцев, Г. И. Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2018. – С.10.

9. Сергеев, К.А., Сергеев, А.Б. Следователь-криминалист как субъект права и как законодательный приём совершенствования организации досудебного производства: оценка результата // Проблемы права. – 2017. – № 5 (64). – С. 109 – 113.

10. Балашов, А.Н. Активная роль суда в реализации задач административного судопроизводства // Администратор суда. – 2017. – № 2. – С. 33 – 38.

11. Сергеев, А.Б. Состояние и перспективы научного разрешения проблем дифференциации и унификации форм уголовно-процессуальных производств // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 20 (349). – С. 119 – 124.

УДК 343.3

Сергеев К.А., профессор кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института ЮУрГУ (НИУ), д.ю.н., доцент

К вопросу о преюдициальном значении промежуточных судебных решений

Аннотация. В настоящей статье проанализирована проблема наделения промежуточных судебных решений свойствами преюдиции.

Ключевые слова: промежуточные судебные решения, свойства промежуточных судебных решений, мотивировка, преюдиция.

Предварительное расследование по праву называют самой продолжительной и самой насыщенной стадией уголовного судопроизводства. Широкий круг решаемых в ходе предварительного расследования задач является причиной принятия множества процессуальных решений, при этом, необходимо отметить, что решения, имеющие значение для предварительного расследования, принимаются не только следователем или дознавателем, но и прокурором и судом. Такие судебные решения называются промежуточными и, согласно п. 53.3 ст. 5 УПК РФ, к ним относятся все определения и постановления суда, за исключением итогового судебного решения.

Настоящая статья является попыткой оценить степень реализации выводов, содержащихся в промежуточных судебных решениях, в ходе предварительного расследования.

При рассмотрении поставленной задачи, необходимо обратиться к значению термина «решение». Не смотря на частое использование понятия «решение», его однозначное определение в уголовно-процессуальном законе отсутствует. Вместо этого законодатель закрепляет трактовку различных форм решений – приговор, постановление, определение, вердикт.

В рамках настоящей статьи считаем возможным согласиться с мнением Лупинской П.А., предложившей определять решения в уголовном судопроизводстве как «правовые акты, выраженные в установленной законом процессуальной форме, в которых государственный орган или должностное лицо в пределах своих полномочий в определенном законом порядке дает ответ на возникшие по делу правовые вопросы, основанные на установлении фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, и содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение уголовного судопроизводства» [1, с. 38] .

Оценив предложенную Лупинской П.А. формулировку, можно выделить ряд признаков, характерных для решения. Во-первых, решение должно приниматься государственным органом или должностным лицом, во-вторых, должно основываться на фактических обстоятельствах дела и предписаниях закона, в-третьих, решение должно содержать властное волеизъявление, и в–четвертых, должно быть выражено в установленной законом процессуальной форме.

Принимая в целом отмеченные Лупинской П.А. признаки решения, считаем целесообразным более детально определить, что же представляют собой фактические обстоятельства дела, на которых должно основываться решение?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к требованиям, предъявляемым к решениям, содержащимся в уголовно-процессуальном законодательстве.

Как следует из взаимосвязи положений ст. 389.9 УПК РФ и ч. 4 ст. 7 УПК РФ, любое решение, в какой бы то оно ни было представлено форме, должно быть законным, обоснованным и мотивированным, а приговор еще и справедливым.

И здесь обращает на себя внимание значение термина «мотивированность».

Законодательно не закреплено определение термина «мотивированность», однако, анализ практики постановления судами приговоров, содержащийся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 55 от 29.11.2016, позволяет выделить ряд закономерностей, которые можно расценивать как характерные черты мотивированности. Во-первых, в решении должно присутствовать перечисление доказательств, исследованных судом в судебном заседании, кроме того, данные доказательства должны быть судом оценены и принято решение об их использовании в качестве таковых при вынесении решения. Во-вторых, судья, оценив содержание принятых им доказательств, должен сформулировать законченное описание событий, ставших предметом исследования, описав механизм их развития. В-третьих, установленные объективные обстоятельства произошедшего должны быть отождествлены с правовой конструкцией закона, создавая тем самым предпосылку для принятия итогового решения в соответствии с установленным правовым алгоритмом.

Таким образом, на наш взгляд, процесс мотивирования можно рассматривать как основанный на принятых судом доказательствах мыслительный процесс по формированию динамической модели произошедших событий тождественной (либо противоречащей) правовым конструкциям, закрепленным в законе».

Предлагая данную формулировку процесса мотивирования, считаем, что все элементы данного процесса, начиная от предпосылок (доказательств, принятых судом за основу выносимого решения), и заканчивая конкретными умозаключениями (динамической моделью произошедших событий), можно расценивать как обстоятельства, устанавливаемые вступившим в законную силу приговором или иным решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства. По нашему мнению, именно об этих обстоятельствах говориться в ст. 90 УПК РФ и именно им законом предается преюдициальное значение.

Иными словами, свойствами преюдиции обладают не только итоговые выводы суда, но и все последовательные умозаключения суда, составляющие логическую цепочку, приведшую к разрешению стоявших перед судом вопросов. Поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ мотивированными должны быть любые решения, то и свойствами преюдиции должны обладать любые решения суда – как итоговые, так и промежуточные.

Вместе с тем, из содержания ст. 90 УПК РФ следует, что свойствами преюдиции обладают только итоговые решения суда и это означает, что

закон не наделяет свойством преюдициальности промежуточные судебные решения. Безоговорочное принятие существующего положения вещей может фактически привести к «обесцениванию» правовой значимости указанной категории решений. Однако анализ практики реализации промежуточных судебных решений показывает, что это не так.

Давая определение промежуточным судебным решениям, Червоткин А.С., отмечает, что «это вспомогательные решении суда, имеющие целью создание надлежащих условий для осуществления судопроизводства, принятые с соблюдением предусмотренных процедур в ходе производства по уголовным делам, зафиксированные в процессуальной форме, не разрешающие уголовные дела по существу и подлежащие, как правило, немедленному исполнению» [2, с. 9; 6, с. 50 – 52].

Наиболее ярким примером промежуточного решения суда можно с уверенностью назвать решения, принимаемые в порядке ст. 125 УПК РФ. Это связано с тем, что судебное заседание, проводимое для рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в большей степени, обладает чертами классического судебного разбирательства [3, с. 88 – 94], чем, скажем, судебные заседания, осуществляемые в порядке ст. 108 УПК РФ или же в порядке ст. 165 УПК РФ. Кроме того, участники уголовного судопроизводства, прежде всего со стороны защиты, реализуя предоставленные им права, активно используют механизмы их обеспечения, в том числе, закрепленные в гл.гл. 15 – 16 УПК РФ, т.е. – посредством подачи заявлений и ходатайств, а также жалоб [4, с. 119 – 124].

Более того, правовой анализ процедуры, предусмотренной ст. 125 УПК РФ, содержащийся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 10.02.2009 г., позволяет сделать вывод о наличии требований к порядку проведения судебного заседания и к содержанию итогового решения, принимаемого в порядке ст. 125 УПК РФ, которые схожи с требованиями к судебному заседания проводимому в общем порядке при разрешении уголовного дела по существу и принятию итогового решения.

При этом, как уже было сказано выше, и как следует из формального толкования содержания ст. 90 УПК РФ, решения, принимаемые в порядке ст. 125 УПК РФ, признаками преюдициальности не обладают. При этом, что характерно, в п. 8 указанного Постановления Пленума Верховного суда РФ суду предписывается прекращать производство по жалобе если будет установлено, что жалоба с теми же доводами уже удовлетворена (рассмотрена), поскольку в этом случае отсутствует основание для проверки законности [5, с. 58 – 64; 6, с. 51]. Но означает ли это, что Верховный Суд РФ фактически признает преюдициальное значение решений, принимаемых в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ?

В Постановлении Пленума Верховного Суда № 1 от 10.02.2009 указывается, что при ответе на вопросы о законности действий (бездействий) должностных лиц, свое решение суд должен основывать, на «имеющихся

данных и дополнительно представленных материалах», при этом суд не может использовать доказательства, напротив, в постановлении неоднократно подчеркивается, что судья не вправе делать вывод об оценке доказательств.

Таким образом, Верховный Суд РФ фактически лишил промежуточные судебные решения одного из главных признаков – наличие доказательств в качестве обоснования. Вместе с тем, все остальные признаки судебного решения сохранены, в том числе необходимость оценить «имеющиеся данные и дополнительно представленные материалы».

И пускай, промежуточное решение не обладает в полной мере силой преюдиции, оно все же имеет юридическую силу общеобязательного судебного решения, хоть и ограниченную как по предмету воздействия, так и по кругу лиц, для которых оно обязательно.

Изложенное позволяет констатировать необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законе, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ обязанность правоприменителя (дознавателя, следователя, прокурора) при совершении процессуально значимых действий учитывать выводы и предпосылки к ним содержащиеся в промежуточных решениях суда.

Библиографический список

1. Лупинская, П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, Инфа-М, 2010. – С. 38.

2. Червоткин, А.С. Промежуточные судебные решения и порядок из пересмотра в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2014. – С. 9.

3. Чеботарева, И.Ю., Сергеев, А.Б., Сергеев, К.А. Основные направления совершенствования прокурорского надзора над процессуальными решениями субъектов расследования преступлений, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: Право. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 88 – 94.

4. Сергеев, А.Б. Состояние и перспективы научного разрешения проблем дифференциации и унификации форм уголовно-процессуальных производств // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 20 (349). – С. 119 – 124.

5. Сергеев, А.Б., Савченко, А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 19 (348). – С. 58 – 64.

6. Никулочкин, Е.О., Сергеев, А.Б. Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность // Социум и власть. – 2012. – № 3 (35). – С. 50 – 52.

УДК 343.135
ББК 67.410.2

Смыр А.Д., адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России

Основания прекращения уголовных дел (уголовного преследования) и реализация воспитательной функции уголовного судопроизводства

Аннотация. В статье анализируется роль системы оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования в реализации воспитательной функции уголовного судопроизводства, в формировании модели позитивного посткриминального поведения лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, воспитательная функция уголовного процесса, восстановительное правосудие.

Роль в современных демократических государствах уголовного судопроизводства как цивилизованного способа разрешения уголовно-правового конфликта очевидна. Однако наряду с созданием законных оснований для применения норм уголовного права, обеспечением восстановления нарушенных преступлением прав и законных интересов физических и юридических лиц, защитой интересов государства, уголовный процесс выполняет и ряд других важных социальных функций, среди которых особое значение, по мнению Ю.Д. Лившица, отводится воспитательной функции. Подчеркивая ее специфику, Юрий Данилович отмечал:

«1) через нее выполняются воспитательно-предупредительные задачи уголовного судопроизводства…;

2) она осуществляется в рамках процессуальной деятельности;

3) не все субъекты уголовно-процессуальной деятельности ее осуществляют;

4) ее реализация обращена не только на участников уголовного процесса;

5) воспитательные цели достигаются… в связи с уголовным делом, находящимся в производстве;

6) результаты ее осуществления (в отличие от других функций) не могут быть констатированы непосредственно по завершении производства по делу в каком-либо процессуальном акте;

7) она проявляет себя во всех стадиях процесса;

8) она требует при производстве по делу соблюдения не только правовых, но и моральных норм…» [1, с. 137].

В рамках настоящей статьи хотелось бы обратить внимание на реализацию воспитательной функции уголовного процесса в ходе применения на практике норм, регламентирующих основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования – в контексте формирования системы восстановительного правосудия.

Правильно выстроенная нормативная основа прекращения уголовного дела и уголовного преследования (особенно в ситуациях применения компромиссных вариантов урегулирования уголовно-правовых конфликтов) при условии адекватного правоприменения позволяет достичь общественно полезного результата:

1) разрешения уголовно-правового конфликта в правовом русле с соблюдением баланса публичного и частного интереса;

2) обеспечения восстановления нарушенных прав потерпевших;

3) формирование моделей позитивного посткриминального поведения лиц, совершивших преступления;

4) профилактика преступлений и воспитание участников уголовного судопроизводства.

Особую значимость, как полагаем, имеет именно формирование должной модели пострикриминального поведения лиц, совершивших преступление, т.к. от этого зависит выбор способа урегулирования правового конфликта (здесь мы видим связь между активными позитивными действиями, подпадающими под условия применения тех или иных оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, с одной стороны, и выбором правоприменителем соответствующего основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования).

От того, как правильно будет сформирована модель посткриминального поведения подозреваемого (обвиняемого), будет зависеть и степень удовлетворения потерпевшего, чьи права и законные интересы пострадали в результате преступления. В современных условиях потерпевшим от преступлений зачастую важнее добиться восстановления его нарушенных прав, чем достичь наказания, создающего максимальные неудобства и изъятия из личных прав и свобод виновного в совершении преступлений. Не случайно последнее время государством особое внимание уделяется вопросам возмещения вреда, причиненного преступлением (этот показатель теперь учитывается в статистических отчетах правоохранительных ведомств).

Таким образом, важной задачей в досудебном производстве по уголовным делам является формирование правильного посткриминального позитивного поведения подозреваемого и обвиняемого – особенно по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, когда преступление лицом совершается впервые. Государству важно, чтобы члены общества не выбывали из хозяйственного оборота и обычных правоотношений в ходе привлечения к уголовной ответственности. В связи с этим компромиссные способы урегулирования уголовно-правовых споров при-

обретают особую значимость в уголовном судопроизводстве. Не случайно Пленум Верховного Суда РФ ориентирует правоприменителей «… по каждому уголовному делу … проверять, имеются ли основания для применения к лицу, совершившему преступление, положений статей 75, 76, 76.1, 76.2 или 78 УК РФ» [2]. И хотя эти рекомендации адресованы представителям судейского корпуса, полагаем, что их значимость для сотрудников органов предварительного расследования не менее актуальна.

Для формирования позитивной посткриминальной модели поведения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, по нашему глубокому убеждению, требуется наличие, во-первых, четкого нормативного регулирования системы оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования, во-вторых, выстраивания эффективной правоприменительной практики по разъяснению условий применения данных оснований в каждом конкретном случае совершения преступления, формально подпадающем под действие указанных положений главы 11 УК РФ. Мотивация лиц, впервые совершивших преступления, относящиеся к категории небольшой или средней тяжести, к проявлению активного посткриминального позитивного поведения – это важный шаг к усилению воспитательной направленности уголовного судопроизводства.

Но на практике имеют место негативные тенденции в этой социально важной работе: многие правоприменители не только не мотивируют подозреваемых и обвиняемых к совершению значимых для адекватного разрешения уголовно-правового конфликта действий, но, даже наоборот, не спешат в полной мере реализовать потенциал положений главы 11 УК РФ, считая, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования – это «отрицательный показатель» в их служебной деятельности, в деятельности их подразделения.

Так, нами проводилось анкетирование следователей и дознавателей, проходивших в ноябре–декабре 2018 г. повышение квалификации в Волгоградской академии МВД России на предмет отношения в их подразделениях к прекращению уголовного дела или уголовного преследования. Из 104 опрошенных 83 респондента (это составляет 80 %) сами не считают, что прекращение уголовного дела (преследования) свидетельствует о незаконности его возбуждения или незаконности начала преследования конкретного лица. Однако 73 респондента подтвердили отрицательное отношение руководства их подразделений к такой форме окончания предварительного расследования (70 %).

О негативном отношении на практике к завершению производства по уголовному делу путем его прекращения свидетельствуют и объективные данные официальной статистики. Анализ «криминальной базы» применения оснований для прекращения уголовного дела и уголовного преследования по ст. ст. 25, 25.1, 28, 28.1, 427, 431 УПК РФ показывает ее увеличение на 3 % за 2013 – 2017 гг., «что в условиях общего тренда на либерали-

зацию уголовной и уголовно-процессуальной политики должно закономерно привести к значительному увеличению прекращенных уголовных дел. Однако анализ непосредственно статистических данных о работе судов общей юрисдикции на основании отчета формы № 1, размещенных на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, показывает, что объективные процессы по увеличению вышеуказанной «криминальной базы» не повлекли» [3, с. 139] роста количества прекращенных дел.

Таким образом, даже судебные органы не в полной мере используют потенциал положений главы 11 УК РФ. Вряд ли подобное отношение правоприменителей будет способствовать формированию ожидаемого позитивного посткриминального поведения подозреваемых и обвиняемых, выполнению воспитательной функции уголовного судопроизводства в этой части. Полагаем, необходимо менять ведомственную статистическую отчетность, в негативном аспекте оценивающую факты прекращения уголовных дел по указанным выше основаниям, надо ориентировать правоприменителей на широкое использование оснований для прекращения уголовного дела и уголовного преследования при наличии всех необходимых условий и требований, предусмотренных законом к поведению лиц, совершивших преступления.

Библиографический список

1. Лившиц, Ю.Д. Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства // Избранные труды. – Челябинск: Книга, 2004. – С. 137.

2. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 8.

3. Смыр, А.Д. Либерализация уголовной политики и применение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих вопросы прекращения уголовного дела или уголовного преследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 139.

УДК 343.1

Татьянина Л.Г., заведующий кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета, д.ю.н., профессор

Дискуссионные вопросы применение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

Аннотация. Судебная практика применения судебного штрафа создала много вопросов о возможности его применения по любым категориям

преступлений небольшой и средней тяжести. В статье отстаивается позиция о недопустимости применения судебного штрафа при привлечении к уголовной ответственности за должностные преступления и преступления против жизни.

Ключевые слова: судебный штраф, должностные преступления, мотивация, личность, защита прав.

Гумманизация уголовной политики в современный период характеризуется поиском мер, обеспечивающих возможность претерпевания ответственности для лица, совершившего преступления, с одновременным обеспечением социализации личности без каких-либо негативных для нее последствий. В связи с чем в УК РФ была введена иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Позитивным моментом принятия указанной меры является то, что человек освобождается от уголовной ответственности и не несет в последующем негативных последствий в виде судимости, в связи с чем он заинтересован в урегулировании уголовно-правового конфликта и возмещения причиненного вреда.

Законодатель предусмотрел возможность принятия решения о прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа только по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, подчеркивая, таким образом, возможность применения указанной меры к лицам, которые не представляют особой общественной опасности. Однако, на практике возникают вопросы о возможности и целесообразности применения судебного штрафа по уголовным делам указанной категории [1].

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о возможности применения судебного штрафа за совершение должностных преступлений. Личность имеет многоуровневую организацию. Высший и ведущий уровень психической организации личности – ее потребностно-мотивационная сфера – направленность личности, ее отношение к обществу, к отдельным людям, к себе и своим общественным и трудовым обязанностям. Соответственно должностное лицо, совершившее преступление, используя свое положение пренебрегло своими обязанностями в пользу каких-то личных интересов.

Любое преступление совершается в результате того, что у данной личности упрочилась система смысловых образований, обуславливающая его извращенное отношение к определенной стороне социальной действительности. Изучая личность, необходимо выявить доминирующие побуждения, образующую систему его поведения, стратеги. Его жизнедеятельности [7].

Поведение конкретной личности определяется мотивацией. До настоящего времени недостаточно исследовано поведение должностных лиц, как правомерное, так и неправомерное. О мотивах и составе преступления написано огромное количество различных научных работ. «О мотивах и

составе отклоняющегося поведения должностных лиц не известно ни одной» [3].

Возникает вопрос о возможности и целесообразности применения судебного штрафа по уголовным делам о должностных преступлениях. Следует учитывать, что лицо, облеченное властью всегда тяжело для других, поскольку его решения имеют властное содержание, их выполнение обеспечивается государством, в том числе в принудительной форме. Должностное лицо действует от имени государства, оно осознает, что любое обращение к нему является обращением не как к частному лицу, а как к лицу, выполняющему определенные властные полномочия, поэтому совершение им должностного преступления более опасно, так как лицо не может справиться со своими желаниями и идет на совершение преступления, осознавая, что оно совершает его не как частное лицо, а как должностное лицо, облеченное властью. Освобождение должностного лица за совершение преступления позволяет ему оставаться на своей должности. Единожды предав доверие, которое ему было оказано назначением на должность, связанною с осуществлением власти, вряд ли можно быть уверенным в дальнейшей порядочности данного человека. Подобный подход к решению вопроса об освобождении от уголовной ответственности должностных лиц вызывает определенное неприятие. Фактически, освобождая лицо от уголовной ответственности, невозможно применить к нему дополнительные меры наказания в виде лишения права занимать определенные должности, таким образом, получается, что лицо, заплатив судебный штраф, откупается и сохраняет за собой необходимую должность. Таким образом, для должностных лиц судебный штраф выступает в качестве индульгенции [2], но насколько это целесообразно.

Человек может верить власти только в случае, если он знает, что она обеспечит защиту и соблюдение его прав и законных интересов. В ситуации, когда происходит нарушение прав представителями власти, происходит утрата доверия не только к лицам, ее представляющим, но и к самой власти. Освобождение от уголовной ответственности за совершенное преступление должностных лиц с применением судебного штрафа представляется недопустимым. На практике возникает абсурдная ситуация, если должностное лицо совершило преступление, то оно может заплатить штраф и продолжать свои деятельность. Может ли человек обратиться за помощью к указанному лицу, доверять ему. Подобный подход создает недоверие к правосудию, к деятельности должностных лиц в целом. Полагаю, что применение судебного штрафа недопустимо применять в отношении лиц, совершивших должностные преступления, так как в данном случае лицо совершает преступление не как частное лицо, а как представитель государства, которое изначально запретило под угрозой уголовного наказания совершать конкретные действия, соответственно нарушение прав конкретного лица или организации осуществляется под эгидой государст-

венной деятельности. Должностное лицо должно нести наказание за совершенное деяние и не может отделываться легким испугом в виде оплаты судебного штрафа, в противном случае ставиться под сомнение осуществление правосудия.

Дискуссионным является вопрос о применении судебного штрафа за совершение преступлений против жизни человека. Не совсем понятно, каким образом можно установить, что вред заглажен или возмещен. Возникает вопрос о том, кому он должен быть возмещен: жертве, ее родственникам или государству? Как можно оценить размер вреда, если речь идет о жизни человека? Сложно согласиться с тем, что следует освобождать от уголовной ответственности женщину за убийство новорожденного ребенка. Какая бы не была травмирующая ситуация, но сознательно и воливо убить ребенка, на это способен даже не каждый хищник, более того хищники, нападающие на людей, защищают детей, остающихся в опасности. Женщина, родившая ребенка, а затем лишившая его жизни, представляет общественную опасность, вряд ли она должна освобождаться от уголовной ответственности. Подобный подход ставит под сомнение обеспечение государством естественного права на жизнь.

Вызывают вопрос и назначения судебного штрафа по уголовным делам о нарушении правил дорожного движения, повлекших смерть человека. Как показывает практика, суды назначают судебные штрафы, освобождая виновное лицо от уголовной ответственности, но они не могут одновременно лишить права заниматься определенным видом деятельности, то есть лишить прав водителя. Возникает пародоксальная ситуация, когда за совершение административного правонарушения лицо лишается водительских прав, а за совершение преступления с тяжкими последствиями продолжает управлять транспортом, создавая таким образом возможность совершения аналогичного преступления. Возмещение причиненного вреда в указанных ситуациях определяется родственниками погибшего.

Вспоминается Русская Правда, согласно положения которой, «…наивысшая вира в 80 гривен платилась за убийство высокопоставленных княжеских должностных лиц: дворецкого, княжеского подъездного (ст. 19), княжеского тиуна (ст. 22), старшего конюха (ст. 23). Эта вира была в 16 раз больше, чем за убийство смердов или холопов. Меньшая вира, в 40 гривен, устанавливалась за любого свободного человека. Это могли быть купец, княжеский дружинник (ябетник, мечник, гридин), изгой (ст. 1). Пространная Правда добавляет к этому списку боярского тиуна (ст. 1), княжеского конюха и повара (ст. 11). За убийство представителя неполноправного населения устанавливалась вира в 12 гривен. Русская Правда относит к ним княжеского старосту (ст. 24), рабу-кормилицу и дядьку-воспитателя (ст. 27). Пространная Правда расширяет список этих лиц, прибавляя к ним ремесленника и ремесленницу (ст. 15), кормильца и кормилицу (ст. 17). Низшая вира – 5 гривен. Ею охранялась жизнь княжеского

рядовича (ст. 25). Пространная Правда прибавляет к ним боярского рядовича (ст. 14)» [5].

Полагаю, что применение судебного штрафа по уголовным делам, связанным с причинением смерти человеку не должно применяться, поскольку возместить вред самой жертве невозможно, а торговля жизнью человека просто недопустима.

Библиографический список

1. Екимов, А.А. Назначение судебного штрафа как основания для освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы права: материалы V Международной научной конференции (Москва) – М.: Буки–Веди – 2016. – С. 135 – 137.

2. Индульгенция – это «отпущение перед Богом временной кары за грехи, вина за которые уже изглажена; отпущение получает христианин, имеющий надлежащее расположение, при определенных обстоятельствах через действие Церкви, которая как распределительница плодов искупления раздает удовлетворения из сокровищницы заслуг Христа и святых и правомочно наделяет ими // Катехизис Католической церкви» (ККЦ) – Создан по решению чрезвычайного Синода епископов, состоявшегося в 1985 году, утвержден папой Иоанном Павлом II 25 июня 1992 года папским посланием Laetamurmagnopere и обнародованный 11 октября того же года апостольской конституцией Fideidepositum.

3. Лазарев, В.В., Липень, С.В. История и методология юридической науки – М.: НОРМА – 2019 – С. 31.

4. Мартыненко, Э.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера // Труды Академии управления МВД России – 2017. – № 1 (41). – С. 24 – 27 и др.

5. Петров, И.В. Государство и право Древней Руси (750 – 980 годы). – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2003. – 413 с.

6. Татьянин, Д.В. Производство по уголовному делу после отмены постановления о прекращении уголовного дела и назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2017: Материалы XIX Международной научно-практ. конф. – Челябинск – Ч. 2 – 2017 – С. 181 – 184

7. Татьянина, Л.Г. Психопатология и уголовный процесс: монография – Ижевск – 2002 – С. 34 – 35.

УДК 343

Шагеева Р.М., доцент кафедры уголовного права и процесса Института права БашГУ, к.ю.н., доцент

Обжалование решения суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий

Аннотация. Статья посвящена особенностям избрания и последующего обжалования новой меры пресечения в виде запрета определенных действий. В ней рассматриваются вопросы содержания данной меры пресечения, оснований для ее обжалования.

Ключевые слова: меры пресечения; запрет определенных действий; заключение под стражу; домашний арест; залог, обжалование.

Федеральным законом от 18 апреля 2018 года № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [1] в уголовно-процессуальное законодательство введена мера пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), суть которой заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам уполномоченных органов, а также соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

УПК РФ закрепил исчерпывающий список запретов (ч. 6 ст. 105.1), которым суд может подвергнуть подозреваемого, обвиняемого при избрании данной меры пресечения: «1) запрет на выход в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает на законных основаниях; 2) запрет на нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, запрет на посещение определенных мероприятий и участие в них; 3) запрет на общение с определенными лицами; 4) запрет на отправление и получение почтово–телеграфных отправлений; 5) запрет на использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; 6) запрет на управление автомобилем или иным транспортным средством в случае, когда совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств».

В соответствии с ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей: своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколь-

ко запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов.

Таким образом, в постановлении должны быть указаны мотивы и основания установления запретов в отношении подозреваемого или обвиняемого и невозможность избрания иной, более мягкой меры пресечения (ч. 3 ст. 105.1 УПК РФ). Избирательность в выборе конкретных запретов, на наш взгляд, предполагает необходимость обоснования в постановлении возлагаемых ограничений, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. При этом некоторые авторы [2] справедливо указывают на неразрешенность данного вопроса в законодательстве, поскольку также и в ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ не сказано об основаниях осуществления того или иного ограничения, предусмотренного ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, при избрании меры пресечения в виде залога суд вправе возложить на подозреваемого или обвиняемого обязанность по соблюдению одного или нескольких запретов, предусмотренных частью шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса, а при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста одного или нескольких запретов, предусмотренных пунктами 3–5 части шестой статьи 105.1 настоящего Кодекса». Анализ судебной практики показывает, что суды просто перечисляют пункты ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, не обосновывая их. Например, «с учётом данных о личности Z., фактических обстоятельств уголовного дела и предоставленных сторонами сведений, суд апелляционной инстанции приходит к выводу, что цели предупреждения уклонения обвиняемого от предварительного следствия, обеспечения его правопослушного поведения, нормального хода уголовного судопроизводства, могут быть достигнуты путём применения к Z. более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу – в виде запрета определенных действий, с возложением на него обязанности самостоятельно и своевременно являться по вызовам следователя и суда и запретов, указанных в пп. 1, 3, 4, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ» [3].

Представляется, основания применения меры пресечения в виде запрета определенных действий предусмотрены в общей норме ст. 97 УПК РФ. Выбор конкретных ограничений определяется данными о личности подозреваемого или обвиняемого, фактическими обстоятельствами уголовного дела и представленными сторонами сведениями (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

На постановление судьи об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, о продлении срока ее действия и об отказе в этом в течение 3 суток со дня их вынесения могут быть принесены апелляционные жалоба, представление, в порядке, установленном ст. 389.3 УПК РФ, подлежащие рассмотрению в такой же срок со дня поступления жалобы или представления в суд апелляционной инстанции.

Согласно п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о

мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [4], исходя из положений ч. 4 ст. 255 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 3 ст. 107 и ч. 11 ст. 108 УПК РФ сокращенные сроки подачи и рассмотрения апелляционных жалобы и представления на решения об избрании указанных мер пресечения и о продлении срока их действия распространяются и на случаи, когда они приняты после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

При пересмотре решения судьи о применении меры пресечения в виде запрета определенных действий помимо мотивов, основания необходимо проверить наличие указания на конкретные условия исполнения этой меры пресечения с учетом возлагаемых запретов, правильность определения сроков применения запретов.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18 апреля 2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru

2. Азаренок, Н. Основания и порядок применения запрета определенных действий // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 109 – 112.

3. Апелляционное постановление Мурманского областного суда № 22К-1124/2018 от 25 сентября 2018 г. // URL: http:// sudact.ru /regular /doc/ DaIuJY46g4Vx/

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. №41 (в ред. от 24 мая 2016 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Российская газета. – 2013. – № 294.

СЕКЦИЯ «КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

УДК 343.98

Аминев Ф.Г., профессор кафедры криминалистики БашГУ, д.ю.н., профессор

Аминев А.Ф., начальник отдела Министерства природопользования и экологии Республики Башкортостан

Современные состояние и перспективы развития экспертно-криминалистических учетов в Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрено состояние экспертно-криминалистических учетов в России. Произведен анализ и показаны перспективы развития и преимущества генотипоскопических учетов, основанных на новом методе ДНК-идентификации с помощью снипов.

Ключевые слова: экспертно-криминалистические учеты, геномная регистрация, STR-локусы, снипы, ДНК-идентификация.

Одной из важнейших составляющих успешной борьбы с преступностью является криминалистическая регистрация – система научных положений и технических средств и методов по сбору, накоплению, обработке и использованию криминалистически значимой информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Как писал один из создателей отечественной криминалистики И.Н. Якимов, «уголовную (криминалистическую – А.Ф.) регистрацию можно сравнить с частой сетью, раскинутой над преступным миром… она должна быть поставлена, по возможности, широко и всесторонне, охватывать максимальное количество учетных единиц и пользоваться точными способами учета, находящимися на высоте современной науки» [4, с. 31].

В настоящее время криминалистическая регистрация развивается в ходе осуществления идеи комплексного применения информационных, телекоммуникационных и геоинформационных технологий, технологий искусственного интеллекта и защиты информации в рамках создания единой информационно-телекоммуникационной системы (ЕИТКС) органов внутренних дел Российской Федерации.

Ведущиеся в системе криминалистической регистрации учеты трех групп объектов (лиц; предметов; преступлений) сосредоточены, в основном, в информационно-аналитических центрах, экспертно-криминалистических центрах, некоторых оперативных службах МВД России и ряде других силовых ведомств.

Подробно виды, порядок формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации определены приказом МВД России от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (в ред. от 11.09.2018.) [1]. Перечень основных видов экспертно-криминалистических учетов, ведущихся в органах внутренних дел Российской Федерации, получивших наиболее высокотехнологичное обеспечение: картотека следов рук (при помощи АДИС «Папилон», г. Миасс); учет следов подошв обуви (с системой «Портланд» – Томск); учет следов орудий взлома; учет следов протекторов шин транспортных средств; учет данных ДНК биологических объектов (автоматизированные комплексы из Великобритании и США); учет микрообъектов (микроволокон, частиц лакокрасочных покрытий, полимеров и металла); учет самодельных взрывных устройств; учет самодельного огнестрельного оружия; учет пуль, гильз и патронов со следами нарезного огнестрельного оружия, изъятых с мест происшествий (на базе автоматизированной баллистической идентификационной системы «Арсенал», г. Миасс, Россия); учет контрольных пуль и гильз утраченного служебного, гражданского оружия с нарезным стволом, боевого ручного стрелкового оружия (также АБИС «Арсенал»); учет поддельных денежных билетов, ценных бумаг и документов; учет поддельных монет; учет субъективных портретов разыскиваемых лиц (программное обеспечение «Портрет»); краниологический учет (учет черепов неопознанных трупов) с программным обеспечением кранифасциального сканирования.

Кроме перечисленных основных в органах внутренних дел ведется и множество инициативных видов экспертно-криминалистических учетов: например, в ЭКЦ по Республике Башкортостан – коллекции различных видов кожевенных материалов, коллекции укупорок и наклеек этикеток винно-водочных заводов и многие другие.

Практика борьбы с преступностью показывает необходимость скорейшего создания единой автоматизированной интегрированной информационно-поисковой системы биометрических параметров человека. Представляется, что наиболее перспективными базами данных с использованием биометрических технологий, основанными на компьютерном анализе и идентификации личности человека, являются генотипоскопические учеты.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы», правила обработки геномной информации утверждены Министерством внутренних дел Российской Федерации; учет, хранение и классификацию геномной информации, полученной при проведении обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание, осуществляет феде-

ральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» путем формирования и ведения федеральной базы данных геномной информации.

В соответствии со ст. 14 главы 3 Федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» геномная регистрация ведется:

– для выявления и установления лиц, совершивших преступления;

– для розыска пропавших без вести граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;

– для установления личности неопознанных трупов;

– для установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) [2].

Отметим, что база данных ДНК становится основным видом в автоматизированной системе интегрированных экспертно-криминалистических учетов Российской Федерации. К сожалению, в формировании и ведении полноценной базы геномной регистрации остается ряд проблем:

– зависимость от импортного (в первую очередь, американского) оборудования и расходных материалов;

– низкий уровень цифровизации базы данных;

– проблемы правового и организационного обеспечения всеобщей ДНК-регистрации и т.д.

Анализ зарубежной литературы свидетельствует о том, что в настоящее время в 60 странах мира занимаются формированием собственных геномных баз данных, основанных на STR-полиморфизме ДНК (первая в мире база геномной регистрации стала формироваться в 1995 году в Великобритании) [3]. Самая многочисленная ДНК-информация на сегодняшний день заложена в Китайской Народной Республике (КНР) – 42 млн. образцов (ДНК–профилей), в США – свыше 18 млн. (причем начало формирования базы данных ДНК было заложено в 1990 году), в Великобритании – более 7 млн. образцов, в Таиланде – 160 тыс., в России – 150 тыс. образцов. И хотя методы ДНК–идентификации стран Европы, Азии, Северной Америки в последние годы сближаются, остаются нерешаемыми проблемы слияния (неконвертируемости) баз данных.

Основным недостатком применяемых в настоящее время баз данных на основе STR-локусов является недетерминированный уровень полиморфизма. Еще одним из ключевых моментов для формирования, обработки и использования геномной регистрации населения становится максимальная цифровизация хранимых данных. Поэтому крайне важна реализация идей отечественных разработчиков ДНК-учетов.

В Институте биохимии и генетики Уфимского Федерального исследовательского центра РАН разработан оригинальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе, об-

ладающий целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных. Этот способ позволяет достичь максимального уровня цифровизации, так как объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составляет для одного человека не более 1 килобайта (с помощью STR-локусов – более 200 килобайт). Кроме того, снипы позволяют получить информацию о внешних особенностях человека в виде пигментации кожи, волос, радужной оболочки глаз и т.д.

Еще одним преимуществом нового предлагаемого подхода ведения геномной регистрации с применением снипов является возможность детекции более коротких участков ДНК, которые с большей вероятностью сохраняются в старых биологических образцах и не могут быть выявлены с помощью STR- и даже miniSTR-локусов. Проводя аналогию, можно сказать: STR-локусы – это аналоговая запись на магнитных лентах, а снипы – цифровая запись на современных носителях.

Этот метод позволяет отойти от дорогостоящих подходов, основанных на VNTR-локусах, предлагаемых фирмами США, и на STR-локусах, предлагаемых Великобританией. Осуществится уход от зависимости в иностранных технологиях и опережающее импортозамещение.

Важным подтверждением актуальности и значимости вопросов ДНК-регистрации населения, стало выделение в октябре 2018 года крупного гранта РФФИ-мк № 18-29-14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности» (руководитель проекта – профессор кафедры криминалистики ИП БашГУ, д.ю.н. Ф.Г. Аминев), в рамках которого ученым БашГУ и Института биохимии и генетики УФИЦ РАН предстоит провести исследования, планируемые результаты которых, по мнению экспертов РФФИ «помогут вывести российское государство в лидеры в сфере ДНК-паспортизации населения».

В результате научных исследований будет окончательно подобрана панель снипов, которая будет использована для всеобщей геномной регистрации населения России и ДНК–идентификации личности.

Данная работа проведена в рамках выполнения гранта РФФИ-мк № 18–29–14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК–паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК–идентификации личности».

Библиографический список

1. Приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 03.12.2008 № 242-ФЗ. // Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»

3. Чемерис, Д.А., Сагитов, АМ., Аминев, Ф.Г., Луценко, В.И., Гарафутдинов, Р.Р., Сахабутдинова, А.Р., Василов, Р.Г., Алексеев, Я.И., Сломинский, П.А., Хуснутдинова, Э.К., Чемерис, А.В. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности // Биомика. – 2018. – Т. 10 (1). – С. 85 – 140.

4. Якимов, И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике. – М.: Изд-во НКВД РСФСР, 1924. – С. 31.

УДК 343.98

Галяшина Е.И., профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, д.ю.н., д.филол.н., профессор

Судебная лингвистическая экспертиза «фейковых новостей»: новые объекты и новые задачи

Аннотация. В статье рассматриваются «фейковые новости» как речевой жанр и новый объект судебной лингвистической экспертизы, предметом которой является установление факта подачи недостоверной новостной информации под видом достоверного сообщения. Формулируются основные понятия, оправляющие специфику данной разновидности лингвистического исследования, пределы компетенции эксперта и решаемые задачи.

Ключевые слова: «фейковые новости», лингвистическая экспертиза, компетенция эксперта, решаемые задачи.

Распространение «фейковых новостей», возникнув как явление в интернет-среде сравнительно недавно, в последние годы приняло угрожающие масштабы как для международной, так и национальной безопасности. Неконтролируемое распространение в Интернете вымышленных сведений под видом достоверных может причинить существенный вред репутации граждан и юридических лиц, использоваться для манипулирования общественным мнением, служить средством извлечения финансовой выгоды. Дезинформирующие сообщения могут представлять реальную опасность для жизни и здоровья граждан, приводить к массовым беспорядкам, создавать угрозу государственной, общественной или экологической безопасности. Социальные сети и онлайн-платформы играют важную роль в ускорении распространения таких новостей и обеспечивают глобальный охват без особых усилий со стороны автора [7].

Понимание рисков распространения «фейковой» информации побуждает государственные институты многих стран к поиску механизмов эффек-

тивной борьбы с подобными сообщения. Их отличительной особенностью является распространение под видом достоверной заведомо ложной или вводящей в заблуждение информации для преднамеренного обмана общественности, что может нанести существенный вред функционированию демократических институтов [6]. Европейская Комиссия как орган исполнительной власти Европейского союза, разрабатывает общеевропейскую стратегию противостояния онлайн-дезинформации, определив ее как намеренное распространение дезинформации посредством онлайн-платформ, социальных сетей, новостных передач или традиционной печати [9].

В России Государственной Думой Российской Федерации принят федеральный закон «О внесении изменений в статью 15^3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». Законодателем вводится новое для правоприменителя понятие «недостоверная общественно значимая информация, распространяемая под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу жизни и (или) здоровью граждан, массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, наступления иных тяжких последствий».

Однако понятие «недостоверная информация, распространяемая под видом достоверных сообщений» законодателем не определено, что может породить на практике неоднозначность его трактовки и сложность правовой оценки, актуализируя социальный заказ на применение специальных лингвистических знаний. В этой связи необходимо рассмотреть понятия «достоверное сообщение», «недостоверная информация» в аспекте судебной лингвистической экспертизы, определить лингвистические признаки дезинформации, маскирующейся под правдивые сообщения.

Рассмотрим соотношение нового для лингвистической экспертизы понятия «недостоверная информация» и понятия «сведения, не соответствующие действительности», используемого в практики лингвистического исследования материалов диффамационной направленности.

В пункте 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъясняется, что не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок. По делам дан-

ной категории юридически значимыми обстоятельствами являются распространение сведений, порочащий характер этих сведений и несоответствие их действительности.

Для лингвистической экспертизы по делам о распространении порочащих сведений, клевете существенным является разграничение высказываний в форме утверждения о факте или событии, которое может быть проверено на предмет соответствия действительности, и иных суждений, которые представляют собой субъективные взгляды, мнения, не подлежащие верификации.

Однако для ситуации с «фейковыми новостями» юридически значимыми помимо факта распространения будут иные обстоятельства, а именно: угрожающее или устрашающее содержание, воздействующий характер сведений и видимость их правдоподобности. Следует отметить, что в действующей редакции статьи 51 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» говорится о недопустимости использования прав журналиста в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения слухов под видом достоверных сообщений.

В то же время только недостоверность распространяемой информации, не создающая угрозу общественной и национальной безопасности, не влечет ограничения права на свободу выражения мнения, что согласуется с правовой позицией Европейского Суда по правам человека в части применения статьи 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Статья 10 Конвенции сама по себе не запрещает дискуссию или распространение информации, даже если есть серьезные подозрения, что эта информация не является правдивой» [4].

В лингвистической экспертизе под информацией понимают совокупность языковых высказываний о мире, событиях и положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть фактической – о конкретных ситуациях, происшествиях, или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности физического или юридического лица; обобщающей – о типичных ситуациях, событиях, этически оценочной – о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие; концептуальной – теоретико-аналитическая информация о природных или социальных закономерностях, директивной – организующей поведение людей и т.д. [1, с. 137].

Лингвистическими маркерами достоверности вербализованных сведений выступают утверждения о фактах или событиях, а также слова, речевые обороты, грамматические средства, используемые для подчеркивания достоверности сообщаемой информации, выражающие убежденность говорящего в их истинности (например, *я убежден, бесспорно, несомненно* и т.д.).

Утверждение о факте или событии – это высказывание, в котором информация о факте (положении дел) или действиях какого-либо лица (событии) дается в словесной форме, в группе сказуемого и понимается аудиторией как важная, новая. Она подается как отображающая именно истинное положение дел, независимо от восприятия, осмысления, отношения автора. Грамматически утверждение о факте или событии выражается через показатели объективной модальности (в форме изъявительного наклонения) и распознается в тексте по отсутствию маркеров субъективной модальности, оценочных слов и конструкций, и иных показателей, выражающих неуверенность, сомнение автора в достоверности сообщаемого. Утверждение может содержать конструкции, подчеркивающие достоверность сообщаемого (например, *известно, доподлинно, точно, фактически* и т.д.) [2, с. 188].

Для выражения сомнения, предположения, вероятности происхождения того или иного события используются маркеры неуверенности (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается* и т.д.) [1, с. 142, с. 145].

Недостоверная информация, подаваемая под видом достоверного сообщения, может быть представлена в форме пресуппозиции, скрытого утверждения, намека или оценочных суждений, содержащих эмоционально – экспрессивные оценки, субъективные мнения, которые нельзя верифицировать – проверить на соответствие или несоответствие действительности.

Мнение – это оценочное суждение, которое вербально выражается при помощи специальных маркеров (оценочных слов и конструкций), отражающих чью-либо субъективную точку зрения. Предположение – это разновидность мнения, которое вербально выражается с помощью маркеров, выражающих неуверенность, сомнения говорящего (пишущего) в достоверности сообщаемой информации.

Для придания сообщению видимости достоверности при фактической неуверенности автора в его истинности могут использоваться такие приемы как ссылки на заслуживающие доверие, авторитетные, но конкретно не называемые, анонимные (*по сообщению представителя Правительства, как стало известно из источников, близких к Путину, по сообщениям правоохранительных органов),* либо неопределенные источники (*по официальным данным, как известно, по сообщениям в Сети).*

Негативно окрашенные экспрессивно-выразительные средства в речевом жанре «фейковых новостей» используются не только для выражения чувств и эмоций автора сообщения, но и в манипулятивных целях – для привлечения внимания к сообщению, нагнетания эмоционального напряжения, порождения чувства страха, неуверенности, сеяния паники, снижения уровня критичности восприятия информации, намеренного введения в заблуждение, побуждения адресата к максимальному репосту – вирусоподобному распространению фальшивки.

Речевой жанр «фейковых» новостей (недостоверной новостной информации, подаваемой под видом достоверного сообщения), имеет ряд сходных черт с манипулятивными [7], коммуникативными технологиями [5], убеждающей (персуазивной) коммуникацией [3].

«Фейковый» речевой жанр характеризуется ярко и явно выраженным в речевом продукте коммуникативным намерением, заключающимся в сильно выраженном стремлении автора внедрить в массовое сознание пользователей Сети представление о некотором общественно значимом устрашающем или угрожающем положении дел, которое будет иметь существенные негативные последствия.

Это означает, что в судебной лингвистической экспертизе возникают новые объекты – новостные сообщения с дезинформацией персуазивной направленности, в отношении которых перед экспертами-лингвистами наряду с традиционными ставятся и новые задачи – выявления диагностически значимого комплекса признаков персуазивной коммуникации, угрожающей или устрашающей направленности, с маркерами мнимой достоверности сообщаемого.

Здесь необходимо еще раз упомянуть о необходимости разграничивать компетенции эксперта-лингвиста и правоприменителя. Перед экспертом-лингвистом не допускается постановка правовых вопросов и вопросов факта, выходящих за пределы его компетенции. Установление факта недостоверности, ложности информации, дезинформации, в компетенцию эксперта–лингвиста не входит.

К компетенции судебной лингвистической экспертизы по данной категории объектов относится разрешение следующих вопросов:

– о форме высказывания, содержащего недостоверные сведения (дезинформацию);

– о лингвистических признаках (маркерах мнимой достоверности) представления дезинформации под видом достоверного сообщения;

– о содержании сведений (информации): о фактах, событиях, ситуациях или ином положении дел, отношении к ним автора сообщения; его коммуникативной цели;

– об угрожающей или устрашающей коммуникативной цели сообщения;

– о воздействующем или информативном характере коммуникативного акта.

Библиографический список

1. Бельчиков, Ю.А., Горбаневский, М.В., Жарков, И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. – М.: ИПК «Информкнига», 2010. – 208 с.

2. Галяшина, Е.И. Комментарий эксперта-лингвиста ГЛЭДИС. Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС

РФ №3 от 24.02.2005г. //Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. С. 185 – 197.

3. Кибрик, А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3 – 21.

4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 2005 г. по делу «Салов против Украины» (параграф 113) // URL: https://base.garant.ru/5848305/ https://base.garant.ru/5848305/

5. Почепцов, Г.Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. – 352 с.

6. Совместная декларация о свободе выражения мнения, а также "фейковых" новостях, дезинформации и пропаганде // [Электронный ресурс] URL: https://www.osce.org/ru/fom/302806?download=true Дата обращения 15.03.2019.

7. Соловей, В.Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. – М.: Эксмо, 2016. – 320 с.

8. Суходолов, А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. 2017. – С. 87 – 106.

9. https://eeas.europa.eu/. Дата обращения 15.03.2019.

УДК 340.63

Иванова Е.В., заведующий кафедрой криминалистики и уголовного процесса Государственного социально-гуманитарного университета, д.ю.н, доцент

Ограничения в экспертной деятельности, связанной с наркотическими средствами и психотропными веществами

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы ограничений, установленных законодательством Российской Федерации, при проведении судебной экспертизы наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, судебные экспертизы, ограничения деятельности.

Судебная экспертиза, проведенная для установления вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое, новое потенциально опасное психоактивное), их размеров, названий и свойств, является одним из основных доказательств при расследовании преступлений, связанных с их оборотом. Ввиду особого статуса объектов, которые подлежат исследованию, при проведении таких экспертиз существуют определенные ограничения. В частности, ограниче-

ния установлены Федеральным законом от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», и заключаются в том, что оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, в том числе связанный с экспертной деятельностью, разрешается **юридическим лицам**и осуществляется **при наличии лицензии**, предусмотренной законодательством [4] Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности.

Пленум Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 указал, что в ряде случаев производство экспертизы может быть поручено негосударственному судебно-экспертному учреждению или лицу, не работающему в судебно-экспертном учреждении, в том числе сотруднику научно-исследовательского учреждения, вуза, иной организации, обладающему специальными знаниями и имеющему в распоряжении необходимое экспертное оборудование. В связи с этим широко распространена практика назначения судебных экспертиз с целью отнесения вещества к аналогам наркотических средств или психотропных веществ в государственные неэкспертные организации, имеющие лицензию на виды деятельности, связанные с их оборотом. Например, имеются данные о том, что некоторыми ВУЗами проведено более 4500 таких экспертиз в отношении 74 новых веществ [1, с. 55 – 58].

В целом, согласно положениям ч. 2 ст. 195 УПК РФ, судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. К государственным судебным экспертам ФЗ от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» относит аттестованных работников государственного судебно-экспертного учреждения, производящих судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей. Согласно закону, государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения или подразделения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, предусмотренные ст. 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ в п. 4 ст. 14 предоставил право проведения без лицензии экспертиз наркотических средств и психотропных веществ экспертным подразделениям Следственного комитета Российской Федерации, федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел, федерального органа исполнительной власти по таможенным делам, федеральной службы безопасности, судебно-экспертным организациям федерального органа исполнительной власти в области юстиции.

Согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28, негосударственными судебно-экспертными учреждениями являются некоммерческие организации (некоммерческие партнерства, частные учреждения или автономные некоммерческие организации), созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ, осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами. Таким образом, к ограничениям проведения экспертиз по уголовным делам можно отнести организационно-правовую форму учреждений и их назначение.

Исходя из положений ст. 35 ФЗ от 08.01.1998 № 3-ФЗ, экспертиза наркотических средств может быть назначена в негосударственное судебно-экспертное учреждение, имеющее одну из организационно–правовых форм некоммерческих организаций**, которая имеет соответствующую лицензию**. Однако, как правило, в уставах государственных учреждений, созданных для осуществления научной или образовательной деятельности, экспертная деятельность не предусмотрена. Таким образом, сотрудники этих учреждений могут привлекаться к проведению экспертиз только как физические лица, что не дает им права проводить экспертизы наркотических средств и психотропных веществ.

Существуют ограничения для экспертов судебно-экспертных учреждений, и условий проведения экспертиз, связанных с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и внесенных в Список I прекурсоров. Ограничения касаются как государственных, так и негосударственных экспертных учреждений. В частности, такие судебные экспертизы может осуществлять юридическое лицо, в состав руководителей которого входит специалист, имеющий соответствующую профессиональную подготовку.

В экспертной организации должны быть предусмотрены условия для обеспечения учета и сохранности наркотических средств, психотропных веществ, внесенных в Список I прекурсоров и наркосодержащих растений. В частности, должны быть соблюдены требования к оснащению инженерно-техническими средствами охраны объектов и помещений, в которых осуществляются такая деятельность. Эти требования утверждены Приказом Росгвардии № 1, МВД России № 5 от 09.01.2018 г. Заключение о соответствии объектов и помещений, установленным требованиям к оснащению этих объектов и помещений инженерно-техническими средствами охраны органов, в которых осуществляются экспертная деятельность по исследованию указанных объектов, выдают уполномоченные органы внутренних дел Российской Федерации.

Экспертная организация может проводить экспертизы наркотических средств, психотропных веществ и внесенных в Список I прекурсоров, наркосодержащих растений при наличии следующих документов:

– сертификат специалиста, подтверждающий соответствующую профессиональную подготовку руководителя юридического лица или руководителя соответствующего подразделения юридического лица;

– выданные медицинскими организациями государственной системы здравоохранения справки об отсутствии заболеваний наркоманией, токсикоманией, хроническим алкоголизмом у работников, которые в соответствии со своими трудовыми обязанностями должны иметь доступ к наркотическим средствам, психотропным веществам;

– заключения органов внутренних дел об отсутствии у соответствующих экспертов непогашенной или неснятой судимости за преступление средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое преступление или преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо с незаконным культивированием наркосодержащих растений, в том числе за преступление, совершенное за пределами Российской Федерации.

Помимо этого, нормативными правовыми документами предусмотрен порядок допуска экспертов к деятельности с наркотическими средствами и психотропными веществами.

Согласно постановлению правительства Российской Федерации от 6.08.1998 г. № 892 «Об утверждении Правил допуска лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ», допуск лиц к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами, а также к деятельности, связанной с оборотом прекурсоров, предусматривает **ознакомление этих лиц с законодательством** Российской Федерации о наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и **включение в трудовой договор взаимных обязательств организации и лица, связанных с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и (или) прекурсоров**. При отсутствии оснований, препятствующих допуску лица к работе с наркотическими средствами, психотропными веществами, руководитель организации издает соответствующий **приказ и заключает с указанным лицом трудовой договор**.

Ограничения касаются и собственно экспертной деятельности, связанной с наркотическими средствами и психотропными веществами. Это наличие отчетности о количествах, использованных в экспертной деятельности наркотических средств и их инвентаризация, а также регистрация соответствующих операций в специальных журналах [2] лицами, на которых эта обязанность возложена приказом руководителя юридического лица. Порядок ведения и хранения указанных журналов устанавливается Правительством Российской Федерации [3].

Таким образом, судебная экспертиза, направленная на решение задач, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами,

может быть назначена либо в государственные экспертные учреждения, указанные в ФЗ от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ, либо в некоммерческие судебно-экспертные организации, имеющие соответствующую лицензию. Физическим лицам, даже являющимся сотрудниками государственных учреждений, имеющих лицензию, не могут быть назначены такие экспертизы.

Кроме того, сотрудники любых экспертных организаций, проводящие экспертизы, должны быть соответствующим образом допущены к деятельности с наркотическими средствами и соблюдать правила их учета и хранения.

Библиографический список

1. Андреев, А.И., Малкова, Т.Л., Апушкин, Д.Ю., Булатов, И.П., Мащенко, П. С. Комплексное исследование новых психоактивных веществ / Судебно-медицинская экспертиза. 2016. – № 59 (2). – С. 55 – 58.

2. Журналы хранятся в течение пяти лет после внесения в них последней записи.

3. Постановление Правительства РФ от 04.11.2006 г. № 644 «О порядке представления сведений о деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, и регистрации операций, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

4. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 мая 2011 г. – № 19. – Ст. 2716.

УДК 343.1

Русман Г.С., заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н., доцент

Бикбаева Э.А.

О проблемах осуществления судебно-экспертной деятельности в Челябинской области

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные формы осуществления судебно-экспертной деятельности. Выявлены проблемы возмещения затрат на производство экспертиз в рамках гражданского производства (на примере судебно-экспертной лаборатории Минюста России Челябинской области). Выявлена и обоснована необходимость увеличения штатной численности государственных экспертных учреждений Минюста России, которая должна определяться количеством заказчиков и количеством рассматриваемых ежегодно дел на территории обслуживания экспертного

подразделения, а также организации единого научно-методического обеспечения судебной экспертизы в государственных и негосударственных экспертных учреждениях.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экспертные учреждения, повторные исследования.

В настоящее время в России судебно-экспертную деятельность осуществляют государственные и негосударственные судебно-экспертные учреждения. Система государственных экспертных учреждений образована ведомственными учреждениями, к которым относятся экспертные подразделения Министерства внутренних дел России, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства здравоохранения России и другие. Негосударственные же судебно-экспертные учреждения представляют собой организации с различной формой собственности и управления.

В целях реализации обеспечения деятельности судебных и следственных органов в Челябинской области с 2010 года судебно-экспертная деятельность обеспечивается Федеральным бюджетным учреждением «Челябинская лаборатория судебной экспертизы» Министерства юстиции Российской Федерации, которое является правопреемником действовавшей ранее научно-криминалистической лаборатории, созданной распоряжением Совета Министров РСФСР от 23.09.1958 № 6433-р.

В соответствии с государственным заданием за счет средств федерального бюджета лаборатория Минюста России осуществляет производство судебных экспертиз и экспертных исследований по уголовным делам по материалам проверок, что составляет порядка 60 % от общего числа производимых экспертиз. Производство судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам составляет около 30 % и 10% соответственно.

С учетом большого объема проводимых судебных экспертиз насущной является проблема отсутствия оплаты за производимые ведомственными экспертными подразделениями судебные экспертизы. В соответствии со ст. 96 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) денежные суммы, подлежащие выплате экспертам, предварительно вносятся стороной, заявившей ходатайство о назначении и производстве судебной экспертизы по делу на счет соответствующего суда или Управления Судебного департамента в Челябинской области. При этом, в силу ст. 85 ГПК РФ эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения, в результате чего перед экспертными учреждениями формируется значительная финансовая задолженность. Так, в регионе с 2016 года лабораториям Минюста России не оплачиваются более 40 % выполненных экспертиз по гражданским делам, размер ежегодной задолженности составляет более 3 млн рублей. Проблема дебиторской за-

долженности усугубляется снижением выделяемых Минюстом России субсидий на выполнение государственного задания по производству судебных экспертиз, а также оплатой экспертным учреждением налогов с не поступивших денежных средств на проведенные исследования.

По оценкам специалистов челябинской лаборатории Минюста России, ежегодно количество проводимых экспертиз возрастает. Несмотря на перевыполнение государственного задания в 120 – 150 % по различным категориям дел, сроки производства отдельных видов экспертных исследований не могут быть соблюдены в полной мере и нередко превышают установленные. Стоит отметить, что сроки производства экспертиз устанавливаются ведомственными актами, утвержденными соответствующими приказами. Так, например, экспертно-криминалистические подразделения МВД России в своей деятельности руководствуются Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [1].

Одной из причин сложившейся ситуации является обширная зона территориального экспертного обслуживания [2, 3] лаборатории (г. Челябинск, Челябинская и Курганская области) и проблемы организационно-штатного характера. Так, штатная численность лаборатории согласно приказу Минюста России, составляет более 30 единиц, из них 90 % экспертов аттестованы по более, чем двадцати пяти специальностям. При этом, на производство наиболее востребованных экспертиз (строительно-технической, финансово-экономической и бухгалтерской, экспертизы видео– и звукозаписей, лингвистической и др.), назначаемых при расследовании особо важных уголовных дел, или рассмотрении гражданских дел аттестовано всего по два-три эксперта.

В складывающихся условиях изучение практики назначения и проведения судебных экспертиз в регионе свидетельствует о том, что при рассмотрении судом вопроса о назначении экспертизы сторонами нередко выбирается негосударственное учреждение, которое может обеспечить производство исследования в более короткий срок. Так, например, **научно-исследовательский институт судебной экспертизы «СТЭЛС» (г. Челябинск) на возмездной основе предоставляет услуги по производству около 20 видов криминалистических экспертиз в срок до 10 суток.**

Вместе с тем, результаты изучения более 30 определений Челябинского областного суда о назначении повторных автотехнических, баллистических, судебно-медицинских экспертиз по заявленным в соответствии с ч.2 ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ходатайствам и ввиду возникших у суда апелляционной инстанции сомнений в обоснованности заключений экспертов негосударственных учреждений, свидетельствуют о необходимости производства повторной экспертизы назначаемой в экспертные подразделения Минюста России.

Стоит отметить, что результаты повторной экспертизы нередко содержат отличные, а порой и противоположные выводы. Статистика, приводимая ФБУ «Российский Федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции России» подтверждает, что 70–80 % повторных экспертиз не подтверждают выводы первичных экспертиз, проведенных частнопрактикующими экспертами [4].

В настоящее время в регионе действует более 250 негосударственных экспертных учреждений. При этом, критерии оценки компетентности экспертов негосударственных учреждений (квалификационные требования), достоверности используемых ими судебно-экспертных методик и их научной обоснованности законодательно не закреплены. Приборная база экспертиз, требующих дорогостоящего оборудования, расходных материалов и регулярной поверки средств измерений для допуска к использованию в соответствии с действующим законодательством, зачастую отсутствует или используется на праве аренды. При указанных обстоятельствах объективность полученных результатов может вызывать достаточно серьезные сомнения, в особенности, если экспертами применялись методы, полностью уничтожающих объект исследования (эмиссионный спектральный анализ, химическое воздействие и др.) и исключающие возможность проведения повторной экспертизы.

Изложенное может являться причиной низкого качества проводимых этими лицами экспертиз, увеличения количества повторных или дополнительных исследований, негативным образом отразиться на сроках уголовного судопроизводства и привести к судебным ошибкам.

Вместе с тем экспертные учреждения Минюста России в рамках реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы» планомерно оснащаются современной многофункциональной приборной базой, на постоянной основе осуществляется их аккредитация на соответствие международным стандартам, вводится менеджмент качества. В складывающихся условиях решение указанных проблем возможно путем увеличения штатной численности государственных экспертных учреждений Минюста России, которая должна определяться количеством заказчиков и количеством рассматриваемых ежегодно дел на территории экспертного обслуживания.

Кроме того, организация единого научно-методического обеспечения судебной экспертизы в государственных и негосударственных экспертных учреждениях позволит избежать проблемы оценки результатов экспертной деятельности следственными и судебными органами.

Библиографический список

1. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 11.10.2018) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-

криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" от 31.05.2001 № 73-ФЗ ст. 11 // СПС «Гарант».

3. Приказ Минюста РФ от 31.12.2010 № 147 "Об изменении типа государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

4. Организация работы СЭУ системы Минюста России // http: //www. sudexpert.ru/seu/ (Режим доступа: 4.03.2019 г.)

УДК 343.121
ББК 67.410.2

Сергеев А.Б., заведующий кафедрой уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, д.ю.н., профессор

Проект ФЗ № 306504-6: критическая оценка

Аннотация. Проект закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» подвергнут критическому анализу. Отдельные его неточности предлагается устранить и вынести на заседание Государственной Думы на второе рассмотрение. До принятия закона, предлагается предписанию Пленума Верховного суда придать законодательную форму уточнив понятие «экспертной учреждение», изменить редакцию п. 60 ст. 5 УПК РФ.

Ключевые слова: экспертная деятельность, сертификация, экспертиза.

Проект Федерального закона № 306504–6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1] одной из задач, решить которую он (проект) пытается, является разработать институт сертификации лиц, обладающих специальными познаниями в узких сферах знаний, которым можно поручать производство экспертных исследований без угрозы получения заключений, вызывающих сомнения в их достоверности. Проектом предполагается создать Государственный реестр экспертов, имеющих сертификат подтверждения уровня их квалификации. Реестр экспертов вести планируется поручить министерству юстиции и его региональным филиалам. В этом реестре будут значиться эксперты, обладающие высоким уровнем профессионализма. Достоинством реестра (база данных) явится появившаяся возможность у судов быстро найти эксперта нужной специализации и поручить ему провести исследование по делу. Подтверждением

уровня высокой компетенции и основанием для включения лица в реестр явится результат его аттестации.

Данное новшество специалистами оценивается достаточно позитивно. Поступают предложения по наполнению реестра экспертов максимально полной о них информацией, «… не ограничиваясь лапидарными формулировками типа «специалист в области технической экспертизы документов», а фиксировал те вопросы, отвечая на которые эксперт в состоянии представить компетентное заключение» [2, с. 36 – 41].

Вопрос о добровольности (или нет) такой аттестации проектом решается дифференцированно. Для государственных служащих прохождение сертификации – обязательное условие заключения с ними договора о замещении должности в государственном экспертном учреждении. Для специалистов не негосударственных учреждений прохождение сертификации – процесс добровольный. Но не имеющим сертификационных документов специалистам законопроект запрещает поручать производство экспертных исследований. Названный подход вызывает недоумение не только у критиков [3], но и у тех, кто законопроект поддерживает. «По мысли разработчиков проекта Закона, прохождение сертификации квалификации – дело добровольное, но без нее негосударственный судебный эксперт не может быть включен во всероссийский реестр судебных экспертов. Это фактически почти полностью закрывает возможность такому судебному эксперту участвовать в проведении экспертиз, назначаемых судами и органами предварительного расследования» [2, с. 36 – 41] и др.

По данному вопросу изложенный разработчиками законопроекта подход нам представляется правильным и не нарушает конституционные права специалистов в узких областях знаний.

Разработчики законопроекта считают, что на исследуемую конфликтную ситуацию распространяется позиция Конституционного Суда Российской Федерации. А она (позиция) следующая: интересы публичные возобладают над интересами отдельных лиц. Следовательно, Конституции не противоречит предусмотренная законопроектом обязанность государственного служащего пройти аттестацию для того, чтобы быть включенным в реестр экспертов. Возложение на государственных служащих по сравнению с обязанностью граждан, не являющихся таковыми (государственными служащими), дополнительных обязательств Конституционный Суд Российской Федерации объясняет следующим образом. «Само по себе установление для государственных служащих запретов, обусловленных прохождением государственной службы, допустимо, если оно согласуется с основными целями правового регулирования государственной службы в Российской Федерации как социальном правовом государстве, отвечает законным интересам, связанным с ее организацией и эффективным функционированием…» [4]. Допустимость возложения такой обязанности на специалистов (экспертов), не являющихся государственными служащими

можно аргументировать следующим образом. Поручать проведение экспертных исследований лицам, не прошедших сертификацию («в тёмную») означало бы подвергать правосудие риску, когда суд принимает решения на основании заключения лица, компетентность которого не подтверждена. Не подтверждёние компетенции создаёт угрозу публичным ценностям и публичному интересу, в данном случае – правосудию [5, с. 145]. При этом считаем, что следует разработчикам законопроекта отказаться от «абсолютного» запрета на привлечение экспертов, не прошедших сертификацию. Иначе могут возникать ситуации, когда сертифицированного специалиста и требуемой области познания нет, но существует специалист, которому ранее не предлагали пройти сертификацию [6, с. 77 – 79]. Соответственно следователь лишается возможности получать необходимые сведения об обстоятельствах расследуемого криминального события.

Поддержки заслуживает и следующая предлагаемая в проекте процедура сертификации методик, используемых экспертом. «Сертификация научно-методического обеспечения судебной экспертизы – процедура подтверждения его соответствия требованиям, предъявляемым к специфическому целевому использованию методик, методов и средств в области судебной экспертизы» [7].

По вопросу сертификации критики так же обращают внимание, что законопроектом предусмотрена и сертификация экспертных методик проведения исследований. Указывают: в случае на законодательном уровне принятия решения о сертификации существующих методик, осуществить её на практике будет сложно. «Разнообразие видов судебной экспертизы на сегодняшний день таково, что для подтверждения столь разнообразного веера квалификаций понадобится привлекать огромное количество специалистов, и пригласить их попросту неоткуда…. Ведь нельзя же серьезно полагать, что чиновники столь умны и квалифицированны, что в составе одной (нескольких) комиссий способны качественно определить текущую квалификацию любого судебного эксперта – от химика до дактилоскописта – и дать обоснованное об этом заключение» [2, с. 36 – 41]. Если приведённое суждение критически оценить, то увидим, что никакой фатальности нет. Во-первых, следует признать ошибочным утверждение, что процедурой сертификации должна заниматься «одна или несколько комиссий»? В России официально зарегистрировано 434 научных специальностей. По каждой специальности лица, считающие, что они обладают высоким уровнем познания в той или иной области, проходят аттестацию, представив своё исследование (диссертационное). При положительном заключении результатов исследования члены комиссии присуждают соискателю учёную степень. Каждая научная специальность представлена различным количеством диссертационных советов. В каждом совете как минимум пять докторов наук по соответствующей специальности. Это специалисты высокого уровня, известные своими достижениями в науке. Из высоко науч-

ной среды, как представляется, без особых сложностей можно набрать «экспертов над экспертами», экспертов по оценке качества экспертных методик [8, с. 176 – 179]. Такие специалисты смогут оценить, как уровень подготовки лица, пришедшего получить аттестацию на эксперта по соответствующему направлению, так и дать объективную оценку разработанным методикам проведения экспертных исследований.

Можно провести некую параллель предлагаемой сертификации экспертных методик и с прохождением обсуждений законопроектов. Исследуемый нами законопроект получил своеобразную экспертную оценку со стороны членов Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству и членов других профильных комитетов. Общество исходит из презумпции компетентности: члены профильных комитетов обладают высокими профессиональными качествами и могут дать объективную оценку содержанию законопроекта [9, с. 69 – 74]. Ни у кого не возникает вопроса: а судьи кто? Аналогичную позицию следует занять и в отношении аттестации, как самих экспертов, так и разрабатываемых ими экспертных методик. Число ошибочных решений будет не больше, чем при принятии решений относительно законопроектов. Но если принятие законов сопровождается сталкиванием конкурирующих интересов политического и экономического и другого характера, то сертификация экспертов, скорее всего, будет осуществляться в более объективной обстановке. Что касается коррупционного фактора при сертификации методик или профессионального уровня экспертов, то его наличие не будет превышать уровня, который имеет место при принятии важных оценочных решений в других сферах жизнедеятельности. На сертификацию и экспертов и экспертных методик, как и на другие коррупционно опасные направления [10, с. 58 – 64], нужно будет распространить имеющиеся средства (правовые, организационные, методические) противодействия коррупционным проявлениям.

Изложенные выше обстоятельства позволяют утверждать:

1. Проект закона проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» после устранения отдельных неточностей следует выносить на заседание государственной Думы на второе рассмотрение. В первом чтении Проект закона был принят ещё в 2013 году.

2. До принятия закона, что целесообразно предписанию Пленума Верховного суда придать законодательную форму понятию «экспертной учреждение», изменив редакцию п. 60 ст. 5 УПК РФ. Предлагаем следующее: «экспертное учреждение – государственное судебно-экспертное или иное *некоммерческое* учреждение, которому поручено производство судебной экспертизы ... и далее по тексту.

Библиографический список

1. Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Режим доступа: http:// sozd. duma.gov.ru/bill/306504-6

2. Комарицкий, С.И. Проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и проблема участия в проведении судебной экспертизы негосударственных экспертов // Юрист. – 2014. – № 17. – С. 36 – 41.

3. Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Режим доступа: http://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л.Н. Кондратьевой и А.Н. Мумолина» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.

5. Сергеев, А.Б., Сергеев, М.А., Сергеев, К.А. Особенности расследования преступлений, связанных с присвоением прав на владение и управление предприятиями и организациями монография / А.Б. Сергеев, М.А. Сергеев, К.А. Сергеев; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования, Челябинский юридический ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации. – Челябинск, 2008. – С. 145.

6. Никулочкин, Е.О., Сергеев, К.А., Сергеев, А.Б. Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Социум и власть. – 2013. – № 3 (41). – С. 77 – 79.

7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»

8. Попова, Т.В., Сергеев, А.Б., Психофизиологическая экспертиза: состояние, перспективы использования результатов в уголовном судопроизводстве В сборнике: Следствие в России: три века в поисках концепции Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А.И. Бастрыкина. – 2017. – С. 176–179.

9. Никулочкин, Е.О., Сергеев, А.Б. Нормативно-правовая база и судебная практика в обеспечении гражданско-правовыми средствами конфискации имущества в уголовном судопроизводстве // Социум и власть. – 2013. – № 5 (43). – С. 69 – 74.

10. Сергеев, А.Б., Савченко, А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 19 (348). – С. 58 – 64.

УДК 343.985.7

Тагиров Р.А., главный юрисконсульт Башкирского отделения № 8598 ПАО «Сбербанк»

Криминалистическая характеристики мошенничества в сфере кредитования

Аннотация. В статье автор затрагивает криминалистическую характеристику мошенничества в сфере кредитования, подчеркивая ее значимость для формирования полноструктурной методики расследования названных преступлений. При этом, в статье последовательно раскрывается содержание элементов характеристики, в аспекте их взаимосвязи.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, криминалистическая характеристика, преступление, расследование, способ совершения преступления, личность преступника, обстановка, исходные данные.

Представляется неоспоримым, закрепившееся в научной среде суждение о том, что криминалистическая характеристика имеет ключевое значение для формирования эффективной методики расследования преступлений, выступая в роли ее информационного базиса. Вместе с тем, как подчеркивают многие исследователи, существует некоторая специфичность криминалистической характеристики каждого вида противоправного деяния, выраженной в совокупности наиболее значимых именно для его расследования сведениях. Как подчеркнул А.Г. Филиппов, типовая криминалистическая характеристика представляет собой систему данных о криминалистически значимых признаках преступления конкретного вида или группы, отражающая закономерные связи между этими признаками и служащая для построения типовых версий, которые берут за основу при планировании расследования преступлений данного вида или группы [4, с. 310].

Основываясь на приведенном высказывании, следует заметить, что для каждого вида противоправного деяния существует индивидуальная комбинация наиболее содержательных элементов характеристики, обобщающих в себе значительную часть криминалистически значимой информации. Не является исключением и мошенничество в сфере кредитования. Так, изучив мнение ведущих исследователей в данной области, а также проанализировав судебную практику, автор пришел к выводу о преимущественном значении, для формирования криминалистической характеристики мошенничества в сфере кредитования, таких элементов, как: **исходная информация, способ совершения преступления, характеристика личности преступника, а также обстоятельства, при которых было реализовано хищение ссудных средств, представленных заемщику на условиях платности.**

Кратко остановимся на каждом из приведенных элементов.

Исходные данные, как подчеркивают многие ученые-криминалисты, представляют собой наиболее распространенные источники получения исходной информации о событиях преступлений [2, с. 25]. Применительно к мошенничеству в сфере кредитования, таким источником преимущественно выступает заявление о преступлении, поданное введенным в заблуждение кредитором. Учитывая безусловную формальность кредитных правоотношений, выраженную в необходимости документального подтверждения сведений о заемщике, следует отметить, что представление кредитору недостоверных сведений всегда находит отражение в документах, сопутствующих сделке. При этом, основанием для сообщения о преступлении является именно установление самим потерпевшим факта такой подделки.

Как указал В.К. Гавло, некоторые исходные данные содержаться в первичных материалах, поступивших к следователю, и служащих основанием для возбуждения уголовного дела [3, с. 89 – 90]. В контексте рассматриваемого вида преступления, следует указать, что такие данные преимущественно содержаться в сообщении о преступлении. Заявитель, посредством сообщения о кредитном мошенничестве представляет следователю информацию, указывающую на признаки кредитной сделки, как заключенной с целью мошеннического присвоения ссудных средств, что в свою очередь позволяет последнему определить направление расследования.

Наряду с исходными данными, существенным для формирования представления о криминалистической характеристике отдельно взятого преступления, является понимание способа его совершения, на что указывают все без исключения ученые – криминалисты.

Говоря о способе мошенничества в сфере кредитования, важно упомянуть, что он определен диспозицией статьи 159.1 УК РФ и обозначен как предоставление кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений [1]. При этом, учитывая формальность возникновения заемных правоотношений, целесообразно указать, что исчерпывающая информация о способе совершения рассматриваемого преступления содержится в кредитном досье, формируемом самим финансовым учреждением. Так как процедура согласования кредитной сделки финансовыми учреждениями осуществляется на основании анализа сведений о потенциальном заемщике, а именно его личности, платежеспособности, а также наличии и состоянии залогового имущества, следовательно, кредитный мошенник реализует свой противоправный замысел, утаивая от кредитора действительные сведения одной из приведенных категорий, представляя поддельные документы. При этом, выбор сведений, подлежащих подделке, мошенником осуществляется, преимущественно в зависимости от объема присваиваемых средств, а также цели сокрытия преступления.

Довольно высокий научный интерес, в том числе и для разработки эффективной методики рассматриваемого преступления, представляет

личность кредитного мошенника, поскольку не имеет четко ориентирующей характеристики. В связи с этим, довольно трудно определить факторы, провоцирующие злоумышленника к преступному поведению. Среди преступников данной категории встречаются как высокоинтеллектуальные представители деловой среды, так и лица, обладающие низким социальным статусом, подверженные при этом наркотической или алкогольной зависимости. Вместе с тем, всех кредитных мошенников, как явных представителей корыстных преступников, объединяет жажда наживы и стремление без усилий улучшить свое финансовое состояние.

Широкая распространенность кредитования в современном обществе, а также доступность кредитных продуктов, создает возможность проявления асоциальных психологических свойств корыстных лиц, что в сущности и составляет эмоционально-психологическую предпосылку для совершения рассматриваемых преступлений. Более того, личностные свойства преступника определяют субъективные причины выбора способа совершения преступления.

Обстановка кредитного мошенничества напротив, включает в себя всю совокупность объективных факторов, повлиявшие на выбор способа совершения преступления, которые фактически можно разделить на две категории, а именно пространственно-временными факторами, а также условиями организации кредитного процесса, в аспекте нарушения процедур которого, злоумышленниками осуществляется введение кредитора в заблуждение.

Так, время и место совершения мошенничества, непосредственно связано с режимом работы подразделений финансовых учреждений, представляющего займ. Следовательно, условия, способствующие, либо противодействующие злоумышленнику в реализации его противоправного замысла образуются степенью оснащенности помещения банка техническими средствами (в том числе видео фиксации), степенью компетентности сотрудников, а также уровнем посещаемости клиентами.

Безусловно, пространственно–временные факторы оказывают некоторое влияние на возможность достижения преступной цели рассматриваемого вида, однако более существенное значение имеет порядок организации кредитного процесса. В частности, именно пробелы в проведении контрольных мероприятий сведений о заемщике, либо поверхностного анализа таких сведений, делают возможной реализацию хищения рассматриваемого вида. Иными словами, для выбора верного направления расследования, безусловно, значимым будет являться выявление тех процедурных моментов кредитного процесса, которыми смог воспользоваться преступник при совершении мошенничества.

В заключении стоит отметить, что криминалистическая характеристика, как основа формирования методики расследования мошенничества в сфере кредитования, нуждается в детальном исследовании. На сегодняш-

ний день, в обществе возникла потребность в разработке наиболее эффективных рекомендаций расследования кредитного мошенничества, что обусловлено двумя факторам, а именно широкой распространенностью преступлений данного вида, а также сложностью их расследования. Практический работник, расследующий данный вид мошенничества, неизбежно сталкивается с трудностями доказывания умысла хищения заемных средств, что свидетельствует о необходимости изучения характерных признаков расследуемого события.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Возгрин, И.А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Ч. 4. – СПб.: СПбЮИ МВД, 1993. – 77 с.

3. Говло, В.К. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография. – Барнаул: Издат-во Алт. Ун-та, 2006. – 226 с.

4. Филиппов, А.Г. Криминалистика: учебник. – М.: Высшее образование, 2007. – 441 с.

СЕКЦИЯ «УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ»

УДК 159.98

Арпентьева М.Р., профессор кафедры психологии развития и образования, Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, д.п.н., доцент, член-корреспондент РАЕ

Многофункциональность тюрьмы

Аннотация. Современные и традиционные практики и техники заключения / изоляции людей тех или иных групп не являются продуктами современности, но имеют долгую историю, связанную с историей религии. Их структурное и процессуальное сходство с монашескими практиками контроля и покаяния, а также с ожиданием спасения, отмечается при анализе истории христианства и иных религий Средневековья. Современные светские институты (тюрьмы, психиатрические клиники и т.д.) лишь унаследовали формы, логики и практику религиозного дисциплинирования. В массе своей их активность противоположна первичным прототипам монастырей как мест «покаяния» и духовного роста, но, напротив, как показывает опыт концлагерей времен Второй мировой войны, тюрем и лагерей СССР, а также пенитенциарных учреждений современной России, лишь эксплуатирует стремление к покаянию и изменению человека, наряду с иными стремлениями и инстинктами (выживания, размножения, превосходства и т.д.).

Ключевые слова: каторга, тюрьма, монастырь, покаяние, очищение, насилие, рабство.

Современные и традиционные практики и техники заключения / изоляции людей тех или иных групп не являются продуктами современности, но имеют долгую историю, связанную с историей религии [2; 6; 8; 11; 14; 18]. Их структурное и процессуальное сходство с монашескими практиками контроля и покаяния, а также с ожиданием спасения, отмечается при анализе истории христианства и иных религий Средневековья. Современные светские институты (тюрьмы, психиатрические клиники и т.д.) лишь унаследовали формы, логики и практику религиозного дисциплинирования [9; 10]. Особенно хорошо это видно на примере пенитенциарных заведений и психиатрических клиник прошлых веков, когда порабощение, эксплуатация и насилие над заключенными и психически больными еще не были столь всеобъемлющими и самодостаточными целями изоляции [12; 13; 15; 17]. Монастырь как место внутреннего уединения, claustrum, – предтеча практик и техник заключения. Однако, между монастырем и «тюрьмой» до сих пор существует неисследованная территория, некая missing link. Вме-

сте с тем, если проанализировать не только научный, но и художественные описания тюрем, эта неисследованная территория начинает уменьшаться. Пример тому – работы А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, В. Франкла, А. Кемпински, Б. Беттельгейма и др. [3; 4]. На примере их работ можно увидеть формы и способы выживания и жизни людей жизни каторги и тюрем; особенности современной и дореволюционной пенитенциарных систем России. Современные места изоляции, включая прогрессирующую практику концлагерей и резерватов, связаны с переориентацией функций изоляции на удовлетворение запросов транснациональных и национальных корпораций капиталистического мира в обеспечении производства рабочей силой (рабами) и запросов современных демократических государств на возвращение института рабства (неорабовладельческого строя). В этих практиках, включая практику электронного концлагеря, помимо изоляции, практикуется насилие, разрушающее связь человека не только с обществом, но и с самим собой. Данные практики поэтому абсолютно противоположны первичным моделям «покаяния», но, напротив, как показывает опыт концлагерей времен Второй мировой войны, лишь эксплуатирует стремление к покаянию и изменению человека, наряду с иными стремлениями и инстинктами (выживания, размножения, превосходства и т.д.). Одна из ведущих составляющих современной и традиционной для России иных стран правоохранительной политики страны – политика в области тюрем, наказания или исправления, подавления или реабилитации заключенных. В решении этих проблем участвуют как государство, в виде структур правоохранения и правозащиты, так и общество в виде различных общественных наблюдательных комиссий (ОНК), попечительских сообществ, сообществ правозащитником и комитетов (обычно родственников осуждённых или бывших осужденных) и т. д. Это связано с тем, что исторически тюрьмы, клиники и госпитали, работные дома, и иные места изоляции не были местами репрессий и расправ с «неугодными» но были местами уединения, покаяния, перевоспитания, возрождения. То, что одиночество /уединенность помогает человеку осознать и исправить сделанные ошибки – общеизвестный факт и повседневной, и «кризисной» реальности. Поэтому общество и государство издавна поддерживают человека или создают условия для того, чтобы человек мог пересмотреть свое поведение и отношения, оказывая ему ту или иную необходимую поддержку. Так, до сих пор сохранились институты и практики помощи больным, помощи людям, лишившимся работы, дома (людям бомж) и иным, не имеющим достаточно средств, чтобы полноценно участвовать в обществе. Во многих странах есть государственные и общественные институты и практики заключенным тюрем. Однако, в России институт Procuratores Pauperum (общественного попечения о бедных, горемычных), который был учрежден с самого начала существования христианства, был практически уничтожен. Аналогичные институты существовали и существуют в других

религиях и конфессиях в разных странах, но в России он практически угас. Очень слабо работают институты общественной защиты заключенных в некоторых иных странах, в том числе в США и Великобритании, где тюрьмы стали коммерческими предприятиями, планово и со все возрастающей интенсивностью поставляющими ТНК рабов. При этом в целом, сегодня как никогда этот институт переживает свой кризис. В России эта проблема очень остра. Современная пенитенциарная система России находится на переломном этапе своего развития: проблемы отношений государства и общества, до некоторого времени успешно разрешавшиеся с помощью этой системы, уже не вмещаются ею. Сама система трансформируется, колеблется в промежутке от поисков все более изощренных и агрессивных форм контроля, потребления и репрессий, и контроля населения до расширения, распространения отношений, сложившихся в тюрьмах и правоохранительной системе в целом, на другие системы и институты. Помощь и трансформация отношений в тюрьмах становится условием трансформации отношений в обществе, общества и государства. Развитие комплекса научных исследований и методов, а также прикладных направлений и технологий духовно-нравственного развития личности, осужденных в исправительных учреждениях в современных условиях – часть приобретающей все большее значение для общества и государства системы социального служения, помощи страдающим людям и взаимопомощи людей. Эта помощь необходима не только осуждённым и сотрудникам пенитенциарных учреждений, но и всей правоохранительной и правозащитной системе стран, всему государству, народу. Она необходима постольку, поскольку государственные механизм управления все больше уходят от нужд общества, уничтожая и себя и общество. Преступность – лишь проявление существующего в государстве и обществе дисбаланса, связанного с необходимостью для духовного, социального, психологического и физического здоровья, благополучия человека быть человеком, жить, опираясь на нравственные ценности, предписания и запреты культуры, быть целостным, единым с окружающим миром, сообществом, и прогрессирующим «расчеловечиванием», десакрализацией как отказом. Она связана с отказом от духовно-нравственных ценностей, бескультурьем как отсутствием запретов и табу, амбивалентностью отчуждающих людей от себя и друг друга предписаний, грехами (ошибками) понимания себя и мира.

Изучая работы писателей, философов, ученых, можно увидеть, что насилие в тюрьмах и иных заведениях изолирующего типа в нашей стране все увеличивается. Так, начиная с реформ К.К. Грота и по настоящий день все тюремные реформы России «проваливаются» на этапе, когда нужно внести изменения в жизнь конкретных заключенных в конкретной тюрьме/лагере/колонии/СИЗО: тюремный бизнес «на местах» категорически против каких-либо «гуманитарных инноваций», с и опасностью потери значительной части власти, а, значит, и доходов от эксплуатации труда не-

вольников. Существуя наряду с «капиталистическими» и «демократическими», отношения в тюрьме являются типично рабовладельческими, тоталитарными. Изменение этой системы не представляется возможным при условии игнорирования общественностью или недопущения общественности в виде различных «попечительских сообществ» к помощи заключённым. Если таких людей нет, если нет забот общества о заключённых, то тюрьма становится фабрикой рабов, постоянного и целенаправленного убийства человеческого в человеке. Как отмечают современные исследователи, это – большая част тюрем и сотрудников тюрем России и мира [5].

Если в XIX веке и удалось что-то изменить в тюрьмах, то это был К.К. Грот, который лично ездил по тюрьмам страны, это был А.П. Чехов, который добрался до Сахалина, это был «святой доктор» Ф.П. Гааз и многие другие люди, своей жизнью внесшие вклад в разрушение бескрайнего, чудовищного насилия в тюрьмах и т.д. Не удивительно, что многие исследователи отмечают роль отношения служащих: если бы они изменили свое отношение к заключенным и тюрьмам, то «их служба Закону... приобретала бы иной… смысл. Они будут служить и человеку, а значит, исполнять христианскую заповедь милосердного служения ближнему» [1, 47]. В этом и кроется успех многих тюрем посткапиталистических стран, например, Норвегии, а также тюрем Японии: все здание юстиции в этих странах пронизано императивами возвращения уважения, достоинства, благодарности и ответственности, а не (только) мести, отчуждение, унижения и травли, как в России, других странах СНГ, а также в США и ее «колониях».

В лагерях и концлагерях XX века обеспечения заключенных и свободы для заключенных уже осталось крайне мало. Даже трудовые поселенцы поставлены были в такие условия, которых не имели никакие самые измученные каторжане царской России. За колючей проволокой процветал каннибализм, голод и отсутствие возможности удовлетворения иных базовых нужд человека, жизнь, предназначенная только для того, чтобы быть отданной непосильному труду, ведущему к быстрому истощению и смерти и/или принести удовольствие насилия надзирателям, чиновникам и иным «вершителям судеб». При этом особо негативную роль сыграла коллективизация, а не просто индустриализация: насильственное объединение крестьян привело к колоссальному росту числа заключенных, в лагеря отправляли всех, кто был против. Принудительный труд использовался для ускоренной индустриализации страны, в результате ГУЛАГ все расширялся и достиг высшей точки развития в середине XX века [7; 16]. Далее лагеря также эволюционировали, переоборудовались. Сюда сажали представителей нового поколения демократических активистов, антисоветски настроенных националистов и уголовников. Что касается лагерей фашистско-немецких и итальянских захватчиков, то Холокост как тотальное уничтожение – специфическая черта собственно нацистского террора, при котором не только свободы, но и вариантов выживания у людей не оставалось. Ненамного отличаются от лаге-

рей прошлого и «условия содержания» в тюрьмах современной России: эскалация насилия над заключенными поддерживается прогрессом цифровых и иных технологий, а также запросом национальных и транснациональных корпораций на рабскую рабочую силу.

Современная интеллигенция России, так же, как и иные слои населения страны, в массе своей аномична и стремится «не пачкаться» соприкосновением с миром тюрем и каторг. Население не стремится помогать заключенным и отвергает тех, кто прошел через тюрьмы и их испытания, также, как и тех, кто прошел через испытания войнами и т.п. Население поддерживает иллюзию барьера между мирами законопослушных граждан и преступников, как и государство снимая с себя ответственность за преступления и их последствия, также, как и за последствия тюрем и стигматизации человека, прошедшего тюрьму. Однако, у граждан России нет иного пути защитить себя и народ, кроме пути, предложенного такими людьми как А.П. Чехов, Б. Беттельгейм и т.д.: служение страдающим людям, борьба за улучшение положения людей, против бессмысленных и жестоких законов, нечеловеческих, пыточных «условия содержания», считающихся в современной России для людей как в тюрьмах, так и вне них – нормой. Насильственные, репрессивные отношения к заключенным, в том числе в психиатрических тюрьмах, – показатель и активизатор социального разложения в целом. Оно также – яркий показатель состояния церковной системы (как прошлых, так и нынешних веков). Многофункциональность тюрьмы демонстрирует, что в разных руках тюрьма и иные институты и практики изоляции могут служить как целям развития, так и целям уничтожения. Там, где самоцелью становится страдание и подчинение, человек, пенитенциарная система, церковь, общество и государство деградируют. Там, где тюрьма становится местом уединения для осознания и исправления ошибок, покаяния и метанойи, – они могут приносить положительный эффект.

Библиографический список

1. Коломеец, С. Утоли моя печали // Преступление и наказание. 1993 №8. – С. 45 – 50.

2. Павлушков, А.Р. Карательно-исправительная система Русской православной церкви в имперский период Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. – 251 с.

3. Скафтымов, А. Нравственные искания русских писателей. – М., Худ. лит., 1972. – 387 с.

4. Чехов, А.П. Остров Сахалин. Владивосток – Южно-Сахалинск. Издательство «Рубеж», 2010. – 848 с.

5. Шайдурова, Г.А. Развитие пенитенциарных учреждений в Иркутской губернии // Сибирская ссылка. Сб. научных ст. Иркутск: Оттиск, 2011. Выпуск 6 (18). С. 13 – 24.

6. Шаляпин, О.С, Церковно-пенитенциарная система в России XV-XVIII веков. Архангельск: ИПЦ Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова (САФУ), 2013. – 238 с.

7. Applebaum, A. GULAG: A History – Doubleday, 2003. 677 p.

8. Finzsch, N. et Jutte R. (dir.), Institutions of Confinement: Hospitals, Asylums, and Prisons in Western Europe and North America, 1500 1950, Cambridge University Press, 1996. 382 p.

9. Foucault, M. Histoire de la folie à l'âge classique, Paris, 1972. 688 p.

10. Goffman, E. Asylums. Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates, New York, Anchor Books / Doubleday; 1961. 386 p.

11. Heullant-Donat, I., Claustre, J. et Lusset, E. (dir.), Enfermements. Le cloître et la prison (Ve-XVIIIe siècles), Paris, 2011. P. 15–35.

12. Le droit de punir. Du siècle des Lumières à nos jours / Maugué L., Chauvaud Fr. (dir.), Rennes, PUR, «Histoire», 2012, 200 p.

13. Leukell, S. Strafanstalt und Geschlecht: zur Geschichte des Frauenstrafvollzugs im 19. Jahrhundert (Baden und Preussen), Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2010, 349 p.

14. Lusset, E. Crime, châtiment et grâce dans les monastères au Moyen Âge (XIIe- XVe siècle), Disciplina Monastica 12. Turnhout: Brepols, 2017. 406 p.

15. Personal und Insassen von «Totalen Institutionen» – zwischen Konfrontation und Verflechtung / Bretschneiderr F., Scheutz M., Weiß A. (eds). Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2011, 398 p.

16. Solonewitsch, I.L. Die Verlorenen. Eine Chronik namenlosen Leidens. 2 Bände. Essen: Essener Verlagsanstalt, 1937. 530s.; Russia in Chains. London: Williams and Norgate Ltd, 1938. 530 p.

17. Spierenburg, P. Violence and Punishment. Civilizing the Body through Time. Cambridge, Polity Press, 2013, 223 p.

18. Weiß, A. St., Scheutz M., Brunhart A. et Ammerer G., Orte der Verwahrung. Die innere Organisation von Gefängnissen, Hospitälern und Klöstern seit dem Spätmittelalter. Leipzig, Leipziger Universitätsverlag, 2010; 366 s.

УДК 343.823

Видергольд А.И., доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

К вопросу об обязательности труда осужденных

Аннотация. В статье исследуется проблема обязательности труда осужденных. Выделены подходы к пониманию сущности труда лиц, осужденных к лишению свободы. Анализируются международные правовые

акты и российское законодательство, касающиеся привлечения осужденных к труду.

Ключевые слова: труд осужденных, обязательность труда, добровольность труда, правовое регулирование труда.

Общественно полезный труд осужденных законодатель относит к числу основных средств исправления осужденных, которые закреплены в ч. 2 ст. 9 УИК РФ.

Согласно ст. 103 УИК РФ «каждый осуждённый к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений» [1]. Очевидно, что труд осуждённых в местах лишения свободы лишён добровольности и является обязательным. За отказ от работы или прекращение работы осуждённый будет привлечён к дисциплинарной и иной ответственности в соответствии с законодательством.

Несмотря на то, что труд в исправительном учреждении обязателен под страхом наказания, он не является «принудительным трудом», запрещённым Конституцией РФ. Конвенция № 29 Международной организации труда от 28.06.1930 г. «Относительно принудительного или обязательного труда» и ст. 4 Трудового кодекса РФ устанавливают, что принудительный труд не включает в себя работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров [2].

В юридической литературе можно выделить два основных подхода к пониманию сущности труда осужденных. Первый подход характеризует труд осужденных как принудительный. Например, А.А. Раскевич указывает, что «труд в пенитенциарных учреждениях – это принудительный труд, он является средством кары для виновных лиц за совершенное преступление, и не идет ни в какое сравнение с трудом свободных граждан» [3, с. 8].

Второй подход обосновывает непринудительный характер труда осужденных. Так, Е.А. Марина полагает, что «обязанность труда для осужденных к лишению свободы в соответствии с международно-правовыми актами не свидетельствует о его принудительном характере» [4, с. 32].

Мы полагаем, что труд осужденных является принудительным, но при этом допустимым, поскольку не противоречит правам и свободам человека в силу таких обстоятельств, как наличие вступившего в законную силу приговора суда и направления для отбывания наказания исправительное учреждение.

На наш взгляд, актуальным является вопрос, касающийся степени свободы труда лиц, осужденных к лишению свободы.

Обратимся к анализу международных актов обращения с заключенными. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г. указывали, что «все осужденные заключенные обязаны трудиться в

соответствии с их физическими и психическими способностями, удостоверенными врачом» [5]. Однако Европейские пенитенциарные правила 1987 года были уже менее категоричны в требовании привлечения осужденных к труду. Их отличием от Правил 1955 г. стал п. 71. 2, где было указано, что «осужденных можно обязать трудиться, если по заключению врача их физическое и психическое здоровье позволяет это» [6].

В Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы 2015 г.) закреплено Правило 96, согласно которому «осужденные заключенные должны иметь возможность работать» [7]. То есть преобладающей стала точка зрения, отрицательно оценивающая работу осужденных по принуждению.

Анализ международных стандартов обращения с заключенными свидетельствует об изменении отношения международного сообщества к труду в местах лишения свободы, прослеживается определенная тенденция ухода от обязательного характера труда осужденных, но при этом следует обратить внимание на отсутствие указания, что труд является для осужденных добровольным.

На наш взгляд, сегодня говорить о возможности исключения нормы об обязательности труда для осужденных из уголовно-исполнительного законодательства РФ преждевременно. Наличие таких проблем при организации труда осужденных как низкая оплата труда, несоблюдение норм времени – работают и в две, и в три смены, сложности при соблюдении условия охраны труда – часто случаются травмы на производстве, которые также пытаются скрыть, поэтому не предоставляется надлежащего лечения – все это не способствует желанию осужденных трудиться, а тем более трудиться добровольно.

Следует согласится с И.С. Мирусиным, который полагает, что «в настоящий момент практически отсутствует развитая система многообразных рабочих мест, что делает затруднительным реализацию стимулов к добросовестному отношению к труду. Их отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве не побуждает осужденных проявлять желания трудиться, добровольность и мотивация к труду утрачиваются. При таком уровне развития уголовно-исполнительной системы едва ли продуктивно прорабатывать вопрос об исключении обязательности труда. Такое возможно реализовать только в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы, модернизации материально-производственной базы учреждений, проведении масштабной воспитательной работы, внесении изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство, в частности, добавлении системы мер стимулирования добросовестного отношения к труду осужденных [8, с. 53 – 54].

Обратим внимание, что труд осуждённых является одной из важнейших составляющих в процессе исправления осуждённых. Как справедливо отмечает Г.А. Стеничкин «труд есть необходимость, его цель – утвердить

каждого осужденного в сознании того, что человек не может жить без труда. Следует подчеркнуть, что наличие осужденных, не занятых трудом в местах лишения свободы, весьма существенно осложняет криминогенную обстановку в них, деморализует людей, способствует усилению агрессии среди осужденных» [9, с. 65]

Таким образом, сегодня перед государством стоит задача – создать такие условия, при которых осуждённые не только могли бы трудиться, но и были заинтересованы в этом. Невозможно ожидать положительного эффекта от трудовой деятельности в воспитательном процессе без построения механизма мотивации к труду.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (в ред. 27.12.2018) // СПС «Гарант».

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. 27.12.2018) // СПС «Гарант».

3. Раськевич, А.А. Общественно-полезный труд как средство исправления осужденных: пенитенциарные проблемы / А.А. Раскевич // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №2 (46). – С. 77 – 83.

4. Марина, Е.А. Правоограничения общегражданского статуса осужденных к лишению свободы / Е.А. Марина // Российский следователь. – 2007. – № 19. – С. 30 – 32.

5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г.) // СПС «Гарант».

6. Европейские пенитенциарные правила (утверждены Комитетом министров 12 февраля 1987 года на 404-м заседании представителей министров) // СПС «Гарант».

7. Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы 2015 г.) // СПС «Гарант»

8. Мирусин, И.С. К вопросу об обязательности труда осужденных / И.С. Мирусин // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 49 – 55.

9. Стеничкин, Г.А. Труд осужденных в местах лишения свободы как одно из средств исправления / Г.А. Стеничкин // Юриспруденция. – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – № 4 (20). – С. 65 – 72.

УДК 341.41 + 340.137

Калюжный А.Н., сотрудник Академии ФСО России, к.ю.н., доцент

Международные стандарты о свободе детей и проблемы их имплементации в законодательство России

Аннотация. В статье обосновывается распространенность посягательств на свободу детей и актуальность борьбы с этими негативными социальными явлениями; исследуются международные стандарты противодействию похищению детей и других преступлений против детей, выявляются проблемы имплементации международных норм в законодательство России.

Ключевые слова: международные стандарты, национальное законодательство, имплементация, свобода детей, торговля людьми (детьми), похищение человека, рабский труд.

Происходящие в мировом сообществе процессы провоцируют развитие социального неравенства, безработицы и бедности, что приводит к неконтролируемым криминальным процессам, сопровождающихся распространением преступности, и росту в ее структуре посягательств, ранее не характерных для социальной реальности: похищение детей, торговля ими, эксплуатация детей и других.

По данным ОБСЕ и МОМ (Международной Организации по Миграции) ежегодно из России и стран СНГ с целью продажи вывозятся 50 000 девушек [6, с. 4]. Организовать эффективное противодействие посягательствам на свободу детей возможно лишь на четкой правовой основе, путем взаимодействия различных правоохранительных органов и сотрудничества с другими государствами.

Россия, являясь участником ООН, Совета Европы, Европейского союза, СНГ и других международных организаций, будучи обеспокоенной масштабами и тенденциями развития рассматриваемых преступлений, принимает участие в координации действий мирового сообщества по борьбе с преступлениями, посягающими на свободу детей, что обязывает учитывать положения международных нормативных правовых актов в национальном законодательстве страны.

Международно-правовую группу документов, учреждающих свободу детей и личности в целом, составляют нормативно-правовые акты, которые были приняты ООН, Советом Европы, другими международными организациями и ратифицированы Российской Федерацией, основополагающими из которых являются: Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Международный Пакт об экономических, социальных и культурных пра-

вах 1966 года и Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод.

Указанные международные акты провозгласили неотъемлемые права и свободы детей и личности в целом, закрепив: свободу и равенство людей в правах от рождения (ст. 1), наличие у каждого всех прав и свобод без какого-то различия (ст. 2), неотъемлемость права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 3), свободу передвижения и выбора места жительства в пределах каждого государства (ст. 13), свободный выбор работы и труд (ст. 23) и другие [1]. Они же запретили рабство и работорговлю, содержание человека в подневольном состоянии, принудительный и обязательный труд (ст. 8), лишение свободы за невыполнение договорных обязательств (ст. 11), провозглашает свободу личности и личную неприкосновенность (ст. 9), свободу передвижения и выбора места жительства (ст. 12) [1].

Одним из международных правовых актов, позволяющих противостоять незаконным посягательствам на свободу детей, является Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. Государства-участники Конвенции, закрепляя необходимость защиты ребенка в силу физической и умственной незрелости, запретили склонение или принуждение ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности, эксплуатацию детей в проституции, порнографии, порнографических материалах и другой сексуальной практике (ст. 34), иные формы эксплуатации ребенка (ст. 36) [3].

Растущие масштабы международной контрабандной перевозки детей в целях торговли ими, прогрессирование детской проституции и порнографии, распространяющаяся практика секс-туризма, доступность детской порнографии в сети Интернет, побудили в 2000 г. ООН принять факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающейся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, однако Россия к нему присоединилась лишь в мае 2013 г [9].

Детализации состава преступления – торговли людьми, а также противодействию распространения посягательств на свободу личности организованной международной преступностью, посвящен принятый ООН в 2000 г. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию против транснациональной организованной преступности [7].

Развитие международно-правовых норм по противодействию посягательствам на свободу личности нашло свое отражение в Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г. Исследуемая Конвенция закрепила понятия «ребенок», «сексуальная эксплуатация и сексуальные злоупотребления в отношении детей» и др., определила перечень преступлений, подпадающих под

вышеуказанные понятия, установила механизм реализации ее положений [8, с. 6].

Ратифицировав Конвенцию в 2013 г., Россия взяла на себя ряд обязательств, которые предстоит реализовать: а) проведение кампаний, направленных на разъяснение общественности о мерах защиты от сексуальных злоупотреблений; б) создание специального органа – Комитета Сторон, призванного следить за реализацией положений Конвенции;
в) образование информационные службы помощи по телефону и в Интернет, для проведения консультаций и другие меры [5].

Вместе с тем, законодательство Российской Федерации существенным образом отличается от норм исследуемой Конвенции, ратификация которой нашей страной произведена с оговорками, допускающими не признание Россией преступлениями: производство и хранение детской порнографии с изображениями несуществующего ребенка; получение доступа к детской порнографии в сети Интернет; вовлечение детей в порнографические представления с участием детей и другие деяния, запрещенные нормами анализируемой Конвенции.

Таким образом, международное сообщество признает увеличение масштабов посягательств на свободу детей, констатирует распространение этих негативных явлений и принимает активные меры по противодействию им. Невозможность отдельных государств самостоятельно противостоять ущемлениям и нарушениям свободы личности, побудило мировое сообщество принять комплекс нормативных правовых актов, направленных на активизацию борьбы с данной преступностью, анализ которых привел нас к следующим выводам:

а) защита свободы детей выступает одной из злободневных проблем современности, ставшей приоритетной задачей мирового сообщества, сформировавшего комплекс нормативных правовых актов, являющихся необходимым условием надлежащего обеспечения и гарантированности права на свободу детей;

б) Россия, ратифицировав международные правовые акты в данной сфере, находится на пути приведения своего национального законодательства в соответствие с требованиями международных правовых норм.

Библиографический список

1. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. С. 211 – 218.

2. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей // СЗ РФ. 19.12.2011. № 51. ст. 7452.

3. Конвенция о правах ребенка // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 151 – 170.

4. Конвенция относительно рабства. Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 5 – 8.

5. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений // СЗ РФ. 17.02.2014. № 7. Ст. 634.

6. Маныч, Е.Г. Проституция: криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 22 с.

7. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее // СЗ РФ. 04.10.2004. № 40.

8. Сухаренко, А.Н. Международное похищение детей: правовые аспекты их возвращения // Международное публичное и частное право. 2014. № 5. С. 5 – 8.

9. Федеральный закон от 7 мая 2013 г. «О ратификации конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений» // СЗ РФ. 13.05.2013. № 19. ст. 2303.

УДК 343.24

Кострова М.Б., профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Башкирского государственного университета, к.ю.н., доцент

Проблемы терминологического обозначения места отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы

Аннотация. На основе анализа норм уголовного и смежного с ним законодательства выявлена межотраслевая рассогласованность в части терминологического обозначения места отбывания наказания в виде ограничения свободы в статье 53 Уголовного кодекса РФ. Критически оценивается практика назначения ограничения свободы в качестве основного вида наказания либо дополнительного к лишению свободы, которое постановлено считать условным, без указания в приговоре конкретного адреса места постоянного проживания осужденного. Предлагаются пути решения выявленных проблем на законодательном и правоприменительном уровнях.

Ключевые слова: уголовное наказание, место отбывания, ограничение свободы, законодательная терминология, взаимосвязь уголовного и иных отраслей права.

Содержание уголовного наказания в виде ограничения свободы состоит в установлении судом осужденному ряда ограничений, указанных в ч. 1 ст.53 Уголовного кодекса РФ (далее – УК), и возложении на него обязанности являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограни-

чения свободы, от 1 до 4 раз в месяц для регистрации. Таким надзирающим органом, как это следует из взаимосвязанных предписаний ст. 47.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК), является уголовно-исполнительная инспекция (далее – УИИ) по месту жительства осужденного, помимо этого ч. 1 ст. 50 УИК четко определено, что наказание в виде ограничения свободы отбывается осужденным по месту его жительства.

Однако в ч. 1 ст. 53 УК два из семи ограничений формулируются с указанием не только на место жительства, но и на место пребывания осужденного, в частности: 1) не изменять место жительства или пребывания без согласия УИИ (обязательное ограничение); 2) не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток (ограничение, устанавливаемое по усмотрению суда). Заметим, что второе ограничение в первоначальной редакции ст. 53 УК было обозначено иным образом – «не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток», но Федеральным законом от 5 апреля 2013г. №59-ФЗ оно было терминологически изменено, при этом авторы-разработчики законопроекта №101708-6 никак не обосновали необходимость такой замены законодательной терминологии [см.: 1].

Таким образом, в настоящее время место отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы в УК и УИК имеет отличающееся терминологические обозначения. В связи с этим возникает вопрос о содержании терминов «место жительства» и «место пребывания» и их соотношении, для решения которого требуется обращение к нормам неуголовного законодательства.

Так, ст. 20 Гражданского кодекса РФ определено: «Местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает». Более подробное дефинитивное предписание имеется в Законе РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в ст. 2: «место жительства – жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства». Здесь же содержится определение, из которого видно различение места жительства и места пребывания: «место пребывания – гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает времен-

но». При этом Законом РФ от 25 июня 1993 г. №5242-1 установлена обязательность регистрации и по месту пребывания в РФ (ст. 3).

Соответственно, из всех перечисленных объектов, обозначенных в ст. 2 Закона РФ от 25 июня 1993 г. №5242-1 в качестве «мест пребывания», только последний – «не являющееся местом жительства жилое помещение, в котором гражданин проживает временно», – может быть значим для целей ст. 53 УК и главы 8 УИК, регламентирующей исполнение наказания в виде ограничения свободы. Во всех иных местах временного пребывания (гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или другое подобное учреждение, а уж тем более учреждение уголовно-исполнительной системы) исполнение уголовного наказания в виде ограничения свободы просто немыслимо. Но и теоретически допускаемая возможность отбывания ограничения свободы по месту расположения жилого помещения, в котором гражданин проживает временно, пресекается запретом, содержащимся в ч. 6 ст. 53 УК: «Ограничение свободы не назначается… лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации».

Поэтому использование термина «место пребывания» в ч. 1 ст. 53 УК представляется некорректным с учетом системной взаимосвязи уголовного и иных отраслей права. Нисколько не меняет ситуацию тот факт, что осужденный какое-то время, действительно, может находиться в месте временного проживания при условии получение на это предварительного согласия УИИ, что следует из правил ч.ч. 4,5 ст. 50 УИК, например, в случаях тяжелой болезни близкого родственника, угрожающей его жизни, в связи со стихийным бедствием или иным чрезвычайным обстоятельством, прохождения осужденным обучения за установленными судом пределами территории, необходимости прохождения вступительных испытаний при поступлении в образовательную организацию. Однако это касается лишь порядка исполнения наказания и не затрагивает существа уголовно-правовых норм.

Таким образом, в качестве места отбывания ограничения свободы и в УК, так же, как и в УИК, должно быть обозначено место постоянного жительства осужденного, по которому только и возможно организовать исполнение уголовного наказания в виде ограничения свободы.

Вторая проблема терминологического обозначения места отбывания уголовного наказания в виде ограничения свободы имеет место на правоприменительном уровне и заключается она в отсутствии в приговоре (ином судебном решении) указания на адрес места постоянного проживания осужденного, из которого ему запрещено уходить. Подчеркнем, что эта проблема возникает только при назначении ограничения свободы в качестве основного вида наказания либо дополнительного к лишению свободы, которое постановлено считать условным. Отсутствие в приговоре указания на адрес места постоянного проживания осужденного, из которого ему за-

прещено уходить, при назначении ограничения свободы в качестве дополнительного вида наказания к реальному лишению свободы либо к принудительным работам, не считается ошибкой, поскольку на момент постановления приговора доподлинно неизвестно, где осужденный будет проживать после отбывания основного наказания.

Из вышеприведенных взаимосвязанных предписаний ч. 1 ст. 50 УИК и неуголовного законодательства следует, что на момент постановления приговора с назначением наказания в виде ограничения свободы (за исключением назначаемого в качестве дополнительного вида) должно быть достоверно установлено место нахождения (адрес) того жилого помещения, в котором подсудимый постоянно или преимущественно проживает. Соответственно, в резолютивной части приговора это место должно быть обозначено конкретно – с указанием на адрес места жительства осужденного.

Однако в подавляющем большинстве из изученных нами судебных решений такой конкретный адрес не обозначен, а воспроизводятся, как правило, абстрактные формулировки уголовного закона. Например, установлены ограничения осужденным: ФИО1 – «не уходить из места жительства или пребывания» [2]; Шихвалиеву Н.Н. – «не покидать место постоянного проживания (пребывания)» [3]; Аношкину В.И. – «не уходить из места постоянного проживания (пребывания)» [4]. Еще хуже с точки зрения конкретики выглядит формулировка данного ограничения в судебных решениях, которыми осужденным предписано: Левичевой Н.Ю. – «не уходить из дома (квартиры, иного жилого помещения)» [5]; Копылову А.В. – «не уходить из дома (квартиры, иного жилища)» [6]; Шадрину В.В. – «не уходить из дома (квартиры) по месту жительства» [7].

Подобные формулировки вызывают вопрос о месте исполнения назначенного судом наказания в виде ограничения свободы, которое согласно ч. 1 ст. 50 УИК, должно отбываться осужденным по месту его жительства (но по буквальному смыслу приведенных решений таких возможных мест у Левичевой Н.Ю. и Копылова А.В. по три, а у ФИО 1, Шихвалиева Н.Н., Аношкина В.И. и Шадрина В.В. – по два). К тому же многие из них не соответствуют действующей редакции ч. 1 ст. 53 УК – терминология «из дома (квартиры, иного жилища)» является устаревшей.

На основании изложенного полагаем, что в резолютивной части приговора обозначение этого места должно выглядеть примерно так: «не уходить из дома по адресу... область, ... район, деревня..., дом...» [8].

Библиографический список

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 53 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 50 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (в части уточнения порядка отбывания наказания в виде ограничения свободы)» / Паспорт законопроекта № 101708-6 // Официальный сайт Государ-

ственной Думы Федерального Собрания РФ. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: http:// asozd2. duma. gov.ru/ main. Nsf/ (Spravka)? Open Agent& RN=101708-6 (дата обращения: 13.03.2019).

2. Приговор Веденского районного суда Чеченской Республики от 9 августа 2017 г. по делу № 1-17/2017 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/NbHGozrjj1NY/ (дата обращения: 13.03.2019).

3. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 25 сентября 2017 г. по делу № 1-431/2017 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/lP2Yv7CWWXUw/ (дата обращения: 13.03.2019).

4. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары от 6 июля 2017 г. по делу № 1-171/2017 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/e3TzjKzZQ4lC/ (дата обращения: 13.03.2019).

5. Приговор Красноглинского районного суда от 25 июля 2018 г. по делу № 1-166/2018 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/avse6aEma7YK/ (дата обращения: 13.03.2019).

6. Приговор Тербунского районного суда Липецкой области от 26 июня 2018 г. по делу № 1-Б23/2018 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/wbxfB9QM0QW1/ (дата обращения: 13.03.2019).

7. Приговор Абатского районного суда Тюменской области от 27 октября 2017 г. по делу № 1-69/2017 // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL:http://sudact.ru/regular/doc/25RyZBRJsCQh/ (дата обращения: 13.03.2019).

8. Постановление Президиума Ивановского областного суда от 29 апреля 2016 г. № 44у-18/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно – правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.344

Курсаев А.В., главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, к.ю.н.

«Иные работы» как фактор правовой неопределенности в статье 216 УК РФ

Аннотация. В статье рассматривается содержание понятия «иные работы», используемого в статье 216 УК РФ. Анализируются различные точки зрения по данному вопросу. Высказываются предложения по совершенствованию диспозиции указанной статьи.

Ключевые слова: иные работы, правовая неопределенность, толкование.

Статьей 216 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ. При определении понятия «иные работы» возникают существенные сложности, так как используемая законодателем формулировка не позволяет определить их перечень.

Уголовно-правовые термины должны быть ясными по своему содержанию и исключать неоднозначное толкование. Отнесение деяния к разряду преступных может иметь практические результаты лишь в том случае, когда при описании признаков состава преступления используются понятные и единые для всего УК РФ термины. Если же в уголовном законе используются формулировки, которые могут вызвать неоднозначное толкование, применяются только в сфере уголовно-правового регулирования, либо в уголовном праве имеют собственное, отличное от иных отраслей права, содержание, они должны определяться в уголовном законе (например, как понятие «жилище» в примечании к ст. 139 УК РФ).

Однако ни диспозиция ст. 216 УК РФ, ни иные правовые нормы не дают ответа на то, нарушение каких именно «иных работ» может быть в этом случае отнесено к преступным. Статья 216 УК РФ, являясь классическим примером бланкетного способа описания диспозиции («нарушение правил безопасности»), свидетельствует также о межотраслевой несогласованности, так как в российском законодательстве перечень этих работ отсутствует.

Является очевидным, что каждый состав преступления должен иметь только характерные для него конститутивные признаки, которые не только позволяют определить деяние как преступное, но и будут способствовать его отграничению от смежных составов. Это признаки, характеризующие способ совершения преступления, преступные последствия, форму вины, мотивы и цели деяния, потерпевшего и специального субъекта преступле-

ния. Неудачно используемое словосочетание «иные работы» такие конститутивные признаки не содержит.

Понятие «иные работы» является неоднозначным и с позиции герменевтики. Во-первых, не установлены объем и границы уголовно-правового содержания иных работ. Во-вторых, для того, чтобы сформулировать понятие иных работ, необходимо определиться с базовой категорией, сопутствующие элементы которой могут определяться как иные. Статья 216 УК РФ такой базовой категорией определяет строительные работы. Однако, как показывает судебно-следственная практика, «иные работы» соотносятся не с работами в сфере строительства, а с более широкой категорией работ, связанных с нарушением специальных правил безопасности.

Неопределенность понятия «иных работ» в УК РФ влечет также существенные процессуальные издержки, так как правоприменителю кроме доказывания наличия в совершенном деянии того или иного признака состава преступления необходимо также обосновывать, что данный признак входит в объективную сторону рассматриваемого состава, являясь частью преступного деяния.

Если содержание нарушения правил безопасности иных работ по ст. 216 УК РФ вызывает вопросы у правоприменителя, то такие затруднения в уяснении граней преступного или непреступного неизбежно возникнут и у адресата действия уголовно-правовой нормы. Однако состав преступления должен быть сконструирован таким образом, чтобы в него входили только признаки, которые могли бы осознаваться виновным лицом. Правовая определенность, как правильно отмечает И.М. Евлоев, заключается не столько в строгости самой формулировки, сколько в ясности и непротиворечивости вводимых ею правил, стабильности правового положения участников правоотношений [1, с. 81].

Оценочный характер термина «иные работы» влечет необходимость обращаться правоприменителю к судебной практике, искать в ней соответствующий прецедент. В то же время свободное усмотрение суда, независимая оценка им фактов не должны быть чрезмерными, а должны строго опираться на положения закона. Судебная практика может способствовать конкретизации отдельных элементов состава преступления, уточнению их смысла и содержания, но не должна выступать в качестве критерия, позволяющего отграничить преступное посягательство от иного правонарушения. Законодатель в принципе допускает использование интерпретируемых с помощью судебной практики оценочных категорий, так как они позволяют урегулировать широкий круг общественных отношений, но требует, чтобы были описаны хотя бы наиболее общие их черты, свойства, признаки. «Оценивание» предполагает наличие какого-либо чрезмерно широкого по объему содержания явления, описанного набором типовых признаков, детализация которого могла бы производиться в рамках конкретного

правоотношения. Однако в ст. 216 УК РФ данные типовые признаки отсутствуют.

Таким образом, неточность уголовного закона в ст. 216 УК РФ выражается как в неясности самого термина, который является абсолютно неопределенным, так и в невозможности выведения его содержания посредством использования межотраслевых связей уголовного права.

Как правило, сложности в установлении содержания какой-либо уголовно-правовой категории разрешаются, прежде всего, посредством ее доктринального толкования. Однако научное толкование термина «иные работы» крайне неоднозначно, что подтверждается проведенным нами обзором точек зрения по данному вопросу [2].

Мы полагаем, что при разрешении затронутой нами проблемы необходимо исходить из следующих тезисов.

Буквальное уяснение содержания диспозиции ст. 216 УК РФ (нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ) позволяет прийти к выводу, что к иным работам относятся все работы, которые не являются строительными и ответственность за которые не предусмотрена иными статьями уголовного закона.

Однако представляется, что такое расширительное толкование будет означать, что к ответственности по ст. 216 УК РФ виновный будет привлекаться при любых видах работ. Например, пунктом 1.3 Инструкции по охране труда для парикмахера, утвержденной Минтрудом России 18 мая 2004 года, предусмотрено, что на парикмахера во время работы могут воздействовать следующие опасные и вредные производственные факторы: подвижные части электроинструмента; повышенное значение напряжения в электрической цепи; острые кромки режущего инструмента. В этой связи теоретически возможна гибель парикмахера вследствие неисправного электроооборудования (электробритвы). Однако вряд ли степень общественной опасности таких работ «дотягивает» до преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ.

Следует также учитывать, что такая трактовка иных работ создает коллизию между ст. 216 УК РФ и частями 2 ст. 109 и 118 УК РФ, которые устанавливают уголовную ответственность за причинение смерти или тяжкого вреда здоровью человека по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Мы полагаем, что при определении границ применения ст. 216 УК РФ следует учитывать, что уголовно-правовой признак противоправности данного состава должен быть напрямую обусловлен общественной опасностью тех отношений, которые поставлены под охрану. В этом случае следует принять во внимание, что ст. 216 УК РФ помещена в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Общественная безопасность как видовой объект уголовно-правовой охраны представляет собой совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные

условия жизни общества и обеспечивающих состояние защищенности его жизненно важных интересов.

С учетом расположения ст. 216 в УК РФ и целей данного правового запрета под иными работами следует понимать не всякие работы, а только такие, которые связаны с наличием опасного производственного фактора – производственного фактора, воздействие которого на работника может привести к его травме (ст. 209 Трудового кодекса РФ).

Анализ правовых актов позволяет прийти к выводу, что специальное законодательство выделяет данные работы от иных выполняемых работ. Специальные правила безопасности требуют, что работникам при данных работах выдавался специальный наряд-допуск или иной документ на их производство, а при определении названных работ законодатель оперирует термином «работы повышенной опасности» (например, приказ Минтруда России от 17.08.2015 № 552н «Об утверждении Правил по охране труда при работе с инструментом и приспособлениями»).

В связи с этим под иными работами для целей ст. 216 УК РФ следует понимать работы повышенной опасности, для которых предусмотрен специальный порядок допуска и выполнения таких работ, и ответственность за которые не предусмотрена иными нормами уголовного закона. При этом иные работы связаны с осуществлением профессиональной деятельности. Используемые в ст. 216 УК РФ терминологический ряд «иные работы» характеризует однопорядковые с закрепленными в главе 24 УК РФ виды работ, многочисленность которых не позволяет описать их всех в данной главе. Фактически, ст. 216 УК РФ в части иных работ является «резервной нормой», по которой возможна квалификация деяний, характер и степень общественной опасности достигают необходимого уровня, свидетельствующего о создании угрозы общественной опасности, но которые при этом не подпадают под признаки иного состава преступления против общественной безопасности.

Такое толкование иных работ соответствует и сложившейся судебной практике. В частности, как нарушение правил безопасности при проведении иных работ рассматривается нарушение правил безопасности при проведении работ по техническому обслуживанию газового оборудования (приговор Малгобекского городского суда от 28 августа 2009 г.), нарушение правил безопасности при ведении работ в электроустановках (постановление Президиума Верховного суда Республики Башкортостан от 17 января 2018 г.), нарушение правил безопасных условий работы при эксплуатации воздушных линий электропередач (приговор Ленинского районного суда г. Кирова от 15 августа 2013 г.), нарушение правил обеспечения техники безопасности при проведении работ на железнодорожных путях (апелляционное постановление Московского городского суда от 7 июня 2017 г.), нарушении правил безопасности при ведении в металлургиче-

ском цехе работ по эксплуатации электромостового крана (апелляционное постановление Свердловского областного суда от 1 августа 2017 г.).

Учитывая, что термин «работы повышенной опасности» является устоявшимся и активно применяемым в законодательстве, представляется целесообразным внести уточняющее изменение в диспозицию ст. 216 УК РФ, заменив термин «иные работы» на «иные работы повышенной опасности», что будет больше соответствовать истинному смыслу закона.

Библиографический список

1. Евлоев, И.М. Допустимая неопределенность правовых ном // Законодательство. 2019. № 1. С. 80 – 85.

2. Курсаев, А.В. Понятие «иные работы» в статье 216 УК РФ // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 17–18 октября 2018 года / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк. 2018. С. 153 – 156.

УДК 343

Сагитдинова З.И., заместитель директора по науке, доцент кафедры уголовного права и процесса БашГУ, к.ю.н.

К вопросу об эффективности уголовно-правового воздействия (на примере штрафа)

Аннотация. Общемировая тенденция подчинения преступности экономическим законам обязывает выстраивать уголовную политику соответственно. Штраф, предусмотренный в ст. 44 УК РФ в качестве самого мягкого вида наказания, должен быть экономически выгоден и государству, и лицу, совершившему преступление. Однако проведенный автором анализ показал, что штраф таковым не является, вследствие чего эффективность (исполнимость) данного вида наказания весьма низка. Автором предлагаются пути повышения эффективности уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания.

Ключевые слова: штраф, наказание, эффективность.

Современная уголовная политика включает в себя два противоположных аспекта. Первый аспект заключается в том, уголовная политика продолжает «гуманизироваться». Основанием для выбора этого направления развития уголовной политики выступает не только гуманное отношение к человеку, но также признание государством неэффективности традиционных мер противодействия преступности, связанных с лишением свободы (неэффективности как в плане недостижения целей уголовного наказания, так и в разрезе затратности бюджетных средств на исполнение наказаний,

связанных с изоляцией от общества). В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [6] в качестве одной из поставленных задач указано расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы.

Тем не менее, статистика свидетельствует об обратном. За последние 5 лет (2012 – 2017 гг.) «лидером» по количеству осужденных продолжает оставаться лишение свободы: оно однозначно занимает первое место среди наказаний, назначенных лицам, совершившим преступления. Если же количество осужденных к реальному лишению свободы суммировать с количеством осужденных к лишению свободы условно, то получится, что каждый год более 50% осужденных было назначено лишение свободы в той или иной форме [4].

Второй аспект: Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) постоянно дополняется новыми составами преступлений, сохраняя за собой статус одного из самых жестоких в мире. Только за декабрь прошлого года в Особенной части УК РФ появились две новые статьи: ст. 200.6 «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [8] и ст. 172.3 «Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах» [9]. Буквально несколько дней назад (14 марта 2019 г.) Государственная Дума РФ приняла федеральный закон о дополнении УК РФ еще одной статьей – ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» и направила его на согласование в Совет Федерации Федерального Собрания РФ [3]. Не обсуждая криминологическую обоснованность последнего закона, отметим только, что за почти десять лет существования по ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, было осуждено всего одно лицо [10]. Не станет ли новая ст. 210.1 УК РФ очередной «мертвой» нормой?

В то же время согласно официальной статистике уровень преступности во всем мире снижается. В России максимум был в 2006 г. – 2700 преступлений на 100 тысяч населения, в 2017 г. – уже 1420 соответственно. Известный криминолог Я.И. Гилинский так характеризует современный мир преступности: «Что касается криминального мира, то общество потребления обуславливает две главные его особенности. Первая – так называемая гуманизация преступности. В общем объеме преступлений уменьшается доля посягательств на личность и, соответственно, растет процент корыстных проявлений, в особенности мошенничества. Вторая – колоссальное усиление роли теневой экономики, которую часто уже не отличить от легальной» [2].

Таким образом, преступность большей своей частью «встает на экономические рельсы», а потому эффективность уголовно-правового воздействия на нее необходимо также рассматривать с позиции законов экономики.

Одним из проявлений влияния экономики на уголовное право выступает самое мягкое наказание – штраф. Согласно статистическим данным, штраф до последнего времени оставался лидером среди наказаний, не связанных с лишением свободы: в 2012 г. к штрафу (в качестве основного наказания) было осуждено 113 358 человек, в 2013 г. – 116 214 человек, в 2014 г. – 112 160 человек, в 2015 г. – 86 320 человек соответственно. Но с 2016 г. штраф начал уступать свои «лидерские» позиции обязательным работам: к последним было осуждено 142 084 человек, в то время как к штрафу – 100 348 человек. В 2017 г. такое соотношение между обязательными работами и штрафом сохранилось: 90 425 человек, осужденных к штрафу в качестве основного наказания, против 128 279 осужденных к обязательным работам.

Стоит только приветствовать назначение судами штрафа. И не столько потому, что штраф de jure самый мягкий вид наказания, сколько по экономическим причинам. Штраф – один из немногих видов наказаний, которые могут в той или иной мере компенсировать затраты государства и общества в лице налогоплательщиков на привлечение виновного к уголовной ответственности и исполнение приговора. По мнению экономистов, наказания с «экономическим» содержанием, являясь на первый взгляд, мягкими, оказываются весьма действенными: «Полезность штрафов как метода наказания сводится к тому, что доход преступника сокращается, но доход непреступников *(имеются ввиду правопослушные граждане – налогоплательщики – прим. З.С.)* не снижается либо даже увеличивается» [7, с. 237]. Совсем иная ситуация с лишением свободы: как правило, издержки непреступников на отправление правосудия и исполнение приговора (читай: содержание осужденного в местах лишения свободы) превышают издержки преступников. Об этом писал еще нобелевский лауреат Г. Беккер: «… Домашний надзор (пробация) и лишение свободы поглощают ресурсы общества, а штрафы – нет, поскольку штрафы – это по сути просто трансфертные платежи, тогда как прочие виды наказаний требуют использования общественных ресурсов в виде охранников, надзирателей, участковых, да и времени самого правонарушителя» [1, с. 318]. Следовательно, государство и общество должны быть экономически заинтересованы в широком применении штрафа в качестве наказания.

Однако назначить мягкое наказание – это полдела. Эффективность применения штрафа, назначенного в качестве основного наказания, можно оценить, только обратившись к статистике выплаты в доход государства суммы назначенного штрафа (см. таблицу).

Таблица

Год	Суммы штрафов, руб.		Доля уплаченных добровольно и взысканных сумм штрафов в общей суммы наложенных штрафов, %
	Наложено	Уплачено добровольно и взыскано принудительно	
2012	4 686 671 208	834 960 504	18
2013	3 576 880 136	985 009 688	28
2014	3 957 726 343	1 233 258 791	31
2015	4 689 421 652	1 026 173 261	22
2016	4 521 782 186	1 345 996 695	30
2017	3 924 445 147	1 277 062 576	32

Однако статистика ходатайств о замене штрафа иными видами наказаний, не связанными с лишением свободы (в случае замены штрафа, не кратного стоимости предмета или сумме взятки или коммерческого подкупа), не свидетельствует о «популярности» таковой замены: в среднем удовлетворяется не более 30% подобных ходатайств. Еще меньше удовлетворенных ходатайств о замене «кратного» штрафа лишением свободы (менее 20%) [5].

Таким образом, весьма низкий процент добровольной уплаты и взыскания в доход государства штрафа, назначенного в качестве основного наказания, свидетельствует о неэффективности данного уголовного наказания – самого мягкого из предусмотренных в действующем уголовном законе. Полагаем вполне обоснованным и целесообразным закрепить механизм стимулирования добровольной уплаты суммы назначенного штрафа, аналогичный предусмотренному административным законодательством: при уплате штрафа, назначенного в качестве основного наказания, не позднее сорока дней со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу штраф может быть уплачен в размере половины суммы наложенного штрафа.

Библиографический список

1. Беккер, Г. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

2. Гилинский, Я.И. Мы существуем в двух мирах... // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. 07 марта.

3. Законопроект №645492–7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). [Электронный ресурс] URL: http://sozd. duma.gov.ru/ bill/ 645492-7 (дата обращения: 14.03.2019).

4. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2012 – 2017 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 28.02.2018).

5. Раздел 4 «Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц)» Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2012 – 2017 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 13.04.2018).

6. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (с посл.изм. и доп. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года». [Электронный ресурс] Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Сухарев, О.С. Институциональная экономика: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2018. 453 с.

8. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 29 декабря.

9. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2018. 29 декабря.

10. Форма 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России аз 2010-2017гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 05.03.2019).

УДК 343

Чикулина А.Р., преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются субъективные признаки мошенничества. Определены позиции по сложным вопросам квалификации состава.

Ключевые слова: хищение, формы хищения, мошенничество, корыстная цель.

Вопрос вменяемости по делам о мошенничестве возникает редко, это объясняется характером тех действий, путем которого оно совершается,

спецификой способа мошенничества, ведь совершить мошеннические действия зачастую способны лишь лица, обладающие определенным уровнем интеллекта и способностью к конкретной деятельности. В квалифицированном составе мошенничества (ч. 3 ст. 159 УК РФ) предусмотрен специальный субъект, «мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения». В науке уголовного права сложилось несколько точек зрения касаемо данного положения. Согласно первой точки зрения, субъектом данного преступления является лицо, которое обладает признаками должностного согласно прим. 1 к ст. 285 УК РФ, а также лица, не относящиеся к числу должностных в соответствии с прим. 1 ст. 201 УК РФ. Другая точка зрения, субъектом этого преступления определяет лицо, которое не осуществляет подобные функции, а скорее занимаемое им положение придает ему определенный авторитет и создает обстановку доверия, что облегчает совершение мошенничества. На сегодняшний день в практике сложно найти подтверждение этим положениям. Так, А., действуя от имени ООО «Х», умышленно, путем обмана, из корыстных побуждений, находясь на рабочем месте, ввел в заблуждение Б. относительно оказания ему услуг по поиску и приобретения для него автомобиля. Не имея реальной возможности выполнить взятые на себя обязательства по причине своего затруднительного финансового положения, используя свое служебное положение директора, под предлогом поиска и приобретения для Б. автомобиля, оформил подложный Агентский договор, согласно которому ООО «Х» обязалось организовать подбор, покупку и транспортировку автотранспортного средства определенной марки. В последующем А. незаконно получил от Б. денежные средства в сумме 150 000 рублей, переданные последним во исполнение обязательств по вышеуказанному договору, обратил в свою пользу и таким образом похитив их [1]. В данном случае обвиняемый завладел чужим имуществом, спекулируя доверительным авторитетом, который ему обеспечивала занимаемая должность. Мошенничество с использованием лица своего служебного положения отличается определенной спецификой. В данном случае, согласно прим.1 к ст. 201 УК РФ субъектом может выступать как лицо «выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации», прим. к ст. 285 «должностное лицо», согласно которому «должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо, выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных

Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации». Действия организаторов, подстрекателей и пособников мошенничества, присвоения или растраты, заведомо для них совершенных лицом с использованием своего служебного положения, квалифицируются по соответствующей части статьи 33 УК РФ и по части 3 статьи 159, части 3 статьи 159.1, части 3 статьи 159.2, части 3 статьи 159.3, части 3 статьи 159.5, части 3 статьи 159.6 или по части 3 статьи 160 УК РФ соответственно [2]. Так же субъектом мошенничества выступает лицо, для которого имущество, получаемое путем обмана или злоупотребления доверием является чужим, не вверенным ему по документам как материально ответственному лицу, имущество не является предметом спора. Если субъекту имущество было вверено по документам, то в данном случае имеет место быть состав присвоения или растраты, но не мошенничества.

В соответствии с ч. 2 ст. 25 УК РФ, примечанием 1 к ст. 158 и ст. 159 УК РФ субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в форме прямого умысла и наличием корыстной цели. Интеллектуальный элемент прямого умысла предполагает, что виновный понимает общественную опасность своих действий или бездействий, т.е. возможность или неизбежность, причинения вреда объекту посягательства в результате совершения деяния, входящих в объективную сторону мошенничества. Специально обусловленная цель исключает наличие косвенного умысла, в соответствии с которым последствия от деяния являются нежеланным эффектом от преступления, т.к. виновный при любой форме хищения всегда желает их.

А.И. Бойцов подчеркивает, что «интеллектуальная сторона умысла также включает в себя осознание безвозмездности изъятия имущества, а также осознание способа совершения хищения [3, с. 281 – 282]. Таким образом, интеллектуальный элемент прямого умысла, требует от виннового полного осознания всех объективных признаков мошенничества.

Волевой элемент в мошенничестве состоит в направленности виновным действий по достижению цели, результатом которых является совершение преступления, в желании обратить чужое имущество с свою пользу или пользу других лиц. Так же он заключается в возможности выбора виновным способа, формы, и содержания своей деятельности.

В науке уголовного права существует два основных определения корыстной цели. Одни авторы полагают, что корыстная цель всегда преследует исключительно личную заинтересованность в обогащении (наживе, выгоде) виновным. Другие же говорят о необязательном наличии корыстного мотива и корыстной цели при хищении, целью совершения хищения они называют обогащение виновного, личное потребление похищенного имущества.

А.И. Бойцов придерживается мнения, что «изъятие чужого имущества не для себя, а в пользу других близких для виновного лиц, в судьбе кото-

рых он заинтересован, ничего не изменяет в юридической природе содеянного, так как получение материальной выгоды родственниками, иждивенцами, сожителями и другими близкими преступнику лицами равнозначно его личному обогащению [3, с. 114].

Мы полагаем, что данная точка зрения достаточно спорная, ведь сам законодатель закрепил более обширное толкование корыстной цели. Пленум Верховного Суда РФ в п. 26 постановления от 30.11.2017 № 48 определяет цель как «стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен» [4]. Отсутствие корыстной цели исключает квалификацию содеянного как хищения.

Некоторые ученые выражают сомнение в правильности выделения корысти в качестве итоговой цели. По мнению ряда из них, происходит смешение понятий цели и мотива [5, с. 37; 6, с. 152]. Мотив преступления - это внутреннее побуждение, обусловленное определенными потребностями, которыми виновный руководствуется при совершении преступления [7, с. 45]. В УК РФ корыстная цель обозначена для всех видов хищений, вне зависимости от объекта посягательства. Нередко в науке среди юристов поднимается вопрос, как квалифицировать преступление, если завладение чужим имуществом совершается не с корыстной целью, а с целью его уничтожения, либо временного использования, из хулиганских побуждений, либо в силу действительного или предполагаемого права на это имущество. В данном случае состав хищения чужого имущества отсутствует и содеянное необходимо квалифицировать, в зависимости от обстоятельств дела, по другим статьям особенной части УК РФ, такие как уничтожение имущества (ст. 167), хулиганство (ст. 213), самоуправство (ст. 330) и др.

В науке уголовного права существует характеристика мотивов мошенничества. Так, одни ученые предполагают, что корыстной цели обязательно должен соответствовать корыстный мотив. Другие придерживаются точки зрения, что одна и та же мотивация может сформировать различные цели, также как одни и те же цели могут сформировать разную мотивацию. Постановка корыстной цели может не всегда основываться на корыстном мотиве, но трудно представить случаи, когда корыстный мотив не привод к постановке корыстной цели.

Представляет определенный интерес классификация корыстной мотивации, предложенная Э. С. Тенчовым и Т. М. Явчуновской. Указанные авторы выделяют корысть-нужду, корысть-долг, корысть-паразитизм, корысть-потребительство, корысть-накопительство, корысть-престиж, корысть-легкомыслие, корысть-производственную необходимость [8, с. 138 – 142]. Пример совершения хищения из некорыстных побуждений выступает хищение в соучастии. В данном случае корыстную цель могут преследовать не все лица, которые участвовали в совершении преступления, моти-

вация каждого соучастника может быть самая разная (страх, зависть, желание самоутвердиться и т.д.).

Точное установление мотивов и целей по делам о хищениях чужого имущества имеет особое значение для правильной квалификации преступления. Называя цель, к которой стремится виновный, и мотив, которым он руководствуется, одинаково корыстными, по мнению С. М. Кочои, законодатель внес путаницу как в практику, так и в теорию [8, с. 111].

На основании проведенного анализа, на основании существующих мнений ряда ученых, предлагаем следующие выводы:

1. Мотив и цель – понятия хотя и близкие, но не совсем совпадающие по содержанию, их нельзя отождествлять. «В конкретном человеческом поведении мотив, очевидно, не может быть одновременно целью. А. Ф. Зелинский по этому поводу отмечает следующее: «Мотив означает, «почему» (личностный смысл) совершается деятельность, и действие как ее часть. Цель отвечает на вопрос, «для чего» действие совершается» [9, с. 62].

2. Практические проблемы квалификации мошенничества связаны, прежде всего, с трудностью установления умысла на совершение преступления.

3. Субъектом мошенничества является вменяемое физическое лицо, достигшее общего (16-летнего) возраста уголовной ответственности. Снижение данного возраста не представляется целесообразным, поскольку данное преступление не распространено среди лиц, не достигших 16 летнего возраста, а в случае совершения ими мошенничества, то к таким лицам более уместно применение иных мер воспитательного воздействия, чем мер, связанных с уголовной ответственностью.

Библиографический список

1. Приговор Кировского районного суда г. Томска от 15.05.2017. Дело № 1 -248/2017 [Электронный ресурс]. – https://rospravosudie.com/court-kirovskij-rajonnyj-sud-g-tomska-tomskaya-oblast-s/act-104878477.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – №2.

3. Бойцов, А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 № 48 //Бюллетень Верховного Суда РФ.– 2018 – №2.

5. Владимиров, В.А., Ляпунов, Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М.: Юрид. лит, 1986.

6. Пинаев, А.А. Ответственность за хищения государственного и общественного имущества путем мошенничества. Харьков, 1969.

7. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2006.

8. Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности по законодательству России. – М.: Юрайт, 2015.

9. Зелинский, А.Ф. Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. – М.: Юрист, 2014.

УДК 347.261

Юшкин И.А., аспирант Уральского Института РАНХиГС при Президенте РФ

Субъективные признаки незаконной рубки лесных насаждений

Аннотация. Освещены проблемы применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за незаконную рубку лесных насаждений.

Ключевые слова: экологические преступления, незаконная рубка, древесина, лес, лесные насаждения.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление совершается с прямым или косвенным умыслом. Лицо, производящее порубку, сознает общественную опасность своих действий, предвидит, что ими будет причинен ущерб, и желает (или не желает, но сознательно допускает) наступления этих последствий. При этом отношение к самому действию – порубке, характеризуется в виде прямого умысла, в то время как отношение к возможным последствиям (размеру ущерба) может характеризоваться как умыслом (прямым или косвенным), так и неосторожностью [8, 95]. Так, отношение виновного к последствиям незаконной порубки может характеризоваться:

• с прямым умыслом – лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде значительно, крупного или особо крупного ущерба и желало их наступления;

• с косвенным умыслом – лицо осознавало общественную опасность своих действий, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий в виде значительно, крупного или особо крупного ущерба, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично;

• по небрежности (неосторожная форма вины) – лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (Рубка за пределами

границ отводов, производство отводов и рубка не в тех кварталах или выделах, что указаны в разрешительных документах и т.д.).

Умысел виновного должен быть направлен на рубку (повреждение до степени прекращения роста) древесно-кустарниковой растительности на корню [10, 137].

Если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно. Мотивы преступления для квалификации значения не имеют.

Субъектом преступного посягательства считается физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16-летнего возраста, в том числе и должностное, по распоряжению, разрешению которого произведена незаконная порубка (повреждение) до степени прекращения роста деревьев (кустарников, лиан).

В квалифицированном составе преступления (ч. 2 и 3 ст. 260 УК) под лицами, использующими свое служебное положение, понимаются как должностные лица государственных предприятий, учреждений, организаций (лесхозов, органов управления лесным хозяйством, органов охраны лесов и т.п.), так и руководители хозяйствующих субъектов иных форм собственности и их структурных подразделений, осуществляющие пользование лесным фондом или производящие какие-либо работы.

Использование лицом своего служебного положения предполагает реализацию этим лицом для облегчения совершения преступления предоставленных по службе полномочий, а равно использование своего профессионального статуса.

В случаях, когда виновным в совершении экологического преступления признается должностное лицо государственного предприятия, учреждения, организации или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации, оно должно нести ответственность по соответствующей статье за совершение экологического преступления, а при наличии в действиях признаков злоупотребления должностными полномочиями или полномочиями лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, несет также ответственность соответственно по ст. 285 и 201 УК РФ (п. 10 Постановления Пленума) [6].

При этом необходимо учитывать, что ст. 260 УК РФ специально предусматривается ответственность за преступление, совершенное с использованием служебных полномочий.

Исходя из этого, содеянное следует квалифицировать только по указанной норме об экологическом преступлении без совокупности со статьями, предусматривающими ответственность за должностные преступления, либо за злоупотребление полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации.

Должностные лица или лица, выполняющие управленческие функции в негосударственных организациях, по распоряжению которых производится незаконная рубка лесных насаждений при лесозаготовках, а также при прокладке трасс для трубопроводов, линий электропередачи, геологоразведочных, строительных и иных работах, при наличии признаков состава преступления несут ответственность только по ч. 2 ст. 260 УК. Квалификации по ст. 201 и 285 УК по совокупности не требуется. При этом следует учесть, что должностное лицо (лесник, мастер леса, лесничий и т.п.) является субъектом преступного посягательства, предусмотренного ч. 2 ст. 260 УК РФ, только в том случае, если оно совершает соответствующее общественно опасное деяние на территории (участка, обхода, квартала и т.п.), в пределах которой могут быть реализованы его служебные полномочия.

Ненадлежащее исполнение должностными лицами служебных обязанностей по управлению лесным хозяйством, государственному контролю над состоянием, использованием, воспроизводством, охраной и защитой лесов РФ, причинившее крупный ущерб (ущерб, сумма которого превышает 100 тыс. руб.), должно влечь за собой уголовную ответственность в соответствии со ст. 293 УК РФ «Халатность».

В соответствии со ст. 20 УПК РФ уголовное дело о преступлении, предусмотренном ст. 260 УК РФ, считается уголовным делом публичного обвинения. Уголовные дела публичного обвинения возбуждаются (при наличии повода и основания, предусмотренного ст. 140 УПК РФ, то есть заявления о преступлении, явки с повинной, сообщения о совершенном и готовящемся преступлении, полученного из иных источников) органом дознания, дознавателем, руководителем следственного органа, следователем, в пределах компетенции, установленной УПК РФ.

В соответствии со ст. 150 УПК РФ, предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 260 УК РФ, производится в форме дознания, а по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями второй и третьей статьи 260 УК РФ, – в форме предварительного следствия.

Наиболее часто на практике встречаются случаи реальной совокупности незаконной рубки лесных насаждений с преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, предусмотренными ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий» и ст. 290 УК РФ «Получение взятки». Для правильной оценки содеянного необходимо установить, есть ли признаки

преступления, входящего в совокупность, т.е. признаки должностного преступления и преступления в области охраны природы; в процессе квалификации незаконной рубки лесных насаждений в совокупности с должностными преступлениями необходимо учитывать, что квалифицированный состав ст. 260 УК РФ является специальной уголовно-правовой нормой, предусматривающей ответственность должностного лица за незаконную рубку лесных насаждений. Поэтому преступление, предусмотренное п. "в" части 2 ст. 260 УК РФ, должно квалифицироваться без совокупности со ст. ст. 285 и 286 УК РФ. Данный вывод основан на правилах о конкуренции общих и специальных уголовно-правовых норм.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Российская газета, № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Российская газета, № 249, 22.12.2001

4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ, 11.12.2006, № 50, ст. 5278

5. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

7. Грошев, А.В. Ответственность заприобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины // Научный журнал КубГАУ. 2015 № 113(09). С. 1637 – 1645.

8. Дерюга, А.Н. Причины незаконной рубки леса и пути их устранения // Право и практика. 2013. № 1. С. 95 – 100.

9. Кочергин, Г.М. Криминологическая характеристика незаконной рубки лесных насаждений в контексте проблем противодействия экологической преступности / Г.М. Кочергин, Е.А. Костыря, В.В. Минаев // Российский следователь. – 2012. – № 14. – С. 34 – 39.

10. Полещук, О.В. Анализ предмета незаконной рубки лесных насаждений // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 3. – С. 137 – 141.

СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО»

УДК 341

Буртовой М. Ю., доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Международное сотрудничество в сфере невозобновляемых источников энергии в резолюциях Организации Объединённых Наций

Аннотация. В работе на основе исследования резолюций Организации Объединенных Наций анализируется опыт организации сотрудничества в сфере невозобновляемых источников энергии. Выявляются особенности, некоторые направления и особенности организации регулирования сотрудничества.

Ключевые слова: международное право, международное мягкое право, международное энергетическое право, международные организации, Организация Объединенных Наций, невозобновляемые источники энергии, уголь, нефть, газ, Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК).

Важное значение для экономического развития любого государства имеют энергетические ресурсы. В условиях, когда существуют государства как с дефицитом так и профицитом природных энергетических ресурсов вопросы регулирования международного сотрудничества между ними становятся заметным направлением работы различных международных организаций. Деятельность Организации Объединенных Наций (далее – ООН) не стала исключением. В практике деятельности ООН регулирование международного сотрудничества в сфере энергетики приобрело характер устойчивой практики, о чем свидетельствуют многочисленные резолюции ООН.

В шестидесятых годах двадцатого века регулирование международного энергетического сотрудничества распространилось на нефтяные ресурсы. Природные ресурсы и нефтяные, в частности, рассматривались как средство экономического развития слаборазвитых государств.

С целью поощрения разработки нефтяных ресурсов в развивающихся странах, ООН и специализированные учреждения организовывали проведение исследований, совещаний по проблемам, представляющим всеобщий интерес, предоставляли техническую и иную непосредственную помощь, как общего так и индивидуализированного характера.

Изучение резолюций ООН позволяет обозначить некоторые характерные черты регулирования сотрудничества государств. Анализ резолюции

№ 758 (XXIX) от 21 апреля 1960 года «Экономическое развитие слаборазвитых стран: нефтяные ресурсы» [1] показывает:

– возрастающий интерес к международному сотрудничеству по вопросам нефтяных ресурсов – в этом документе было отмечено, что «государства-члены организации могут счесть полезным уделять большее внимание развитию добычи нефти в слаборазвитых странах и дальнейшей подготовки специалистов по нефти, предоставлению лабораторий и других средств обслуживания для такой подготовки, а также проблемам эффективного использования топлива».

– стремление к организации сотрудничества на различных уровнях международного взаимодействия. Определенные черты «регионализации» сотрудничества выразились в том, что Совет адресовал региональным экономическим комиссиям, в случае целесообразности и по требованию своих членов, включать изучение этих проблем в свои прошлые и будущие рабочие программы.

– продолжение сотрудничества, увеличение мероприятий – предоставление помощи со стороны Генерального секретаря и Бюро технической помощи, по требованию правительств, в сотрудничестве со специализированными учреждениями, организация семинаров по технике развития нефтяных ресурсов.

– расширение круга участников взаимодействия. Несмотря на то, что неправительственные и частные организации не являются традиционными субъектами международных публичных отношений, в ряде случаев они упоминается в резолюциях ООН. В п. 6 указанной резолюции устанавливается, что компетентные неправительственные и частные организации будут приглашаются к участию в семинарах по технике развития нефтяных ресурсов, так чтобы их признанным техническим опытом могли пользоваться государства-члены организации.

– мониторинг существующих средств и программ сотрудничества. В резолюции констатируется, что ООН считает необходимым обращать внимание на факты любого значительного увеличение просьб слаборазвитых стран об услугах экспортёров по нефти, которые при существующих средствах обслуживания и программах не могут быть надлежащим образом удовлетворены.

Образование в 1960 году новой межправительственной организации – Организации стран-экспортеров нефти (Organization of the Petroleum Exporting Countries – OPEC), координирующей нефтяную политику стран-членов, не осталось не замеченным со стороны ООН.

В ноябре 1962 года ОПЕК была зарегистрирована в Секретариате ООН как полноправная межправительственная организация. Позднее были установлены официальные отношения с Экономическим и Социальным Советом ООН, ОПЕК стала участником Конференции ООН по торговле и развитию.

Конференция ООН по торговле и развитию в рекомендации A.VI.2 [2] отметила, что международные организации, созданные развивающимися странами, которые являются главными экспортерами невозобновляющихся естественных продуктов, признавались и поощрялись, чтобы они имели возможность защищать свои интересы.

Резолюцией № 1053 (XXXIX) от 30 июня 1965 г.

«Отношения с Организацией стран-экспортеров нефти» [3] было принято решение об установлении отношений с организацией стран-экспортёров нефти. И с этой целью установлены направления взаимодействия:

a) обеспечение взаимного обмена информацией и документацией;

b) представительство Организации стран-экспортёров нефти на заседаниях органов Организации Объединенных Наций, рассматривающих вопросы, представляющий взаимный интерес;

c) консультации и техническое сотрудничество между Организацией стран-экспортёров нефти и Организации Объединённых Наций по вопросам, представляющим общий для них интерес.

Если вопросам сотрудничества по природным газовым ресурсам было уделено достаточно скромное внимание, касающееся, в основном, обсуждений отдельных аспектов сотрудничества [4], то регулирование взаимодействия угольных ресурсов получило определенное развитие [5]. Энергия и различные виды топлива приобрели всемирное значение, воздействуют на экономическое развитие, в особенности на развивающиеся страны. В связи с чем, появляется расширение международного сотрудничества в целях обеспечения долгосрочного энергоснабжения в соответствующих количествах и формах.

Определенную роль в выстраивании долгосрочных отношений по энергоснабжению сыграла и резолюция № 3508 (XXX) Генеральный Ассамблеи ООН от 15 декабря 1975 года «Рассмотрение долгосрочных тенденции в экономическом развитии регионов земного шара» [6].

Например, в п. 1 данной резолюции отмечается о необходимости:

– уделять в своей работе о долгосрочных экономических тенденциях особое внимание долгосрочным прогнозам, касающимся энергии и основных источников энергии, а также потребностям и ресурсам различных стран, принимая во внимание возможность использования альтернативных источников энергии;

– чтобы в совместных усилиях всех организаций системы Организации Объединенных Наций, направленных на освоение источников энергии, альтернативных по отношению к нефти и газу, первоочередное значение уделялось оценке перспектив использования угля в качестве сырья как для производства жидкого и газообразного топлива, так и для химической промышленности.

Практика деятельности различных комиссий, специализированных учреждений, результатов программ развития ООН, позволило ООН обозначить ряд проблем:

a) оценка прогресса, достигнутого в расширении использования угля;

b) характеристика нынешних и предполагаемых масштабов работ по оценке перспектив использования угля, запланированных в соответствующих программах работ этих органов;

c) представление конкретных предложений, касающихся практических мер по расширению использования и обработки угля и по оказанию его помощи странам в преодолении их энергетических проблем; и в то же время принимающий внимание требования защиты окружающей среды.

Представляет интерес то обстоятельство, что ООН содействует распространению европейской системы кодификации углей различного ранга на универсальном уровне. В частности, в резолюции № 1988/68 «Международная торговля и сотрудничество в области в Угля» [7] ООН, ссылаюсь на принятие европейской экономической комиссией в 1956-м году Международной классификации каменного угля по Типам:

– приветствовал принятие европейской экономической комиссией «Международной системы кодификации углей среднего и высокого рангов», которая была разработана в тесном сотрудничестве с государствами, не являющихся членами Комиссии, и международными организациями;

– предложил государствам – членам Организаций Объединённых Наций, международным организациям и региональным комиссиям рассмотреть возможность принятия надлежащих мер по обеспечению повсеместного применение международной системы кодификации.

Таким образом, регулирование международного сотрудничества планомерно распространяется на различные виды невозобновляющихся природных энергетических ресурсов – нефтяные, газовые, угольные ресурсы.

Развитие международной торговли и сотрудничества в области нефти, газа, угля способствовало расширению и углублению межгосударственных отношений по этим видам природных энергетических ресурсов. Эти отношения характеризовались стремлением к организации сотрудничества на различных уровнях международного взаимодействия, расширением круга участников сотрудничества, поиск оптимальных моделей, направлений, форм сотрудничества.

Библиографический список

1. Резолюция 758 (XXIX) от 21 апреля 1960 года «Экономическое развитие слаборазвитых стран: нефтяные ресурсы». URL: https: //undocs. org/ru/E/RES/758(XXIX) (дата обращения: 10.02.2019).

2. Конференция ООН по торговле и развитию E/ CONF.46/141 // Издание Организации Объединенных Наций. Том I. № 64. II.11.

3. Резолюция 1053 (XXXIX) от 30 июня 1965 года «Отношения с Организацией стран-экспортеров нефти». URL: https: //undocs.org /ru /E/ RES/1053(XXXIX) (дата обращения: 10.02.2019).).

4. Резолюция 1318 (XLIV) от 31 мая 1968 года «Ресурсы нефти и природного газа». URL: https: //undocs. org/en /E/RES /1318(XLIV) (дата обращения: 10.02.2019).

5. Резолюция 2118 (LXIII) от 4 августа 1977 года «Исследование, освоение и использование угольных ресурсов». URL: https:// undocs. org/ ru /E/RES /2118(LXIII) (дата обращения: 10.02.2019).

6. Резолюция A/RES/3507 (XXX) Генеральный Ассамблеи ООН от 15 декабря 1975 года «Рассмотрение долгосрочных тенденции в экономическом развитии регионов земного шара». URL: http: // www.un.org /ru/ documents/ods.asp?m=A/RES/3508%28XXX%29. (дата обращения: 10.02.2019).

7. Резолюция 1988/68 от 28 июля 1988 года «Международная торговля и сотрудничество в области угля» URL: https:// undocs. org/ru/ E/ RES /1988/68 (дата обращения: 10.02.2019).

УДК 342

Васильева Г.А., доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.и.н., доцент

Уголовная ответственность главы муниципального образования

Аннотация. Рассмотрены некоторые вопросы уголовной ответственности главы муниципального образования. Привлечение данного выборного должностного лица к уголовной ответственности, в том числе за совершение преступления, где глава муниципального образования является специальным субъектом, влечет за собой и наступление специфических муниципально-правовых санкций в виде досрочного прекращения его полномочий.

Ключевые слова: глава муниципального образования, уголовная ответственность, муниципально-правовая ответственность.

В силу статьи 70 Федерального закона Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.02.2019) [1] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) глава муниципального образования, будучи высшим должностным лицом муниципального образования (п. 1 статьи 36), несет ответственность перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами.

Виды ответственности главы муниципального образования должны отражаться в уставе каждого конкретного муниципального образования (пп. 8 п. 1 статьи 44 Федерального закона № 131-ФЗ).

Анализ уставов муниципальных образований Челябинской области показывает, что данная норма практически в неизменном виде перенесена из Федерального закона № 131-ФЗ. Так, согласно статье 50 Устава города Челябинска (принят решением Челябинской городской Думы от 26.05.2015 № 9/2 (ред. от 29.05.2018) [2], статье 57-1 Устава города Магнитогорска» (принят решением Магнитогорского городского Собрания депутатов Челябинской области от 27.12.2006 № 217) (ред. от 27.02.2018) [3] органы местного самоуправления города Челябинска и должностные лица местного самоуправления города Челябинска несут ответственность перед населением города Челябинска, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами.

Данные нормы не уточняют какие виды юридической ответственности несет глава муниципального образования. В юридической литературе на основании данной нормы выделяется особый вид муниципально-правовой ответственности, субъектом которой среди прочих является глава муниципального образования. Так, по мнению И.А. Алексеева, муниципально-правовая ответственность – отраслевой вид ответственности одноименной отрасли права за реализацию задач и функций, которые возлагает законодатель на муниципальный уровень власти; конгломерат политическо-правовых негативных и позитивных санкций, носящих в большей степени, чем иные виды ответственности, социальный характер и выполняющих функции, не характерные иным видам юридической ответственности [4, с. 12]. При этом, отдельные санкции муниципально-правовой ответственности присущи только муниципальному праву, а другие санкции заимствуются у других отраслей права; при этом санкции муниципально-правовой ответственности (не конкурируя с конституционно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, административно-правовой, дисциплинарной ответственностью, а дополняя санкции указанных отраслей своими собственными санкциями) могут применяться как в качестве самостоятельных, так и в виде дополнительных санкций при нарушении субъектом ответственности – делинквентом – норм вышеуказанных отраслей права [5, с. 13 – 15].

Из п. 2 статьи 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [6] следует, что деяние признается преступлением, если представляет опасность для личности, общества или государства.

В статье 72 Федерального закона № 131-ФЗ установлено, что ответственность главы муниципального образования наступает на основании решения соответствующего суда в случае нарушения ими Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституции (устава), законов субъекта Российской Федерации,

устава муниципального образования, а также в случае ненадлежащего осуществления переданных ему отдельных государственных полномочий.

Анализ статей 70, 72 и 74 Федерального закона № 131-ФЗ и п. 2 статьи 2 УК РФ показывает, что ответственность главы муниципального образования наступает при посягательстве на интересы личности, общества и государства. При этом такое посягательство может расцениваться как исключительно муниципально-правовой деликт, а при наличии признаков преступления – как преступление, ответственность за которое наступает на основании соответствующей статьи УК РФ.

Глава муниципального образования в качестве специального субъекта, может быть привлечен к уголовной ответственности при посягательстве на интересы государственной власти, службы в органах местного самоуправления, предусмотренные главой 30 УК РФ.

В примечании к статье 285 УК РФ не разъясняется понятие главы местного самоуправления. Однако в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [7] разъясняется, что наряду с лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, субъектом ответственности по части 2 статьи 285 УК РФ и части 2 статьи 286 УК РФ является глава органа местного самоуправления, под которым следует понимать только главу муниципального образования – высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения (статья 36 Федерального закона № 131-ФЗ).

При этом в литературе отмечается необходимость разграничивать понятия «глава органа местного самоуправления» «глава муниципального образования», так как первое значительно шире. В связи с этим, к субъектам этого вида преступлений следует относить и главу муниципального образования, и главу местной администрации, руководителя контрольного органа [8, с. 13 – 15].

Итак, глава муниципального образования может быть привлечен к уголовной ответственности за:

использование своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства на основании ч. 2 статьи 285 УК РФ;

совершение действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства на основании ч. 2 статьи 286 УК РФ;

получение лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе по ч. 4 статьи 290 УК РФ;

халатность, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства по ч. 1 статьи 293 УК РФ.

Кроме того, глава органа местного самоуправления является специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 статьи 237 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за сокрытие или искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, совершенные лицом, обязанным обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, указанной информацией.

Привлечение к уголовной ответственности влечет для лица, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренном УК РФ, применение специфических санкций – уголовного наказания, выраженного в лишении или ограничении прав или свобод (ч. 1 статьи 43 УК РФ).

Привлечение главы муниципального образования к уголовной ответственности влечет за собой и муниципально-правовую ответственность, а именно, специфические санкции в виде досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования в связи с вступлением в отношении его в законную силу обвинительного приговора суда (пп. 6 п. 6 статьи 36 Федерального закона № 131-ФЗ).

Анализируя практику привлечения глав муниципальных образований к уголовной ответственности М.Н. Макеев пришел к выводу, что как правило суды выносят коррупционерам дополнительное наказание в виде лишения права занимать государственные и муниципальные должности, однако в практике имели место случаи, когда «суды, действуя по своему усмотрению, не назначали наказания, указанного в п. «б» ст. 44, ст. 47 УК РФ, так как в одних случаях санкции статей уголовного закона предусматривают такое наказание в качестве основного наряду с иными основными видами наказаний, в других вовсе его не содержат» [9, с. 112 –118].

В таком случае, Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу жалобы гражданина Ковалева Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части 6 статьи 36 и пунктом 5 части 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» обратил внимание на то, что решение уполномоченного органа (по общему правилу – представительного органа муниципального образования) о досрочном прекращении полномочий указанных лиц (в том числе, главы муниципального образования) принимается при условии, что обвинительный приговор суда в отношении них вступил в законную силу. При этом не имеют значения характер преступления и вид наказания за него; определяющей является презумпция того, что лицо, конфликтующее с уголовным законом, не отвечает нравственным требованиям. В то же время досрочное прекращение полномочий депутата или иного выборного должностного лица по рассматриваемому основанию не затрагивает его конституционный статус как гражданина и не лишает возможности вновь быть избранным в органы публичной власти, если к этому нет других препятствий, установленных федеральным законом, и если избиратели выразят ему доверие [10].

Таким образом, наличие вступившего в законную силу приговора суда в отношении главы муниципального образования и привлечение его к уголовной ответственности, в том числе за совершение преступления, где глава муниципального образования является специальным субъектом, влечет за собой и наступление специфических муниципально-правовых санкций в виде досрочного прекращения его полномочий. Вместе с тем, это не препятствует ему как гражданину, при отсутствии назначенного ему уголовного наказания (в том числе дополнительного) в виде лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, реализовать свое право быть избранным в органы публичной власти.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.02.2019) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

2. Устав города Челябинска (принят решением Челябинской городской Думы от 26.05.2015 № 9/2 (ред. от 29.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Устав города Магнитогорска» (принят решением Магнитогорского городского Собрания депутатов Челябинской области от 27.12.2006 № 217) (ред. от 27.02.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Алексеев, И.А. Муниципально-правовая ответственность в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2014. С. 12.

5. Чадов, А.В. Муниципально-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 4. С. 13 – 16.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

8. Курманов, М.М., Миннегулов, И.Х. Ответственность главы муниципального образования: проблемы правового регулирования // Юридический мир. 2012. № 4. С. 13 – 15.

9. Макеев, Н.Н. Некоторые аспекты освобождения от должности глав муниципальных образований в связи с привлечением к уголовной ответственности // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 112 – 118.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 285-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Андрея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части 6 статьи 36 и пунктом 5 части 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340+343

Герасимова Н.П., доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н., доцент

Проблемы правового регулирования в государственной и международно-правовой сферах: теоретико-правовой аспект

Аннотация. Проблемы теории правового регулирования актуальны в современной юридической науке. Данные проблемы являются приоритетными как внутренней политики страны, так и во внешней правовой политике. Автор рассматривает правовое регулирование как регламентацию общественных отношений, основанных на общеобязательных правилах поведения и правовых предписаниях, обеспеченных в необходимых случаях государственным принуждением. В статье, автор затрагивает правовую основу конституционного и международного законодательства, выделяет признаки и особенности юридических конфликтов, особо отметив значение проблем правового регулирования в сфере противодействия экстремизму.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовая деятельность, законодательное обеспечение, юридический конфликт, правовой цинизм, социальные противоречия, государственное принуждение, экстремизм.

Исследование проблем правового регулирования начиналось в начале второй половины XX века. Особые заслуги в решении научных проблем в этой области принадлежат российским ученым: Н.М. Коркунову, Б.Н. Чичерину, Г.Ф. Шершеневичу, Е.Н. Трубецкому, П.Г. Виноградову, П.А. Сорокину, Л.И. Петражицкому, С.И. Гессену, С.С. Алексееву и многим другим.

Начало XXI века характеризуется обострением глобальных проблем, приведших к коренным изменениям в государственно-правовой сфере. Они вызваны обострениями новых прогнозов в эволюции государства и права на основе развития теории правового государства и современного гражданского общества, а также совершенствования правового закона, изменения соотношения национального (внутригосударственного) и международного права, являющихся базовыми в мировой правовой системе будущего.

Особенности правового регулирования в современном цивилизованном государстве и обществе состоят в том, что они охватывают самые существенные элементы «правовой материи» – нормы права, действие права в демократическом обществе, сам процесс правового регулирования поведения людей, его механизм, правомерное поведение как цель государства и результат правового регулирования. С точки зрения профессора А.П. Коренева: «правовое регулирование – это процесс последовательного использования правовых средств для достижения целей регулирования» [4, с. 44].

Согласно позиции ученого, право и его нормы переходят из одного социального состояния в другое (разрешают дела, споры и т.д.) и переводят содержащуюся в себе волю людей в практическую плоскость, делая реальными присущие ему законность, справедливость, ценности граждан, их образ жизни. Государство обеспечивает жизнедеятельность общества путем использования властного воздействия на общественные отношения, которые составляют важнейшую часть деятельности государства, а право – путем нормативного регулирования общественных отношений посредством общеобязательных правил поведения, обеспеченных в необходимых случаях государственным принуждением. В этой связи, И. Кант писал: «Право может служить как средство ограничения произвола, и как средство подавления свобод человека» [2, с. 140]. Эта же мысль высказана и нашим соотечественником И.А. Ильиным отметившим, что «по своему объективному назначению право есть оружие порядка, мира и братства; в осуществлении же оно слишком часто прикрывало собой ложь и насилие, тяготение и раздор, бунт и войну» [1, с. 225].

Правовое регулирование, охватывающее развитие общества, отличается не только прогрессивной направленностью, но и при определенных условиях может приобретать аномальный характер. В настоящее время, состояние правового развития общества характеризуется локальными сферами действия права, противопоставлением праву неправовых средств достижения целей и задач в различных областях деятельности: в сфере по-

литики (во взаимоотношениях личности и государства), законодательной и правоприменительной деятельности и т.д.

Итак, действие права непосредственно связано с правовой деятельностью в современном обществе – отмечает Р.В. Шагиева [9, с. 21 – 46], результаты которого носят политико-правовой характер, то есть, по содержанию оно направлено на организацию правовой деятельности, а по форме носит политический характер. В этой связи, правовая деятельность не исключает политических конфликтов, которые тесно связаны с эффективностью государственных институтов и процедур политико-государственного управления, так и с юридическими нормами [11, с. 39], поскольку «концепция легитимности охватывает взаимоотношения между властью и правом. Там, где легитимность власти не бесспорна, воцаряется беззаконие и опасность революционных потрясений [10, с. 113 – 114].

Важное значение для правового регулирования имеют критерии социальной и юридической (правовой) оценки, поскольку государство, с помощью права признает действия субъектов правомерными либо неправомерными, либо поощряет, либо осуждает или относится к ним терпеливо. В этой связи необходимо обозначить пределы правового регулирования, которые отделяют область правового от неправового, устанавливают границы распространения закона, определяют характер воздействия права на сознание и поведение людей. Пределы правового регулирования обусловлены спецификой права, как особого регулятора, так и факторами человеческой деятельности, предопределены их общей культурой и цивилизованностью, особенностями регулируемых отношений, интересами государства и субъектов права, обусловлены историческими, экономическими, политическими, национальными, религиозными и др. обстоятельствами.

«В каждом веке – и в наше время ни в коей мере не является исключением, – рождаются отдельные индивиды или группы лиц, которые испытывают неприязнь ко всякой власти вообще и выражают это отношение различными действиями или демонстрациями против сил права и порядка …..» [5, с. 12 – 13].

Есть основания полагать, что особую опасность для общества представляет правовой цинизм, которому в публицистике найдено более точное обозначение – правовой беспредел. Являясь одной из форм экстремизма, господствующий главным образом в отношениях государства к личности, сейчас проявляется в сфере межнациональных, межгрупповых отношений, общественной безопасности и т.д. Правовой цинизм, выросший до уровня экстремистских проявлений представляет серьезную угрозу общественному и конституционному строю. В рамках проводимых рассуждений, в общественной жизни существует немало противоречий и, следовательно, конфликтов, которые представляют собой одну из фаз развития социального противоречия, в и процессе нерешенных разногласий могут перерасти в более сложное, опасное явление именуемое экстремизмом. Таким обра-

зом, все правовые конфликты, в зависимости от правового регулирования поведения субъектов могут подразделяться на первичные и производные. Первичным являются конфликты, которые имеют правовые признаки – объект, предмет, поведение субъектов, мотивация конфликта находятся в сфере правового регулирования. Юридические последствия конфликта неизбежны (например, правонарушение). К первичным можно отнести конфликты которые возникают и развиваются на основе противоречий в правовых нормах. Производные же конфликты возникают и развиваются вне правовой сферы, но в процессе формирования могут приобретать юридические признаки. Эти конфликты носят политический характер, и если при помощи социально-политических средств и методов не удается разрешить конфликт, он может трансформироваться в правовой.

Юридические конфликты это всегда противоборство сторон, которые можно подразделить на простые, в них задействованы две противоборствующие стороны, и сложные, в которых участвуют более двух субъектов, имеющих различные интересы и цели. По сфере пространственного распространения выделяют конфликты глобальные (макро-конфликты), и локальные (микро-конфликты). По отраслевому содержанию выделяют гражданско-правовые, семейные, трудовые, административные, конституционные юридические конфликты. В зависимости от положения противоборствующих субъектов и методов правового регулирования, конфликты могут быть частно-правовые и публично-правовые. Первые не наделены специальной правосубъектностью и государственный орган не может вмешиваться в процесс разрешения частно-правового конфликта без согласия субъектов данного конфликта. Публично-правовые конфликты затрагивают публичные (государственные, общественные) интересы. Субъектами публично-правовых конфликтов выступают представители государственной власти (государственный орган, должностное лицо, государство).

Следует подчеркнуть, в основе возникновения и развития любого социального столкновения интересов субъектов, лежит противоречие между противоборствующими классами, стратами, этническими группами, религиозными конфессиями и т.д.

Вместе с тем, существенным признаком конфликтов является то, что по своему политико-правовому содержанию они являются конфликтами конституционными [3, с. 177; 7, 55].

Так, Конституция РФ устанавливает юридические основы легитимности и легальности публичной политической власти, которая выступает объектом юридического конфликта в данной сфере, обеспечивая признание за собой социальной значимости и ценности посредством юридического противостояния. Криминальные конфликты по поводу власти, связанные, например, с заказным убийством политического лидера или государственного деятеля перерастают в преступления экстремистской направленности.

Сегодня, очевидно, что борьба с экстремизмом является важнейшей задачей решаемой государством, поскольку без социального, национального, межрегионального согласия в стране невозможно обеспечить ее процветание и правопорядок, а также спокойствие и уверенность граждан в реальной защите своих прав и свобод, независимо от национальных, религиозных и других социальных особенностей. Преступления экстремистской направленности являются наиболее опасными [8, с. 4] для общества, рост которых невозможно предотвратить. Противодействие экстремизму в условиях современной России состоит прежде всего в законодательном обеспечении борьбы с этим опасным явлением. Согласно статьи 13 Конституции Российской Федерации обязанность государства состоит в том, что законами запрещается разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной розни, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности какой-либо социальной группы. В этой связи, необходимо давать правовую оценку, учитывать не только характер конфликта и его истоки, но и вести борьбу с экстремистскими проявлениями соблюдая конституционное и международное законодательство, которое охватывает международные документы:

– Всеобщую декларацию прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 г.;

– Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.;

– Международную Конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации принятой Генеральной Ассамблеей ООН 1965г. и вступившей в силу 1 января 1969 г.;

– Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений;

– Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 года) и другие документы.

На рубеже веков в мире и в России происходили глобальные социальные изменения, возникали и обострялись противоречия экономического, социального, политического и духовного характера. Переход к рынку сопровождался масштабным криминальным переделом национальных богатств России, результат «беспредела» привел к безработице, большая часть населения оказалась за чертой бедности. В условиях низкого жизненного уровня значительной части населения привело к межнациональным, межрегиональным конфликтам. Экстремизм как социальное явление обостряется там, где у людей возникают проблемы с самореализацией. В этой же статье 13 Конституции РФ запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства,

создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. В любых формах своих проявлений экстремизм и терроризм превратились в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие.

Применительно к правовой действительности, правовую основу борьбы с экстремизмом составляют: Конституция Российской Федерации, Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ, Федеральный закон РФ «О противодействии экстремисткой деятельности», Уголовный Кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Федеральные законы РФ «О противодействии терроризму», «О прокуратуре Российской Федерации», «О чрезвычайном положении», Концепция «Противодействие терроризма в Российской Федерации», и др.

Кодекс Российской Федерации об административных правоотношениях предусматривает такие противоправные действия экстремистского характера как: нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях (ст. 5.26 КоАП РФ); пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ); производство и распространение экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ), которые влекут административные штрафы и аресты. В Уголовном Кодексе РФ совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, рассматривается в качестве отягчающего обстоятельства, такие как: статья 280 – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, статья 282 – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, статья 282.1 – организация экстремистского сообщества, статья 282.2 – организация деятельности экстремистских организаций, статья 357 – геноцид. Эти преступления наказываются вплоть до двадцати лет, а также пожизненным лишением свободы.

По мнению, Д.В. Ольшанского: «Практически всем разновидностям экстремизма присущи определенные общие черты: насилие и его угроза, обычно вооруженного; одномерность, однобокость в восприятии общественных проблем, в поиске путей их решения; фанатизм, одержимость в стремлении навязывать свои принципы; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов, инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам, либо игнорирование их. Экстремизм смыкается с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом, революционным вождизмом» [6, с. 227 – 228]. Есть основания полагать, что позиция ученого более четко сформулировала проблему борьбы с экстремизмом.

Законодательством регулируется достаточно широкий круг вопросов в сфере противодействия экстремизму, правовых оснований проведения анти-

экстремистских действий правоохранительными органами, но в целях более комплексного решения задачи совершенствования основ борьбы с экстремизмом, необходимо активизировать работу в следующих направлениях:

– рассмотреть законодательную базу в России по совершенствованию борьбы с экстремизмом;

– развитие международного сотрудничества в борьбе с экстремизмом, как приоритетной деятельности в России;

– повысить роль и ответственность всех субъектов антиэкстремистской деятельности и предоставить им дополнительные полномочия урегулированные нормативной базой;

– неотвратимость и ужесточение ответственности за участие в экстремистской деятельности, вплоть до пожизненного заключения;

– обеспечить действенную профилактику в целях формирования эффективной системы противодействия экстремизму;

– пресечение экстремистских проявлений и ликвидация их последствий.

В России действует развернутая правовая система противодействию экстремизму, однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о необходимости ее совершенствования. В целях решения проблем правового регулирования борьбы с экстремизмом, необходимо сформировать эффективную систему противодействия экстремизму и своевременного создания эффективного антиэсктремистского законодательства.

Библиографический список

1. Ильин, И.А. О сущности правосознания. – М., 1993. – С. 225.

2. Кант, И. Сочинения. – М., 1965. – Т. 4. – ч.2. – С. 140.

3. Конфликты в современной России. – М., 2000. – С. 177.

4. Коренев, А.П. Административное право России. – М., 2000. – С.44.

5. Ллойд, Д. Идея права. – М., 2002. С. 12 – 13.

6. Ольшанский, Д.В. Психология террора. – М., Академический проект: ОППЛ. Екатеринбург: Деловая книга. 2002. С. 227 – 228.

7. Основы конфликтологии / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М., 1997. – С. 55.

8. Хлебушкин, А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ. – Саратов. 2007. – С. 4.

9. Шагиева, Р.В. Концептуальные основы правовой деятельности. – М., 2005. – С. 21 – 46.

10. Шаран, П. Сравнительная политология. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 113–114.

11. Юридический конфликт: сферы и механизмы // Юридическая конфликтология. – М., 1994. – Ч. 11. – С. 39.

УДК 340

Камалова Г.Т., профессор кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Юридического института ЮУрГУ (НИУ), д.и.н., профессор

К вопросу об особенностях эволюции процессуальных норм в русском праве в X –XVII вв.

Аннотация. Статья посвящена изучению развития процессуального права периода Средневековья. Автор анализирует источники права X – XVII вв. и на этой основе выявляет причины и характер перемен в форме судебного процесса, в системе доказательств и в соотношении между ними. Особое внимание в статье уделено исследованию института доказывания в судебном процессе, анализу изменений в бремени доказывания по субъектам и по способам получения доказательств. На основании изучения нормативных актов раскрыта тенденция повышения роли государства как участника процессуального действия. Появление в конце XV в. новой розыскной формы процесса свидетельствовало о росте влияния государственных структур в судебном разбирательстве. Автор показывает, что в розыскной форме процесса государство соединило в одном лице функции судьи, обвинителя и защитника.

Ключевые слова: состязательный процесс, розыскной процесс, виды доказательств, бремя доказывания, истец, ответчик.

Процессуальное право в России имеет многовековую историю. Его нормы трансформировались под воздействием перемен в экономической, политической и социальной жизни страны, влияли также изменения в материальном праве. Рассмотрим основные вехи развития процессуальных норм от Русской правды до Соборного уложения 1649 г. Особый интерес представляет проблема изменений в системе доказательств, характер перемен в бремени доказывания по субъектам, по способам получения доказательств. Суд в эту эпоху не был отделен от администрации, наоборот, судебная функция была важнейшей задачей администрации; этим, на наш взгляд, и вызвано то, что вопросы организации судебного процесса получили в законодательстве детальную регламентацию.

В развитии процессуального права в России можно выделить определенные тенденции. Прежде всего, происходят изменения в субъектах процесса. На начальном этапе двигателем процесса выступали стороны, а не государство (это означало, что участники должны были сами осуществлять розыск и задержание преступника, доставку его в суд, предоставление доказательств). Меняются и лица, на которых лежало бремя доказывания.

Происходит трансформация также и в системе доказательств, изменяется соотношение между ними, а также способами их получения.

История русского процессуального права восходит к далекой старине. Суды предков связаны с дописьменным периодом. Появление «Русской Правды» невозможно было бы без системы судов со сложившимися процессуальными нормами. Содержание договора Олега с Византией 912 г. со ссылкой на Закон Русский (очевидно, бытовавший в устной форме) свидетельствует об устоявшихся нормах рассмотрения различных жизненных ситуаций: убийств, торговых споров, наследования, кораблекрушения, выкупа пленных. Большое место при рассмотрении споров отводилось клятве, традиции, племенным обычаям [1, с. 7 – 8], то есть основанием служила справедливость.

Во времена Русской правды складывались традиции судебного рассмотрения дела, то есть процесс был состязательным. Судопроизводство носило гласный и устный характер. Для процесса было характерно равноправие сторон, они назывались «истцами». Судебный процесс начинался по инициативе частного лица, на котором лежало бремя розыска преступника, его задержание, доставка в суд, а также бремя доказывания.

Русская правда знала весьма специфические формы досудебной подготовки дела: гонение следа, заклич и свод. Эти процессуальные действия, свойственны только уголовному процессу. Некоторые из них дошли до наших дней, хотя и в измененной форме. Гонение следа – это преследование преступника по горячим следам. Данное следственное действие сохранилось до сегодняшних дней. Если след приводил к дому, то хозяин признавался виновным. Если след приводил в общину, то община, если не было на лицо убийцы, должна была платить так называемую «дикую» или повальную виру [2, ст. 3 – 7]. Очень специфическим было процессуальное действие на второй стадии досудебной подготовки дела. К нему прибегали в случае, если след терялся на торговой дороге. Заклич – это объявление на торгу или в другом людном месте о пропаже вещи с указанием ее индивидуальных признаков. Расчет был на деревенский характер организации общества, где люди все друг про друга знают и заметят у соседа новую вещь. Если вещь обнаружена в течение трех дней, то ее можно прямо забрать [2, ст. 32]. В случае, если прошло более трех дней, то переходили к своду (встать «очи на очи») – третьей стадии, связанной с установлением правомерности владения или приобретения вещи [2, ст. 36 – 39]. Это процессуальное действие и сегодня широко применяется (очная ставка). Особенностью процесса в Древней Руси было то, что на потерпевшем лежало не только бремя поиска преступника, но бремя доказывания.

В древности широкое распространение имели вещественные доказательства: ушибы, синяки, кровь, выбитый зуб, орудие преступления, украденная вещь [2, 28, 31, 68]. Поличное – вид доказательства, применявшийся в древности («полишнее», то есть вещь, не принадлежащая тому, у кого

обнаружена). И сегодня взять с поличным – это достаточно убедительное доказательство вины.

Среди доказательств важное место отводилось свидетельским показаниям. При этом во времена Русской Правды полноценным считалось лишь свидетельство свободного человека. Холопы не являлись субъектами процесса и не могли свидетельствовать в суде, за их преступления нес ответственность господин. Если других свидетелей не было, то свободный человек мог озвучить показания холопа, обязательно указав, что сведения получены со слов холопа. Была ограничена способность свидетельствовать в суде и закупа (экономического должника). Исходя из способа получения сведений, свидетели делились на «видоков» и «послухов». Если видоки – это очевидцы события, то категория послухов трактуется в научной литературе не столь однозначно. Одни авторы считают, что это те, кто что - либо слышал о данном событии, мнение других авторов, на наш взгляд, предпочтительнее – свидетели доброй славы. Использовались также и такие виды доказательств как собственное признание и присяга. Присяга – это клятва (в языческую эпоху – клятва землей, в христианскую – клятва на кресте или Евангелии) [2, ст. 22].

Активная роль в реализации бремени доказывания своей невиновности для истца в случае отсутствия свидетелей была связана с использованием не формальных доказательств. При отсутствии у обеих сторон убедительных доказательств их правоты суд прибегал к испытанию «железом и водой» (ордалии – божий суд). При этом лицо подвергалось испытанию по жребию. Если испытуемый позднее признавался невиновным, то противная сторона должна была заплатить не только сумму иска, но и «за муку».

Дальнейшее развитие процессуальное право Руси получило в правовых документах Новгорода и Пскова – судных грамотах. Их анализ свидетельствует, что, прежде всего, изменились субъекты процессуальных действий, вводилось четкое деление на истца и ответчика. При этом у истца появляется помощь в лице «позовника» для вызова и доставки ответчика в суд [3, ст. 25, 26], то есть уже на этой ступени двигателем процесса являлись не только стороны, но и государство. Изменения произошли и в системе доказательств. Предпочтение получили письменные доказательства, оформленные «записью», то есть содержавшие весьма подробное описание предмета спора, а копия с нее хранилась в псковском архиве – «ларе» собора Святой Троицы [3, ст. 28]. Высокая значимость этого вида доказательств предопределила особые требования к их оформлению и хранению. Среди доказательств упоминаются и свидетельские показания. Свидетели теперь называются послухами. По спорным делам свидетель должен быть один, ибо возможно для доказательства правоты показаний ему придется биться на поединке [3, ст. 27]. Это говорило о повышении ответственности свидетеля за правдивость показаний. При отсутствии убедительных доказательств споры сторон могли решаться присягой – крестным целованием

[3, ст. 34 – 35, 92] или судебным поединком. В отличие от Русской правды Псковская судная грамота официально признала судебный поединок в качестве доказательства. Законодательно определялись участники поединка, организация поединка и дела, в которых он служил доказательством, а также устанавливалось, кто из участников процесса мог нанимать наемного бойца (малолетний, монах, престарелый, калека, женщина, если ей противостоял мужчина) [3, ст. 11, 36]. Судебный процесс становится закрытым [3, ст. 58], вводилась специальная должность «придверника», не допускавшего в помещение суда ни родственников, ни друзей. Попытка силой прорваться в помещение суда, драка с «придверником» каралась заключением в колодки [3, ст. 56]. Это первое упоминание о болезненном наказании в русском праве. Псковская судная грамота в судебном процессе значительное внимание уделяла принципу законности. Князь и посадник должны были судить по закону, решенные дела не пересматривать, незаконных взяток не брать, нельзя было «пользоваться правом суда в целях личной мести кому-либо, решать дела по дружбе, правого осуждать, а виновного оправдывать» [3, ст. 2 – 4, 6]. Эти процессуальные нормы дальнейшее подтверждение получили на ступени централизованного государства в московских судебниках.

Весьма значима в развитии процессуального права в России роль Судебника 1497 г. Это кодекс уголовного и процессуального права. Нормы Судебника свидетельствуют о значительном усилении роли государства как участника процесса, особенно убедительно об этом удостоверяет появление новой ранее не применявшейся формы процесса – розыскной и значительные новшества в уже известной – состязательной. Состязательная форма процесса теперь применялась по гражданским делам и по делам о мелких преступлениях и правонарушениях. Значительно усложнилась судебная процедура: велся протокол заседания, в котором удостоверялись обстоятельства и факты рассматриваемого дела; вызовы в суд осуществлялись специальными грамотами [4, ст. 26, 28, 31]; судебные решения оформлялись «правой» грамотой [4, ст. 17, 19, 27], дальнейшее развитие получило понятие «исковой давности» (впервые оно появилось в Псковской судной грамоте) [3, ст. 40]. Процесс в целом носил состязательный характер, то есть строился на началах процессуального равенства сторон и разделения функций между обвинителем, защитой и судом. При этом обвинитель нёс «бремя доказывания» виновности обвиняемого, а суд выступал как арбитр между сторонами.

В качестве доказательств выступали: собственное признание, присяга, свидетельские показания, письменные документы (грамоты, договоры). По Судебнику свидетельствовать могли и холопы. Так же, как в Псковской судной грамоте, послух в спорных делах должен был биться на поединке. Статья 67 свидетельствовала о дальнейшем возрастании ответственности свидетеля за правдивость показаний, а именно: «если послух послушеству-

ет ложно…, то на том послухе будут взысканы все истцовы потери и с судебными издержками» [4, ст. 50, 67]. Доказательством служило и «поле» – судебный поединок, при этом виновным признавался не только проигравший, но и не явившийся или сбежавший с поля [4, ст. 38]. Поле допускалось только в личных исках: избиение, заемное дело, поджог, душегубство, разбой, татьба. Поединок происходил между истцом и ответчиком, послухом и стороной и между послухами одной стороны при их разноречии.

Развивается система обжалования судебных решений. Решения местных судов можно было обжаловать в приказы, Боярскую думу или великому князю. За подачу иска в суд, получение судебного решения, розыск ответчика и т. д. Судебником устанавливались высокие судебные пошлины [4, ст. 21, 38]. Изучение Судебника свидетельствует о появлении новой формы процесса такой как розыск. Ее появление связано с усилением роли государства в судебном процессе**.** Розыск применялся по тяжким преступлениям, по делам «лихих людей». Среди мер досудебной подготовки дела в розыскном процессе применялась процедура «облихования» – признание лица заведомо «лихим», то есть способным совершить преступление. В этом случае, несмотря на отсутствие прямых улик, с данного человека по закону можно было «взыскать истцов убыток без суда» [4, ст. 12]. Дело в розыскном процессе начиналось по инициативе государственного органа или должностного лица. Главными доказательствами были поимка с поличным, обыск и собственное признание, для получения которого могла применяться пытка. Судебник 1497г. узаконил пытку в качестве средства выявления истины. Основными формами розыскного процесса были допросы, очные ставки и пытки. Судья в случае, если преступник был приговорен к смертной казни, мог присваивать себе имущество казненного, что неизбежно рождало злоупотребления судебной властью. Для ограничения судебного произвола законодатель на местах вводил ограничения. Некоторые наместники получали «кормление» – назначение на управление уездами с правом боярского суда, то есть, как и боярская дума могли рассматривать разные виды преступлений, в том числе и тяжкие. Но у них на суде должны присутствовать «дворский, староста и лучшие люди», а без них наместникам и волостелям не судить» [4, ст. 38]. Те наместники и волостели, что держали «кормления» без права боярского суда могли рассматривать лишь дела о мелких преступлениях [4, ст. 20, 43].

Значимой вехой в развитии процессуального права стало Соборное Уложение 1649 г., очень подробно регламентировавшее судебный процесс. В нем присутствовала весьма четкая дифференциация на две формы процесса: «суд» и «розыск». Уложение регламентировало порядок работы судей, прежде всего в приказах и на местах. В приказах судебное делопроизводство лежало на дьяках и подьячих. «А судные дела в приказех записывати подьячим». Запрещались при этом исправления (черненье, скребле-

ние) и вписывание между строк. Подьячий был обязан положить дело «на стол к вершению вскоре» [6, гл. X. ст. 25].

После судебного решения стороны «прикладывали руки» к записям. Затем подьячий переписывал дело набело, а дьяк, сверив беловой экземпляр, скреплял его своей подписью. Черновой экземпляр тоже сохранялся «впредь для спору». Запрещалось показывать судное дело сторонам и выносить его из приказа. Если подьячий делал это, «наровя» какой-либо из сторон, дело от него отбиралось и передавалось другому подьячему [6, гл. X. ст.11, 13]. Подьячие вели в приказах книги записи судебных дел и сбора судебных пошлин с точным обозначением даты слушания дела. Книги скреплялись подписями дьяков [6, гл. X. ст. 128, 129]. Такое делопроизводство применялось для менее важных уголовных и гражданских дел, которые рассматривались в порядке обвинительного процесса, то есть суда, при активном участии сторон. К гражданским делам такого рода относились исковые дела вызванные нарушением условий договоров мены, купли-продажи, займа, поклажи-сделки.

Глава X Уложения подробно описывает различные этапы «суда»: процесс распадался на собственно суд и «вершение», то есть вынесение приговора, решения. Сторонами в процессе могли быть все: монахи, холопы, несовершеннолетние, кроме лиц, обвиненных в крамоле и в клятвопреступлении. Стороны могли не являться в суд лично; их заменяли естественные представители – родственники и люди [5, гл. X. Ст. 108, 109, 149, 156, 157, 185], только за неимением таких допускались свободные представители, которыми большей частью были холопы. Следствием неявки ответчика в срок была выдача истцу «бессудной грамоты», то есть признание его правым без суда; неявка истца вела к прекращению иска.

В Соборном уложении была предусмотрена возможность отвода судьи. В эпоху Уложения роль судьи в процессе стала более активной. Вслед за Судебником 1550 г. закон предусматривал возможность судебной ошибки, когда судья «просудится... без хитрости». В этом случае в отношении судьи определялось то взыскание, которое «государь укажет», а дело передавалось на рассмотрение «всем боярам» [6, гл. X. ст. 10]. Уложение допускало отвод судей сторонами по мотивам родства или пристрастного отношения к одной из тяжущихся сторон, но лишь до судебного процесса. [6, гл. X. ст. 3, 4].

Подробно Уложение регламентировало доказательства, использовавшиеся в суде. Их характер отличался в зависимости от формы процесса. В состязательном процессе широко использовались свидетельские показания. По сравнению с Судебниками по наиболее важным делам: сделки с недвижимостью, купля-продажа лошадей – требовалось привлечение большего количества свидетелей (не менее 10). Законодатель выделяет различные формы «послушества», которые раньше не применялись. Их появление связано с отмиранием или видоизменением старых форм. Среди них выделяет-

ся «ссылка из виноватых», когда сторона ссылается на одного свидетеля с условием подчиниться обвинению, если свидетель покажет против сославшегося. Она применялась и раньше, когда существовал еще судебный поединок, на который этого свидетеля могла вызвать противная сторона. Ее значение заключалось в обвинении той стороны, которая на нее ссылалась. Другой формой свидетельства стала «общая ссылка» – остаток третейского решения споров, то есть ссылка обеих сторон на одного и того же свидетеля или на одних и тех же послухов. Однако закон ограничивал право сторон в выборе третьих: нельзя ссылаться на людей, слышавших о факте, но не видевших его; А также лицо, зависевшее от одной из сторон.

Требования к свидетелям по-прежнему были высокими. Свидетелями могли быть лица совершеннолетние; не могли свидетельствовать жена против мужа, дети против родителей, холопы против господ. Приоритетным было свидетельство мужчины перед женщиной, знатного перед незнатным.

Со свидетеля, не явившегося без уважительной причины, взыскивался весь иск, убытки и пошлины [6, гл. X. ст. 4; 5]. Крестное целование, то есть присяга сторон, допускалось лишь в малом иске. Право присяги попрежнему решалось жребием. В эпоху Уложения среди письменных доказательств безусловное значение имели только официально заверенные документы. Опровергнуть письменные доказательства можно было только, если они получены в результате насилия или подлога [6, гл. X. ст. 246 – 247].

В XVII в. сфера розыска значительно расширилась. Теперь не только политические преступления и наиболее тяжкие уголовные (разбой, грабеж, татьба и сопряженные с ними убийства), но также и дела о холопах, крестьянах, поместьях и вотчинах рассматривались с применением розыскного процесса. Особое место отводилось преступлениям, в которых затрагивался государственный интерес. Обычно о них заявляли формулой: «Слово и дело государево». Именно интерес, а не только принуждение являлся движущей силой при реализации государством бремени доказывания. В розыске истцом становится государство. К этому русское процессуальное право подошло постепенно: через запрещение самосуда; возложение на общину обязанности отыскивать преступников и большой повальный обыск; запрещение примирения сторон по уголовным делам и обязанность частного лица продолжать начатый уголовный иск. Дело в розыскном процессе могло начаться с заявления потерпевшего, с обнаружения факта преступления (поличного) или с обычного наговора («язычная молва»). Процессуальным действием был «обыск», то есть допрос всех подозреваемых и свидетелей. В розыске отношения сторон до суда уже не договорные: вместо приставных здесь практикуются «записи», «зазывные грамоты», приказ арестовать и привести обвиняемого и «погонных грамоты» – приказ местным властям и соседям поймать обвиняемого.

Доказательствами в розыскном процессе служили: поличное, которое имело силу лишь тогда, когда вещь вынута у обвиняемого из-за замка.

Древнее безусловное значение поличного постепенно падает. В качестве способа получения доказательства использовался и повальный обыск. Он допускался в делах судных за неимением общей (поименной) ссылки или ссылки из виноватых. Повальный обыск состоял в опросе окольных людей (не свидетелей) о личности подозреваемого или обвиняемого; они давали оценку личности. Если большинство опрошенных признавало лицо «лихим» человеком, то дополнительных доказательств не требовалось.

В главе XXI Соборного Уложения, впервые регламентируется такая процессуальная процедура, как пытка. Основанием для ее применения могли послужить результаты «обыска», когда свидетельские показания разделялись: часть в пользу подозреваемого, часть – против него. Пытку можно было применять не более трех раз с определенным перерывом. Показания, данные на пытке («оговор») [6, гл. XXI, ст. 9, 16, 28], должны были быть перепроверены посредством других процессуальных мер (допроса, присяги, «обыска»). Показания пытаемого протоколировались. По делам о религиозных и государственных преступлениях пытка применялась ко всем подозреваемым (при наличии доносов или оговоров) независимо от социальной принадлежности. В розыскном процессе ответчик из участника процесса превращается в объект. При этом все бремя доказывания его вины полностью лежало на государственном органе. Приговоры по розыскным делам приводились в исполнение силами самого государства. Судебное решение считалось окончательным и могло подлежать пересмотру только в порядке апелляции в высшую инстанцию. Поэтому добавлять какие-либо документы к судному списку – новые свидетельские показания и т.п. – после судопроизводства не допускалось. Предписывалось судьям «после суда своим вымыслом в судном деле никому по дружбе или по недружбе... ничего не прибавливати, ни убавливати...» [6, гл. X. ст. 1].

Таким образом, развитие процессуального права в период с XI в. до начала XVIII в., до появления первого процессуального кодекса, характеризовалось переменами в субъектах процесса. Изменения среди них шли в направлении от равенства сторон к четкому делению на истца и ответчика и активизации роли государства в качестве участника процесса. Становление розыскной формы процесса сопровождалось тем, что ответчик из субъекта превращается в объект, а государство и его структуры начинают выполнять функции истца. Анализ правовых документов свидетельствует об усилении роли закона в сравнении с обычным правом. За семь веков Русь прошла путь, когда основанием при рассмотрении споров была клятва и традиция, к торжеству закона. Всеобщность закона выражена в словах преамбулы к Соборному Уложению: «…чтобы … суд и расправа была во всяких делех всем ровна» [6, с. 48] – под которыми следует понимать всеобщее подчинение государственному суду и закону. Однако равенство в суде закон предусматривал лишь внутри сословной принадлежности. Вместе с тем, русскому праву предстояло пройти не менее длинный путь от равенства закона внут-

ри сословия ко всеобщему равенству граждан не зависимо от пола, вероисповедания, классовой и национальной принадлежности.

Библиографический список

1. Договор Руси с Византией. 912 г. // Памятники литературы Древней Руси XI – нач. XII в. – М., 1978.

2. Русская Правда. Пространная редакция. Текст по Троицкому списку. Перевод В.Н. Сторожева // Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2005. – С. 9 – 25.

3. Псковская судная грамота. // Там же. – С. 26 – 33.

4. Судебник 1497 г. // Там же. – С. 34 – 40.

5. Судебник 1550 г. // Там же. – С. 40 – 47.

6. Соборное Уложение 1649 года. // Там же. – С. 47 – 138.

7. Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах (1697 г., февраля 21) // Там же. – С. 138–139.

8. Краткое изображение процессов и судебных тяжеб (1715 г., март) // Там же. – С. 144 – 158.

9. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: «Территория будущего», 2005.– 800 с.

УДК 34.01

Юнусов А.А., профессор кафедры государства и права европейского и международного права Академия права и управления ФСИН России д.ю.н., профессор

Юнусов Э.А., старший преподаватель кафедры государства и права европейского и международного права Академия права и управления ФСИН России, к.ю.н.

Ахвердян А.Г., адъюнкт факультета подготовки научно педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России

Юридические гарантии, обеспечивающие исполнение обязанностей субъектами права

Аннотация: на сегодняшний день одной из важнейших функций государства является регулирование общественных отношений, возникающих в социуме. В связи с этим имеет особый интерес в более детальном изучении юридических гарантий в механизме обеспечения исполнения обязанностей субъектами права.

Ключевые слова: юридические гарантии, субъекты права, исполнение, правовые отношения, права, обязанности.

Юридические гарантии – это средство, инструменты, механизмы и методы, способствующие исполнению прав и обязанностей субъектами права. Как известно на протяжении всей истории человечества всегда существовали отношения, в которых одни люди выступали в качестве обязанной стороны. Это выражалось и в передаче определенных материальных средств, вещей, в установленные сроки или в осуществлении определенных действий (бездействий) по отношению к другой стороне отношений.

Практически с самого начала существования подобных отношений государство имело некоторые функции по контролю и обеспечению исполнения обязанной стороной своих обязательств. Что, разумеется, есть и в наше время, а также можно заметить, что они претерпели изменения и улучшения.

Следует добавить, что обязательства не могут существовать в отрыве от прав человека. Это ни в коем случае не может быть так, так как если для одной из сторон выполнение определенных действий является «обязанностью», то для стороны, которой он их выполняет они являются «правом».

В относительных гражданских правоотношениях, как правило, обе стороны взаимно обязаны друг перед другом: продавец обязан передать вещь, а покупатель – оплатить стоимость; залогодержатель обязан вернуть предмет залога, если должник исполняет обязанность, обеспеченную залогом в виде заклада, и т.д. При взаимности обязанностей их исполнение носит встречный характер. Оно признается таковым потому, что исполнение обязанности одним лицом обусловлено необходимостью исполнения взаимной обязанности контрагентом [4, с. 228].

Принцип сочетания прав и обязанностей получил отражение в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека, провозглашающей, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности», что осуществление прав и свобод гражданином требует «должного признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общего порядка и благосостояния в демократическом обществе» [1].

Соответствующее исполнение всех предписанных правовых обязанностей всеми участниками правоотношений способствуют защите прав и свободы человека и гражданина, обеспечению стабильности, законности и правопорядка в обществе. В ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 года [5] указано, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности».

В качестве субъектов, участвующих в подобных правоотношениях, можно отнести не только не только частных лиц, но и также юридические лица.

Если же исследовать классификацию обязанностей, то они точно также, как и права человека делятся на следующие:

– конституционные (основные);

– общие (возникающие на основе действующего законодательства).

Но в целом обязанности человека можно поделить на обязанности пассивного типа и обязанности активного типа. Формой исполнения обязанностей пассивного типа (обязанностей, вытекающих из запретов) является их соблюдение путем воздержания от запрещенных действий.

Обязанность активного типа (совершить какое-либо действие в интересах управомоченного лица) исполняется в форме совершения обязанным субъектом действия, требования к которому составляют содержание обязанности.

Контроль за соблюдением исполнения своих обязанностей гражданами обеспечивает само государство в виде государственных органов и учреждений. В случае их неисполнения государство применяет меры воздействия в зависимости от характера неисполнения и сферы их принадлежности.

Ныне действующее законодательство предусматривает дифференцированную систему мер воздействия на субъекты права. За более факты более тяжкого неисполнения своих обязанностей государство может привлечь гражданина и к уголовно-правовой ответственности, что может существенно ограничить его в обладаемых им правах и обязанностях.

Также необходимо сделать акцент на том, что основополагающая роль в обеспечении исполнения обязанности должна исходить именно от самого обязанного лица, а государство лишь выступает в данной ситуации в роли наблюдателя или в случае неисполнения обязанностей – в роли третейского судьи.

Свои обязанности гражданин может исполнять любыми не запрещенными законом способами, но для исполнения обязанностей необходимо соответствующий уровень развития экономических, политических и организационных гарантий, а именно способности экономической, политической и правовой системы общества обеспечить максимальным образом интересы и потребности граждан и организаций, создать предпосылки для творческой, свободной и инициативной деятельности.

Из этого следует, что упрочение правовых гарантий исполнения обязанностей человеком происходит в результате взаимодействия многих факторов, и в первую очередь таких, как;

– создание цивилизованной экономической системы;

– совершенствование функций государственно-политических образований, обеспечивающих общественную стабильность и механизмы учета интересов всех членов общества;

– принятие и применение правовых институтов, максимально расширяющих возможности субъектов в экономическом обороте и сфере духовного творчества;

– формирование высокой правовой культуры, основанной на законопослушности граждан и организаций.

Граждане и юридические лица, как правило, самостоятельно осущест-

вляют обязанности. Определенная часть обязанностей может осуществляться и исполняться только лично их носителями:

– выдача доверенности, составление завещания, реализация права требования о возмещении вреда, вызванного повреждением здоровья или причинением смерти;

– исполнение обязанностей, вытекающих из договора художественного заказа, и т.п. [3, с. 179]

За исключением перечисленных и им подобных случаев, закон разрешает гражданам и юридическим лицам осуществлять права и исполнять обязанности через представителя [3, с. 178].

Контроль за исполнением обязанностей гражданами со стороны государства играет ключевую роль в налоговой сфере, в гражданско-правовой сфере, административной, но в особенности обеспечение исполнения обязанностей является актуальной в сфере уголовно-правовой сферы деятельности. Обосновано это тем, что при совершении противоправных деяний преступник наносит потерпевшему определенные материальный, моральный вред.

Таким образом, в процессе судебного разбирательства суд может возложить на преступника, при вынесении обвинительного приговора, исполнение определенных дополнительных обязанностей, в число которых может входить и возмещение вреда, причинённого преступлением. Но суд помимо этого также может возложить и иные обязанности (более актуально для лиц, осужденных к альтернативным видам наказания) такие как:

– встать на учет уголовно-исполнительной инспекцию;

– пройти курс лечения от наркомании;

– трудоустроиться и трудиться в течение всего периода наказания;

– не менять места жительства или работы без уведомления уголовно-исполнительной инспекции;

– являться на регистрацию в уголовно исполнительную инспекцию в дни, установленные этим органом и т.д.

В этой ситуации непосредственный государственный контроль за исполнением осужденными обязанностей, возложенных на них приговором суда, осуществляет именно исправительное учреждение или уголовно-исполнительная инспекция.

Государство в лице уголовно-исполнительной системы обеспечивает путем «принуждения» (в случаях неисполнения самим осужденным обязанностей) с помощью законных правовых методов осужденных к исполнению своих обязанностей, совершение ими тех действий, которые на него возложил суд.

Все это дает возможность реализовать ущемленные права и законные интересы потерпевших, в результате совершенного преступления и достичь в максимальной степени «социальной справедливости».

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что обязанности являются неотъемлемым составляющим правового статуса личности. Они

содержатся в основном законе государства, а также в ряде других нормативных актах.

Государство гарантирует в юридическом смысле определенные права и свободы человека и гражданина, но и устанавливает определенные требования к поведению человека и юридических лиц. Этими требованиями и являются обязанности. Носитель обязанностей должен осознавать свое положение и «скованность» в определенных отношениях для реализации общего блага для общества и государства.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией № 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) / Российская газета от 10 декабря 1998 г. ст. 29

2. Гражданский кодекс РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ Ч. 2 Раздел 4 Отдельные виды обязательств. Гл. 34 Аренда. Параграф 1 Общие положения об аренде // Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой, приведено в Вестнике Высшего Арбитражного Суда РФ, 2002 г., № 3 Президиума Высшего Арбитражного Суда Р Ф от 11 января 2002 г. № 66.

3. Гражданское право. Том I. (под ред. доктора юридических наук, профессора Е.А. Суханова) – М.: Волтерс Клувер, 2004, 472 с.

4. Гражданское право. Том II. Полутом I (под ред. доктора юридических наук, профессора Е.А. Суханова) – М.: Волтер Клувер, 2000, 704 с.

5. КонсультантПлюс URL: http:// www. consultant.ru /document /cons_ doc_LAW_120805/9fdba7bedb441c57a55c77f449bf400feb99f44b/

УДК 34.01

Юнусов А.А., профессор кафедры теории государства и права международного и европейского права Академия права и управления ФСИН России, д.ю.н., профессор

Юнусов Э.А., старший преподаватель кафедры теории государства и права, международного европейского права Академия права и управления ФСИН России, к.ю.н.

Ахвердян А.Г., адъюнкт факультета подготовки научно педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России

Идеология как фактор, способствующий исполнение обязанностей человеком и гражданином

Аннотация: как показывает история развития разных государств, наиболее эффективно проходили свой путь развития государства, имеющие идеологию. Таким образом необходимо рассмотреть теоретический

аспект современного понимания идеологии в современных условиях развития различных стран мира.

Ключевые слова: человек, государство, идеология, права, обязанности.

Идеология представляет собой систему взглядов и идей, политических программ и лозунгов, философских концепций, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, которые выражают интересы различных социальных классов, групп, обществ [2, с. 5].

Исходя из того обстоятельства, что идеология формулирует главную, основную цель, к которой будет стремиться государство в своем развитии, то и все задачи формируются вокруг ее. При реализации этих задач необходима консолидация всего общества по обеспечению исполнения каждым человеком своих обязанностей по реализации этих задач. Так, обязанность имеет один корень со словами «обязан», «обязать», которые обозначают беспрекословное выполнение каких-либо действий [1, с. 37].

Другими словами, каждый человек обязан в должной мере исполнять те обязанности, которые государство возложило на человека. В противном случае невозможно решение намеченных задач и, таким образом достижение установленных целей.

Идеология несет в себе следующие функции: теоретическая, аксиологическая, образовательная, мобилизующая, прогностическая, нормативная [3, с. 29].

На мой взгляд, особенную роль в идеологии играет образовательная функция. Это объясняется тем, что определяя финальную цель развития общества и государства, способствует воспитанию человека в пределах ее сущности, дает нравственные ориентиры, определяет вектор развития личности и общества и место человека в обществе.

Исходя из высказанного, не следует считать, что идеология имеет только положительные стороны. Также помимо всего она обладает и отрицательными сторонами.

Минусы отсутствия государственной идеологии логически вытекают из плюсов. Наличие разнородных социальных групп с разным воззрением на мир препятствует созданию единой политической нации, влечёт конфликты, углубляет разорванность, фрагментарность общественного сознания. Ведь если идеология выступает его высшей, теоретической формой, то отсутствие единой идеологической картины мира означает, что сознание общества лишено своего верхнего, стратегического этажа, на котором располагаются целеполагание и смысл порождение.

Общество как бы застревает на уровне общественной психологии с её эмоциональными ситуативными реакциями: оно постоянно взрывается ажиотажем или коллективной депрессией, бурлит по каждому поводу, но

перестаёт соотносить свои чувства и реакции с долговременными, стратегическими интересами по причине забвения последних.

Следует также упомянуть о том, что с темой «идеологии» тесным образом связана тема правовой идеологии. Под правовой идеологией понимается система идей, теорий и понятий, в которых отражается и оценивается отношение людей к праву.

К правовой идеологии относятся не все правовые взгляды и представления, но только истинные, отображающие закономерности правовой жизни общества, права и правовых явлений. Это, прежде всего, правовые идеи, принципы права, научные теории.

Особой формой правовой идеологии является правовая наука, или правоведение – система знаний о праве, законодательстве, юридической практике. При определенных условиях она может выступать в качестве источника права применительно к некоторым правовым системам.

Наука в принципе определяет стратегию правового развития общества и является основой проводимой в стране государством правовой политики. Правовая наука призвана отображать объективные закономерности правового развития, не склоняясь к конъюктурщине и субъективизму [4].

Конституции РФ дает безоговорочно отрицательный ответ на этот вопрос: "Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной" [5]. Поэтому любые рассуждения о том, нужна ли государственная идеология России или нет, можно смело считать неконституционными [6].

Запрет государственной идеологии как таковой влечёт два основных следствия. С одной стороны, мировоззрение одной социальной группы не сможет стать идеологией всего общества, т. е. у идеологии в её узком понимании нет возможности стать идеологией в понимании расширенном. И это, пожалуй, положительное следствие, поскольку идеология той или иной части общества вполне может быть деструктивной по отношению к социальному целому и другим частям.

Следовательно, отсутствие выделенной идеологии создаёт конкуренцию между ними и между группами, использующими их в качестве своего мировоззрения. Это важно с точки зрения сохранения демократизма политической системы, ведь господство одной идеологии ведёт к ограничению свободного распространения других. А это уже признак тоталитарного государства, в котором постепенно побеждает единомыслие (Саудовская Аравия, Катар, Емен, Нипал и т.д.) [7].

Академик Осипов Г.В. в одном из интервью при ответе на вопрос о необходимости идеологии для государства ответил, что страна без идеологии – это всё равно, что человек без мыслей.

Позиции в современном мире в отношении идеологии очень различны и неоднозначны, в связи с этим хотелось бы рассмотреть отдельное государство, как пример наличия у него государственной идеологии и его влияние на общество.

Наиболее ярким примером наличия государственной идеологии является Китай. Идеология занимает колоссальное место в жизни китайского общества. Официально Китай – страна победившего социализма, в которой основной идеологией является марксизм. Правящая в Китае партия называется Коммунистической партией Китая, то есть партией, целью которой является построение коммунизма (или сначала социализма – первой фазы коммунизма, по Марксу).

В преамбуле Конституции Китайской Народной Республики (далее КНР) прописано: «Произошло заметное увеличение сельскохозяйственного производства. Достигнут существенный прогресс в образовательной, научной и культурной областях, в обучении социалистической идеологии. Жизнь людей значительно улучшилась»

В ст. 24 Конституции КНР указано: «Государство способствует построению социалистического общество с передовой культурой и идеологией, поддерживая стремление к высоким идеалам, этике, общим знаниям, дисциплине и законопослушности, и стимулируя создание и соблюдение правил поведения и общепринятых норм различными слоями населения в городских и сельских районах»

Однако марксизм в Китае, как и социализм, «китаизированный». Или, как принято переводить вслед за китайцами, – «с китайской спецификой», «ю чжунготэсэдэ» – «имеющий китайские особенности». При этом, кстати, редко кто обращает внимание на то, что с середины 90-х годов иероглиф «ю» («иметь») из термина «социализм с китайской спецификой» незаметно исчез. И теперь это звучит как просто «чжунготэсэдэшэхуйчжуи». То есть «китайский специфический социализм».

Главное отличие конфуцианских традиций от марксизма, пожалуй, в том, что в конфуцианстве (и в Китае особенно) всегда существовал примат культуры, образования, то есть того, что в марксизме принято называть «надстройкой».

Возможности для идеологического влияния у сторонников разных взглядов очень неравны. Носителям демократических ценностей вход в официальные СМИ закрыт полностью. Их позицию можно узнать из Интернет-форумов: это экономическая и политическая либерализация, встраивание Китая в мировую глобальную систему, идеологический плюрализм, реальная многопартийность.

Один из важнейших элементов современного самосознания – убеждение, что Китай уверенно идет к превращению в подлинно мировую силу, одну из (если не самую) ведущих держав современности. Надо признать, что такая уверенность специально культивируется.

Как отмечают профессора Л.С. Переломов и А.В. Ломанов, руководство и идеологические институты страны обдуманно стараются превратить такое самосознание и усиливаемое им чувство национального достоинства и национальной гордости в общенациональный политический,

идейный и психологический фактор. Он призван способствовать более эффективному выполнению амбициозных планов ускорения модернизации для превращения Китая в развитую могучую страну и внесения более весомой лепты в прогресс человечества [8].

Все вышесказанное может говорить о том, что тема идеологии нуждается в дальнейшей научной разработке, доскональное изучении государственной идеологии в разных странах. И как конечный результат, в случае установления факта необходимости государственной идеологии, выработать концепции идеологии, способствующей становлению и развитию государства, а в частности для обеспечения исполнения обязанностей человеком и гражданином установленных государством в рамках данной идеологии.

Библиографический список

1. Ахвердян, А.Г. Юридические обязанности человека и гражданина в современном праве // Юрист Юга России и Закавказья №3 (23) 2018. – С. 37 – 39.

2. Соловьев, А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 5 – 24.

3. Макаренко, В Л. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2000. – 480 с.

4. URL:https://lektsii.net/1-175360.html

5. URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462

6. URL:http://www.rodon.org/society

7. URL:https://www.sonar2050.org/publications/gosudarstvo-bez-ideologii-problemy-i-preimushchestva/

8. URL:http://rushkolnik.ru/docs/114/index-7497444.html?page=8

СЕКЦИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ, КОНКУРЕНТНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО»

УДК 346.1

Громова Е.А., доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

К вопросу о создании опорных зон развития в Арктике

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты создания опорных зон развития в Арктической зоне России. Проанализированы достоинства и недостатки законодательной инициативы по выделению отдельного вида территорий с особым режимом экономической деятельности, выявлены основные особенности таких территорий. Сделан вывод об отсутствии необходимости введения еще одной разновидности указанных территорий.

Ключевые слова: территории опережающего социально-экономического развития, арктическая зона, правовой режим.

Одной из важнейших целей, стоящих перед нашим государством, выступает устойчивое развитие территории Российской Федерации. Как отмечается в Стратегии пространственного развития до 2025 г., ключевой задачей, способствующей ее достижению, является увеличение центров экономического роста для улучшения существующей социально-экономической ситуации.

Обширная географическая протяженность страны обусловила межрегиональное неравенство и значительное отставание по ключевым социально-экономическим показателям от среднероссийского уровня части субъектов России, имеющих геостратегическое значение, в том числе ряда ее субъектов северной части.

При этом нельзя не отметить значительный экономический потенциал крайнего Севера. Специалисты отмечают, что запасы нефти и природного газа в Арктике способны удовлетворить весь спрос мировой экономики [1, с. 56].

В этой связи, Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года предусмотрены разработка и реализация системы мер государственной поддержки и стимулирования хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в Арктической зоне, прежде всего в области освоения полезных ископаемых и иных ресурсов, за счет внедрения инновационных технологий, развития транспортной и энергетической, информационно-

телекоммуникационной инфраструктуры, совершенствования таможенно-тарифного и налогового регулирования.

По мнению исследователей, Россия не может единолично развивать Арктику без помощи извне, необходимо привлекать инвестиции, в том числе иностранные. Главная проблема экономического развития российской Арктики – это отсутствие достаточного количества средств, поэтому для создания северного морского пути планируется реализация различных проектов по восстановлению инфраструктуры [1, с. 56].

В соответствии с Государственной программой «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (утверждена Постановлением Правительства РФ 21 апреля 2014 г. № 366), в качестве одного из механизмов реализации поставленных приоритетных задач освоения Арктики выступает создание опорных зон развития.

Такие зоны объявлены флагманами социально-экономического развития российской Арктики. Основная задача их создания заключается в эксплуатации минерально-сырьевых ресурсов региона [2, с. 46], увеличении притока инвестиций в границы региона и создания необходимой инфраструктуры, в том числе и транспортной (Северный морской путь).

Государственной программой предлагается создание следующих опорных зон развития в Арктике: Кольской, Архангельской, Воркутинской, Ненецкой, Ямало-Ненецкой, Таймыро-Туруханской, Северо-Якутской и Чукотской.

Заметим, что научное сообщество неоднозначно оценивает инициативу по созданию таких территорий. Так, одни авторы считают, что создание еще одних зон с особым режимом экономической деятельности повлечет за собой лишь «засорение категориального аппарата», так как в нашей стране уже существуют множество таких территорий [3, с. 550]. Действительно, в России созданы и регулируются самостоятельным нормативным правовым актом: особые экономические зоны (21 особая экономическая зона промышленно-производственного, технико-внедренческого, портового и туристско-рекреационного типов), особая экономическая зона Калининградской области, свободная экономическая зона Республики Крым и города федерального значения Севастополь, зоны территориального развития, территории опережающего социально-экономического развития (18), свободный порт Владивосток.

Другие исследователи выступают за создание опорных зон развития отмечая, что освоение Арктики – это проект, который по значимости не имеет аналогов в мире. Ее развитие выходит далеко за рамки возможностей стандартных механизмов и инструментов государственной политики. Мировой и российский опыт освоения северных территорий свидетельствует, что традиционные подходы к решению социально-экономических проблем Севера и Арктики не позволяют эффективно реализовать природно-ресурсный, производственный, транспортный и экономический потен-

циалы таких регионов. По стратегическому значению экономика Арктики не может развиваться на стандартных общероссийских условиях государственного регулирования. В Арктике должны применяться особые режимы и механизмы государственного регулирования и управления [6, с. 36].

Не отрицая отмеченной «уникальности» арктического региона и необходимости применения особого режима, полагаем, что создание новой разновидности территорий с особым режимом экономической деятельности – опорных зон развития – не является необходимым. Как представляется, новая правовая конструкция не имеет уникальных признаков, отличающих ее от существующих. По сути своей, опорные зоны развития имеют много общего с особыми экономическими зонами – частью территории России в границах которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности и применяется режим свободной таможенной зоны (ст. 2 Федерального закона «Об особых экономических зонах» от 27 июля 2005 г. № 116-ФЗ). Целями создания особых экономических зон выступают увеличение притока инвестиций и развитие отдельных отраслей экономики: транспорта, инноваций, производства и промышленности и т.п. [4, с. 262]. Исходя из указанного выше, создание опорных зон развития направлено на достижение аналогичных целей.

Более того, в основе единства новой и существующей конструкций лежат сходные принципы правового регулирования таких территорий: свободы экономической деятельности, единства экономического пространства, учреждения особого режима предпринимательской деятельности, использование механизмов государственно-частного партнерства [1, с. 57; 5, с. 237].

На основании указанного представляется, что на сегодняшний день отсутствует необходимость разработки и внедрения новой правовой конструкции – опорных зон развития. В связи с этим считаем возможным внесения дополнений в действующее законодательство о территориях с особым режимом экономической деятельности с целью обеспечения правовых возможностей создания особых экономических зон в границах Арктического региона.

Библиографический список

1. Воротников, А.М., Максимова, Д.Д., Тарасов, Б.А. Государственно-частное партнерство в формировании и развитии опорных зон развития в Арктической зоне Российской Федерации / А.М. Воротников, Д.Д. Максимова, Б.А. Тарасов // Вестник Российского университета кооперации. – 2018. – № 4 (34). – С. 56 – 60.

2. Криворотов, А.К. Проблемы законодательного обеспечения развития арктической зоны России / А.К. Криворотов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2018. – № 2 (58). – С. 4 – 15.

3. Оболонкова, Е.В. К вопросу о системе и классификации территорий с особым режимом экономической деятельности / Е.В. Оболонкова // Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография: в 2 т. Т. I / отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. – М.: РГ-Пресс, 2019. – 640 с.

4. Предпринимательское право: учебник / под ред. В.В. Кваниной. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 428 с.

5. Принципы частного права / под ред. В.В. Кваниной, Т.П. Подшивалова, М.С. Сагандыкова. – М.: Проспект, 2018. – 400 с.

6. Слепцов, А.Н. К вопросу о предмете правового регулирования законопроекта «О развитии Арктической Зоны Российской Федерации» / А.Н. Слепцов // Вестник СВФУ. – 2016. – № 3 (03). – С. 34 – 40.

УДК 346.1

Замрыга Д.В., ст. преподаватель кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Цели создания Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»

Аннотация. Рассматриваются цели создания государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос». Автор отмечает наличие основных, дополнительных и сопутствующих целей создания государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», что ведет к расширению перечня полномочий и созданию благоприятных условий для коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: государственная корпорация, государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», основные, дополнительные и сопутствующие цели создания.

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (далее – Закон о Госкорпорации «Роскосмос») была создана новая государственная корпорация - государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» (далее – Госкорпорация «Роскосмос») [1].

Организационно-правовая форма представляет собой совокупность объективных критериев, характеризующих правовой статус юридического лица, и позволяющих выделить группу юридических лиц от всех остальных [6, с. 56– 64].

В числе объективных критериев, характеризующих организационно-правовую форму, следует назвать: особенности организационной структуры юридического лица; способы обособления имущества юридического

лица; способ создания юридического лица; характер и содержание прав и обязанностей учредителей юридического лица в отношении друг друга; характер и содержание прав и обязанностей учредителей (участников) юридического лица в отношении юридического лица; характер отношений между юридическим лицом и его учредителями (участниками); ответственность юридического лица [5, с. 62 – 65; 7, с. 306; 8, с. 200].

Особенностью государственной корпорации как организационно-правовой формы является специфический набор объективных критериев формирующих данную организационно-правовую форму. К объективным критериям, характеризующим правовой статус любой государственной корпорации, следует отнести цели создания [6, с. 56 – 64].

Госкорпорация «Роскосмос» в соответствии со ст. 2 Закона о Госкорпорации «Роскосмос» создана для осуществления управленческих функций в области исследования, освоения и использования космического пространства, включая государственное управление и руководство космической деятельностью в соответствии с Законом Российской Федерации от 20 августа 1993 года № 5663-I «О космической деятельности» [2].

Перечень целей Госкорпорация «Роскосмос» является закрытым и предусмотрен в п.1 ст. 4 Закона о Госкорпорации «Роскосмос». В то же время анализ подзаконных актов, а также данных официального сайта Госкорпорации «Роскосмос» показал наличие полномочий, соответствующих не только основным (указанным в законе) целям, но и иным целям, которые можно разделить на дополнительные и сопутствующие. При этом, в данном случае, под дополнительными следует понимать цели, прямо не указанные в п.1 ст. 4 Закона о Госкорпорации «Роскосмос», но направленные на исполнение основных целей, перечисленные в ст. 4 Закона о Госкорпорации «Роскосмос», а под сопутствующими – цели, прямо не указанные в п.1 ст. 4 Закона о Госкорпорации «Роскосмос», но не противоречащие основным целям.

Так, в соответствии с п. 3 Постановления Правительства РФ от 17 мая 2016 г. № 430 «Об утверждении Регламента Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» исполнение одной из основных целей: осуществление государственной политики области космической деятельности, обеспечивается, в том числе, путем выполнения дополнительной цели: участия Госкорпорации «Роскосмос» в подготовке проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период [4].

Осуществляя международное сотрудничество, Госкорпорация «Роскосмос» является исполнительным органом Российской Федерации по вопросам сотрудничества в области космической деятельности при реализации межгосударственных и межправительственных соглашений, при этом особое внимание уделяется сотрудничеству по обеспечению и укреплению международного режима мирной эксплуатации космического пространст-

ва, создания космического комплекса дистанционного зондирования Земли с учетом совершенствования наземного комплекса управления, систем сбора и обработки космической информации, проведение мероприятий по созданию наземной и космической инфраструктуры, обеспечивающей использование спутниковой навигационной системы ГЛОНАСС [9].

Во исполнение цели - оказания государственных услуг в области космической деятельности и управления государственным имуществом Госкорпорация «Роскосмос» осуществляет государственные услуги по проведению лицензирования космической деятельности, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. № 160 «Об утверждении Положения о лицензировании космической деятельности» [3].

К сопутствующим целям следует отнести: осуществление контроля и формирование закупочной деятельности путем составления Положение о закупке товаров, работ, услуг Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», утверждении типовых форм договоров и составления Годовой программы закупок структурных подразделений, подведомственных предприятий, организаций в соответствии с правилами планирования закупок, а также План-графика размещения заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд на текущий год. Кроме того, Госкорпорация «Роскосмос» осуществляет контроль за исполнением государственных контрактов на закупки товаров, выполнение работ, оказание услуг для обеспечения государственных нужд, исполнителями по которым являются организации Корпорации. Установление вышеуказанной цели в целом не характерно для государственных корпораций и можно предположить, что включение данной цели связано со спецификой космической деятельности (высокой стоимостью, высоким уровням риска и т.д.) и наличия отрицательных результатов исполнительской дисциплины предприятий подведомственных иным государственным корпорациям.

Отдельными структурными подразделениями, подведомственными предприятиями, организациями, органами управления Госкорпорация «Роскосмос» могут осуществляться полномочия в рамках дополнительных или сопутствующих целей. Так, для достижения сопутствующей цели осуществления оперативного круглосуточного мониторинга и подтверждение характеристик навигационного поля ГЛОНАСС создан Информационно-аналитический центр координатно-временного и навигационного обеспечения ФГУП «ЦНИИмаш». АО «Российские космические системы» является головной организацией по развитию и использованию системы ГЛОНАСС. АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва» выполняет функции ведущего разработчика космического комплекса ГЛОНАСС. АО «ГЛОНАСС» выполняет функции оператора государственной автоматизированной информационной системы

«ЭРА-ГЛОНАСС». Федеральным сетевым оператором в сфере навигационной деятельности является НП «ГЛОНАСС».

Таким образом, перечень целей создания Госкорпорации «Роскосмос» указанный в ст. 4 Закона о Госкорпорации «Роскосмос», не является исчерпывающим, он детализируется путем включения дополнительных целей и расширяется за счет включения сопутствующих целей, что объяснятся долгосрочных характером деятельности Госкорпорации «Роскосмос», а также широким спектром видом деятельности. Однако сложная структура управления, включающая не только органы управления и структурные подразделения, но и подведомственные предприятия, организации порождает сложную, не прозрачную систему целей, расширение перечня полномочий, что ведет к созданию благоприятных условий для коррупционных правонарушений.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4341.

2. Закон Российской Федерации «О космической деятельности» от 20 августа 1993 года № 5663-I // Российская газета. – 6 октября 1993.

3. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о лицензировании космической деятельности» от 22 февраля 2012 г. № 160 // СЗ РФ. – 2012. – № 10. – Ст. 1248.

4. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Регламента Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 17 мая 2016 г. № 430 // СЗ РФ. – 2016. – № 22. – Ст. 3209.

5. Замрыга, Д.В Цели создания государственных корпораций / Д.В. Замрыга // Вестник Омского университета. Серия «Право». – Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. – № 3 (20). – С. 62 – 65.

6. Замрыга, Д.В., Мрясова, Ю.Р. Проблемы выбора организационно-правовых форм некоторых некоммерческих организаций / Д.В. Замрыга, Ю.Р. Мрясова // Гражданское общество и правовое государство в России: становление и развитие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 19 мая 2006 г.): Сборник научных статей: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. доц. З.А. Ахметьянова. – С. 59 – 64.

7. Козлова, Н.В. Правосубъектность юридического лица по российскому гражданскому праву: дис. … докт. юрид. Наук / Н.В. Козлова. – М., 2004. – 739 с.

8. Мартемьянов, В.С. Хозяйственное право. Том 1 / В.С. Мартемьянов. – М.: Изд-во БЕК, 1994. – 312 с.; Гражданское право: учебник. Т1 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: Проспект, 2005. – 776 с.

9. Международные проекты Роскосмоса // https: //www. roscosmos. Ru

УДК 34.096

Матишова Е.С., старший преподаватель кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института, ЮУрГУ (НИУ)

К вопросу о правовой природе института отзыва продукции

Аннотация: Статья посвящена правовой природе института отзыва продукции. Автор приходит к выводу о необходимости выделения отзыва продукции как юридической обязанности хозяйствующего субъекта и отзыва продукции как административно-правовой санкции.

Ключевые слова: техническое регулирование, отзыв продукции, иск о принудительном отзыве продукции, защита прав потребителей.

Институт отзыва продукции был введён в юридический оборот ещё в 2002 году в связи с принятием Федерального закона от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Закон № 184-ФЗ). Однако первое упоминание о нём содержалось уже в первой редакции действующего ныне Закона РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Несмотря на почти 25-летнее существование института отзыва продукции, практика его применения крайне немногочисленна. В открытых источниках информации о случаях отзыва продукции практически нет. Например, на сайте Роспотребнадзора размещена информация о девяти случаях отзыва продукции, из которых в четырех – речь идет об отзыве пищевой продукции [6]. При этом все четыре случая связаны с опытом зарубежных производителей (США и Австралия) об отзыве продукции, осуществляемом по инициативе производителя.

Анализ судебных решений, размещенных в картотеке арбитражных дел, также свидетельствует о несформированности судебной практики по отзыву продукции. Так, за последние пять лет в арбитражные суды с иском о принудительном отзыве продукции уполномоченный орган обращался не более десяти раз.

Между тем, вопрос отзыва продукции далеко не праздный. Как показывает зарубежный опыт, за информацией об отзыве пищевой продукции стоят человеческие жертвы. Так, «в 2007 году в продукции крупнейшего производителя котлет для гамбургеров Topps Meat Company LLCбыла обнаружена кишечная палочка. Последовал отзыв 21,7 млн фунтов замороженных котлет из говяжьего фарша. Последствия недостаточного контроля производства и поставок – 40 смертей в восьми штатах и 21 случай госпитализации» [2].

Теория права наряду с законодательством не дает окончательного ответа на вопрос, что представляет собой институт отзыва продукции; отзыв про-

дукции рассматривается в основном в контексте других правовых институтов. Например, А.И. Стахов относит принудительный отзыв продукции, наряду с административными наказаниями, аннулированием лицензии, прекращением действия сертификата соответствия или декларации о соответствии, к административно-карательным (компенсационным) мерам [9, с. 23].

А.П. Воронин под отзывом товара понимает «комплекс мер, предпринимаемых изготовителем товара или продавцом для информирования потребителей о необходимости отказаться от использования некачественных товаров, передачи их изготовителю, продавцу или уполномоченному представителю с целью обмена или получения денежной компенсации, а также мер по приемке товаров от потребителей, выдачи им аналогичных качественных товаров либо выплате компенсаций» [4].

А.В. Пчелкин под отзывом продукции предлагает понимать любые действия, направленные на обеспечение возврата продукции, введенной в оборот [8, с. 158].

На наш взгляд, следует разделять отзыв продукции как юридическую обязанность хозяйствующего субъекта, и принудительный отзыв продукции как административно-правовую санкцию.

В первом случае обязанность по отзыву продукции наступает при наличии строго определённых обстоятельств, и если проведение указанных законом мер не может предотвратить причинение вреда жизни и здоровью граждан (ст. 37 – 38 Закона № 184-ФЗ). К таким мерам, например, относится: проверка достоверности полученной информации о несоответствии выпущенной в обращение продукции требованиям технических регламентов, разработка программы мероприятий по предотвращению причинения вреда.

В случае, если обязанность по отзыву продукции не исполнена, уполномоченный орган может обратиться в суд с соответствующим иском о принудительном отзыве продукции. Упоминание о принудительном отзыве продукции в ст. 40 Закона № 184-ФЗ позволило некоторым исследователям говорить о наличии наряду с принудительным отзывом продукции добровольного отзыва продукции [1, 3], с чем нельзя согласиться по следующим причинам.

Закон № 184-ФЗ вменяет отзыв продукции в обязанности изготовителя при наличии оснований, прямо предусмотренных законом. Добровольность предполагает выполнение действий по собственной инициативе, без принуждения, при наличии альтернативы выбора у субъекта правоотношений – совершать их или нет. Обязанность по отзыву продукции безусловна, не даёт альтернативы хозяйствующему субъекту. Более того, ч. 4 ст. 14.46.2 КоАП РФ предусмотрена ответственность за невыполнение обязанности по отзыву продукции в виде административного штрафа.

В свою очередь принудительный отзыв продукции является крайней мерой реагирования на незаконное бездействие изготовителя по неисполнению предписания о разработке программы мероприятий по предотвра-

щению причинения вреда или по невыполнению этой программы. Принудить к отзыву продукции может только суд.

Отзыв продукции как обязанность изготовителя связан с претерпеванием хозяйствующим субъектом негативных последствий его ненадлежащего контроля за производством продукции. Принудительный отзыв продукции связан с претерпеванием хозяйствующим субъектом негативных последствий своего неправомерного бездействия (невыполнение предписаний, невыполнение программы). Кроме того, принудительный отзыв продукции является результатом реализуемых компетентными органами государственно-властных полномочий по отношению к лицу, не исполнившему обязанностей, предусмотренных законом.

При указанных обстоятельствах отзыв продукции как обязанность изготовителя, предусмотренная Законом № 184-ФЗ, представляет собой юридическую обязанность по совершению активных действий по сообщению в открытом доступе неограниченному кругу лиц о несоответствии продукции требованиям технических регламентов и предложению приобретателям, в том числе потребителям в установленном хозяйствующим субъектом порядке возвратить такую продукцию и возместить все связанные с этим убытки. В свою очередь институт принудительного отзыва продукции по своей правовой природе представляется административно-правовой санкцией. В теории права под санкцией понимается государственная мера, применяемая к нарушителю установленных норм и правил. Кроме того, санкция является не только угрозой по отношению к возможному правонарушителю, но и правилом поведения (диспозицией) соответствующих государственных органов, реализующих эту угрозу в случае правонарушения [5, с. 39].

Некоторые исследователи отмечают, что санкции включают в себя и юридическую ответственность, и меры защиты, и меры безопасности, и правовые стимулы. Следует отметить, что КоАП РФ не содержит указания на такой вид административного наказания как принудительный отзыв продукции. Вместе с тем, судебная практика знает случаи, когда ВАС РФ признавал не указанные в КоАП РФ санкции в качестве административно-правовых [7]. Например, это относится к такому институту предпринимательского права как аннулирование лицензии, схожему с институтом принудительного отзыва продукции по порядку применения (только в судебном порядке).

По своей правовой природе институт отзыва продукции (и обязанность изготовителя, и принудительный отзыв продукции) в первую очередь представляется публично-правовым, поскольку он направлен на защиту прав неограниченного круга лиц, связан с полномочиями и организационно-властной деятельностью государства, с выполнением общественных целей и задач. Вместе с тем Закон о защите прав потребителей предусмотрел обязанность изготовителя по возмещению убытков, причиненных потребителю в связи с отзывом товара в полном объеме. Возмещение

убытков по своей природе носит частно-правовой характер. В литературе отмечается, что именно восстановительный, компенсационный характер гражданско-правовой ответственности определяет виды ее мер [10, с. 152].

Таким образом, институт отзыва продукции представляется публично-правовым институтом с элементами частно-правового регулирования.

К сожалению, к выполнению юридических обязанностей, тем более связанных с риском причинения ущерба деловому имиджу, хозяйствующие субъекты относятся негативно или безразлично, возможно в том числе и в связи с отсутствием активной позиции уполномоченных органов по принудительному отзыву продукции. На наш взгляд, в случаях необходимости отзыва продукции на первый план должны вставать интересы потребителей, в связи с чем действующий порядок отзыва продукции требует изменений. В частности, уполномоченный орган должен иметь обязанность, а не право подавать иски о принудительном отзыве продукции при наличии оснований, указанных законом. Кроме того, в Законе № 184-ФЗ (ст. 37 – 38) следует установить максимально краткие сроки, в которые хозяйствующий субъект должен принять меры, предшествующие отзыву продукции.

Библиографический список.

1. Агафонова, Н.Н., Белов, В.Е., Солдатова, В.И. Комментарий к Закону Российской Федерации «О защите прав потребителей» (постатейный). – М.: Проспект, 2017. – Электронный ресурс. – СПС «КонсультантПлюс».

2. Аржанова, Я. Массовый отзыв продукции: как обернуть ситуацию на пользу бренду / Я. Аржанова // Бизнес-журнал. – 2013. – № 2. Электронный ресурс [https: //www. marketing. spb.ru /lib-comm /pr/Recalls.htm] (дата обращения 28.03.2019).

3. Борисов, А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании». – Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2010.

4. Воронин, А.П. Приобретение технически сложных товаров: права потребителей. – М.: Редакция «Российской газеты», 2016. – Вып. 24. [Электронный ресурс]. – СПС «КонсультантПлюс».

5. Ковалюнас, Д.А. Санкции в публичном праве: дис. … канд. юр. наук. – Самара, 2000. – 248 с.

6. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. – http://rospotrebnadzor. ru /search/index.php?q=%EE%F2%E7%FB%E2+%EF%F0%EE%E4%F3%EA%F6%E8%E8&s=%A0 (дата обращения 28.03.2019).

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.05.2009 № 15211/08 по делу № А68-5254/ 07-292/8 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Пчелкин, А.В. Отзыв продукции (проблемы нормотворчества) / А.В. Пчелкин // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 158 – 162.

9. Стахов, А. И. О систематизации и унификации отечественного административно-процессуального законодательства / А.И. Стахов // Административное право и процесс. – 2013. – № 9. – С. 22 – 25.

10. Яковлев, В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. – Кн. 1. – М.: Статут. – 2012. – 976 с.

УДК. 346.7

Спиридонова А.В., доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Разграничение понятий экономическая и предпринимательская деятельность физических лиц

Аннотация. В статье затрагивается проблема разграничения понятий «экономическая» и «предпринимательская деятельность» физических лиц, указывается ряд критериев предпринимательской деятельности, выработанных правоприменительной практикой.

Ключевые слова: экономическая деятельность; предпринимательская деятельность; физическое лицо; разграничение; государственная регистрация.

В настоящее время в гражданском законодательстве под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ. В соответствии со ст. 23 ГК РФ в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Таким образом, требование о государственной регистрации физического лица в качестве субъекта предпринимательской деятельности может отсутствовать в отношении определенных видов предпринимательской деятельности, если это предусмотрено соответствующим федеральным законом [1, с. 294].

Так, в соответствии с Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)» от 27 ноября 2018 № 422-ФЗ с 1 января 2019 г. физические лица вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом

на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, за исключением видов деятельности, ведение которых требует обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в соответствии с федеральными законами, регулирующими ведение соответствующих видов деятельности. Из положений данного закона вытекает, что в определенных регионах Российской Федерации, при осуществлении физическими лицами предпринимательской деятельности не требуется государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя без образования юридического лица. Кроме того, в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2016 г. № 401-ФЗ с 1 января 2017 года в соответствии с п. 7.3 ст. 83 НК РФ физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, семейных, домашних и иных подобных нужд, подают в налоговые органы уведомления об осуществлении (о прекращении) деятельности по оказанию услуг физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд, т.е. фактически они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность без государственной регистрации.

Тем не менее, несмотря на определенные исключения, предусмотренные законодательством, по общему правилу за физическими лицами закреплена обязанность проходить государственную регистрацию в качестве субъекта предпринимательской деятельности в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08 августа 2001 № 129-ФЗ при осуществлении ими такой деятельности.

Вместе с тем на практике основную сложность при определении характера осуществляемой физическими лицами деятельности и, соответственно, выборе правового режима ее осуществления, в том числе необходимости государственной регистрации в качестве легитимного субъекта, составляет выявление соотношения предпринимательской и иной экономической деятельности, право на свободное осуществление которой закреплено в ст. 34 Конституции Российской Федерации. Так, к примеру, деятельность физического лица, осуществляющего вложения в эмиссионные ценные бумаги, вклады в банки, не рассматривается государством как предпринимательская и соответственно, не требует государственной регистрации. Конституционный суд Российской Федерации в своем Постановлении от 03 июля 2001 года № 10-П п. 2 указал, что «…реализуя предоставленные Конституцией Российской Федерации возможности, гражданин посредством, в частности договора банковского вклада, осуществляет иную не запрещенную законом экономическую деятельность, которая находится под защитой Конституции Российской Федерации». В пункте 2

Обзора судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.09.2017), изложена правовая позиция, согласно которой получение гражданином дохода при снятии с банковского счета денежных средств в иностранной валюте за счет курсовой разницы не свидетельствует об осуществлении им предпринимательской деятельности, если банковский счет не используется таким гражданином для нужд, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Сложность в разграничении указанных понятий обусловлена отсутствием в законодательстве четких и неоднозначных признаков экономической и предпринимательской деятельности физических лиц. Несмотря на то, что в науке предпринимательского права вопрос о признаках предпринимательской и экономической деятельности привлекает внимание широкого круга исследователей [2, с. 19; 3, с. 8; 4, с. 20 – 24 и др.], тем не менее, как отмечает О.М. Олейник, само базовое понятие «вид деятельности» в современном российском праве оказалось одной из самых употребляемых и самых неразработанных категорий. Практика в последнее время все чаще сталкивается с необходимостью разграничения понятий «действие» и «деятельность». С правовой точки зрения деятельность всегда предполагает длительность и постоянство осуществления отдельных видов действий … [5, с. 51].

Действительно, прежде чем говорить о наличии какой-либо «деятельности», необходимо определить, а присутствует ли в поведении физического лица она как таковая? На наш взгляд, совершение отдельных гражданско-правовых сделок, не связанных между собой системно и логически, нельзя рассматривать как деятельность в принципе, а лишь как форму экономически оправданного для физического лица поведения.

В Письме ФНС «О направлении обзора судебной практики по спорам, связанным с квалификацией деятельности физических лиц в качестве предпринимательской в целях налогообложения» от 07 мая 2019 № СА-4-7/8614 затрагивается проблема определения характера деятельности физического лица по использованию принадлежащего ему имущества. Так, в качестве критериев отнесения деятельности физического лица к предпринимательской, в том числе с учетом выработанных судебной практикой, предлагается учитывать: длительность, систематичность и массовость действий, направленных на приобретение и продажу имущества физического лица; активность действий – вовлечение соответствующих ресурсов (оборудования, рабочей силы, технологии, сырья, материалов, энергии, информационных ресурсов и т.д.), нацеленность произведенных затрат на получение положительного финансового результата (определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2018 № 308-КГ17-14457 по делу № А53-18839/2016); предпринимательское назначение приобретаемого и используемого имущества (не предназначено для использования в личных целях); хозяйственный учет операций, связанных с осуществлением сде-

лок; взаимосвязанность всех совершаемых гражданином в определенный период времени сделок; устойчивые связи с продавцами, покупателями, прочими контрагентами (Письмо Минфина России от 07.11.2006 № 03-01-11/4/82, письмо ФНС России от 08.02.2013
№ ЕД-3-3/412@) и другие. Исходя из этого делается вывод о том, что отнесение деятельности физического лица к предпринимательской должно осуществляться в каждом конкретном случае, оценивая обстоятельства дела в совокупности и взаимосвязи. Недопустимо признание деятельности в качестве предпринимательской на основе единичных случаев совершения гражданско-правовых сделок.

Таким образом, в настоящее время вопрос о соотношении предпринимательской и экономической деятельности физических лиц является дискуссионным. Несмотря на выработанные судебной и правоприменительной практикой критерии и признаки предпринимательской деятельности, они носят достаточно размытый и неконкретный характер, что может вызывать затруднения при квалификации деятельности физического лица в качестве предпринимательской или иной экономической деятельности. В науке обосновывается необходимость законодательного закрепления понятия «экономическая деятельность» [4, с. 17], вместе с нем, на наш взгляд, в отношении проблемы разграничения экономической и предпринимательской деятельности физических лиц более эффективным путем выступало бы совершенствование легального определения предпринимательской деятельности в ст. 2 ГК РФ с учетом сложившейся судебной и правоприменительной практики, уточнение его признаков и закрепление четких критериев отграничения данного вида деятельности от схожих видов деятельности.

Библиографический список

1. Спиридонова, А.В. Актуальные проблемы легализации деятельности самозанятых граждан в Российской Федерации / А.В. Спиридонова // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2017: материалы XV Межд. науч.-практ. конференции. – Челябинск 2017. С. 294 – 298.

2. Предпринимательское право: учебник / под ред. В.В. Кваниной. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. – 428 с.

3. Предпринимательское право: учебник для бакалавров / В.С. Белых, Г.Э. Берсункаев, С.И. Виниченко / отв. ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2014. 656 с.

4. Правовое регулирование экономической деятельности: единство и дифференциация: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.А. Мохов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 464 с.

5. Олейник, О.М. Лицензирование предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики / О.М. Олейник // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 51 – 63.

СЕКЦИЯ «РЕАЛИЗАЦИЯ И ЗАЩИТА ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В ТРУДОВЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

УДК 349.2

Бронникова М.Н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, к.ю.н., доцент

Крюкова Е.С., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, к.ю.н., доцент

Данные о циркадианных генах как вид персональных данных в трудовом праве[1]

Аннотация. В статье положительно решается вопрос о возможности отнесения циркадианных генов к персональным данным работника и, как следствие этого, выявляются особенности хранения, обработки такой информации работодателем. Авторами сделан вывод о целесообразности использования циркадианных генов работника при совершенствовании форм организации труда с соблюдением особого правового режима таких персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, работник, формы организации труда, циркадианные гены, биологические ритмы человека.

Развитие науки и технологий требует пересмотра традиционных взглядов на понятие персональных данных, несмотря на то, что они являются уже долгое время объектом научного исследования. Понятие «персональные данные работника» было закреплено ранее в норме ст. 85 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (далее – Трудовой кодекс РФ), под ними понималась информация, необходимая работодателю в связи с трудовыми отношениями и касающаяся конкретного работника.

Однако в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» и Федерального закона от 07.05.2013 № 99-ФЗ «О пер-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-14073.

сональных данных» норма статьи 85 утратила силу. Тем не менее, в научной литературе при анализе персональных данных работника исходят из ранее закрепленного в Трудовом кодексе РФ понимания. Так, например, А.М. Лушников определяет персональные данные работника как информацию, которая имеет отношение к профессиональной квалификации работника, его деловым, профессиональным качествам и к требованиям, которые могут быть к ним предъявлены в связи с характером работы [1; с. 93 – 101]. Вместе с тем, действующим законодательством РФ не определяется конкретный перечень сведений, составляющих персональные данные работника. В связи с этим, предлагается в каждом конкретном случае определять относимость тех или иных сведений к персональным. Очевидно, что являются персональными сведения о фамилии, имени и отчестве работника, его образовании, состоянии здоровья, семейном положении, наличии детей, привычки, религиозные и политические взгляды. Однако возникает вопрос относительно статуса геномной информации лица и места таких сведений в перечне персональных данных работника. При этом если исходить из общего определения персональных данных физического лица, основываясь на положениях Федерального закона от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», данный вид информации отнесен к его персональным данным.

В теории справедливо отмечается, что развитие отдельных отраслей медицины, например, геномной не только меняет представление о природе человека, его жизни и здоровье, но и активно влияет на правовые элементы его статуса [2]. Как следствие, появляется качественно новая информация о работнике, которую работодатель может использовать в целях организации его трудовой деятельности. К таким сведениям относится в числе прочих и геномная информация, включая данные о циркадианных генах. Циркадианные гены направлены на регулирование биологических ритмов человека и определяют режимы сна и бодрствования. Однако, к использованию такой информации в трудовых отношениях следует относиться весьма осторожно, поскольку она может принести как пользу сторонам трудового договора, так и привести к ущемлению прав работника.

С одной стороны, подобная информация имеет потенциальную коммерческую ценность, так как она позволяет оптимально подбирать персонал для выполнения той или иной работы. Например, «совы» потенциально лучше могут работать в ночное время, чем «жаворонки». Следовательно, работодатель, владея сведениями о циркадианных данных работника, может ввести такую форму организации труда, которая позволит рационально использовать рабочее время и время отдыха для каждого работника, особенно учитывая отдельные виды работ, сопряженных с повышенной опасностью для окружающих. Вместе с тем, с другой стороны, обладание такой информацией работодателем способно принести не только пользу,

но и вред, который, в частности, может заключаться в возможной дискриминации при трудоустройстве.

При характеристике геномной информации не лишним будет обратиться и к нормам гражданского законодательства. В соответствии со ст. 1465 Гражданского кодекса Российской Федерации секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам, если к таким сведениям у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и обладатель таких сведений принимает разумные меры для соблюдения их конфиденциальности, в том числе путем введения режима коммерческой тайны. Рассмотрим критерии отнесения информации, полученной в ходе исследований циркадианных генов, к режиму секрета производства (ноу-хау). Прежде всего, нужно определиться с тем, имеют ли фундаментальные научные результаты действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам. Несмотря на то, что подобные научные результаты не всегда могут принести потенциальную прибыль, в долгосрочной перспективе, научные труды могут быть положены в основу перспективных проектов и даже новых отраслей экономики. Анализируя нормативные требования об отсутствии у третьих лиц свободного доступа на законном основании к такой научной информации и применении разумных мер для соблюдения их конфиденциальности, в том числе, путем введения режима коммерческой тайны, следует заметить, что в образовательных и научных учреждениях в подавляющем большинстве случаев имеется пропускной режим, который позволяет констатировать соблюдение данного критерия. Таким образом, представляется, что геномная информация, в том числе о циркадианных генах работника, имея режим конфиденциальности, обладают ценностью для работодателя.

Отмеченное, по нашему мнению, свидетельствует о том, что указанные сведения следует относить к персональным данным работника. В теории на этот счет есть и иная позиция, согласно которой геномная информация лица, в отличие от других его индивидуализирующих признаков, не охватывается полностью понятием персональных данных, а выходит за рамки данного определения [3; с. 43].

Однако, безусловно, возникает вопрос об особенностях обработки геномной информации как разновидности персональных данных работника. В свете сказанного следует обособить геномную информацию в составе персональных данных и соответственно предусмотреть специальный правовой режим в рамках законодательства о персональных данных.

Представляется, что в данном случае необходимо руководствоваться общими правилами, закрепленными в нормах главы 14 Трудового кодекса

РФ. В частности, по нашему мнению, циркадианные гены должны использоваться работодателем в целях содействия работникам в трудоустройстве, обучении и продвижении по службе, обеспечения личной безопасности работников и иных лиц, контроля количества и качества выполняемой работы и обеспечения сохранности имущества. Специфика видится нам в том, что работник самостоятельно не может «добыть» сведения о своих циркадианных генах. В появлении такой информации, безусловно, участвуют третьи лица – ученые, медики. Тем не менее, информация, ставшая им известной в результате проведенных исследований, не может быть передана третьим лицам без согласия гражданина. Следовательно, и работодатель на основании нормы ст. 86 Трудового кодекса РФ вправе получать сведения о циркадианных генах работника только от самого работника либо от третьих лиц, но с письменного согласия работника. Режим конфиденциальности циркадианных генов должен обеспечиваться и при хранении таких сведений, и при их передаче. В частности, работник должен предоставить письменное согласие на определенный работодателем порядок хранения сведений о циркадианных генах. При необходимости передать данную информацию работодатель обязан получить письменное согласие работника на передачу сведений о нем, с указанием порядка передачи таких сведений.

Одновременно возникает проблема в том случае, если работник самостоятельно, путем опубликования на своей странице в Интернете, раскрыл сведения о своих генах. Представляется, что данный случай следует квалифицировать как получение персональных данных от самого работника, но их обособленное хранение работодателем и передача работодателем третьим лицам должны подчиняться общим требованиям об обработке персональных данных, установленных нормами главы 14 Трудового кодекса РФ.

На основании изложенного, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Проведение научных исследований может привести к появлению новой информации о работнике. Если такая информация может быть использована работодателем, то ее следует относить к персональным данным работника.

2. Геномная информация работника является персональными данными работника, которые работодатель с согласия этого работника вправе использовать в целях совершенствования форм организации труда данного работника и предприятия в целом.

3. Обработка сведений о генах работника осуществляется работодателем как на основании общих требований, установленных нормами главы 14 Трудового кодекса РФ, так и нуждается в дополнительном автономном нормировании.

Библиографический список

1. Лушников, А.М. Защита персональных данных работника: сравнительно-правовой комментарий гл. 14 Трудового кодекса РФ // Трудовое право. 2009. № 9. С. 93 – 101; № 10. С. 77 – 82.

2. Романовский, Г.Б. Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Пермского университета. 2017 № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Владимиров, В.Ю., Горбулинская, И.Н., Кубитович, С.Н. К вопросу о безопасности геномной информации // Междисциплинарный научный и прикладной журнал «Биосфера». 2018. Т. 10. № 2. С.42 – 43.

УДК 349.2

Дацко Н.П., доцент кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Полная достоверная информация в трудовом праве – одна из основных составляющих в обеспечение социально-трудовых прав граждан

Аннотация. В статье анализируется необходимость получения сторонами достоверной информации в трудовых правоотношениях, ее конституционность, многогранность и широкое применение. Важность и законность получения информации подчеркивается применением юридической ответственность за ее невыполнение.

Ключевые слова: информация, социально-трудовые права, ответственность

Одно из общепринятых понятий информационной безопасности – должно определяется не только как процесс обеспечения конфиденциальности, но и как процесс целостности (полноты) и доступности информации. При этом безопасность информации должна воспринимается как состояние защищенности определенных данных, при котором обеспечиваются с одной стороны их конфиденциальность, а с другой стороны доступность и целостность. Именно эти постулаты должны лежать в основе предоставления информации в трудовом праве.

Права граждан в сфере социально-трудовых отношений, закрепленные в Конституции Российской Федерации, относятся к основным правам человека, реализация которых осуществляется в процессе наемного, несамостоятельного, управляемого труда в условиях применения хозяйской власти работодателя. Такой подчиненный характер труда компенсируется вмешательством государства, обеспечивающего защиту работников. Одним из показателей развития общества, его цивилизованности является

уровень информированности. Общеправовые нормы, относительно информации, установлены в Конституции Российской Федерации, в частности: ст. 24 – Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются; п. 4. ст. 29 – Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; ст. 42 – Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии. В развитие данных конституционных норм был принят базовый закон в области защиты информации «Об информации, информатизации и защите информации», который определяет информацию как сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления.

Информация, как необходимый элемент трудовых отношений в современных условиях настоятельно завоевывает лидирующие позиции. Поскольку «Трудовое право является одной из тех немногих отраслей, которые самым тесным образом взаимосвязаны с микро- и макроэкономическими процессами в государстве и оказывают непосредственное влияние на уровень благосостояния и социальный климат в обществе» [3, с. 16] информация в нем имеет глобальное значение.

Устанавливая основные права работника в 21 статье Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ) законодатель закрепляет право на полную достоверную информацию об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте, как одно из основных обязанностей работодателя. Не определяя в законе понятие «полная достоверная информация», тем не менее, в ст. 56 ТК РФ указано, что работодатель обязан обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и самим трудовым договором, т. е. указаны источники, в которых информация об условиях труда может быть установлена. При этом для отдельных категорий работников, например – спортсменов помимо вышеуказанного, применяются нормы, утвержденные общероссийскими спортивными федерациями, регламентами спортивных соревнований, антидопинговыми правилам, в том числе международными [1, с. 140].

Таким образом, в данном случае полная достоверная информация – это объективная информация достаточная для правильного понимания и обеспечения безопасных условий труда работника, полученная без искажений.

В связи с принятием Федерального закона «О специальной оценке условий труда», условие информированности об условиях труда на рабочем месте приобретает положительную динамику с января 2016 года. Статьей 18 указанного закона предусмотрено введение Федеральной государственной информационной системы учета результатов проведения специальной

оценки условий труда. В свою очередь ТК РФ в ст. 57, как обязательное условие трудового договора помимо существовавшего ранее правила об указании гарантий и компенсаций за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник принимается на работу в соответствующих условиях с указанием характеристик условий труда на рабочем месте содержит указания об обязанности включения в текст трудового договора – условия труда на рабочем месте.

Так же в основных правах работника закреплено право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений через своих представителей, а также на информацию о выполнении коллективного договора, соглашений (ст. 21 ТК РФ).

Вообще социальное партнерство как метод трудового права, принцип трудового права, метод решения социальных проблем и регулирования трудовых отношений базируется, в том числе, на предоставлении в определенных случаях информации. Ведение коллективных переговоров практически невозможно без полной и достоверной информации о финансово - экономическом положении организации, поскольку реальность обязательств, принимаемых на себя сторонами, означает, что выполнение принятых обязательств должно быть обеспечено необходимыми организационно-техническими и финансовыми средствами. Принятие нереальных обязательств, как показывает опыт, приводит к их невыполнению и, соответственно, к возможному привлечению к административной ответственности. Таким образом, обязательства, принимаемые сторонами, должны быть реальными [2, с. 27]. Тем самым, законодатель ориентирует стороны на добросовестное сотрудничество: обмен достоверной информацией, взвешенный подход к формированию содержания правовых актов. Стороны должны предоставлять друг другу не позднее двух недель со дня получения соответствующего запроса имеющуюся у них информацию, необходимую для ведения коллективных переговоров (ст. 37 ТК РФ). В свою очередь, статья 5.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) устанавливает, что непредставление работодателем или лицом, его представляющим, в срок, установленный законом, информации, необходимой для проведения коллективных переговоров и осуществления контроля за соблюдением коллективного договора, соглашения, влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей.

В отношении соглашений, действующих на всех уровнях социального партнерства действуют свои правила в отношении информации (ст. 47 ТК РФ):

Во-первых, комиссия, разрабатывающая проект соглашения обязана распространить информацию о начале коллективных переговоров по заключению соглашения через средства массовой информации.

Во-вторых, работодатель, получивший указанное уведомление, обязан проинформировать об этом выборный орган первичной профсоюзной организации, объединяющей работников данного работодателя.

Контроль за выполнением коллективного договора, соглашения осуществляется сторонами социального партнерства. При его проведении представители сторон обязаны предоставлять друг другу, а также соответствующим органам по труду необходимую для этого информацию не позднее одного месяца со дня получения соответствующего запроса (ст. 51 ТК РФ). При этом нарушение или невыполнение работодателем, или лицом, его представляющим, обязательств по коллективному договору, соглашению – влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей. (ст. 5.31 КоАП РФ).

Примером «дозированной» информации служит ст. 53 ТК РФ в которой установлено, что в рамках права работников в управлении организацией можно получить от работодателя информацию по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы работников. А представители работников имеют право получать от работодателя информацию по вопросам: реорганизации или ликвидации организации; введения технологических изменений, влекущих за собой изменение условий труда работников; подготовки и дополнительного профессионального образования работников; и по другим вопросам, но только предусмотренным ТК РФ, иными федеральными законами, учредительными документами организации, коллективным договором, соглашениями.

Библиографический список

1. Дацко, Н.П. Особенности дисциплинарной ответственности спортсменов в трудовых отношениях / Н.П. Дацко // Материалы XVII международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2015». (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 3–4 апреля 2015 г.). – Часть II. – С. 138 – 144.

2. Дацко, Н.П. Реализация принципов социального партнерства: добровольность и реальность принятия на себя обязательств / Н.П. Дацко // «Модернизация трудового законодательства республики Казахстан и стран СНГ: теория и практика»: материалы международного круглого стола 19 июня 2017 г. Алматы, Казак университеті. – С. 25 – 32.

3. Трудовое право России: учебник для бакалавров / под общ. ред. Е.Б. Хохлова, В.А. Сафонова. – 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 673 с. – (Серия: Бакалавр. Углубленный курс).

УДК 349.2

Коршунова Н.В., профессор кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ), д.и.н.

Правовые основы внедрения «эффективного контракта» в системе профессионального образования

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемные вопросы внедрения «эффективного контракта» в системе профессионального образования. Дано разъяснение по вопросу использованных понятий в нормативных документах по данной проблематике. Представлен анализ возможных вариантов установления рейтинговой системы оплаты труда преподавателей в рамках реализации данного проекта.

Ключевые слова: «эффективный контракт», профессорско-преподавательский состав, рейтинговая система, оплата труда.

Одним из краеугольных камней реформы образования, которая началась вместе с масштабными изменениями в нашей стране, стал вопрос о совершенствовании как системы организации учебного процесса, так и труда педагогических работников. В качестве приоритетных задач государственной политики в этой сфере было объявлено повышения статуса педагога, что в первую очередь связано с обеспечением достойной оплаты труда.

Правовой основой внедрения «эффективного контракта» являются следующие документы: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [1], Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг., утвержденной распоряжением Правительства РФ 26 ноября 2012 г.
№ 2190-р (далее – Программа) [2], План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», утвержденным распоряжением Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 722-р [3].

Цель внедрения «эффективного контракта» состоит в дифференцированном и справедливом повышении заработной планы педагогическим работникам, Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», согласно которому Правительству РФ предписано обеспечить увеличение к 2018 г. средней заработной платы научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования до 200 % от средней заработной платы в соответствующем регионе.

Согласно названной Программе, основой для использования принципов эффективного контракта является необходимость актуализировать ква-

лификационные требования и компетенции «для оказания государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ), организация соответствующей профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников учреждений, наряду с совершенствованием системы оплаты труда и разработкой систем оценки эффективности деятельности работников». На основании вышеназванного дается определение эффективного контракта: «трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки» [2].

Термин «контракт» также упоминается в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где указывается на основании ч. 6 ст. 47, что конкретные трудовые или должностные обязанности должны определяться трудовыми договорами (служебными контрактами). Трудовой кодекс РФ не содержит понятие контракт, а только трудовой договор.

Юристы по-разному оценивают саму идею внедрения особого трудового договора для педагогических работников. Так, К.Б. Егоров и С.С. Худякова указывают на отсутствие «смысла конкретизировать трудовые обязанности ППС непосредственно в трудовом договоре в связи с "переходом" на "эффективный контракт"». По их мнению, «такая конкретизация должна осуществляться в должностной инструкции, разработанной на основе новых профессиональных стандартов» [4, с. 40]. С.В. Янкевич рассматривает «эффективный контракт», прежде всего, как экономическую категорию. Он указывает, что его смысл «состоит в установлении трудовым договором взаимовыгодных условий как для работодателя, так и для конкретного работника» [6, с. 115]. Есть и резко негативные оценки эффективного контракта. Исследователи В.С. Сенашенко и В.Г. Халин указывают, что данный вид трудового договора становится «орудием бюрократического давления и контроля со стороны чиновников за деятельностью научно-педагогических работников и превращения их в настоящих наемных работников вузов, отлученных от реального участия в управлении вузом, что в корне противоречит традициям и особенностям работы вузовского преподавателя и исследователя» [5, с. 28]. На наш взгляд, подобная позиция грешит таким же субъективизмом, как и утверждение о том, эффективный контракт – панацея от всех бед в образовании.

Внедрение «эффективного контракта» или детализированного трудового договора с каждым педагогическим работником с юридической точки зрения представляет собой правовой регулятор повышения эффективности труда конкретного преподавателя. Следствием чего должна стать дифференциации заработной планы работников профессионального образования, а также обеспечение возможности их материального стимулирования на основании понятных и прозрачных критериев. Однако встает закономер-

ный вопрос – возможно ли действительно с каждым преподавателем заключить такой договор, отличный от других, когда в образовательной организации все выполняют в общем-то схожие трудовые действия? Очевидно, что это нецелесообразно, и не решит поставленных Указом Президента и Распоряжением Правительства задач. Именно поэтому подавляющее большинство профессиональных образовательных организаций пошли по другому пути: они ввели рейтинговые системы оценки эффективности труда преподавателей.

Таким образом, существует два пути перехода с «обычного» трудового договора, стандартизированного для всех преподавателей, на «эффективный», индивидуализированный трудовой договор. Первый вариант включает в себя ежегодное подписание дополнительного соглашения к трудовому договору. Второй – ежегодное переизбрание на должность преподавателей, что уже практикуется в ряде вузов, вызывая понятное неудовольствие ППС. Такой вариант – ежегодное перезаключение трудового договора – прост с юридической точки зрения, но лишает работника стабильности, а вуз ограничивает в организации и проведении длящихся проектов.

Дополнительные соглашения к трудовому договору, конечно, более «щадящий» вариант, однако он требует наличия у образовательной организации дополнительного нормотворчества. В частности, необходимо разработать положение о рейтинге преподавателей, установить механизм и последовательность его реализации. Главной сложностью при таком подходе является решение вопроса о тех преподавателях, которые не захотят или не смогут участвовать в рейтинге, то есть не будут реализовывать критерии эффективности. Понятно, что они не будут получать дополнительного материального стимулирования, но и уволить их до окончания срока трудового договора не представится возможным.

Очевидно, что любая рейтинговая система оценивания качества труда профессорско-преподавательского состава должна предполагать подведение итогов не реже одного раза в год. В противном случае введение любых критериев и проверка их исполнения будет весьма проблематична. Важно выработать объективные и прозрачные критерии эффективности деятельности преподавателей. Кроме того, критерии должны быть стабильны, понятны и достижимы. Было бы целесообразно установить минимальный рейтинговый порог, достижение которого однозначно давало возможность преподавателю претендовать на стимулирующую часть.

Руководителям образовательных организаций необходимо помнить, что, хотя предложение со стороны верховной власти ввести «эффективный контракт» связано с необходимостью повышения заработной планы, их задачи шире. Это хороший инструмент реального стимулирования труда и достижения необходимых вузу показателей.

Таким образом, реализация данного проекта позволит не просто выполнять решения о повышении заработной платы научно-педагогических

работников, их личного профессионального уровня, но и обеспечить повышения качества высшего образования в целом. Конечно, при грамотно разработанных критериях эффективности.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2334.

2. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р (ред. от 14.09.2015) «Об утверждении Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 - 2018 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 49. – Ст. 6909.

3. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 № 722-р Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2469.

4. Егоров, К.Б., Худякова, С.С. Повышение качества и эффективности высшего образования и науки в РФ посредством внедрения системы «эффективных контрактов»: достижима ли цель? / К.Б. Егоров, С.С. Худякова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 3. – С. 39 – 42.

5. Сенашенко, В.С., Халин, В.Г. Об эффективном контракте в высшей школе России / В.С. Сенашенко, В.Г. Халин // Высшее образование в России. – 2015. – № 5. – С. 27 – 36.

6. Янкевич, С.В. Эффективный контракт с научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования: правовые аспекты / С.В. Янкевич // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 112 – 122.

УДК 349.2

Протченко Е.А., старший преподаватель кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Проблемы достижения баланса интересов при обработке персональных данных женщин и лиц с семейными обязанностями

Аннотация. В статье анализируются проблемы достижения баланса интересов сторон трудовых отношений при определении объема и содержания обрабатываемых персональных данных женщин и лиц с семейными обязанностями, согласно законодательства.

Ключевые слова: информация, персональные данные, баланс интересов сторон, женщины, лица с семейными обязанностями.

В трудовом праве выделяют общедоступную информацию, например, ознакомление работника с содержанием локальных нормативных актов при приеме на работу. А также согласно ст. 5 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информацию с ограниченным доступом, которую относят к персональным данным работника.

Единственной урегулированной в законе процедурой, которая проводится до заключения трудового договора и направленной в том числе на подбор кадров, является истребование и изучение ряда необходимых документов по правилу, установленному ст. 65 ТК РФ.

Этот перечень является обязательным, и непредставление какого-либо документа будет являться нарушением законодательства [2, с. 198].

До момента подписания трудового договора ст. 68 ТК РФ возлагает обязанность на работодателя ознакомить работника под роспись с содержанием локальных нормативных актов, а также с коллективным договором, если он имеется.

Это обусловлено тем, что «поскольку включение всех условий труда работника в трудовой договор практически невозможно, многие работодатели принимают локальные нормативные акты по отдельным группам вопросов, имеющим общий характер для всех или конкретной группы работников» [6, с. 233].

К локальным нормативным актам относятся правила внутреннего трудового распорядка, штатное расписание, график отпусков, график сменности, должностные инструкции, инструкции по охране труда, положение о персональных данных и т.д. Но не все локальные нормативные акты, принимаемые работодателем, доводятся до сведения работника, а лишь те, которые непосредственно связаны с его трудовой деятельностью.

Между тем на практике работодатель часто сталкивается с проблемой определения перечня локальных нормативных актов, с которыми он обязан ознакомить работников, т. е. довести информацию. Наилучшим выходом из данной ситуации будет разработка для каждой должности, которая числится в штатном расписании организации, перечня конкретных локальных нормативных актов, которые непосредственно регулируют труд данного работника. Где именно должна стоять роспись работника, а также дата, подтверждающая, что до работника была доведена информация и он ознакомлен с локальными нормативными актами именно до заключения трудового договора, а не после, законодатель не указывает, что можно рассматривать как очередной пробел в законодательстве.

Предлагается дополнить ст. 68 ТК РФ положением о том, где должна стоять роспись работника, например, в отдельном приложении к трудовому договору, либо в специальном журнале ознакомления, где должна будет

указываться также и фамилия, имя, отчество работника, дата ознакомления [7, с. 184].

Законодатель пытается путем предоставления различных льгот и гарантий защитить уязвимые категории работников (беременных женщин, лиц с семейными обязанностями) от ущемления работодателем их прав [5, с. 73].

По существу, на работодателя фактически возлагается обязанность по выяснению подробностей частной жизни лица (не является ли он единственным кормильцем ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет; одинокой матерью; беременной женщиной и т.д.) [3, с. 67]. Это вызывает у работников с семейными обязанностями негативный осадок и приводит к сокрытию информации, что затрудняет обеспечение баланса интересов сторон при реализации трудовых отношений, что приводит еще к одной проблеме.

В Конституции РФ в ст. 23 говорится о том, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, семейную тайну, т.е. используется термин «частная жизнь», а в Трудовом кодексе РФ – «персональные данные». По мнению многих ученых, «частная жизнь» наиболее широкое понятие, в которое входят и «персональные данные» [4, с. 354].

Сведения, которые относят к частной жизни работника и входят в персональные данные по мнению А.М Лушникова можно разделить на группы. Сведения, необходимые работодателю и получаемые им от работника или с его согласия в соответствии с законодательством, например, об инвалидности и профзаболеваниях, имущественного и семейного положения. Сведения, предоставляемые работником по своей инициативе для получения льгот, гарантий и компенсаций, например, для женщин, матерей-одиночек, беременных, лиц с семейными обязанностями. Сведения, которые работодатель не имеет права требовать, согласно Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) [4, с. 374].

Согласно п. 1 ст. 3 Закона о персональных данных персональными данными является любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Прежде чем выбрать конкретного сотрудника и заключить с ним трудовой договор, работодатель, либо его работники по кадрам обычно проводят собеседование, анкетирование, тестирование и другие мероприятия, которые не урегулированы законодательством.

Как отмечает Ф.А. Абаев, «персональные данные работника должны позволить идентифицировать его не только и не сколько как человека, а прежде всего, как работника, это означает, что персональные данные работника − это в первую очередь информация, которая имеет отношение к профессиональной квалификации работника, его деловым, профессиональным качествам и к требованиям, которые могут быть предъявлены в

связи с характером работы» [1, с. 139]. Поэтому целесообразно согласиться с его предложением о том, чтобы установить перечень сведений, которые не могут быть истребованы от работника, даже при его согласии.

При приеме на работу женщины и остерегаясь ее возможной беременности, работодатели стараются заключать срочные трудовые договора по соглашению сторон, по основаниям, указанным в п. 2 ст. 59 ТК РФ. Поэтому в основном без средств к существованию остаются те лица, которые устраиваются на работу к работодателям – субъектам малого предпринимательства по срочному договору и теряют работу в связи с истечением срока [3, с. 69].

Та же ситуация у лиц, относящихся к профессорско-преподавательскому составу и избранных по конкурсу на замещение соответствующей должности.

На практике работодатели высших учебных заведений по результатам избрания по конкурсу заключают срочный договор на период учебного года. Что ждет женщину по окончанию этого учебного года с маленьким ребенком?

По материалам судебной практики (Апелляционное определение № 33-889/2015 от 11 февраля 2015 г. по делу № 33-889/2015) суд отказывает бывшим работникам в восстановлении их на работе и уволенным в связи с истечением срока действия трудового договора. К примеру, с преподавателем был заключен срочный трудовой договор, в период которого женщина находилась в отпуске по беременности и родам. Затем она была уволена по п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ в связи с истечением срока трудового договора и ей была прекращена выплата пособия по уходу за ребенком. Установлено, что данная должность исключена из штатного расписания, поэтому конкурс на замещение данной должности не объявлялся, следовательно, истица не могла пройти конкурсный отбор и заключить новый трудовой договор. Судебная коллегия отмечает, что преподаватель не была уволена по инициативе работодателя, при увольнении имело иное основание – истечение срока трудового договора, что исключает предоставление гарантий, предусмотренных ст. ст. 256, 261 ТК РФ.

Здесь полезно обратиться к опыту зарубежных стран. Например, ФРГ устанавливает четыре срочных договора продолжительностью не более 2-х лет. После этого с работником заключают договор на неопределенный срок, что вполне логично, поскольку «длительная трудовая деятельность соответствует отсутствию реально существующим обстоятельствам, препятствующим бессрочным трудовым отношениям», считает Т.А. Избиенова [3, с. 69].

Итак, для достижения баланса интересов сторон трудовых отношений при получении и обработке информации предлагается:

Дополнить ст. 68 ТК РФ положением о том, где должна стоять роспись и дата подтверждающая, что работник был ознакомлен с локальными

нормативными актами именно до заключения трудового договора, например, в отдельном приложении к трудовому договору, либо в специальном журнале ознакомления, где должна будет указываться также и фамилия, имя, отчество работника, дата ознакомления.

Законодательно предусмотреть сбалансированный механизм ограничения частоты срочных трудовых договоров с лицами, обремененными семейными обязанностями.

В трудовом законодательстве четко определить полный перечень информации, которую работодатель не имеет права требовать у работника не только на стадии заключения трудового договора, но и в процессе трудовой деятельности, учитывая интересы сторон при регулировании труда женщин и лиц с семейными обязанностями.

Библиографический список

1. Абаев, Ф.А. Историко – правовые предпосылки формирования и современные тенденции развития института персональных данных в трудовом праве / Ф.А. Абаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 136 – 139.

2. Ершова, Е.А. Трудовое право в России / Е.А. Ершова; Рос. акад. правосудия. – М.: Статут, 2007. – 620 с.

3. Избиенова, Т.А. Трудовые «антильготы» для женщин и лиц с семейными обязанностями / Избиенова, Т.А. // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 1 (16). – С. 67 – 70.

4. Лушников, А.М. Курс трудового права: учебник: В 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть / А.М. Лушников, М.В. Лушникова. – М.: Статут, 2009. – 879 с.

5. Сагандыков, М.С.. Баланс интересов работодателя и работника – беременной женщины / М.С. Сагандыков, Е.А. Протченко // Проблемы права. – 2018. – № 1. – С. 57 – 59.

6. Сафонов, А.Л. Комментарий официальных органов к ТК РФ / А.Л. Сафонов. – М.: Юридическая литература, 2006. – 1328 с.

7. Шевченко, О.А. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / О.А. Шевченко, Ф.О. Сулейманова Г.В. Шония.– 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014. – 321 с.

УДК 349.2

Рейхерт Е.С., старший преподаватель кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Требования к квалификации работника как элемент трудоправовой информации

Аннотация. В статье требования к квалификации работника рассматриваются как трудоправовая информация. Определены способы размещения требований к квалификации, а также порядок получения и распространения информации о квалификации как персональных данных работника.

Ключевые слова: трудоправовая информация, требования к квалификации, должностная инструкция

Формирование информационного пространства происходит во всех отраслях права и трудовое право не является исключением. Как отмечает А.В. Раудштейн, присутствие информационной составляющей в трудовых и всех иных видах отношений, непосредственно связанных с трудовыми, а также участие в информационных отношениях всех субъектов трудового права позволяют говорить о пронизывающем характере информационного отношения в сфере труда [4, с. 154].

Однако, каждая отрасль имеет особенности формирования информационного пространства. В трудовом праве оно неразрывно связано с термином «трудоправовая информация».

По мнению А.М. Лушникова и М.В. Лушниковой под трудоправовой информацией понимаются сведения о работнике и работодателе, которые предоставляются в случаях и порядке, предусмотренным трудовым законодательством, необходимые для реализации индивидуальных и коллективных трудовых прав, и подлежащие правовой защите от разглашения, если информация носит конфиденциальный характер [3, с. 44].

Сведения о работнике включают в себя информацию необходимую работодателю в связи с трудовыми и непосредственно с ними связанными отношениями. Это фамилия, имя отчество, пол, деловые качества, состояние здоровья и другая информация. Особое значение играет такая трудоправовая информация, как квалификация работника. Согласно п. 1 ст. 195.1 ТК РФ квалификация работника – уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника.

Работодатель формирует требования к работнику и к его квалификации, как правило, в должностной инструкции. В качестве основы для ее составления работодатели используют положения Квалификационных справочников и профессиональных стандартов.

С учетом своих требований работодатель размещает информацию о вакантных должностях. Таким образом, соискатель может получить письменную информацию о требованиях к квалификации путем ознакомления с содержанием объявления о найме или должностной инструкции.

Возможность соискателя получить информацию о требованиях к квалификации обеспечивается также ч. 3 ст. 68 ТК РФ, которая обязывает работодателя до подписания трудового договора ознакомить работника под роспись с локальными нормативными актами, непосредственно связанными с трудовой деятельностью работника. Ряд авторов признают должностную инструкцию локальным нормативным актом [1, 2, 5].

Если квалификация соискателя не соответствует требованиям, предъявляемым работодателем, это может послужить причиной отказа в приеме на работу по деловым качествам. Верховный суд РФ в состав деловых качеств включает профессию, специальность, уровень образования и опыт работы (п. 10 Постановления Пленума от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»).

Так, Октябрьский районный суд г. Уфы признал обоснованным отказ в приеме на работу Гилязовой Э.Х на должность музыкального руководителя в виду отсутствия сведений о ее профессиональном владении техникой исполнения на музыкальном инструменте, что являлось одним из требований к квалификации работника, закрепленном в должностной инструкции (Решение от 3 марта 2016 г. по делу № 2-2485/2016).

По мнению Роструда, изложенного в Письме от 09.08.2007 № 3042-6-0, отсутствие должностной инструкции в отдельных случаях препятствует работодателю осуществить обоснованный отказ в приеме на работу, поскольку именно в ней могут содержаться дополнительные требования, связанные с деловыми качествами работника.

Документами, в которых содержится информация о квалификации работника, могут быть диплом или аттестат об образовании, диплом о переподготовке, удостоверение о повышении квалификации, свидетельство об обучении, трудовая книжка.

Информация о квалификации работника в силу положений Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» относится к персональным данным и подлежит защите от неправомерного использования или утраты.

Получение информации о квалификации работника возможно только от самого работника. Если работодатель хочет проверить подлинность представленного работником диплома путем запроса в образовательное учреждение, то сделать это можно только при наличии соответствующего согласия работника. Кроме того, работодатель может воспользоваться поиском по Федеральному реестру сведений о документах об образовании и

(или) о квалификации, документах об обучении, размещенному на официальном сайте Рособрнадзора.

Разглашение информации о квалификации работника третьим лицам также осуществляется только с письменного согласия работника. Однако, нормами законодательства на работодателя могут быть возложены обязанности по распространению информации о квалификации работника. В таком случае распространение информации осуществляется без согласия работника.

Например, в соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 79 Федерального закона № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинские организации обязаны информировать граждан в доступной форме, в том числе с использованием сети «Интернет», о медицинских работниках медицинских организаций, об уровне их образования и об их квалификации.

А в силу пп. «з» п.1 части второй ст.29 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательные организации обеспечивают открытость и доступность информации о персональном составе педагогических работников с указанием уровня образования, квалификации и опыта работы.

Наличие четко определенных и обоснованных требований к квалификации работника позволяет обеспечить стабильность трудовых и иных непосредственно с ними связанных отношений. А отнесение сведений о квалификации к персональным данным обеспечить их надлежащую защиту от неправомерного использования.

Библиографический список

1. Айман, Т.О. Трудовое право / Т.О. Айман. – М.: ИНФРА- М., 2002. – 239 с.

2. Драчук, М.А. Локальные нормативные акты организации: учебно-методическое пособие / М.А. Драчук. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2008. – 316 с.

3. Лушников, А.М. Право на информацию субъектов трудового права / А.М. Лушников, М.В. Лушникова // Государство и право. – М.: Наука, 2004. – № 6. – С. 42 – 48

4. Раудштейн, А.В. Информационные отношения в сфере труда: понятие и характеристика/ А.В. Раудштейн // Российский юридический журнал. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2010. – № 6 (75). – С. 152 – 159

5. Хныкин, Г.В. Локальные источники российского трудового права: теория и практика применения: дис. …докт. юрид. наук. / Г.В. Хныкин. – М., 2005. – 294 с.

УДК 349.23

Сагандыков М.С., доцент кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Условие трудового договора о неразглашении информации, составляющей охраняемую законом тайну

Аннотация. В статье выдвигается идея о необходимости отнесения условия трудового договора о неразглашении работником охраняемой законом тайны (государственной, служебной, коммерческой или иной) к разряду обязательных.

Ключевые слова: информация, составляющая тайну, коммерческая тайна, содержание трудового договора, условие трудового договора.

Конституция РФ содержит несколько положений, касающихся защиты какой-либо тайны, информации. Обращает на себя внимание тот факт, что особое место в Основном законе занимают нормы о защите государственной тайны (ст. 29), а также личной, семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23).

В то же время коммерческая или иная схожая с ней информация, которая может составлять тайну, в Конституции в качестве объекта защиты не упомянута. Напротив, говорится о праве каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ст. 29).

Вместе с тем, вопросы защиты информации, составляющей охраняемую законом тайну, находят непосредственное и самое широкое выражение в трудовом законодательстве.

Сначала необходимо обратиться в ст. 57 Трудового кодекса РФ, а именно, к одному из условий трудового договора – неразглашение охраняемой законом тайны. Сегодня данное условие договора закон относит к числу факультативных, дополнительных. На наш взгляд, такое решение законодателя, по крайней мере в представленной в ТК РФ формулировке, нельзя назвать бесспорным.

Главным отличием обязательных условий от дополнительных, на наш взгляд, является зависимость включения последних в трудовой договор от наличия соглашения между работником и работодателем. Верно отмечает Н.Н. Шептулина: «их внесение в трудовой договор зависит от результатов договоренности по вопросам, представляющим взаимный интерес или интерес одной из сторон, который признала другая сторона» [4, с. 149].

Обязательные же условия потому так и называются, что «обязательно» должны быть включены в трудовой договор независимо от желания сторон. Соглашением сторон определяется только содержание этих условий.

Теперь давайте ответим на вопрос: обязательно ли включать в трудовой договор условие о неразглашении, например, государственной или служебной тайны, если трудовая функция работника, непосредственно связанная с этой тайной? На наш взгляд, ответ однозначен – да.

Следует согласиться с У.М. Станковой в том, что необходимо отказаться от использования в нормах ТК РФ словосочетания «иная тайна» и остановиться на перечислении государственной, служебной, коммерческой и профессиональной тайны [3, с. 6].

Объем настоящей работы не позволяет провести анализ указанных понятий. Содержание понятия государственная тайна точно раскрыто в соответствующем федеральном законе. Термины «служебная тайна» и «профессиональная тайна» законодательного закрепления не имеют.

Под служебной тайной традиционно понимают «не относящуюся к государственной тайне, созданную или полученную государственным органом или органом местного самоуправления информацию, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральным законом в интересах иных лиц» [1, с. 36].

Профессиональная тайна, также, как и служебная, представляет собой информацию, подлежащую сохранению в тайне в соответствии с требованиями законодательства, доверенную или ставшую известной лицу в силу исполнения им своих профессиональных обязанностей, неправомерное распространение которой может причинить вред правам и интересам собственника информации или его правопреемников [2, с. 12]. Отличие состоит в том, указанная обязанность возлагается не на государственного или муниципального служащего, а на иное лицо, осуществляющего профессиональную деятельность: врача, адвоката, аудитора, работника банка. Также к профессиональной тайне следует отнести персональные данные работника.

Обязанность работника или государственного (муниципального) служащего не разглашать информацию, составляющую государственную, служебную или профессиональную тайну закреплена в федеральном законе. Включение в трудовой договор соответствующего условия также в этом случае является обязательным.

С информацией, составляющей коммерческую тайну, ситуация несколько сложнее.

Основное отличие коммерческой тайны от какой-либо другой состоит, на наш взгляд, в том, что обладатель соответствующей информации вправе самостоятельно решать, относить ее к информации, составляющей коммерческую тайну или нет (п. 1 ст. 4 Федерального закона от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»).

Также не будем забывать про то, что перечень сведений, составляющих государственную тайну, установлен федеральным законом (ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»). Применительно к служебной и профессиональной тайне такого перечня нет, но при

этом отдельными федеральными законами четко установлена обязанность не разглашать определенную информацию и предпринимать меры для ее сохранения.

В свою очередь, перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, законом не может быть установлен в принципе. Более того, согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона «О коммерческой тайне» к информации, составляющей коммерческую тайну разрешено относить ***любые*** сведения (производственные, технические, экономические, организационные и другие). Главное, чтобы они имели действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам. Обладатель информации сам решает, необходима ли ее особая охрана от третьих лиц, конечно, с учетом того, что закон запрещает признавать коммерческой тайной отдельные сведения (ст. 5 Федерального закона «О коммерческой тайне»).

В то же время, Федеральный закон «О коммерческой тайне» применительно к характеристике действий обладателя информации относительно сохранности информации, составляющей коммерческую тайну, применяет слова «должен», «обязан» и т.д. (ст. 10, 11). Особенно это касается содержания трудового правоотношения, в которых работодатель обязан ознакомить работника с перечнем соответствующей информации ограниченного доступа, с режимом коммерческой тайны, создать необходимые условия для его соблюдения работником (ст. 10).

Не будем также забывать, что функции работодателя – юридического лица осуществляет его представитель, как правило, руководитель организации, с которым также заключен трудовой договор. В таких условиях руководитель не просто имеет право, а обязан защищать права учредителей (участников, акционеров), то есть самой организации, установив и обеспечив соблюдение режима коммерческой тайны. В п. 6 ст. 11 Федерального закона «О коммерческой тайне» предусмотрено, что в трудовом договоре «с руководителем организации должны предусматриваться его обязанности по обеспечению охраны конфиденциальности составляющей коммерческую тайну информации, обладателем которой являются организация и ее контрагенты, и ответственность за обеспечение охраны конфиденциальности этой информации».

Другими словами, если в организации установлен режим коммерческой тайны, то действия работодателя по включению в него работника является обязательным.

Сказанное выше дает основание полагать, что условие трудового договора о неразглашении охраняемой законом тайны (государственной, служебной, профессиональной или коммерческой) должно относиться к числу обязательных.

Тот факт, что обязанность не разглашать ту или иную информацию далеко не всегда вменяется работнику, не должно вводить в заблуждение. Большая часть условий трудового договора, которые в ст. 57 ТК РФ назва-

ны обязательными, на самом деле включаются в договор далеко не всегда, как например, условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы) или гарантии и компенсации за работу с вредными условиями труда.

Таким образом, обязательным условием трудового договора необходимо считать условие о неразглашении охраняемой законом тайны (государственной, служебной, профессиональной или коммерческой), если работник в установленном законом порядке допущен к соответствующей информации.

Библиографический список

1. Павлов, И.Ю. Современные проблемы правового регулирования государственной и служебной тайны в России / И.Ю. Павлов // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 29 – 37.

2. Рожнов, А.А. Уголовно-правовая охрана профессиональной тайны: автореф. дис…канд. юрид. наук. / А.А. Рожнов. – Казань, 2002. – 30 с.

3. Станскова, У.М. Трудоправовые средства обеспечения конфиденциальности информации ограниченного доступа: автореф. дис…канд. юрид. наук. / У.М. Станскова. – Екатеринбург, 2014. – 23 с.

4. Трудовое право России: учебник / отв. ред. Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова. 3-е изд. М.: Юрид. фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2011. – 648 с.

УДК 349.23

Станскова У.М., доцент кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Проблемы применения института коммерческой тайны в трудовых отношениях

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты применения коммерческой тайны в трудовых отношениях. Приводятся материалы судебной практики по спорам об увольнении работников за разглашение коммерческой тайны. Анализируются нормы Федерального закона РФ от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», предусматривающие возможность взыскания с работника убытков, причиненных разглашением коммерческой тайны.

Ключевые слова: трудовые отношения, коммерческая тайна, убытки, увольнение, работник.

Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) предусматривает обязанности работника защите коммерческой тайны (ст. 57 ТК РФ)

и ответственность за нарушение таких обязанностей (пп. «в» п. 6 части первой ст. 81 ТК РФ и п. 7 ст. 243 ТК РФ). В Федеральном законе от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» закреплены специальные нормы, направленные на защиту коммерческой тайны в трудовом отношении. Длительный период существования соответствующих норм в законодательстве, а также ряд изменений информационного и гражданского законодательства (до принятия Федерального закона от 12.03.2014. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») не решили проблем применения института коммерческой тайны в трудовом правоотношении.

Первое требование законодателя – это установление режима коммерческой тайны (ст. 10. Закона «О коммерческой тайне»). Вместе с тем многие работодатели считают возможным расторжение с работником трудового договора по пп. «в» п.6 части первой ст. 81 ТК РФ при отсутствии введенного режима коммерческой тайны. В некоторых случаях, режим коммерческой тайны установлен не полностью. Так, например, работодатель заключил с работником обязательство о неразглашении, ознакомил работника с перечнем сведений, составляющих коммерческую тайну, но не нанес гриф «Коммерческая тайна» на материальные носители информации, не ввел ограничения ознакомления с информацией определенного круга лиц, не осуществлял учет лиц, получивших, доступ к такой информации [3]. В другом деле работодатель ознакомил работника с перечнем сведений, содержащих коммерческую тайну, но не предоставил доказательств того, что работник имел доступ к таким сведениям [4]. В следующем случае суд посчитал, что факт доступа работника к коммерческой тайне, произошел в основном по вине самого работодателя, который создал условия для свободного доступа работников к документам. При таких обстоятельствах увольнение было признано незаконным, а с работодателя взыскана компенсация морального вреда [7].

Одним из проблемных аспектов защиты коммерческой тайны является заключение «пакта о неконкуренции». В отличие от российского законодательства, в зарубежных странах запрещена недобросовестная конкуренция со стороны бывших работников [2, с. 45]. В практике США при рассмотрении дел данной категории суды обращают внимание на два аспекта использования информации после прекращения трудовых отношений: 1) недопущение использования бывшим работником коммерческой тайны работодателя; 2) недопущение бывшего работника к работе у другого работодателя, которая приведет к использованию коммерческой тайны [1]. Данная конструкция противоречит доктрине трудового права, так как подобного рода соглашения следует рассматривать как дополнительное соглашение к трудовому договору, действие которого прекращается с прекращением трудовых отношений. В науке существуют предложения легализо-

вать соглашения о неконкуренции в российском законодательстве, как соглашения, в силу которого работник обязуется не осуществлять трудовую деятельность в конкурирующих с работодателем организациях [6; с. 11]. Действующее законодательство содержит аналогичные ограничения только с целью противодействия коррупции (например, ст. 64.1 ТК РФ), но не для защиты информации ограниченного доступа.

В соответствии с пп. 2 части третьей ст. 11 Закона «О коммерческой тайне» работник обязан не разглашать информацию, обладателями которой являются работодатель и его контрагенты, и без их согласия не использовать информацию в личных целях в течение всего срока действия режима коммерческой тайны, в том числе после прекращения действия трудового договора. Тем самым предполагается распространение конструкции, сформированной в отношении государственной, профессиональной тайны и секрета производства: обязанности сохраняются в силу императивного предписания. Срок сохранения секрета производства – сохранение конфиденциальности соответствующих сведений (ст. 1467 ГК РФ). Очевидно, что соглашение о неконкуренции и императивная обязанность об обеспечении конфиденциальности имеют существенные различия. Во-первых, отличается способ установления ограничений: соглашение о неконкуренции предполагает взаимное добровольное волеизъявление сторон, а императивная обязанность не зависит от такого волеизъявления. Последнее с точки зрения защиты коммерческой тайны более обоснованно. Во-вторых, пакт о неконкуренции предполагает ограничения в трудоустройстве с выплатой работнику компенсации за время отказа от трудоустройства, императивный запрет таковых не предполагает. В-третьих, в пакте о неконкуренции срок действия ограничений определяется сторонами в соглашении, а при императивном запрете – определены сроком сохранения конфиденциальности сведений.

Очевидно, что два представленных механизма направлены на достижение общей цели – обеспечение конфиденциальности информации ограниченного доступа. Однако сфера применения названных механизмов должна отличаться. Представляется, что императивный запрет обязателен для тех видов информации ограниченного доступа, обязанность по охране и состав которых не зависит от усмотрения работодателя (государственная, служебная, профессиональные тайна, персональные данные, включая сведения о частной жизни). Соглашение о неконкуренции, напротив, уместно в отношении информации ограниченного доступа, в том числе коммерческой тайны, режим которой устанавливается по воле работодателя как обладателя информации. На сегодняшний день законодатель не позволяет работодателю ограничивать возможность трудоустройства бывших работников в связи с доступом к коммерческой тайне на прежнем месте работы. В письме Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 19 октября 2017 года № 14-2/В-942 о заключении дополнительного

соглашения о неконкуренции [5] отмечается, что все условия трудового договора действуют только до момента его расторжения. После того как гражданин перестает быть работником данного работодателя, стороны не несут никаких взаимных обязанностей, вытекающих из трудового договора, за исключением случаев, прямо предусмотренных трудовым законодательством.

Работодатели предпринимают попытки закрепить какие-либо ограничения на последующую трудовую деятельность работников в локальных нормативных актах. В частности, работник в нарушение запрета, предусмотренного локальным нормативным актом работодателя, создал предприятие со схожим видом деятельности, тем самым, разгласил известные ему сведения, отнесенные работодателем к коммерческой тайне. Работник был уволен по пп. «в» п. 6 части первой ст. 81 ТК РФ. Суд посчитал довод ответчика о том, что разглашение истцом сведений, являющихся коммерческой тайной, подтверждается созданием им общества с аналогичным видом деятельности, несостоятельным, поскольку организация такого юридического лица не свидетельствует однозначно о том, что истцом при этом были разглашены сведения, относящиеся к коммерческой тайне общества. Истец, будучи специалистом в указанной области, не лишен права, используя собственные знания, навыки и опыт, приобретенные в процессе работы, создать самостоятельное юридическое лицо по роду своей деятельности [8].

В случае сохранения обязанностей по неразглашению коммерческой тайны после прекращения трудового отношения, возникает вопрос о том, как работник должен узнать о прекращении его обязанностей в отношении коммерческой тайны. Очевидно, что в таком случае должен быть предусмотрен механизм информирования работника о сохранении конфиденциальности информации, особенно коммерческой тайны.

Пунктом 3 части третьей и частью четвертой ст. 11 Закона «О коммерческой тайне» закреплено право работодателя потребовать от работника возмещения убытков, причиненных разглашением информации, составляющей коммерческую тайну, в том числе после прекращения трудовых отношений с работодателем, если эта информация разглашена в течение срока действия режима коммерческой тайны. При этом по ТК РФ взыскание убытков допускается только с руководителя организации, в случаях, предусмотренных федеральными законами (ст. 277 ТК РФ). Ст. 238 ТК РФ устанавливает обязанность работника возместить только прямой действительный ущерб. Упущенная же выгода взысканию с работника не подлежит. Очевидно противоречие норм ТК РФ и Закона «О коммерческой тайне». Согласно ст. 5 ТК РФ нормы трудового права, содержащиеся в иных федеральных законах, должны соответствовать ТК РФ. Вновь принятый федеральный закон, содержащий нормы трудового права и противоречащий ТК РФ, может применяться только при условии внесения соответствующих изменений в ТК РФ. Поэтому нормы Закона «О коммерческой

тайне» о возмещении работником убытков, причиненных работодателю, не могут быть применены до указания в ТК РФ на такую возможность.

Таким образом, изменение законодательства, регламентирующего защиту коммерческой тайны в трудовых отношениях, не решило существующих проблем в данной сфере и требует дельнейшего совершенствования. В частности, В ТК РФ должны быть внесены нормы, предусматривающие взыскание убытков с работника, разгласившего коммерческую тайну работодателя, в том числе и после прекращения трудового отношения.

Библиографический список

1. Wilbur, A. Glahn, Cameron, G. Shilling of McLane, Graf, Raulerson & Middleton, P.A. The Cutting Edge of Trade Secrets -How Far Should the Law Go To Prevent Misappropriation by Memory and Inevitable Disclosure. – http://library.findlaw.com/2002/Dec/12/132434.html (дата доступа – 25.12.2010)

2. Анюхина, И.В. Причинение работником непрямого ущерба компании: опыт России и зарубежья / И.В. Анюхина // Законодательство. – 2009. – № 10. – С. 42 – 48.

3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22.05.2018 г. № 33-10693/2018 по делу № 2-168/2018. – http:// www. consultant.ru (дата доступа: 14.05.2019)

4. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28.06.2017 № 33-13478/2017 по делу № 2-707/2017. – http://www. consultant.ru (дата доступа: 14.05.2019)

5. Бухгалтерское приложение (приложение к газете «Экономика и жизнь»). – 2017. – № 43.

6. Липковская, В.В. Интересы работодателя в трудовом праве: автореферат дис. … канд. юрид. наук. / В.В. Липковская. – М., 2011. – 26 с.

7. Решение Клепиковского районного суда Рязанской области от 03февраля 2016 года по делу № 2-29/2016. https://www.sudact.ru (дата доступа: 14.03.2019)

8. Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 13 января 2016 года по делу № 2-18598/2015. https://www.sudact.ru (дата доступа: 14.03.2019).

УДК 349.2

Томашевский К.Л., профессор кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ), профессор Международного университета «МИТСО», доцент БГУ, д.ю.н.

Бипартизм и трипартизм в социальном партнерстве и его значение для решения вопроса об обязательности тарифных соглашений

Аннотация. В статье анализируются понятия социального партнерства, и такие его виды как бипартизм и трипартизм. Особое внимание автором уделено вопросу о сторонах и обязательности положений тарифных соглашений по законодательству Республики Беларусь и актов МОТ.

Ключевые слова: социальное партнерство, трипартизм, бипартизм, тарифное соглашение

1. Бипартизм и трипартизм в системе социального партнерства

Вопрос о понятия бипартизма и трипартизма на первый взгляд достаточно ясный при более внимательно и глубоком взгляде на него остается по-прежнему дискуссионным как в науке, так и сложным с точки зрения реализации правовых норм на практике.

Если обратиться к лингвистической структуре этих двух слов – этимология их вполне очевидна: приставки «би-» и «три-» означают две и три, корень «партизм» – стороны. Соответственно, бипартизм означает двустороннее, а трипартизм – трехстороннее взаимодействие сторон.

Поскольку нас интересует данные явления не как абстрактные понятия, а в связи с социальным партнерством, то логично вначале обратиться к уяснению категории социального партнерства.

В белорусской и российской науке трудового права предлагались следующие определения социального партнерства: «сотрудничество между органами государственной власти и представителями сторон трудовых отношений с целью развития экономики, улучшения условий труда и повышения жизненного уровня трудящихся» (А.Ф. Нуртдинова) [5, с. 448]; «взаимодействие, сотрудничество, согласование интересов представителей работников, нанимателей и государственных органов при решении социально-экономических вопросов в сфере труда» (К.Л. Томашевский) [6, с. 119]; «способ регулирования социально-трудовых отношений между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями), основывающийся на взаимном учете интересов каждой из сторон, уважении этих интересов и отказе от силовых споров взаимодействия» (В.А. Сафонов) [4, с. 36]. С.Ю. Чуча, обобщил более 15 значений, в которых учеными рассматривается социальное партнерство: правовой механизм регу-

лирования коллективных отношений (М.В. Лушникова); элемент метода трудового права (Э.Н. Бондаренко), принцип трудового права (Н.И. Гонцов), форма организации взаимодействия работодателей, работников и государства (С.Ю. Головина), сотрудничество между названными субъектами в социально-трудовых отношениях (В.М. Лебедев) и т.д. [7, с. 16 – 17].

Важно выяснить: чем выступают бипартизм и трипартизм применительно к системе социального партнерства?

В литературе встречаются как минимум три трактовки бипартизма и трипартизма: 1) в качестве моделей социального партнерства или процедурного механизма (И.Н. Бобкова, некоторые др. экономисты и социологи); в качестве принципов (М.В. Лушникова, А.М. Лушников [3, с. 248], С.Ю. Чуча [7, с. 27 – 29]); 3) в качестве видов социального партнерства (К.Л. Томашевский [9, с. 122]).

На наш взгляд, **бипартизм** – это взаимодействие двух субъектов социального партнерства (работников и нанимателей). **Трипартизм** представляет собой взаимодействие трех субъектов социального партнерства (работников, нанимателей и государства в лице их представителей, органов).

2. **Нормативное значение соглашений в трудовом праве**

Значение соглашений в качестве источников регулирования трудовых и связанных с ними отношений в Беларуси имеет четкое законодательное закрепление. Так, в п. 3 ч. 1 ст. 7 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) среди источников регулирования трудовых и связанных с ними отношений прямо названы коллективные договоры, соглашения.

Причем если коллективные договоры – это всегда результат двустороннего взаимодействия сторон (субъектов) социального партнерства, то есть бипартизма, то соглашения (Генеральное, тарифные и местные) в большинстве своем носят трехсторонний характер, т.е. заключаются по модели трипартизма, хотя на практике встречаются и исключения, когда сторон в соглашении две вместо трех.

В доктрине трудового права (А.А. Войтиком, Е.А. Волк, Г. Зинцгеймером, М.В. Лушниковой, А.Ф. Нуртдиновой, И.О. Снигирёвой, С.Ю. Чучей, Г.В. Хныкиным, Б.Б. Синьковым, Л.С. Талем, К.Л. Томашевским) общепризнанно значение социально-партнерских нормативных договоров (включая тарифные соглашения) в качестве нормативных источников трудового права.

Недостаточно урегулированным в законодательстве, дискуссионным среди ученых и вызывающим вопросы у практиков остается вопрос о том, распространяются ли нормы соглашений (в особенности тарифных) на тех нанимателей, которые не были представлены при заключении соответствующих соглашений.

Стороны тарифных соглашений

Сторонам соглашений посвящена отдельная статья 359 ТК, согласно которой на отраслевом уровне сторонами соглашений <u>могут быть</u>: соот-

ветствующие профсоюзы (их объединения) и объединения нанимателей и соответствующие органы государственного управления.

Согласно ч. 1 ст. 359 ТК профсоюзы (их объединения) не имеют права требовать от органов исполнительной власти, не являющихся нанимателями (или представителями нанимателей), заключения с ними соглашений. Из данной нормы следует, что законодатель допускает ситуацию, когда орган исполнительной власти выступает в роли представителя нанимателей.

По ч. 1 ст. 355 ТК представителями интересов нанимателя выступают руководитель организации или лица, уполномоченные учредительными документами организации или локальными нормативными правовыми актами этих организаций. В соответствии с ч. 2 ст. 355 ТК представительство интересов нанимателей на республиканском, отраслевом, территориальном уровнях осуществляют соответствующие объединения нанимателей.

Исходя из систематического толкования вышеуказанных норм ТК вытекает вывод о том, что тарифные (отраслевые) соглашения по действующему трудовому законодательству могут быть как трехсторонними, так и двусторонними. Другими словами, базовой моделью соглашений по законодательству о труде Беларуси может выступать как бипартизм, так и трипартизм. Стороной соглашения может быть объединение нанимателей, представляющее интересы нанимателей либо орган исполнительной власти, если он выступает представителем нанимателей. Представительство интересов нанимателей может осуществляться помимо руководителей организаций лица, уполномоченные учредительными документами организации (в частности, уставом) или локальными нормативными актами этих организаций.

3. **Сфера действия тарифных соглашений**

Относительно сферы действия соглашений в ТК имеется всего одна норма. Так, согласно ч.3 ст.365 ТК сфера действия соглашения определяется сторонами в пределах их полномочий.

В том случае, если тарифное соглашение заключено тремя сторонами с участием отраслевого объединения нанимателей, полномочия последнего определяются его уставом, а также фактом членства в соответствующем объединении нанимателей (союзе, ассоциации) соответствующих организаций – нанимателей, для которых заключаемое тарифное соглашение в этом случае становится обязательным с момента его заключения.

Сложнее обстоит дело в том случае, если тарифное соглашение заключено отраслевыми объединениями профсоюзов и министерством (государственным комитетом) без участия отраслевого объединения нанимателей. На наш взгляд, полномочия министерства (иного органа государственного управления) имплицитно не охватывают собой право заключать тарифное соглашение от имени нанимателей соответствующей отрасли (причем как государственной, так и частной форм собственности). Такие полномочия в отношении подчиненных организаций государственной

формы собственности могут предусматриваться в положении о министерстве и (или) в учредительных документах (уставе) соответствующих организаций государственной формы собственности. И только при наличии подобной нормы в положении о министерстве или факта делегирования полномочий со стороны нанимателей через устав соответствующей организации можно делать вывод об обязательности тарифного соглашения в отношении нанимателей, которые в этом случае были представлены соответствующим органом государственного управления при заключении данного соглашения.

Представляется законной и допустимой применяемая в Беларуси коллективно-договорная практика, когда стороны коллективного договора распространяют действие гарантий, содержащихся в тарифном соглашении конкретной отрасли экономики на работников данной организации и в том случае, если соответствующий наниматель не был представлен при заключении соответствующего тарифного соглашения.

Несколько более сложный механизм присоединения нанимателей к соглашениям с учетом российского опыта и рекомендации МОТ № 91 «О коллективных договорах», ранее предлагала Е.А. Волк [2, с. 126 – 127] и эти предложения стоило бы рассмотреть на предмет урегулирования и в ТК.

Расширению практики трехстороннего сотрудничества при заключении тарифных и местных соглашений в Республике Беларусь способствовала бы разработка и принятия Закона Республики Беларусь «Об объединениях нанимателей», о чем ранее высказывались предложения учеными-юристами [1] и профсоюзными деятелями в разные годы.

Заключение

На основании проведенного анализа понятий бипартизма, трипартизма и практики их использования при заключении коллективных договоров и соглашений в Республике Беларусь сформулируем **общие выводы**:

при заключении коллективных договоров согласно законодательству и на практике используется исключительно двусторонняя модель взаимодействия социальных партнеров (бипартизм), тогда как при заключении соглашений взаимодействие субъектов социальных партнеров может строиться как по трехсторонней, так и двусторонней модели;

тарифное соглашение, заключенное на двусторонней основе отраслевым объединением профсоюзов и органом государственного управления, связывает обязательствами заключившие его стороны;

двустороннее тарифное соглашение может носить обязательный для нанимателей характер в том случае, если полномочия соответствующего органа государственного управления при его заключении были основаны на акте законодательства (к примеру, положении о министерстве в отношении организаций государственной формы собственности) или в силу факта делегирования данных полномочий уставами представляемых организаций или иным способом, не противоречащим законодательству.

Библиографический список

1. Войтик, А. Проект закона «Об объединениях нанимателей»: проблема согласования норм трудового и гражданского законодательства / А. Войтик, К. Томашевский // Юрист. – 2004. – № 10. – С. 82 – 85.
2. Волк, Е.А. Нормативные соглашения в трудовом праве: монография / Е.А. Волк. – Минск: Амалфея, 2012. – 292 с.
3. Лушникова, М.В. Очерки теории трудового права / М.В. Лушникова, А.М. Лушников. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. – 940 с.
4. Сафонов, В.А. Социальное партнерство: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Сафонов. – М.: Юрайт, 2015. – 395 с.
5. Словарь по трудовому праву / О.В. Абрамова [и др.]; отв. ред. д.ю.н., проф. Ю.П. Орловский. – М.: Изд-во БЕК, 1998. – 600 с.
6. Томашевский, К.Л. Актуальные проблемы трудового права: учеб.-метод. комплекс / К.Л. Томашевский. – Минск: Амалфея, 2012. – 232 с.
7. Чуча, С.Ю. Социальное партнерство в сфере труда: становление и перспективы развития правового регулирования в Российской Федерации: монография / С.Ю. Чуча. – Омск: ОмГУ, 2005. – 307 с.

УДК 342.51

Уметалиева З.К., ст. преподаватель Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына

Средства массовой информации Кыргызской Республики как «рупор» реализации государственной политики

Аннотация. В данной статье показана роль современных СМИ в Кыргызской Республике в жизни общества, особое влияние уделяется влиянию СМИ в общественно-политической сфере. Анализируется трансформация государственных методов проведения политики в сторону активного использования СМИ.

Ключевые слова: государственная информационная политика, информация, СМИ, общественное мнение, информационное манипулирование.

Раньше любые действия государства, связанные с реформами, действиями, их решения, по сути просто декларировались населению, а инструментом, обеспечивающим сопровождение государственных действий, являлась сама форма государственного устройства, когда предпринимаемые государством шаги просто не принято было обсуждать среди простых граждан.

Однако с течением времени участие граждан (не всех, а из определенных социальных групп) их мнение, суждения, о готовящихся государственных изменениях, тех или иных шагах во внутренней или внешней по-

литике стали приобретать определенный вес. Правящие круги, чиновники государства постепенно стали приходить в некую зависимость от общественного мнения – это стало влиять на их личную популярность и возможность дальнейшей работы на государственных постах. Очевидно, что в общественно-политической жизни государства (наряду с повседневной жизнью каждого человека) все большее значение стала приобретать информация, а следовательно и средства, этой информацией обладающее и транслирующие ее. В современном обществе степень информатизации, развитие различных каналов подготовки, получения, передачи тех или иных сведений, новостей достигла своего пика в плане зависимости от них даже простого ежедневного быта людей.

С развитием информатизации общества средства массовой коммуникации начинают оказывать все более ощутимой воздействие на различные сферы жизни социума, в частности на политическое сознание и поведение населения. Следовательно, особо важное значение приобретает то, откуда та или иная информация поступает, как она формируется и преподносится, распространяется в обществе и доходит до своих адресатов – конкретной социальной или электоральной группы, или, к примеру, граждан других государств. Речь идет, о средствах массовой информации, выступающих не только как инструмент объективной передачи новостей, но и как основной их создатель. Как отмечает М. Маклюэна: «Масс-медиа – это главный посредник между обществом и государством, и в этом заключается их специфика» [1]. В свою очередь, ведущим направлением медийной специфики является – *информационная* функция. На ее основе у граждан формируется мнение о правительстве, партиях, социально-экономической жизни и т.д. К сожалению, за последние годы роль СМИ КР в этом направлении, практически сводилась к агитации и пропаганде уже принятого руководством решения [3, с. 202]. В настоящее время основная роль СМИ не сколько информационная, сколько идеологическая, т.е. СМИ не сколько транслируют информацию, отражая объективное состояние общественных настроений, сколько выступают инструментом, который эти настроения формирует, направляет с помощью преподносимой информации.

Большинство наших средств массовой информации ангажированы, являются рупором каких-то политических взглядов, определенной политической партии или групп и зависят от них финансово. В этом случае они вынуждены выполнять заказы, иначе останутся без работы, без финансирования, их могут закрыть. Это накладывает серьезный отпечаток на их деятельность, и большая часть вообще не имеет возможности сопротивляться тому или иному решению их собственника. Достаточно хорошо известны такие средства массовой информации, особенно это касается газет, которые напрямую принадлежат тем или иным политикам. Естественно, что деньги в СМИ политики вкладывают не просто так. СМИ им нужны для того, чтобы отрабатывать политический интерес. Собственного мнения

в таких СМИ журналисты не имеют и не могут иметь под угрозой увольнения. Почему журналисты не увольняются – потому что чаще всего они не могут найти другую работу. Соответственно, СМИ в данном случае просто не более чем инструмент для решения политических задач. Конечно, в столице, общество имеет возможность получать разную информацию из газет, телевидения, интернета и 30 – 40 % жителей Бишкека могут проверить и получить информацию от первоисточника. Что касается в регионах, то на местах, велика роль телевидения и газет, а там не всегда содержится своевременная и достоверная информация. На периферии люди легче поддаются влиянию, манипуляции со стороны СМИ.

Тем не менее, тот факт, что медиа формируют политические дебаты, имеют серьезное влияние на политический процесс. Лица и месседжи, не представленные в традиционных СМИ, имеют мало шансов снискать поддержку избирателей и становиться маргинализованными.

Если говорить о теме, что с возрастанием роли демократических веяний и ценностей в современном обществе (свобода слова, выбора, активное участие граждан в государственной жизни и их возможность менять расстановку политических кадров государства и пр.) каждому государству необходимо иметь общественную поддержку своих реформ и шагов как во внутренней, так и во внешней политик, неизбежно встанет вопрос о взаимодействии власти и средств массовой информации. По сути, сейчас политику, политическую деятельность можно охарактеризовать как информационную борьбу за воздействие на мнение, суждение политической элиты, социальных групп и международной общественности. Современная политика строится на понимании знаменитого теоретика этногенеза, а именно: поведение человеческих коллективов можно формировать, задавая определенные ориентиры путем тонких психологических манипуляций [4]. Исходя из теории, одной из важнейших функций СМИ является непосредственное влияние на власть, властные структуры. Различные журналистские работы по разоблачению недобросовестных чиновников, сомнительных государственных решений и законопроектов, переданные на суд общественности, дают основание считать, что СМИ действительно способны влиять на государственные органы власти, служа тем самым «рупорам» общественности. Средства массовой информации не только создают событийную картину политической жизни, устанавливают «повестку дня», привлекают внимание к деятельности разных политических авторов, формируют ценностные установки граждан, но и контролируют направленность политической активности различных социальных общностей и групп. Однако реальная практика традиционно имеет свои расхождения с теорией: в современном обществе очевидно наличие взаимодействия государства и средств массовой информации, именно государство выступает заказчиком и контролером информации, распространяемой через СМИ.

Сегодня СМИ никакая не четвертая власть. Это миф, придуманный в начале 1993 году, когда СМИ реально занимали свое ведущее место. Сегодня СМИ – это инструмент власти, около 80 процентов СМИ в Кыргызстане финансируется государством: «Если говорить о региональных и мелких изданиях по всей стране, они полностью существуют на подачки государства, или своих учредителей». Наличие в системе государства такого неотъемлемого компонента, как информационное сопровождения своей деятельности, ни для кого не секрет. Государство и лидеры политических партий весьма часто выступают учредителями различных СМИ и доводят через них, те сведения, которые им необходимы. Сегодня из более чем 1200 изданий КР, регулярно печатаются менее 400; – только 10 процентов СМИ работают в зоне самоокупаемости, остальные зависят от государства и спонсоров [5, с. 187]. Сегодня ученые рассматривают СМИ как важнейший *источник власти,* а политическую систему как объект, погруженный в информационное пространство [2]. Происходит полное переплетение сферы политического и масс-медиа, что позволяет говорить о «медиатизации политики» и формировании «медиаполитической системы» [5]. В Кыргызстане, функция СМИ, как политического института общества, пока обозначена лишь на *уровне потенциала.* Причина – *неразвитость гражданского общества.* В этой связи, именно немногочисленные официальные СМИ выполняют функции выразителя интересов государства и общества. Вместе с тем, определенный старт развитию масс-медиа, как политического института общества, придан основанием ресурсной базы «Freedom House» (открытие во всех областях КР - Центров СМИ). На информационном поле республики стали активно заявлять о себе интернет-ресурсы: – «АКИпресс», «Азаттык», «Кабар», «24.kg», «Diesel» и другие. Новым социальным явлением, во время апрельских событий, стало объединение пользователей интернет-форумов, в частности «Diesel.elcat.kg», с целью обмена информацией по ситуации в столице, создания «народных дружин», оказания помощи пострадавшим, а также о первых и последующих шагах деятельности ВП КР [6]. Важную роль сыграло интернет-пространство, различного рода сетевые сообщества, например, в мае, при раскрутке громких политических скандалов, связанных с «телефонными записями» ряда высокопоставленных политиков и государственных деятелей страны. Безусловно, за каждым средством массовой информации стоит владелец, и если посмотреть на информацию, которую они предоставляют, то понятно, к какому лагерю принадлежит то или иное СМИ. Что можно сделать в этой ситуации? Необходимо добиться от государства ослабления контроля над средствами массовой информации. Диктатура приводит к тому, что средства массовой информации становятся непрофессиональными. Поэтому средства массовой информации должны быть свободны от властей, от государства. СМИ должны быть свободны от своих владельцев. Для этого существует целый ряд механизмов, которые прописаны у нас в

законодательстве. Например, по Закону «О телевидении и радиовещании» во всех без исключения телекомпаниях, не только в государственных и общественных, должны быть созданы наблюдательные советы, 50 процентов членов которых избирается учредителями, а остальные пятьдесят – коллективом. Ни в одной телерадиокомпании, за исключением ОТРК и “ЫнтымаК”, наблюдательных советов нет, в то время как они должны быть по закону у всех. Кроме того, должна быть так называемая редакционная политика, она опять же прописана в Законе «О телевидении и радиовещании», там это названо уставом, но, по сути, – это редакционная политика.

Однако сколь бы потенциально опасны не были последствия государственного информационного воздействия с помощью СМИ, можно, тем не менее, с уверенностью констатировать, что в настоящее время состоялись и окончательно укрепились в арсенале современной политики принципы информационного воздействия, рупором которого выступают средства массовой информации, к которым каждый гражданин обращается сотни раз ежедневно.

Библиографический список

1. McLuhan, M., Fiore Q. The Medium is the Massage, an Inventory of Effects. N-Y. Wired Books. 1996. 160 p.

2. Анохин, М., Павлютенкова, М. Информационно-коммуникативные технологии в политике / М. Анохин, М. Павлютенкова // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 1999. – № 1. – С. 40 – 52.

3. Бурдье, П. Социология политики / П. Бурдье. – М. Socio-Logos. 1993. – 336 с.

4. Гумилев, Л.Н. Горе от иллюзий / Л.Н. Гумилев, В.А. Ермолаев. М., 1992.

5. Засурский, И. Масс-медиа второй республики / И Засурский. – М., Изд-во Московского университета, 1999. – 199 с.

6. Муратов, Р. СМИ КР – на грани профессиональной деградации / Р. Муратов // Белый пароход. – 2006. – 17 марта.

УДК 349.3

Филиппова Э.М., доцент кафедры трудового, социального права и правоведения Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Информационные ресурсы в реализации права на социальное обеспечение

Аннотация. В статье анализируется внедрение информационных систем в систему социального обеспечения Российской Федерации. Одной их новых информационных систем является система ЕГИССО единая госу-

дарственная система социального обеспечения. Автор уделяет внимание проблемам взаимодействия различных государственных органов и учреждений, предоставляющих меры социальной поддержки населению страны.

Ключевые слова: информационная безопасность, единая государственная система социального обеспечения, информационная среда, государственные социальные услуги.

В настоящее время вся система социального обеспечения в Российской Федерации выстроена на принципе адресности, что позволяет более оперативно, с учетом всех индивидуальных особенностей ситуации, а значит и более эффективно предоставлять пакет мер социальной поддержки. Одним из новых инструментов, применяемых при оказании государственных и социальных услуг стало разработка и применение информационных систем. Только за последние 10 лет были разработаны и применены следующие информационные системы:

Единая система межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ) [1]. Данная система создана в целях упорядоченного эффективного межведомственного взаимодействия и обеспечения представления информации в информационную систему органами государственной власти, государственными внебюджетными фондами, организациями, предоставляющими меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иные социальные гарантии и выплаты за счет средств бюджетной системы страны.

Федеральная государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (далее – ЕСИА) [2]. Такая система создана в целях обеспечения предоставления доступа уполномоченным должностным лицам органов (организаций), предоставляющих меры социальной защиты (поддержки), а также пользователям информационной системы.

Федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – ЕПГУ) [3]. Основными задачами портала являются обеспечение доступа заявителей к сведениям о государственных и муниципальных услугах, а также об услугах, предоставленных государственными учреждениями, в том числе и в сфере социального обеспечения [4].

Федеральная государственная информационная система «Единая система нормативной справочной информации» (далее – ЕС НСИ) (Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19 января 2015 г. № 7), цель которой, ведение и актуализация справочни-

ков и классификаторов, используемых при межведомственном электронном взаимодействии.

Достаточно остро встает вопрос о внедрении информационных систем в механизме социального обеспечения России. В настоящее время проходит работа по внесению данных в единую систему ЕГИССО, в полном объеме эта система еще не функционирует. При этом даже на первоначальном этапе возникли первые проблемы. Так, Управление по социальной защите и Пенсионный фонд РФ подошли по разному к выполнению этой задачи. А именно в УСЗН, данные вносят самостоятельно специалисты, работающие в отделах, в ПФР специалисты отделений даже не слышали о такой программе, внесением данных занимается конкретный отдел в областном пенсионном фонде. Возможно, такой подход является более правильным, так как за работу с персональными данными отвечают конкретные специалисты отдела и несут персональную ответственность. В УСЗН специалисты столкнулись сразу с несколькими проблемами. Во-первых, «Сырая» программа, т.е. в программе не учитывается разный подход к условиям, определяющим право на определенный вид социального обеспечения. Так, для назначения субсидии на оплату коммунальных услуг, необходимо знать не только количество иждивенцев, но и в целом количество зарегистрированных на территории жилого помещения, на сегодняшний день такой возможности в программе не предусмотрено. Во-вторых, на сегодняшний день еще четко не сформирована модель взаимодействия органов социального обеспечения между собой. Всю информацию, вносимую в систему ИГИССО, сотрудники могут проследить только в рамках одного учреждения. Так, например, в медицинских учреждениях система ЕГИССО, вообще не предусмотрена. Складывается такое ощущение, что медицинские услуги, вообще не считаются услугами социальными. Это обусловлено, прежде всего, тем, что нет четкого понимания законодателем сути социальной услуги. Социальная услуга установлена Федеральным законом «О социальном обслуживании» и больше ни в одном законе не упоминается. Данным законом социальная услуга, прежде всего, связана с оказанием социального обслуживания. Все другие предоставляемые услуги в социальной сфере, понимаются как государственные услуги. Считаем необходимым все услуги, предоставляемые государственными органами в социальной сфере назвать государственными социальными услугами. На наш взгляд, такой единый подход позволит объединить в одной информационной системе все оказанные социальные услуги конкретному субъекту, что позволит оперативно получать необходимую достоверную информацию о социально-нуждающемся гражданине.

Защита персональных данных является одним и наиболее важных элементов построения информационной безопасности. Персональные данные социально-незащищенных граждан содержатся в многочисленных документах, связанных с социальным обеспечением гражданина и его трудо-

вой деятельностью. Любое распространение таких данных не допускается законодательством, за исключением случаев, прямо указанных в законе.

Законодательство о защите персональных данных относительно молодое, то и правоприменительная практика, в частности в социальной сфере имеет ряд существенных проблем. И одной из самых крупных проблем, является проблема организация информационного пространства для работы с персональными данными социально-незащищенных граждан. Так, например, нормативные правовые акты о порядке работы с персональными данными клиентов, обратившихся в органы, предоставляющие социальное обеспечение до февраля 2017 года вообще отсутствовали. Впервые было издано Постановление Правительства от 14 февраля 2017 года № 181 «О Единой государственной информационной системе социального обеспечения».

Другой немаловажной проблемой является вопрос взаимодействия информационных систем, которые в последнее время появляются «как грибы после дождя». Так для эффективной работы в системе социального обеспечения уже разработано несколько информационных систем.

Существующий перечень информационных систем достаточно обширен, но все же, не охватывает всю систему социального обеспечения. Так, например, имеет обособленную информационную систему, институт медицинского страхования, но в систему ЕГИССО сведения по медицинскому страхованию не поступают. Информационное взаимодействие установлено только между лечебным учреждением и страховой медицинской организацией и фондом обязательного медицинского страхования по вопросам персонифицированного учета застрахованных лиц.

Также ЕГИССО не охватывает социальное обеспечение безработных граждан. В центрах занятости применяется своя информационная система, которая включает в себя несколько информационных подсистем: информационная система по охране труда, ИС по прогнозу баланса трудовых ресурсов, миграционные квоты, профессиональные риски и т.д. В ЕГИССО подается только обезличенная информация о занятости и трудоустройстве инвалидов.

Таким образом, новое законодательство, которое еще не прошло апробацию временем, отсутствие регламента взаимодействия, наличие «сырой программы» не обеспечивает серьезную защиту персональных данных социально-незащищенных граждан. Да, и установленные меры юридической ответственности за разглашение персональных данных не создают серьезный барьер от нарушений права на защиту таких данных.

Считаем необходимым ужесточить меры административного наказания и увеличить штраф для физических лиц до 5 000 рублей, для должностных лиц до 100 000 рублей. Кроме того, в срочном порядке следует разработать единый регламент для всех учреждений социального обеспечения по работе с информационной системой ЕГИССО и взаимодействии подразделений по защите персональных данных социально-нуждающихся граждан.

Библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 38. – Ст. 4823.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2013 г. № 584 «Об использовании федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 30. – Ст. 4108.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 44. – Ст. 6274.

4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.06.2018) Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. – № 168. – 30.07.2010.

СЕКЦИЯ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО»

УДК 347.921

Алексеев А.А., доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Элементы электронного судопроизводства в отечественном гражданском процессе

Аннотация: Электронное судопроизводство является одним из новейших и самых спорных направлений развития современного гражданского процесса. Анализ его отдельных элементов позволил сделать вывод о двойственном характере некоторых процессуальных действий, совершаемых в электронной форме.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронное судопроизводство, процессуальные действия.

Учитывая темпы развития современных цифровых технологий, становится очевидным, что их повсеместное применение – это всего лишь вопрос времени. Не стала исключение в данном случае и сфера юриспруденции, а в частности гражданское судопроизводство. Однако в правовой среде данный процесс порождает множество вопросов, связанных с тем, что устоявшиеся в течение тысячелетий правила стали требовать кардинального пересмотра. Так, нормативные предписания стали во многом опираться на сферу высоких технологий и ее правила. В связи с этим, попробуем в рамках данной работы проанализировать основные элементы, уже сейчас внедренные в современный гражданский процесс России.

Как известно, любое гражданское дело начинается с обращения с заявлением в суд, которое вместе с прилагаемыми документами теперь может быть подано в электронном виде через сайт соответствующего суда (ч. 1.1. ст. 3 ГПК РФ). Кроме того, в данном случае может быть задействован еще и институт электронной цифровой подписи, которая представляет собой вспомогательную электронную информацию, позволяющую идентифицировать лицо, передающее в электронном виде основную информацию (ст. 2 ФЗ «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ). Также электронная цифровая подпись может использоваться для обеспечения доступа заинтересованных лиц к материалам дела. Однако после поступления подобного обращения уполномоченный сотрудник суда должен перевести все электронные документы на бумажный носитель (п. 2.1.4 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде). Последнее вызывает некоторые вопросы, суть которых будет раскрыта далее.

После возбуждения гражданского судопроизводства лица, участвующие в деле, получают возможности отслеживания как его хода, так и его результата. В частности, появившаяся в арбитражном процессе автоматизированная система «Банк решений арбитражных судов» включала в себя информацию более чем по девяти миллионам судебных дел. В ее состав вошли такие подсистемы как «Картотека арбитражных дел», «Календарь судебных заседаний». Кроме того, были созданы «Мобильная картотека арбитражных дел», информационный сервис «Электронный страж», а также сервис подачи в арбитражные суды лицами, участвующими в деле, заявлений и документов в электронном виде. Аналогичные нововведения уже появились и в судах общей юрисдикции. Например, ГАС РФ «Правосудие» на данный момент содержит в себе около восьмидесяти миллионов документов и более двух десятков подсистем.

Достаточно тесно с институтом возбуждения гражданского дела в гражданском процессе связан институт доказывания, где перечень допустимых средств доказывания является закрытым. При этом за исключением использования систем видеоконференц-связи здесь не содержится указания на возможность применения документов и материалов, выполненных в электронном варианте (ч. 1 ст. 55 ГПК РФ). Последнее явно противоречит положениям ГПК РФ, указанным выше. Следует отметить, что подобная проблема отсутствует в российском арбитражном процессе, где допускается использование любых доказательств, соответствующих общим требованиям закона (ч. 2 ст. 64 АПК РФ).

Подобные разночтения можно отчасти объяснить тем, что в ряде случаев речь идет не об электронных материалах и документах, а лишь о форме их предоставления. При этом само доказательство все еще будет относиться к указанным в законе категориям. Например, объяснения сторон, показания свидетелей, опрос эксперта получаются аналогичным образом и в обычном порядке и при использовании средств видеоконференц-связи. Единственным исключением здесь будет являться то, что ряд процессуальных действий будет проводить не суд, рассматривающий дело, а суд, выступающий второй стороной «телемоста» (например, получение расписки о разъяснении возможности наступления уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, дачу заведомо ложных показаний и т.д.).

Аналогичная ситуация складывается и при передаче в суд документов, подготовленных в виде изображений (файлов в формате «pdf»), которые, как уже отмечалось выше, переводятся в суде на бумажный носитель. При этом копию документа, выполненную при помощи копировальной техники, никто никогда не рассматривал как электронный документ, хотя механизм ее исполнения аналогичен (создание электронного образа документа и его перевод на бумажный носитель). Более того, также, как и в случае с обычными копиями документов, предоставление письменных доказа-

тельств в электронном виде часто сопровождается требованием предоставить в суд подлинники (чч. 6, 7 ст. 67 ГПК РФ).

Не вызывает вопросов возможность применения в гражданском процессе аудио-, видеозаписей, предоставляемых на электронных носителях (картах памяти, жестких дисках, CD-дисках и т.д.). Если же аналогичный способ предоставления доказательств использовать для письменных материалов, то в вопросе об их правовой природе мнения ученых разделяются [1, с. 85 – 98; 3, с. 116 – 124].

Определенное влияние новые технологии оказали и на перечень источников гражданского процессуального права, среди которых согласно ч. 1 ст. 1 ГПК РФ традиционно рассматривались Конституция РФ, Федеральные конституционные и Федеральные законы РФ. Однако требования к исполнительным документам (в том числе судебным приказам), составленным в электронной форме, теперь определяются Постановлениям Правительства РФ от 20 октября 2015 г. № 1121 «Об утверждении требований к форматам исполнительных документов, вынесенных и (или) направляемых для исполнения в форме электронного документа»). Возможность извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания при помощи СМС-извещений, было введено п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

И наконец, самым спорным вопросом в рамках электронного судопроизводства, на наш взгляд, является применение искусственного интеллекта для осуществления правосудия. В данном случае возникают вопросы о его статусе (субъект или объект), о степени его участия в отправлении правосудия (советник для судьи или автор судебных актов) и т.д.

Например, согласно пп. б) п. 7) ст. 2 проекта ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
№ 426094-7 от 26.03.2018 г. вопрос о составе суда для конкретного гражданского дела уже решается в некоторых судах не человеком, а автоматизированной информационной системой. В данном случае на речь идет лишь технических функциях (распределение дел между судьями), не относящихся к сфере правосудия, однако это только первый шаг на пути к автоматизации гражданского процесса.

Успешные примеры применения специализированного программного обеспечения в сфере юриспруденции уже существуют в США, где отдельные судьи используют для вынесения своих решений рекомендации, полученные с его помощью. В Европе искусственный интеллект смог правильно разрешить около восьмидесяти процентов дел, уже рассмотренных Европейским судом по правам человека [2]. В США в отношении актов Верховного суда результат составил около семидесяти процентов [5]. В России ПАО «Сбербанк» с 2016 года начал переход от реальных юристов к специ-

альному программному обеспечению, предназначенному для подготовки типовых процессуальных документов (иски, заявления и т.д.) [4].

Таким образом, не все процессуальные действия, совершаемые с помощью современных технологий в российском гражданском процессе на данный момент можно отнести к категории «электронное судопроизводство», поскольку некоторые из них меняют лишь форму, сохраняя свою правовую природу (предоставление копии письменных доказательств в электронном виде, использование видеоконференц-связи и т.д.). С другой стороны, становиться все больше элементов, имеющих исключительно цифровую форму (электронная цифровая подпись, направление исполнительных документов в ФССП в электронном виде и т.д.), что явно очерчивает одно из основных направлений развития отечественного гражданского судопроизводства.

Библиографический список

1. Боннер, А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из интернета // Закон. – 2007. – № 12. – С. 85 – 98.

2. В США на помощь судьям пришел искусственный интеллект. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1921340 (дата обращения 26.08.2018).

3. Смолина, О.С. Электронные документы как доказательства в арбитражном процессе // Журнал российского права. – 2012. – № 10. – С. 116 – 124.

4. Узбекова, А. Сбербанк сократит 3 тысячи рабочих мест из-за робота-юриста. URL: https://rg.ru/2017/01/12/sberbank-sokratit-3-tysiachi-rabochih-mest-iz-za-robota-iurista.html (дата обращения: 25.08.2018).

5. Цветкова, И. Искусственный интеллект в суде, боты-юристы и краудфандинг правовых споров – как начинается LegalTech-революция. URL: https://rb.ru/opinion/legaltech (дата обращения 26.08.2018).

УДК 340:004.9

Андрияшко М. В., старший научный сотрудник кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Становление правового регулирования информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь

Аннотация. В статье осмысляются этапы развития правового регулирования информатизации и последовавших за ней информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в Республике Беларусь, а также предпринимается попытка определить место человека в этой новой системе отношений.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, информатизация, дигитализация, человек в информационных отношениях.

Республика Беларусь по оценке Международного союза электросвязи и ООН по итогам 2017 года относится к группе стран с высокой динамикой развития ИКТ, непосредственно следующих за лидерами, занимая 55 место по индексу развития электронного правительства ООН из 193 стран мира (64 место в 2010 году) и 38 место из 152 стран по итоговому индексу развития ИКТ (52 место в 2011 году) [15; 1].

Достижение высокого результата является ожидаемым, так как еще в 2002 г. Концепцией совершенствования законодательства, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 «О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь» [8], предусматривалось, в частности, внедрение правовой информатизации как способа совершенствования нормотворческой деятельности. Указанное аргументировалось огромным значением для совершенствования нормотворческой деятельности системного подхода к анализу законодательства, проводимому с целью выявления пробелов в правовом регулировании, коллизий нормативных правовых актов, который наиболее полно и эффективно может быть реализован только посредством внедрения в правовую сферу достижений информатизации [8].

В последующем в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон № 455-З) [4], определен понятийно-категориальный аппарат (так, в соответствии с пунктом одиннадцатым статьи 1 Закона № 455-З под информатизацией понимается организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений), а также заложены основы регулирования ряда общественных отношений, возникающих при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и предоставлении информации, а также пользовании информацией; создании и использовании информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, формировании информационных ресурсов; организации и обеспечении защиты информации.

Роль ИКТ как необходимого инструмента социально-экономического прогресса и ключевого фактора инновационного развития экономики отмечалась в Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 [11]. В качестве факторов развития информационного общества Стратегия предполагала: совершенствование государственной информационной политики, развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструк-

туры; развитие человеческого капитала; укрепление доверия и безопасности при использовании ИКТ; развитие национальной информационной индустрии и научных исследований; расширение международного сотрудничества и интеграцию в мировое информационное пространство.

В последующем в связи с принятием Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере ИКТ на 2011 – 2015 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 г. № 384, приоритетной задачей определялась реализация базовых электронных услуг для населения, «т.е. согласно экспертной классификации терминов электронного правительства – Government to Citizen или G2C» [14, с. 104].

Следующие стратегические шаги на пути государственной информатизации закреплены Государственной программой развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 [5], целью которой является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационной инфраструктуры, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства.

В то же время человек, являясь участником информационных отношений – отношений, возникающих при поиске, получении, передаче, сборе, обработке, накоплении, хранении, распространении и предоставлении информации, пользовании информацией, защите информации, а также при применении информационных технологий (пункт семнадцатый статьи 1 Закона № 455-З) [4], редко попадает в поле зрения исследований воздействия информационных технологий на повседневные стороны его жизни.

При этом, как отмечают В. В. Слюсарев и Т. М. Хусиянов, «информатизация и дигитализация затрагивают самые разные сферы его жизни» [12, с. 146], и человек «на своем микроуровне сталкивается с не меньшими трудностями и вызовами, чем государство и экономика» [12, с. 146] благодаря «большому проникновению информационных технологий в повседневную жизнь – развитию искусственного интеллекта, Интернета вещей, технологии блокчейна и Big Data» [12, с. 146].

Также сложно не согласиться с высказанным философами мнением о том, что «трансформационные процессы и становление цифровой экономики, нарастающие процессы автоматизации и дестандартизации труда приводят к изменению требований к самому работнику – человеку» [12, с. 146]. В таких условиях человек вынужден «догонять» происходящие изменения, постоянно обновлять знания, навыки, умения, отказываться от профессии и приобретать новую, ставшую востребованной, вслед за чем – «расширение спектра своих знаний, формирование транспрофессионала» [12, с. 146].

В таких условиях формируется запрос на образование в течение всей жизни, возможности удовлетворения которого предусматриваются государственными программами. Так, согласно программе Комплексной информатизация системы образования Республики Беларусь на 2007 – 2010 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 марта 2007 г. № 265 среди прочих результатов ее реализации предусматривалось формирование информационной культуры личности и ее готовности к непрерывному образованию [7]. Концепцией развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года, утвержденной Министром образования Республики Беларусь от 31 августа 2017 г. [3] информатизация юридического образования и усиление роли ИКТ в обеспечении процесса образования обозначены в качестве одной из современных тенденций развития юридического образования, результативности которого должно способствовать, среди прочего, повышение уровня информатизации процессов юридического образования, соответствующего современному состоянию и тенденциям развития информатизации государства и правовой системы, на основе использования государственных информационно-правовых ресурсов.

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий» (далее – ПВТ) [9] для разработки в Республике Беларусь программного обеспечения, информационно-коммуникационных, иных новых и высоких технологий, направленных на повышение конкурентоспособности национальной экономики создан Парк высоких технологий, основными направлениями деятельности которого определены содействие кадровому обеспечению инновационного развития национальной экономики, развитие образования в сфере ИКТ, а также экспорт ИКТ и иных новых и высоких технологий; формирование институциональной среды, стимулирующей инновационную деятельность, в том числе содействие развитию системы венчурного финансирования, развитие стартап-движения.

Впоследствии в целях развития ПВТ, инновационной сферы и построения современной цифровой экономики в Республике Беларусь принят Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [10], которым установлено продление до 1 января 2049 г. срока действия специального правового режима ПВТ и резидентам ПВТ предоставлено право на осуществление образовательной деятельности в сфере ИКТ; деятельности в сфере киберспорта (включая подготовку киберспортивных команд, организацию и проведение соревнований, организацию их трансляций); деятельности в сфере искусственного интеллекта, создания систем беспилотного управления транспортными средствами.

В условиях стремительно развивающихся инновационной сферы, ИКТ, индустрии нанотехнологий [6], острыми остаются многие вопросы, касающиеся собственно человека в этих отношениях, его способности

адаптироваться и поспевать за технологиями, сохранять в человеке человечность. Ведь сокращение работников в различных сферах в связи с процессами автоматизации повлекло, в частности, уменьшение сотрудников банков и увеличение количества банкоматов, развитие Интернет-банкинга; дифференцированность сферы занятости в пространстве повлекла рост атипичных форм занятости, снижение защищенности труда и увеличение объемов работ, выполняемых посредством фриланса или аутсорсинга. Кроме этого, согласимся с мнением о том, что «проникновение технических средств существенно ограничивает свободу личности. … человек оказывается в тесном контакте с техникой, которая способна не только обрабатывать и хранить его личные данные и запросы, но и передавать их государству, бизнес-структурам или злоумышленникам» [12, цит. по 2].

Как отмечает профессор В.Я. Цветков «Применение интеллектуальных методов в управлении значительно увеличит адаптивность, автономность, эффективность, функциональность, надежность, безопасность и юзебилити кибер-физических систем в управлении, включая предотвращение нежелательных ситуаций» [13, с. 59]. Вместе с тем техническая реальность, сделав стремительный рывок вперед, приобретая автономность, несоразмерно опережает реальность человеческую. Этот отрыв обнаруживает себя в правовом регулировании бытовых сфер жизнедеятельности человека: досуг, образование, трудоустройство, и другие.

Библиографический список

1. Беларусь поднялась на 38-е место в рейтинге ООН по уровню развития электронного правительства [Электронный ресурс]: Официальный сайт Белорусского телеграфного агентства, 1999 – 2019. – Режим доступа: https://www.belta.by/tech/view/belarus-podnjalas-na-38-e-mesto-v-rejtinge-oon-po-urovnju-razvitija-elektronnogo-pravitelstva-311561-2018/. – Дата доступа: 10.03.2019.

2. Благовещенский, А. Урок Цукерберга. Чему лично вас учит последняя утечка данных из Facebook / А. Благовещенский // Российская газета. – 2018. – № 7529 (66).

3. Концепция развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Министр образования Респ. Беларусь, 31 авг. 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.05.2016, № 362-З // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 17.05.2016. – 2/2360.

5. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016 – 2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта

2016 г., № 235; в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 22.03.2017, № 215 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 28.03.2017. – 5/43498.

6. Об утверждении Концепции формирования и развития наноиндустрии в Республике Беларусь и плана мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: постановление Совета министров Респ. Беларусь, 18 февр. 213 г., № 113 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 26.02.2013. – 5/36912.

7. Об утверждении программы «Комплексная информатизация системы образования Республики Беларусь на 2007 – 2010 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 марта 2007 г., № 265 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 67. – 5/24853.

8. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636.

9. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12; в ред. Декрета президента Респ. Беларусь от 21.12.2017, № 8 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 27.12.2017. – 1/17415.

10. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 27.12.2017. – 1/17415.

11. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 197. – 5/32317.

12. Слюсарев, В. В., Хусиянов, Т. М. Цифровая революция и экзистенциональный кризис личности / В. В. Слюсарев, Т. М. Хусиянов // Век глобализации. – 2018. – № 4 (28). – С. 145 – 151.

13. Цветков, В.Я. Управление с применением кибер-физических систем / В.Я. Цветков // Перспективы науки и образования. – 2017. – № 3 (27). – С. 55 – 60.

14. Шавво, Н.А. Веб-сервисы на государственной службе / Н.А. Шавво, Д.Н. Нагорный, Р.С. Павлов // Проблемы управления. – 2013. – № 3 (48). – С. 104 – 109.

15. «Электронная Беларусь» и е-правительство [Электронный ресурс]: e-Gov.by, 2019. – Режим доступа: http://e-gov.by/zakony-i-dokumenty /strategiya-razvitiya-informatizacii-v-respublike-belarus-na-2016-2022-gody. – Дата доступа: 10.03.2019.

УДК 347.232

Береговая Т.А., доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Особенности искусственного земельного участка как объекта гражданских прав

Аннотация. В статье анализируются особенности правового режима искусственно возводимых земельных участков, проводится разграничение понятий недвижимости, земельного участка, искусственно созданного земельного участка. Обсуждается особенности вещных прав титульных владельцев на искусственно возведённый земельный участок.

Ключевые слова: искусственный земельный участок, гидротехническое сооружение.

Создание искусственно возведённых территорий имеет уже продолжительную историю не только в разных странах с ограниченными территориально-земельными ресурсами, но в России.

Ещё по приказу Петра I в Азовском море был отсыпан остров Черепаха, который имел овальную форму и был морской цитаделью. Позже она была разрушена, а от острова остались только неявные очертания во время отлива. В СССР первый искусственный остров был возведён ещё до великой отечественной войны в Каспийском море в районе Махачкалы, на нем располагался пороховой склад. И сегодня в России активно идёт создание искусственных земельных участков. Так, в Керченском проливе были созданы насыпные дамбы во время строительства Крымского моста. Тузлинская коса, которая идет от Тамани в сторону Керчи – это во многом искусственное сооружение. Когда строили Керченский мост, коса расширялась, досыпалась и видоизменялась.

С 2006 года в Санкт-Петербурге началось расширение западной части Васильевского острова в устье реки Невы. Со временем площадь новых территорий острова составит около 476 га. Проект под названием «Морской фасад» является одним из крупнейших в мире проектов по освоению прибрежной территории. В Кольском заливе Баренцева моря будут созданы четыре искусственных острова. На них будет функционировать Центр строительства крупнотоннажных морских сооружений, где создадут комплексы по морской добыче полезных ископаемых [1].

Много и других менее масштабных проектов возведения искусственных земельных участков, например, такой создан в Челябинске в акватории, примыкающей к левому берегу реки Миасса в границах улиц Береговая и Братьев Кашириных. Расширить береговую территорию потребовалось для строительства и дальнейшей эксплуатации общественно-делового

центра («Конгресс-холл») с объектами благоустройства, включая набережную к саммитам ШОС и БРИКС, – крупные международные мероприятия пройдут в южноуральской столице в 2020 году [2].

Создание намывных территории, искусственных островов и земельных участков (в техническом смысле) и их формирование (в юридическом смысле), направлено на создание нового объекта гражданских прав, который одновременно обладает признаками как недвижимости – земельного участка, так и природного объекта.

Специальный закон № 246-ФЗ «Об искусственных земельных участках» [3], принятый в 2011 году практически отрегулировал публично-правовой порядок создания такого объекта. Однако не в полной мере ответил на вопрос о правовом статусе искусственного земельного участка. В соответствии с нормами данного нормативного акта, такой объект может быть признан гидротехническим сооружением, а может – частью территории населенного пункта.

Исходя из вышесказанного, искусственный земельный участок после завершения его возведения де-факто можно признать природным объектом, в том числе и потому, что главная цель создания подобных объектов – это дальнейшее осуществление застройки созданной новой территории.

Однако может быть и противоположный итог. Если по результатам технических экспертиз будет сделан вывод о том, что проект искусственного земельного участок не может быть признан природным объектом, но он отвечает требованиям строительных регламентов, то данное сооружение может быть только объектом капитального строительства. В таком случае искусственно созданная земельная территория может быть признана гидротехническим сооружением. На нём возможна будет возведение и размещение только временных построек и иных сооружений, не относящихся к объектам капитального строительства [4, с. 131].

К.Ф. Бар характеризуя земельный участок, говорит, что его зачастую называют недвижимой вещью, что является не верным утверждением. Земельный участок является результатом научной доктрины, основанной на юридическом воображении; в этом смысле он представляет собой идеальную (а не реальную) конструкцию. Часто для описания оборотоспособности земельного участка используют неточную характеристику его как недвижимости. Земельный участок становиться объектом гражданских прав не потому, что он неподвижен, а потому что современный правопорядок создаёт для него режим объектоспособности и регулирует установление гражданских прав на него, в частности права собственности [5, с. 113].

Значительная часть юристов полагает, что понятия недвижимости и земельного участка равнозначны, однако в контексте исследуемой темы, считаем, эти понятия разные. Ни термин «земля», ни «недвижимость» не отвечают на вопрос – что является объектом исключительного права обладания землёй. Термин «недвижимость» является слишком общим, сущест-

вует множество объектов, которые относятся к недвижимости, но при этом земельными участками не являются. В этой связи вызывает особый интерес правовой режим искусственного земельного участка.

На наш взгляд, специальный закон решил вопрос о статусе искусственного земельного участка. На стадии возведения его можно рассматривать как гидротехническое сооружение. В соответствии со ст. 130 ГК РФ сооружение являться объектом недвижимости, а в соответствии с Градостроительным законодательством – объектом капитального строительства. Проанализировав процедуру создания искусственного земельного участка, можно отметить, что она содержит все необходимые стадии, как и для возведения обычного крупного объекта капитального строительства, начиная с подготовки проекта создания искусственного земельного участка на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, заканчивая разрешением на ввод в эксплуатацию. Однако завершающим этапом являются проведение кадастровых работ, в результате которых искусственный земельный участок подлежит кадастровому учету и регистрации прав на новый объект.

Представляется, что с технологической точки зрения процесс создания искусственного земельного участка следует считать капитальным строительством, а с точки зрения последующего учёта как объекта гражданских прав – признавать земельным участком со всеми ему присущими характеристиками.

Предназначенность возведенного искусственного земельного участка разнообразна. Данный объект может стать объектом социально-культурного развития населенного пункта, выступить фундаментом для дальнейшего строительства различных объектов, быть основанием для добычи полезных ископаемых. Всё это обусловливает необходимость установления различных пределов прав собственника такого участка, и дополнительных требований технической, экологической, санитарной безопасности.

Процесс создания и дальнейшей эксплуатации искусственного земельного участка предполагает применение различных сфер правового регулирования. Это земельное, гражданское, градостроительное, водное, лесное законодательство. Возникает необходимость урегулирования правового режима данного участка положениями частноправового и публично-правового законодательства, также дополнительным включением норм, которые бы отражали всю специфику соответствующей сферы общественных отношений. Следовательно, титульные владельцы искусственных земельных участков должны будут осуществлять свои права на основе не только гражданского законодательства, но и знать и соблюдать пределы осуществления прав собственника такого участка и дополнительных требований экологического, водного, лесного законодательств.

Библиографический список

1. Новая суша: для чего в России используются искусственные острова [электронный ресурс]. URL: // https://russian.rt.com/russia/article/400940-rossiia-iskusstvennye-ostrova.

2. В центре Челябинска завершается работа по формированию искусственного острова [электронный ресурс]. URL: https: //dostup1. ru/ search/ ? text=&date_since=&date_till=&sub[]=85.

3 Федеральный закон Российской Федерации «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2011 № 246-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

4. Новицкая, А.А. Создание искусственных земельных участков в границах водных объектов, находящихся в федеральной собственности. Предложения по совершенствованию законодательства // Закон. – № 12. – 2011. – С. 129 – 137.

5. Кристиан, Фон Бар. Для чего нужно понятие земельного участка (grundsuck) и что это такое? О сложностях установления содержания понятия «вещь» в европейском вещном праве // Вестник гражданского права. – № 5. – 2018. – том 5. – С. 113 – 138.

УДК 347.44

Гурова Э.А., ассистент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского университета

Особенности правового положения кредитора как слабой стороны в отдельных обязательствах

Аннотация. В статье рассматривается правовое положение потребителя как кредитора по обязательству, возникающему в рамках потребительского договора. При этом отмечается, что понятие «потребитель» может пониматься в узком и широком смыслах. Права потребителя-гражданина как слабой стороны обязательства нуждаются в специальных механизмах защиты (гарантиях и преимуществах), что является необходимым для полноценной реализации принципа равенства.

Ключевые слова: потребитель, слабая сторона, потребительский договор, кредитор, должник, кредиторские обязанности.

Обеспечение баланса интересов сторон гражданско-правового обязательства является важнейшей задачей законодателя в условиях рыночной экономики. Указанная задача решается, в частности, посредством провозглашения в законе принципов, на основании которых должны строиться

все гражданско-правовые отношения. Основными началами гражданского законодательства, как известно, являются признание равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Однако в случаях, когда одна из сторон гражданско-правового обязательства является «слабой», формального признания юридического равенства сторон может быть недостаточно, и для наиболее полной реализации этого принципа необходимо предоставление некоторых преимуществ экономически слабой и зависимой стороне.

Согласно Закону Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[1] (далее – Закон о защите прав потребителей) под потребителем понимается гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. При этом в иных нормативных правовых актах, в частности, в ГК РФ понятие «потребитель» включает в себя не только физических, но и юридических лиц. Так, в отношении ст. 426 ГК РФ о публичном договоре Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»[2] разъяснил, что для целей применения указанной статьи под потребителями понимаются не только физические лица, но и индивидуальные предприниматели и юридические лица различных организационно-правовых форм. Широкое понимание понятия «потребитель» поддерживается и в литературе [1, с. 27–28; 2, с. 254].

Согласимся с тем, что потребителями (в широком смысле) могут быть любые физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, а также юридические лица как заказчики (приобретатели) каких-либо товаров, работ, услуг, но в таком случае не каждый потребитель будет являться слабой стороной в соответствующем обязательстве.

В связи с этим полагаем, что Закон о защите прав потребителей оправданно распространяет свои специальные защитные механизмы только на потребителей – физических лиц в целях обеспечения их защиты как слабой стороны в обязательствах с контрагентами – профессиональными участниками рынка (изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами и пр.).

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.

Стоит заметить, что основным статусом потребителя как заказчика (приобретателя) товаров, работ, услуг является статус управомоченной стороны, следовательно, вопрос о потребителе как о слабой стороне гражданско-правового обязательства можно рассматривать через призму правового положения основного кредитора по потребительскому договору. При этом согласимся с тем, что само по себе правовое положение кредитора или должника не является достаточным для признания стороны обязательства слабой стороной: для этого требуется комплексный анализ правового положения сторон в каждом конкретном обязательстве и оценка реальных возможностей одной из сторон оказать влияние-принуждение на другую [5, с. 16 – 17]. Однако отметим, что потребитель (в смысле Закона о защите прав потребителей) проявляет свою «слабость» именно как лицо, управомоченное на получение товара, работы, услуги (т.е. как кредитор), а не обязанное их оплатить.

«Слабость» одной из сторон обязательства может быть обусловлена тем, что ее контрагент находится в более благоприятном имущественном, профессиональном и информационном положении, в силу чего у последнего есть возможности навязывания слабой стороне обременительных и заведомо невыгодных условий договора, и поэтому слабая сторона нуждается в дополнительных правовых гарантиях [5, с. 16].

Как точно заметил А.Я. Рыженков, признание одного из участников правоотношения экономически слабой стороной влечет за собой нормативное и индивидуальное последствия. Нормативное последствие состоит в установлении законом в отношении слабой стороны некоторых преимуществ (привилегий) по сравнению с экономически сильной стороной, а индивидуальное – в том, что договор, предусматривающий невыгодные для экономически слабой стороны условия, может быть признан недействительным [4, с. 15].

Индивидуальное последствие законодательно подкреплено ст. 16 Закона о защите прав потребителей о недействительности условий договора, ущемляющих права потребителя, и п. 2 ст. 400 ГК РФ о ничтожности соглашения об ограничении размера ответственности должника по договору присоединения или иному договору, в котором кредитором является гражданин, выступающий в качестве потребителя.

Нормативное последствие выражается, в частности, в том, что законодатель допускает компенсацию морального вреда, причиненного потребителю, независимо от возмещения имущественного вреда и понесенных потребителем убытков (ст. 15 Закона о защите прав потребителей).

Также в литературе отмечается, что зачастую потребитель является слабой стороной из-за отсутствия у него необходимой информации о предлагаемом ему продукте (работе, услуге), прежде всего, о его качественных характеристиках, в связи с чем информационная составляющая в отношениях с потребителем становится ключевой [3].

Особое внимание исполнению обязанности по предоставлению потребителю информации об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах) уделяется и в Законе о защите прав потребителей (стст. 8 – 11), в том числе посредством установления ответственности изготовителя (исполнителя, продавца, владельца агрегатора) за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге) (ст. 12).

Кроме того, в целях уравновешения положения сторон законодателем может быть предусмотрен перенос обязанности со слабой стороны на сильную. Если говорить о кредиторе-потребителе, то здесь речь идет о некоторых обязанностях, которые при равном положении сторон являются кредиторскими.

Так, согласно ст. 543 ГК РФ по договору энергоснабжения на абоненте как на кредиторе, управомоченном на получении энергии, лежит обязанность по обеспечению надлежащего технического состояния и безопасности эксплуатируемых энергетических сетей, приборов и оборудования. Исключением из данного правила является абонент-гражданин, использующий энергию для бытового потребления. По причине возможного отсутствия у гражданина-потребителя специальных знаний и навыков, необходимых для обеспечения надлежащего технического состояния и безопасности энергетических сетей, а также приборов учета потребления энергии, эта обязанность возлагается на энергоснабжающую организацию, т.е. переносится с кредитора на должника.

Помимо этого, защита кредитора как слабой стороны проявляется в установлении ответственности изготовителя (исполнителя, продавца) за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя в связи с использованием материалов, оборудования, инструментов и иных средств, необходимых для производства товаров (выполнения работ, оказания услуг), *независимо от того*, позволял уровень научных и технических знаний выявить их особые свойства или нет (п. 4 ст. 14 Закона о защите прав потребителей).

В то же время на потребителя могут быть возложены и некоторые кредиторские обязанности, неисполнение которых может являться основанием для освобождения изготовителя (исполнителя, продавца) от ответственности. Зачастую такие обязанности прямо законом не установлены, а их возложение на кредитора предполагается или вытекает из других норм.

Так, например, согласно п. 3 ст. 7 Закона о защите прав потребителей, если для безопасности использования товара (работы, услуги), его хранения, транспортировки и утилизации необходимо соблюдать специальные правила, изготовитель (исполнитель) обязан указать эти правила в сопроводительной документации на товар (работу, услугу), на этикетке, маркировкой или иным способом, а продавец (исполнитель) обязан довести эти правила до сведения потребителя. При этом в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу потребителя, если будет доказано, что та-

кой вред был причинен вследствие нарушения потребителем установленных правил использования, хранения или транспортировки товара (работы, услуги), изготовитель (исполнитель, продавец) освобождается от ответственности (п. 5 ст. 14 Закона о защите прав потребителей).

Из указанных норм вытекает обязанность потребителя по соблюдению соответствующих правил использования, хранения или транспортировки товара (работы, услуги), которая является кредиторской и должна исполняться, несмотря на прекращение обязательства надлежащим исполнением (товар передан покупателю, необходимые сведения предоставлены).

Таким образом, потребитель в смысле Закона о защите прав потребителей является слабой стороной в отношениях с изготовителями, исполнителями, продавцами и иными профессиональными участниками потребительского рынка. В связи с этим в целях обеспечения реализации принципа равенства участников соответствующего правоотношения законодатель предоставляет потребителю дополнительные гарантии для защиты его прав и интересов. В то же время наличие у потребителя как у слабой стороны некоторых преимуществ не означает освобождение его от исполнения тех кредиторских обязанностей, для исполнения которых не требуется наличие специальных знаний и умений.

Библиографический список

1. Белов, В.А. Правовая сущность понятий «потребитель» и «слабая сторона» в гражданских правоотношениях // Lex Russica. – 2018. – № 6 (139). – С. 26 – 44.

2. Брагинский, М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения – 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 850 с.

3. Кирилловых, А.А. Информационные обязанности предпринимателя: некоторые проблемы реализации права потребителя на информацию // Право и экономика. – 2018. – № 10 / Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

4. Рыженков, А.Я. Принцип защиты экономически слабой стороны в предпринимательских правоотношениях // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 13 – 16.

5. Синицын, С.А. Защита интересов слабой стороны договора: исключение из принципа относительности договорных обязательств как проявление тенденции социализации в развитии современного гражданского законодательства? // Адвокат. – 2015. – № 10. – С. 14 – 21.

УДК 347.261

Демежанова С.М., докторант Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова

Актуальные вопросы гражданского процесса по спорам права интеллектуальной собственности

Аннотация: в статье рассматриваются особенности состава участников гражданского дела по делам о нарушении прав интеллектуальной собственности. Автором для систематизации материала была предпринята попытка разделить участников на группы, предложены рекомендации по совершенствованию законодательства путем соответствующей специализации судей.

Ключевые слова: автор, правообладатель, патентообладатель, патент, интеллектуальная собственность, участники гражданского процесса.

Субъекты гражданских процессуальных правоотношений, возникающих в связи с рассмотрением дела в суде, являются участниками судопроизводства. Гражданский процессуальный кодекс РК не содержит перечень участников гражданского процесса, а называет лишь состав лиц, участвующий в деле.

Вопросы участия гражданского процесса в целом достаточно полно изучены, тем не менее, конкретизируя специфику спора о праве интеллектуальной собственности, сложно сразу перечислить всех возможных субъектов процесса. В казахстанской юриспруденции данной теме отводится несправедливо мало внимания. Отсюда следует, что новизна и актуальность тема требует более подробного изучения в силу своей актуальности и относительной новизны.

Таким образом, считаем целесообразным выявить состав участников гражданского процесса по спорам о праве интеллектуальной собственности и разделить их на основные группы.

Гражданский кодекс Республики Казахстан трактует право интеллектуальной собственности в субъективном смысле, главном образом, в качестве элемента гражданской правоспособности (ст. 964 ГК РК). Важнейшей составной частью содержания правоспособности граждан является обладание правом интеллектуальной собственности относительно изобретений, произведений науки, литературы и искусства, иных результатов интеллектуальной деятельности [1]. При нарушении такого права гражданин может обратиться в суд с исковым заявлением в адрес «нарушителя». После принятия заявления судьей и начала судебного разбирательства формируется состав участников гражданского процесса, которые могут изменяться в ходе рассмотрения дела.

Необходимо предпринять попытку разделить участников процесса условно на три группы.

К первой группе можно отнести суд.

Интересы суда – центрального участника гражданского процесса не должны противоречить интересам других субъектов дела, следовательно, его задача – способствовать осуществлению прав всех участников гражданского процесса. Правовое положение суда таково, что им осуществляется руководство ходом процесса, определяются и направляются действия лиц, которые участвуют в деле, гарантируется выполнение и осуществление ими их процессуальных прав и обязанностей, выносятся судебные постановления, разрешается материально-правовой спор по существу, а, значит, осуществляется защита нарушенного права сторон. Руководящая роль суда в гражданском процессе определяется содержанием тех норм гражданского процессуального права, которые он применяет при рассмотрении споров.

Вторая группа участников гражданского процесса включает в себя лиц, участвующих в деле, заявляющие самостоятельные требования.

В гражданском процессуальном законодательстве не указан общий перечень лиц, участвующих в деле, а дан только общий состав лиц, которые участвуют в процессе. В соответствие с ст. 46 ГПК РК, лица, участвующие в деле, – это стороны (истец и ответчик); прокурор; третьи лица; органы государственного управления. Остановимся подробнее на тех, кто может выступить в качестве истца: автор, иной правообладатель, патентообладатель [2].

Автор – это исключительно физическое лицо, творческий труд которого привел к созданию произведения, объекта интеллектуального права, самостоятельно или в соавторстве. Правообладатель – это либо сам автор, который получил авторское право или организация, у которой появились исключительные авторские права по договору отчуждения либо произведение создавалось по служебному заданию. Правообладатель также может быть юридическим лицом [3].

Патентообладатель – это чаще всего автор изобретения, полезной модели или промышленного образца. Никто не имеет право использовать запатентованные изобретение, полезную модель или промышленный образец без получения разрешения патентообладателя [4].

В качестве истца также может выступить переводчик. В законодательстве многих развитых стран переводчики обладают авторским правом вместе с правами авторов оригинальных произведений, законодательство нашей страны не исключение. Перевод текста является творческим процессом и своего рода «производный» объект авторского права. Следовательно, переводчик – это автор нового произведения, а перевод относится к объектам интеллектуальной собственности.

Автор, правообладатель, патентообладатель, переводчики вправе предъявлять требования о прекращении действий, которые нарушают их

право (к примеру, запретить производство изделий, которые изготовляются при нарушении прав патентообладателя). Также есть случаи нарушения личных неимущественных прав автора изобретения. В таком случае характерные способы защиты нарушенных прав – требование о прекращении нарушения права, компенсация морального вреда.

Третьим лицом может выступить, например, Казахстанское авторское общество. Казахстанское авторское общество по роду своей деятельности – организация по управлению имущественными правами авторов на коллективной основе, а по организационно-правовой форме – республиканское общественное объединение. Основная функция организации: руководство имущественными правами авторов – выдача от имени авторов разрешений на использование их произведений, сбор, распределение и выплата собранного авторского вознаграждения.

Так, 06 марта 2012 года в городе Шымкенте Специализированный межрайонный экономический суд Южно-Казахстанской области рассмотрел иск РОО «Казахстанское авторское общество» в адрес ИП Ирисметова Г., хозяина ресторана «Павлин», о незаконном использовании музыкальных произведений авторов – членов КазАК, через публичное исполнение. В результате рассмотрения иска, суд вынес решение об удовлетворении исковых требований КазАК и взыскал с ответчика ИП Ирисметова Г. компенсацию в размере 1 794 240 тенге в пользу казахстанских авторов [5].

К третьей группе мы отнесли лиц, которые участвуют в процессе не с самого начала, а вступили в уже текущий процесс. Характер заинтересованности может быть двух видов: лица, которые заявляют самостоятельные требования касаемо предмета спора, и третьи лица, которые не заявляют самостоятельные требования на предмет спора.

Гражданские дела по спорам интеллектуальной собственности обладают ярко выраженной спецификой. Исходя их вышесказанного, мы бы рекомендовали создание специализированного суда или «специализированных судей» в данном деле для обеспечения правильного и справедливого их разбирательства. Так, для рассмотрения подобных дел необходимы специальные правовые и технические познания, что обуславливает необходимость особой юридической подготовленности судей. Следует согласиться с мнением тех судей, которые полагают, что опыт в рассмотрении таких дел, досконально знание законодательства в определенной области права могут быть достигнуты лишь при регулярном рассмотрении споров данной категории дел. По образному выражению одного из представителей руководства высших судебных инстанций, дела в сфере интеллектуальной собственности являются «высшей математикой в праве» [5]. Другими словами, судебные разбирательства в области интеллектуальной собственности являются трудоемкими, требуют много времени и специальных знаний, поэтому для обеспечения высокого профессионального уровня рассмотрения подобных дел необходима хотя бы соответствующая специализация судей.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что участниками гражданского процесса в спорах по делам интеллектуальной собственности могут быть любые субъекты, допускаемые нормами гражданского процессуального права. Таким образом, каждая группа участников гражданского процесса по спорам права интеллектуальной собственности обладает своими специфическими функциями и являются неотъемлемой частью судебного разбирательства по делу.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.01.2019 г.) [Электронный ресурс]: Online-zakon. – URL: http://online.zakon.kz

2. Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.0.2019 г.) [Электронный ресурс]: Online-zakon. – URL: https://online.zakon.kz/Document

3. Алимбеков, М.Т., Абдиев, Ж.Н., Абдрасулова, Г.Э., Горячева, Е.В., Каудыров, Т.Е., Мамонтов, Н.И., Суханова, Н.Т., Тагажаева, А.Б. Споры о праве интеллектуальной собственности: практическое пособие. – Астана, 2011. http://sud.gov.kz/sites/default/files/page_docs/spory_o_prave

4. Тагажаева, А.Б. Защита права интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: Zakon-kz. – URL: https://www.zakon.kz/4800746-zashhita- prava-intellektualnojj.htm

5. Майпасов, Е.А. Понятие интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]: Zakon-kz. – URL: https://www.zakon.kz/4892409-ponyatie-intellektualnoy-sobstvennosti.html

УДК 347.21

Дулатова Н.В., доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Полич С.Б., доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

К вопросу о понимании: криптовалюта как объект гражданских прав

Аннотация: в работе анализируется правовой статус криптовалюты с позиции действующего гражданского законодательства как сегмента экономики без четкого правового регулирования; исследуется основной универсальный инструмент для построения различных баз данных – блокчейн; отражается современная российская и зарубежная позиция официальных

государственных органов к цифровой электронной валюте и возможности ее гражданского оборота; определены основные научные теоретико-практические подходы относительно объектов гражданских прав и, в частности, возможной товарной сущности криптовалюты.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, блокчейн, объект гражданских прав.

Революция в сфере электронных платежей уже свершилась, а понимание в этой сфере в массовом порядке не наступило. Будет ли это явление существовать, наступит ли крах или криптовалюта войдет прочно в нашу жизнь, обо всем об этом идут и не прекращаются споры всех передовых мировых держав, которые пытаются обозначить правовые рамки виртуальных денег. В 2008 году появилась первая статья о криптовалюте, спустя время в сеть запустили программное обеспечение. Разработчиком и родителем Bitcoin принято считать Сатоши Накамато.

Принцип, лежащий в основе Bitcoin, может быть сформулирован в одном кратком предложении: «Мы рассматриваем электронную монету (coin) как последовательность (chain) *электронных подписей*». Еще более кратко этот принцип сформулировали У. Лютер и Дж. Олсон в статье «Биткоин – это память» [13, с. 22].

Общее знакомство с криптовалютой у любого обывателя начинается с вопроса о понимании системы электронных денежных средств и технологии Blockchain (Блокчейн). Формируя свою собственную финансовую грамотность, определимся, что Блокчейн – это цепочка блоков для распределения базы данных, у которых устройства для хранения информации не подключены к общему серверу. Такая база данных содержит постоянно растущий список записей (блоков), то есть записи хранятся у каждого участника системы (как в записной книжке мы записываем последовательно весь свой день) при этом каждый участник системы может отследить транзакции этой системы. Тем не менее, получателя и отправителя информации он не видит, так как все находится в зашифрованном виде, обеспечивая конфиденциальность. Многие аналитики считают, что в этом случае обеспечена надежность. Якобы любая попытка для внесения изменений в блокчейн отклоняется из-за того, что информация отклоняется, так как не соответствует предыдущей записи. Для изменений необходим специальный ключ.

Отсутствие законодательного определения этого феномена, не сложившийся деловой оборот и, соответственно, скудная судебная практика, все это говорит о сложности понимания правового статуса электронных цифровых средств – крептовалюты. Поэтому сегодня остро стоит вопрос легализации криптовалюты как объекта гражданских прав и поиске универсального способа разрешения гражданско-правовых споров, связанных с оборотом такой валюты.

Если говорить о зарубежном опыте, то в Китае, например, биткоины имеют статус виртуального товара, в Германии – являются аналогом частных денег; Великобритания признала криптовалюту одноцелевым ваучером; Норвегия – активом, подлежащим налогообложению; Канада и США – виртуальной (цифровой) валютой [4]. В Хорватии биткоин разрешен к обращению, но официально не имеет статуса национальной валюты, поэтому ее использование определяется взаимным соглашением сторон [12]. Существуют также страны, где использование криптовалюты является незаконным. К ним относятся, в частности, Таиланд, Бангладеш, Эквадор, Вьетнам и Боливия [7].

В России нет прямой легализации и прямого запрета на использование криптоалюты. Из официальной статистики: в январе 2014 года Центробанк РФ впервые сформулировал свою позицию по этому вопросу – установить полный запрет на денежные суррогаты, в сентябре 2017 года Центральный банк РФ объявил, что считает преждевременным допуск криптовалют, а также любых финансовых инструментов, номинированных или связанных с криптовалютами, к обращению и использованию на организованных торгах в РФ [8]. Уже в 2018 году у Министерства финансов и ЦБ РФ возникли разногласия по вопросам оборота цифровых денег [3].

Так, Минфин разработал законопроект «О цифровых финансовых активах», предлагающий установить дефиницию криптовалюты, манинга, токена, смарт-контракта. Предполагалось, что гражданам РФ разрешится совершать куплю продажу, обмен криптовалюты через профессиональных участников рынка ценных бумаг. Одновременно с этим криптовалюта не могла быть средством платежа, обмен на реальные деньги, товар запрещался под запретом уголовной ответственности. К сожалению, такой действенный финансовый инструмент, на наш взгляд, был отклонен ЦБ РФ, что загоняет все обменные операции с криптовалютой в дальнейший теневой рынок.

Тем не менее, сегодня ситуация следующая: законопроект, о котором было сказано выше, был принят Госдумой в первом чтении в марте прошлого года и готовился к принятию до конца 2018 года, дорабатывается. В закон внесли изменения с учетом мнения криптосообщества. Планируется, что цифровыми финансовыми активами признаются не только права, удостоверяющие денежные требования и права по ценным бумагам, произведенные при помощи блокчейн, но и обязательственные права.

Анализируя законопроект, можно сказать, что вносятся существенные положения об использовании смарт-контрактов, используется термин «цифровое право» об электронных данных, которые будут удостоверять права на различные объекты гражданских прав – имущество, результаты работ, оказание услуг, исключительные права. Аналогичные изменения будут внесены в ГК РФ. Сейчас законопроект находится на согласовании в администрации Президента РФ. Закон планируется принять в конце марта

нынешнего года, которые должны, соответственно, вступить в силу в октябре 2019.

Стоит напомнить, что 26 февраля 2019 года Пленум Верховного суда РФ включает понятие криптовалюты в Уголовный кодекс РФ (ст.174, 174.1). Теперь предметом преступления становятся цифровые деньги, которые преобразованы из виртуальных активов. Такие изменения в УК РФ вносятся по рекомендации международной группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег.

Необходимо понимать, что при отсутствии или недостаточности правового регулирования того или иного объекта права, в целом влечет затруднения в реализации таких прав и обязанностей. Очевидно, что стороны производя платежи и используя криптовалюту, должны действовать добросовестно с учетом положений ст. 10 ГК РФ. Иначе сложно представать защиту гражданских прав недобросовестных участников гражданского оборота.

Научные исследования электронной валюты сегодня посвящаются, в большинстве своем, муссированию вопроса – является криптовалюта объектом гражданских прав или нет [5; 9; 10; 11].

Законодательное, легальное определение объектов гражданских прав сводится к следующему перечислению: вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Анализируя различные источники, можно утверждать, что научной общественностью криптовалюта оценивается следующим образом:

1.«Если дальше анализировать ст. 128 ГК РФ, это *не наличные деньги* (как разновидность вещей), *не безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги* (прямо определенные в рассматриваемой статье в редакции Федерального закона от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ), *не имущественные права*. И, честно говоря, не хотелось бы сводить биткоины к охраняемым *результатам интеллектуальной деятельности*, поскольку их смысл и предназначение заключается отнюдь не в этом (не говоря уже о том, что программное обеспечение клиента Bitcoin – открытое). Остается одна категория – «**иное имущество**», которая, если следовать буквальному толкованию ст. 128 ГК РФ, не является исчерпывающей» [1].

2.*«Не являясь деньгами* (Минфин России расценивает криптовалюту в качестве денежного суррогата), *ценной бумагой* (ввиду отсутствия у криптовалюты признаков, предусмотренных ст. 142 ГК РФ), *иным имуществом или имущественным правом* (из-за отсутствия у криптовалюты вещно-правовой или обязательственной природы), криптовалюта принятая должностным лицом как вознаграждение за действия (бездействия) по службе,

соответствует уголовно-правовому понятию **услуги имущественного характера»** [14, с. 43].

3.«Таким образом, можно заключить, что в современном российском праве криптовалюта *не может быть признана вещью* на том основании, что ее статус не получил легального выражения. На том же основании ее *нельзя отнести и к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам.* Долгое время ученые предлагали признать безналичные деньги вещами, но в ст.128 ГК РФ они получили статус самостоятельных объектов гражданских прав, что стало лишним подтверждением их особых экономических свойств….» [9, с. 131]. «Куда более важными являются закрепление в ст. 128 ГК РФ понятия криптовалюты и детальное определение гражданско-правовых признаков токена **как имущественного права или бездокументарной ценной бумаги…**» [9, с. 137].

Возникает закономерный вопрос: если сегодня криптовалюта становится предметом преступного посягательства, то она соответствует признакам чужого имущества как, соответственно, предмета имущественных преступлений. Исходя из этого, логичным будет вывод о том, что если высшим судебным органом криптовалюта признана имуществом с позиции уголовного права, то применяя межотраслевую аналогию, цифровая валюта выступает также и объектом гражданских прав. Причем, самостоятельным объектом, не поименованным ст. 128 ГК РФ.

Библиографический список

1. Архипов, В. Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически значимые особенности// https:// zakon.ru /blog/ 2014/1 /13/ bitcoin osnovnye_ principy
2. Булгаков, И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн // Закон. – 2016. – №12. – С.80 – 88.
3. Ведомости. Новости// https:// www. vedomosti.ru /finance/news /2018 /03/ 19/ 754195
4. Зайцева, А.Г. Правовой статус системы «Биткойн» и проблемы регулирования в России // http:// scientific-publication. com/ images /PDF /2016/18/pravovoj-statussistemy-bitkojn.pdf
5. Меликов, У.А. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Вестник ЮУрГУ. Серия Право. – 2018. – С.60 – 66.
6. Савельев, А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2017. – №8. – С.136 – 153.
7. Smart E. Top 10 Countries in Which Bitcoin is Banned // URL: https:// www. cryptocoinsnews.com/top-10-countries-bitcoin-banned
8. Официальная информация ТАСС // https:// tass.ru /ekonomika/ 4546253
9. Сидоренко, Э.Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. – №2. – 2018. – С.129 – 137.

10. Синицын, С.А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. – 2016. – №11. – С. 7 – 17.

11. Сидоренко, Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – №6. – С. 147 – 155.

12. Hrvatski Bitcoin Portal // Официальный портал биткоина в Хорватии. 2017. URL: http://crobitcoin.com.

13. William, J. Luther, Josiah, Olson. Bitcoin is Memory //Journal of Prices & Markets. – № 3(3). – 2015. – С. 22 – 33.

14. Шарапов, Р.Д., Минин, Р.В., Капаева, Е.О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. – №2(44). – 2018. – С. 42 – 49.

УДК 347.91:004.77

Либанова С.Э., профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства ЮУрГУ (НИУ), д.ю.н.

Цифровые права и проблемы цифровизации судопроизводства

Аннотация*:* Определение единообразия понимания содержания правовой категории «цифровые права», позволит ускорить процесс формирования системы электронного правосудия, доступной и надежной, понятной каждому человеку. Главной целью ее создания должна являться эффективность обеспечения защиты конституционных прав человека, потому необходим институт цифровой ответственности.

Ключевые слова: цифровые права, цифровая ответственность, электронное правосудие, цифровизация, доступность, понятность, способ обеспечения защиты прав человека.

Стремительный рост объемов информации, формирование колоссальных информационных массивов и баз данных, интенсивное развитие цифровых технологий, их широкое внедрение в различные сферы общественной жизни, являются цифровой реальностью XX1 века и важным фактором развития современного цифрового общества. В контексте этих явлений часто употребляется термин «цифровые права», не имеющий единства мнений в отношении содержания самого понятия. Законодательное определение цифровых прав, позволит ускорить процесс формирования многофункциональной системы электронного правосудия, требующего разработки концепции коренной модификации судебного процесса и перевода всех стадий судопроизводства на принципиально новые информационные технологии.

С принятием изменений в гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ) цифровые права будут легально признаны имущественными правами. Согласно статьи 141[1] «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».[1] Полагаем, что такая формулировка будет вызывать затруднения в правоприменительной практике. Судам потребуется толкование этой категории, особенно на первоначальном этапе введения ее в гражданско-правовой оборот. Целесообразна постепенная оцифровка, признание цифровыми, обязательственных и иных прав. Закон о цифровых правах должен содержать доступные и понятные каждому критерии отнесения привычных гражданских прав к цифровым правам, а главное четкий порядок их реализации и привлечения к ответственности, обеспечивающий защиту от рисков.

Анализ ряда статей Конституции РФ: ст. 29 ч. 4; ст. 17 ч. 3; ст. 23. ч. 1; ст. 23. ч. 2; ст. 24. ч. 1; ст. 29 ч. 4; ст. 44 ч. 1 позволяет утверждать, что при введении в гражданский оборот цифровых прав и внедрении цифровизацию судопроизводства, у участников возникают особые обязанности и особый вид ответственности. Таким образом, цифровые права требуют выработки принципиально нового подхода к институту гражданско-правовой ответственности и введению института (совокупности норм) цифровой ответственности: сторон цифровой сделки и участников электронного судопроизводства, включая суд.

Особого внимания заслуживает положение п. 3 ст. 141[1] о том, что «переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву». Сложности могут возникнуть в определении порядка уведомления обязанного лица. Потребуется ли это делать на бумажном носителе или достаточно уведомления по адресу электронной почты, указанному в соглашении сторон по основному обязательству.

Положительной составляющей введения дополнений ГК РФ о цифровых правах является закрепление в гражданском законодательстве базовых понятий, которые послужат основой для регулирования существующих в телекоммуникационной сети отношений, связанных с новыми цифровыми объектами экономических отношений, так называемыми токенами, криптовалютами, биткоинами, заключением и исполнением смарт-контрактов и т. д. Цифровые права близки по сути к ценным бумагам, т.к. удостоверяют

[1] Проект № 424632-7 к третьему чтению (О внесении изменений в ч. 1, 2, 3 ГК РФ) ст. 128, 141[1] прим – цифровые права.

права на объекты гражданских прав (имущество, результаты работ, интеллектуальную собственность и т. д.), кроме нематериальных благ. Однако механизм закрепления этих прав отличается определенным цифровым кодом, описывающим соответствующий объект гражданских прав, существующим только в конкретной цифровой среде, генерируемый по определенному математическому алгоритму без участия третьей стороны.

Предполагалось, что при современном уровне развития мощностей вычислительных машин и программного обеспечения эти данные не могут быть фальсифицированы. Но практика показывает обратное. На основе исследования определено, что из 85 проверенных сайтов российских государственных органов 94 % не обеспечивают своим пользователям защищенный обмен данными, а на 54 % сайтов вообще отсутствует какая-либо защита информации [4. с. 4 – 7]. Таким образом, обеспечение информационной безопасности и защищенности передачи данных в соответствии с требованиями Конституции РФ является важнейшей проблемой в этой сфере деятельности.

По-сути право на определенный цифровой код, представляющий юридическую фикцию, вводимую в гражданский оборот, как предмет сделки, имеющее имущественный характер, дает возможность обладания и распоряжения цифровым кодом как имуществом. Субъектом цифрового права, то есть обладателем цифрового кода, признается лицо, имеющее уникальный доступ к цифровому коду или обозначению, что позволяет совершать действия по распоряжению цифровым правом.

Полагаем, что возможны проблемы с обеспечением сохранности этого кода (утрата самим владельцем; хищение). Расширение спектра и индивидуализация цифровых услуг ведет к снижению контроля в области цифровых сервисов. Законодателю необходимо определить правовую природу цифрового кода (его обозначения) и последствия его утраты, связанные с возможными рисками: «размер возможного ущерба от мошенничества» и «вероятность наступления ущерба в иных случаях».

Бесспорно для реализации цифровых прав требуется особая децентрализованная информационная система, так называемый «распределенный реестр», соответствующий требованиям специального закона. В настоящее время конкретные требования к такой системе в законодательстве Российской Федерации не сформулированы, поэтому после принятия изменений ГК РФ, касающихся цифровых прав, реально применяться они не смогут и повлекут внесение изменений в другие законодательные акты, причем не только гражданско-правового характера. Можно утверждать, что это начало качественно нового (цифрового) реформирования российского законодательства.

В соответствии с требованиями статей 2, 18 Конституции РФ высшей конституционной ценностью является человек, его прав и свободы, являющиеся непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления, обеспечивающиеся правосуди-

ем. Следовательно, главной целью реформирования правоприменительной системы путем введения в оборот цифровых прав и цифровизации судопроизводства должна являться эффективность обеспечения защиты конституционных прав человека, доступность, надежность и понятность каждому человеку.

Под цифровизацией судопроизводства мы понимаем цифровую трансформацию – изменение классической формы судопроизводства в условиях цифровой реальности на основе данных. Цифровая трансформация – предполагает новый формат ведения судебного процесса, особые положения, регламенты, специфическую (цифровую) ответственность.

Рост объемов информации, интенсивное развитие цифровых технологий, служат важным фактором развития современного общества, формирующим новую, «цифровую» реальность, становясь объектом воздействия «цифровизации». В XX1 веке общество трансформируется, изменяя форму, содержание, системы, структуру, механизм действия. Как отметил председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин «...мы можем однажды проснуться и понять, что того мира, в котором мы жили, больше нет» [1].

Во многих странах мира ведутся интенсивные работы по внедрению цифровых технологий в деятельность судов, органов прокуратуры, адвокатуры и предварительного следствия, а также других правоприменительных органов. Например, Гондурасе, Швеции и ряде других государств все сделки в области недвижимости реализуются посредством технологии блокчейн. В Сингапуре такая система введена в 1997 году, с 2000 года она используется по всем категориям делам, рассмотрение дел об административных проступках осуществляется без участия судьи, имеется возможность воспользоваться помощью специалистов сервисных бюро (аналог МФЦ в России) [3, с. 21 – 24].

В декабре 2017 г. российским профессором Л. Бертовским было завершено исследование о переводе отправления правосудия по административным, гражданским, уголовным и другим делам на цифровые рельсы на основе технологии блокчейн, делающей невозможным добавление фальшивого блока или изъятие существующего из системы. Под электронным правосудием понимается совокупность способов отправления правосудия с использованием технических средств цифровой обработки данных [2, с. 120 – 122]. Его деятельность базируется на концепции электронного правительства, государственной программе «Информационное общество 2011 – 2020» и федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007 – 2011 гг.»[1].

[1] Государственная программа «Информационное общество 2011–2020», утв. распоряжением правительства о 20.10.2010 № 1815-р; Федеральная целевая программа

В России действие электронного правосудия представлено на судебном портале «ГАС РФ Правосудие» (2006 г., затраты 3,5 млдр. руб.), содержащем полную информацию о судебной системе: структуре, разновидности судов, их юрисдикции, адресах и способах связи с ними, юридическом опыте судей, размере государственной пошлины, образцах исковых заявлений, жалоб, протестов, ходатайств. В 2017 году в России появилась возможность направить в суд документы с любого места пребывания. Первоначально это было возможно только в арбитражных судах через систему «Мой Арбитр». «Электронное правосудие» в режиме реального времени отображает информацию о состоянии дел в судах и создано для информационного обмена сведений о судопроизводстве между гражданами и государственными учреждениями. Служба призвана контролировать законность выносимых решений судебной коллегией и качество регистрации процессуальных документов, сокращать период рассмотрения подсудных дел, что не всегда удается. В Федеральном законе от 23.06.2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» установлен ряд существенных изменений, касающихся порядка направления в суд исковых заявлений и других документов в электронном виде, а также процедуры рассмотрения таких дел. Но система неактивна во многих судах РФ по причине отсутствия технических средств, недостатка финансирования, неэффективной организацией работы судебных департаментов.

Рассмотрение дела путем электронной переписки между заявителем и судом, зачастую превращается в длительную, формализованную переписку. Суд отказывает в приеме искового заявления (ненадлежащая подпись заявителя). При получении заявления по почте возникают проблемы с отправкой чека на оплату госпошлины (ненадлежащий документ, копия, а не подлинник, который заявитель не отправляет почтой в связи с возможностью утери), затем возникают вопросы по поводу уважительности причин неявки в суд заявителя, подавшего ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие, и в итоге после 3х месяцев электронной переписки, иска оставлен без рассмотрения. Это затрудняет реальную доступность судебной защиты прав.

На основе сравнительного анализа трех европейских и трех канадских систем электронного правосудия зарубежные авторы пришли к выводу, что увеличение популярности и распространение подобных систем среди пользователей во многом зависят от простоты и доступности (интуитивной понятности) их дизайна и интерфейса. Наиболее простые юридические, технологические и административные процедуры способны привлечь более широкий круг пользователей и популяризировать системы электронно-

---

«Развитие судебной системы России на 2007–2011 гг»., утв. распоряжением правительства РФ 4.08.2006 №1082-р.

го правосудия среди населения [5, с. 377]. В России целесообразно использовать отработанные сервисы картотеки арбитражных судов.

Легитимное закрепление в ГК РФ цифровых прав является как стимулом для развития цифровизации судопроизводства, так и причиной новых проблем, обусловленных цифровым подходом к отправлению правосудия в XXI веке, требующим пристального внимания сообщества юристов к правовой минимизации рисков и обеспечению защиты конституционных прав человека в цифровом праве и цифровизированном судебном процессе.

Библиографический список

1. Зорькин, В. Лекция главы Конституционного Суда Валерия Зорькина. LF Daily (Legal Daily) // Право.га. 18 мая 2018 г.

2. Носков, И.Ю. Внедрение электронного правосудия как важнейшее направление совершенствования судебной системы Российской Федерации. // Современное право. 2011. №10. С. 120 – 122.

3. Решетняк, В.И. Информационные технологии в судебной системе Сингапура// Информационное право. 2012. № 2. С. 21 – 24.

4. Рябцева, Е.В. Правовая модель информационного общества через призму доступности правосудия // Информационное право. 2016. № 3. С. 4 – 7.

5. Lupo, G., Bailey J. Designing and Implementing e-Justice Systems: Some Lessons Learned from EU and Canadian Examples // Laws. 2014. No. 3. P. 353 – 387. https://doi.org/10.3390/laws3020353.

УДК 347.441

Макеенков И.А., ассистент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

Сравнительный анализ общего и специальных способов защиты слабой стороны договора присоединения

Аннотация: Автор обосновывает, что положения статьи 428 ГК РФ защищают слабую сторону в договоре присоединения, в том числе в ситуации, когда переговорное неравенство сильной и слабой стороны при заключении договора основано на доминирующем положении сильной стороны или на недостаточной профессиональной компетентности слабой стороны (потребителя); проводится сравнение общего гражданско-правового и специальных способов защиты слабой стороны от несправедливых договорных условий, исходя как из положений законодательства, так и из анализа судебной практики.

Ключевые слова: договор присоединения, слабая сторона договора присоединения, гражданско-правовой способ защиты слабой стороны.

Свобода договора – фундаментальный постулат договорного права и гражданского права в целом. Согласно статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), свобода договора является одним из основных начал гражданского законодательства. Однако важное значение этого принципа само по себе не исключает существование в гражданском праве отступлений от его безусловного применения.

Одним из правовых явлений, самим своим существованием доказывающих ограниченность свободы договора, является такая правовая конструкция как договор присоединения.

Согласно легальному определению, договор присоединения – это договор, условия которого определены одной из сторон (такая сторона считается «сильной») в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной (слабая сторона) не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом (п. 1 ст. 428 ГК РФ). Ограничение свободы договора проявляется в том, что, несмотря на то, что договор является заключенным и не противоречит правовым нормам, он всё же может быть расторгнут или изменён по требованию присоединившейся (слабой) стороны (п. 2 этой же статьи).

В юридической литературе выделяются случаи, в которых заключенный договор является договором присоединения, например, заключаемые потребителями, заключаемые с лицами, занимающими доминирующее положение и другие [1, с. 259].

Когда сильная сторона экономически доминирует, слабой стороне приходится полностью принимать условия договора, так как сильная сторона договора предлагает такой товар (или работу, услугу), которая не имеет аналогов на соответствующем товарном рынке.

В случае заключения договора с потребителем он фактически лишён возможности влиять на содержание договора ввиду массового характера сделок для сильной стороны, его непрофессионализма, непонимания сути и значения условий договора.

Савельев А.И. придерживается мнения [3, с. 13 – 75] о том, что юридическая свобода договора, не подкреплённая в разбираемом случае экономической (фактической) свободой, не будь она ограничена, обернулась бы своей противоположностью и приводила бы к нарушению прав слабой стороны. Поэтому слабая сторона должна быть защищена законом и судом от договорных условий, являющихся несправедливыми и ущемляющих её интересы. В этом и заключается основной смысл выделения в законодательстве такой правовой конструкции, как договор присоединения.

Однако стоит отметить, что в этом же (среди прочего) состоит и назначение антимонопольного законодательства, а равно законодательства о защите прав потребителей.

Отсюда, представляет интерес выявления сходства и различия между правовым институтом договора присоединения и специальной нормативной базой – антимонопольным законодательством, представленным основополагающим Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федеральным законом от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях», Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», принимаемыми в соответствии с ними подзаконными нормативно-правовыми актами (например, правилами недискриминационного доступа, Правилами продажи товаром дистанционным способом), практикой их применения профильными органами и судами.

Закон о защите прав потребителей предусматривает специальный способ защиты слабой стороны – статья 16 названного закона признаёт недействительными любые условия договора с потребителем, ущемляющие права потребителя по сравнению с положениями, предусмотренными данным законом или иными нормативно-правовыми актами.

Следует отметить, что ГК РФ и выше названные федеральные законы используют различную формулировку несправедливых условий договора.

Так, в п. 2 ст.428 ГК РФ несправедливые условия договора названы «явно обременительными». Суть данного понятия раскрывается через следующие признаки: а) условие лишает слабую сторону прав, обычно предоставляемых по договорам соответствующего вида, б) исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств, в) при наличии у стороны возможности участвовать в определении условий договора, сторона, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы такое условие. Эти признаки указаны непосредственно в формулировке п. 2 ст. 428 ГК РФ.

Пункт 3 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции использует формулировку «невыгодные или не относящиеся к предмету условия договора». Под такими условиями договора в названном законе понимаются экономически или технологически не обоснованные условия договора, а равно не предусмотренные законодательством, содержащие требования о передаче финансовых средств, иного имущества, в том числе имущественных прав, условия о товаре, в котором слабая сторона не заинтересована, и другие.

Закон о защите прав потребителей называет несправедливые договорные условия «ущемляющими права потребителя». Критерием здесь выступает ухудшение реального положения потребителя в сравнении с тем, как это предусмотрено в данном законе или в нормативно-правовых актах, регулирующих правовой статус потребителя.

Таким образом, и те, и другие признаки, в свою очередь, довольно оценочны. Закон о естественных монополиях и вовсе не содержит понятия

и признаков того, какие условия договора заслуживают изменения или исключения из договора; видимо, подразумевается, что речь идет о любых условиях, нарушающих нормы указанного закона.

Как нам кажется, разными формулировками обозначается одна и та же сущность, то есть условия договора, нарушающие баланс интересов сторон договора. На данный момент в отечественной науке по вопросу наименования таких условий сложилось относительное единство мнений – такие условия чаще всего называются «несправедливыми условиями договора» [2, с. 99 – 101].

Пункт 2 ст. 428 ГК РФ предоставляет слабой стороне право потребовать в судебном порядке расторжения или изменения договора. Что немаловажно, в случае удовлетворения такого иска судом соответствующий договор будет считаться расторгнутым (не действовавшим) или действовавшим в изменённой редакции с момента его заключения, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства. Пленум ВАС РФ в применении данной нормы пошёл дальше и разъяснил, что эти нормы применяются не только в рамках самостоятельного спора по иску слабой стороны об изменении или расторжении договора; возможно применение данной нормы и в рамках других видов споров (например, о взыскании убытков) – несправедливое условие договора по заявлению слабой стороны не должно применяться при разрешении такого спора.

Закон о защите конкуренции предполагает другой способ защиты слабой стороны. Слабая сторона, полагая, что её контрагент – лицо, занимающее доминирующее положение, включил в договор несправедливое условие, вправе подать заявление о нарушении антимонопольного законодательства в антимонопольный орган (ч. ч. 1, 2 ст. 44 Закона о защите конкуренции). Если антимонопольный орган сочтёт его обоснованным, им возбуждается и рассматривается дело о нарушении антимонопольного законодательства. По результатам рассмотрения дел антимонопольный орган принимает решения и выдаёт ответчикам предписания.

Предписание содержит в себе указание антимонопольного органа лицу, признанному нарушившим антимонопольное законодательство, по совершению конкретных действий, направленных на устранение нарушений и их последствий, например, о расторжении или об изменении договора (в части исключения или изменения несправедливых условий). Следует согласиться с А.К. Фетисовым [4, с. 16 – 18], что само по себе предписание не изменяет материальные правоотношения между хозяйствующими субъектами.

Закон о защите прав потребителей придаёт несправедливым договорным условиям статус недействительных. В соответствующей части договор будет являться недействительной сделкой, а вместо его положений будут действовать нормы названного закона и соответствующих подзаконных актов.

Поэтому в материально-правовом смысле несправедливые договорные условия вообще не действуют с самого момента заключения договора, не влекут правовых последствий (кроме вытекающих из недействительности условий соглашения).

Между тем, на практике потребителю в суде всё же придётся доказывать недействительность несправедливых договорных условий, требовать применить последствия их недействительности и применения к правоотношениям сторон условий и норм, предусмотренных соответствующим актом законодательства.

Таким образом, гражданско-правовой способ защиты слабой стороны от несправедливого договорного условия предполагает право слабой стороны непосредственно обратиться в суд за изменением или расторжением договора, или даже, не обращаясь в суд с этим самостоятельным требованием, просто заявить о неприменении несправедливого условия договора в рамках предъявленного к слабой стороне иска, основанного на этом несправедливом условии.

Близок к этому и способ защиты прав потребителя. А антимонопольный способ предлагает более сложную и длительную, стадийную административную (квазисудебную) процедуру, которая в некоторых случаях может дополняться ещё и судебной процедурой. К тому же, антимонопольное законодательство, в отличие от гражданского (абз. 2 п. 2 ст. 428 ГК РФ) и законодательства о защите прав потребителей, не предполагает «обратной силы» предписания.

Всё вышесказанное приводит нас к выводу, что специальные способы защиты слабой стороны договора присоединения от несправедливых условий договора, в случаях, когда они применимы, более эффективны, чем общий гражданско-правовой.

Библиографический список

1. Брагинский, М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2003. – 848 с.

2. Мягкова, О.И. Несправедливые договорные условия в российском гражданском праве // Российский юридический журнал. – 2017. № 2. – С. 99 – 111.

3. Савельев, А.И. Договор присоединения в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2010. № 5. – С. 13 – 75.

4. Фетисов, А.К. Разрешение споров в арбитражных судах, связанных с применением антимонопольного законодательства. М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 172 с.

УДК 347

Малявина Н.Б., доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Страхование рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема разработки плана и вида нового страхового продукта для беспилотных транспортных средств, в настоящее время являющегося перспективным направлением развития общественных отношений.

Ключевые слова: беспилотный автомобиль, страховая гарантия производителя, страховой конструктор, производитель, водитель-оператор, дорожно-транспортное происшествие.

Искусственный интеллект представляет собой ключевое звено цифровой трансформации промышленной революции и потенциально может оказывать существенное влияние на многие сферы жизни.

По мнению П. Черка, Ю. Григене и Г. Сирбиките несмотря на то, что функционирование искусственного интеллекта (далее – ИИ) сегодня не регулируются нормативно-правовыми актами, все же приходится решать вопросы ответственности за ущерб, причиненный деятельностью ИИ. Согласно общеправовому подходу ущерб, причиненный незаконными действиями, должен быть возмещен нарушителем или лицом, ответственным за действия нарушителя [3, с. 102]. В связи с вышеизложенным появляется неопределенность в вопросах ответственности в случае аварии, что особенно актуально в сфере развития беспилотных автомобилей, управляемых ИИ. Автономный, или беспилотный автомобиль – автомобиль, у которого компьютером без непосредственного участия водителя контролируется как минимум один из критических аспектов управления (ускорение, торможение, управление на дороге) [5, с. 31].

Следует отметить, что, по словам Д.А. Медведева, некоторые российские компании развивают проекты беспилотных авто, но для их реализации требуются нормативные условия, а «ныне действующие правила исходят из того, что за любым транспортным средством должен сидеть водитель». По его мнению, эксперимент должен не только дать толчок к развитию беспилотного транспорта, но и выявить юридические последствия в случае дорожно-транспортного происшествия [1].

Страхование является индустрией, на которую распространение беспилотников отразится непосредственным образом, поскольку исчезает такой субъект, как водитель, по вине которого чаще всего происходят дорожно-транспортные происшествия [2]. Следовательно, страховым компа-

ниям требуются новые стратегии управления рисками с целью максимизировать преимущества внедрения искусственного интеллекта в современном обществе. Так, например, можно выделить Японию, где весной 2017 г. страховать беспилотные автомобили, которые могут автономно перемещаться по заданным участкам дороги с обязательным контролем со стороны водителя, стала компания Tokio Marine & Nichido Fire Insurance.

В настоящее время в России ведется разработка экспериментальной модели страхового продукта для беспилотных транспортных средств [4, с. 57], в связи с чем выделяется ряд подходов формирования страхового портфеля при анализе страховой защиты. В соответствии с первым подходом бремя уплаты страхового взноса полностью возлагается на собственника беспилотного автомобиля.

В качестве альтернативных вариантов рассматриваются «страховая гарантия производителя» и «страховой конструктор».

При «страховой гарантии производителя» каждый участник производства беспилотного транспортного средства будет оплачивать свою долю ответственности самостоятельно. Таким образом, бремя по уплате страхового взноса возьмут на себя производители аппаратно-технических устройств, электронных и информационно-коммуникационных компонентов; IT специалист, специалист по тестированию программного обеспечения. В результате этого страховой продукт станет дешевле, но увеличится цена самого автомобиля.

«Страховой конструктор» – синтез двух вышеназванных вариантов, предусматривающий сохранение обязанности оплачивать страховую защиту ответственности для всех участников процесса, что не будет включено ни в стоимость самого автомобиля, ни в стоимость страхового пакета для конечного покупателя. Подтверждение наличия страхования должно быть в числе разрешительной документации при постановке оборудования на автомобиль. В итоге потребитель покупает автомобиль с предварительно застрахованной роботизированной системой, и ему остается застраховать собственную ответственность как оператора. Владелец беспилотного автомобиля может обезопасить себя от вероятности наступления следующих рисков: выход из строя электронных компонентов системы; проведение тестов в несоответствующих условиях или отсутствие тестов корректной работы автоматизированной системы управления; ошибки, связанные с обновлениями программного обеспечения и др. [4, 58].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу, что одним из базовых принципов, который должен найти отражение в законодательстве об искусственном интеллекте, является введение специального страхования рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта, что в свою очередь позволит пострадавшему от деятельности искусственного интеллекта гарантированно получить компенсацию.

Библиографический список

1. Беспилотные автомобили в России [Электронный ресурс] // TADVISER. Государство. Бизнес. IT. URL: http://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 19.02.2019)
2. Каким будет страхование беспилотных автомобилей? [Электронный ресурс] // Инвест-Форсайт. Деловой журнал. URL: https:// www. if24.ru /kakim-budet-strahovanie-bespilotnikov/ (дата обращения: 19.02.2019)
3. Понкин, И.В., Редькина, А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – №1. – С. 91 – 109.
4. Соловьева, Ю.А. Новые технологии расширяют возможности страхования / Ю.А. Соловьева // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH. – 2017. – С. 56 – 58.
5. Чурилов, А.Ю. Правовые основы ответственности за вред, причиненный при эксплуатации автономного автомобиля / А.Ю. Чурилов // Правовая парадигма. – 2018. – № 4. – С. 30 – 34.

УДК 347.44

Поваров Ю.С., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, к.ю.н.

Вопросы использования конструкции договора мены при переселении граждан из аварийного жилищного фонда

Аннотация: в статье детально обосновывается, что выселение граждан, являющихся собственниками жилых помещений в многоквартирных домах, признанных аварийными и подлежащими сносу или реконструкции, путем предоставления других жилых помещений посредством заключения договора мены жилых помещений без соблюдения правил, предусмотренных ст. 32 ЖК РФ, не основано на законе.

Ключевые слова: соглашение об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд; договор мены; аварийный жилищный фонд.

На практике довольно широкое распространение получила схема выселения граждан, являющихся собственниками жилых помещений в многоквартирных домах, признанных аварийными, путем предоставления других жилых помещений с использованием договора мены жилых помещений, причем без соблюдения правил, предусмотренных ст. 32 ЖК РФ.

Вообще, признание в установленном порядке многоквартирного дома (далее – МКД) аварийным и подлежащим сносу или реконструкции высту-

пает экстраординарным (и весьма типичным) основанием для применения процедуры изъятия земельного участка (а равно соответствующих жилых помещений, находящихся в *частной* собственности) для государственных или муниципальных нужд. Базовые аспекты реализации названной процедуры (сформулированные, главным образом, в императивном ключе, что корреспондирует их очевидной охранительной направленности) содержатся в жилищном законодательстве (прежде всего, в ст. 32 ЖК РФ), а также в земельном законодательстве (гл. VII.1 ЗК РФ и др.).

В соответствии с ч. 10 ст. 32 ЖК РФ при «официальной констатации» непригодности МКД:

1) уполномоченный властный орган предъявляет к собственникам помещений в МКД требования о его сносе или реконструкции в разумный срок;

2) при «игнорировании» данного требования «запускается» **процедура изъятия**, которая, в числе прочего, имеет следующие характеристики:

а) ***объектом изъятия*** являются сам *земельный участок*, на котором расположен МКД, а также *каждое жилое помещение* в МКД (не считая, разумеется, помещений, находящихся в муниципальной собственности);

б) конечными ***целями изъятия***, в силу прямого указания закона, оказываются *муниципальные* нужды (они заключаются в том, чтобы на территории муниципального образования не было жилого дома, не позволяющего обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»));

в) непреложным является соблюдение целого ряда правил, относящихся к ***порядку изъятия***, включая положения: о необходимости принятия властным органом обоснованного (мотивированного) *решении об изъятии*; о заключении (в рамках добровольного порядка) *соглашений с собственниками жилых помещений*, содержащих условия изъятия, в том числе касательно размера возмещения за жилое помещение и сроков изъятия; об условиях и порядке принудительного (на основании *решения суда*) изъятия в ситуации незаключения собственником жилого помещения соглашения об изъятии недвижимого имущества для публичных нужд.

Законодатель исчерпывающе предусматривает две **формы возмещения за изымаемое жилое помещение**: 1) исключительно ***денежную***, когда собственнику надлежит выплатить возмещение в определенном по специальным предписаниям размере (рыночная стоимость жилого помещения, убытки в связи с изменением места проживания и пр. – см. ч. 7 ст. 32 ЖК РФ); 2) ***натуральную*** (***либо*** «смешанную» – ***натурально-денежную***), когда по соглашению с собственником ему предоставляется взамен изымаемого другое жилое помещение с зачетом его стоимости при определении размера возмещения (см. ч. 8 ст. 32 ЖК РФ).

Выплата денежной компенсации является ключевой (приоритетной) формой возмещения – в контексте того, что вторая вариация сопряжена с ее «санкционированием» как со стороны *собственника* изымаемого жилого помещения, так и *властного органа*, принявшего решение об изъятии; тем самым, по общему правилу, собственник не может настаивать на предоставлении ему другого жилого помещения, а суд не вправе обязать властный орган обеспечить собственника другим жилым помещением (см. подп. «и» п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»; Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г.; Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2009 г., утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25 ноября 2009 г.).

Из системного анализа правил ст. 32 ЖК РФ и ст. 56.9 ЗК РФ вытекает, что **соглашение об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд**, вне зависимости от характера возмещения (денежного и (или) натурального), выступает ***единственным правовым инструментом*** оформления отношений между собственником изымаемого аварийного жилого помещения и властным органом (помимо, конечно, случаев принудительного изъятия в силу судебного решения).

При этом заключение соглашения с собственником жилого помещения, в том числе предусматривающего натуральное либо «смешанное» возмещение, не является произвольным (основанным исключительно на действии принципа свободы договора), ибо оно совершается сугубо ***в рамках процедуры изъятия*** жилого помещения для публичных нужд, в свете чего, в частности:

1) заключению соглашения об изъятии *должны предшествовать мероприятия, указанные в ст. 32 ЖК РФ* (принятие административного акта, направление собственникам требования о сносе и пр.);

2) обязательным становится надлежащее *определение размера возмещения за изымаемое жилое помещение* (при том, что стоимость предоставляемого жилого помещения должна засчитываться в указанную величину, вследствие чего образовавшаяся разница возлагается на соответствующую сторону соглашения (см. подп. «и» п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»; разд. I Методических рекомендаций по привлечению внебюджетных средств при реализации региональных адресных программ по переселению граждан из аварийного жилищного фонда»)). Симптоматично, что по итогам проверок целевого использования бюджетных средств, выделенных на реализацию различных программ по переселению

граждан, Счетная палата РФ акцентирует внимание на необходимости определения выкупной цены жилых помещений в соответствии со ст. 32 ЖК РФ (см., например, представления от 19 сентября 2014 г. № ПР 13-282/13-03 (по Амурской области), от 19 сентября 2014 г.
№ ПР 13-280/13-03 (по Иркутской области)).

Жилищное законодательство не указывает на родовую (видовую) принадлежность соглашения об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд (т.е. на его ***место в систематике договоров***). Отмеченная возможность предоставления другого жилого помещения взамен изымаемого позволяет утверждать о «генетической» близости разбираемой договорной конструкции и института договора мены (не случайно, что на практике подобное именование соглашений об изъятии является нередким, а п. 7 ст. 56.9 ЗК РФ прямо фиксирует применение к соглашению об изъятии недвижимого имущества для государственных или муниципальных нужд, исходя из формы возмещения, норм гражданского законодательства о купле-продаже или мене), однако:

а) экстраординарность анализируемых поводов к заключению соглашения об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд обусловливает то, что, невзирая на возможное наличие признаков мены в отношениях между его участниками, к соглашению все-таки «…не применяются общие правила гражданского законодательства о договорах мены, предполагающие равноценность обмениваемого имущества по рыночной стоимости» (постановление Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 г. № 14974/10);

б) исследуемое соглашение гипотетически может и не подпасть под меновую трактовку (в смысле положений гл. 31 ГК РФ), принимая в расчет допустимость передачи собственнику с его согласия другого жилого помещения на иных, нежели право собственности, юридических основаниях, к примеру, по договору социального найма или договору найма в домах системы социального обслуживания граждан (см. подп. «и» п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»).

Дополнительное нормирование рассматриваемых отношений имеет место в ситуации, когда признанный аварийным МКД включен в **региональную адресную программу по переселению граждан из аварийного жилищного фонда**. Такое переселение подчиняется ***общему режиму***, предусмотренному жилищным законодательством (см. ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства»); в частности, используются «стандартные» способы переселения – посредством предоставления другого жилого помещения либо выплаты возмещения на основании ст. 32 ЖК РФ.

Вместе с тем, существенной ***особенностью*** является то, что *собственник* жилого помещения здесь уже *вправе требовать* не только выплаты возмещения, а и предоставления другого благоустроенного жилого помещения на праве собственности (см. Обзор судебной практики по делам, связанным с обеспечением жилищных прав граждан в случае признания жилого дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 апреля 2014 г.; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2012 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2012 г.). Но, повторимся, механизм изъятия жилого помещения (эквивалентность и т.д.) сущностно не претерпевает изменений.

Таким образом, предоставление собственникам жилых помещений в МКД, признанном аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, других жилых помещений по договору мены (как *альтернативы* предоставления денежного и (или) натурального возмещения в соответствии со ст. 32 ЖК РФ) не может быть оценено в качестве *самостоятельного* легитимного способа выселения (**речь лишь идет о субсидиарном применении правил ГК РФ о мене, но не о вытеснении ими требований ст. 32 ЖК РФ**). Кроме того, **иной интерпретационный подход**, полагаем: а) ***противоречит сути административной деятельности***, предполагающей строгое соблюдение имеющихся регламентов (процедур и правил); в условиях же наличия детального регулирования последствий признания МКД аварийным и подлежащим сносу или реконструкции усмотрение властных инстанций практически исключается; б) ***не согласуется с*** логикой законодательной разработки специальных механизмов ***повышенной защиты прав и законных интересов собственников*** аварийного жилья.

УДК 347.15/18

Рузанова В.Д., заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, к.ю.н., доцент

Право гражданина на неприкосновенность частной жизни и институт персональных данных: проблема согласованности правового регулирования[1]

Аннотация. В статье анализируется институт персональных данных в связи с осуществлением гражданами права на неприкосновенность частной жизни. Автором делается вывод о необходимости обеспечить согласован-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-14073.

ность правового регулирования в сфере охраны частной жизни нормами ГК РФ и ФЗ «О персональных данных».

Ключевые слова: персональные данные, право на неприкосновенность частной жизни, информация, правовое регулирование.

Увеличение информационных потоков и стремление законодателя обеспечить прозрачность деятельности субъектов в этой сфере являются непременным атрибутом и залогом развития современного общества. Вместе с тем все более актуализируется проблема злоупотребления в отношении специальных категорий данных, к которым, прежде всего, относятся персональные данные. Результатом правового регулирования указанных общественных отношений, как справедливо отмечается в доктрине, является достижение личной безопасности, характеризующейся состоянием защищенности жизненно важных интересов личности от потенциально и реально существующих угроз [6]. По справедливому утверждению И.А. Михайловой, современный этап развития законодательства о персональных данных отмечен сочетанием двух противоположных тенденций: с одной стороны, законодатель предпринимает все новые меры, направленные на повышение гарантий обеспечения их защиты, но с другой – все более расширяется сфера перевода соответствующих сведений в электронный формат хранения, что повышает риски доступа к ним неопределенного круга заинтересованных лиц [2, с. 11 – 18].

В настоящее время в литературе ведется дискуссия об отраслевой принадлежности отношений, предметом которых являются персональные данные. Так, В.В. Архипов относит персональные данные к нематериальным благам (ст. 128 ГК РФ) и в связи с этим отношения, в которых участвует субъект персональных данных, квалифицирует в качестве гражданско-правовых. С его точки зрения, применение к данным отношениям положений ГК РФ позволит устранить существующие правовые коллизии и пробелы [1, с. 52 – 68]. При этом автор заключает, что если персональные данные обладают всеми признаками нематериальных благ, то они являются объектом гражданских прав даже в смысле ст. 128 ГК РФ. Вместе с тем, В.В. Архипов не отрицает наличия в данной сфере и публично-правовых начал. По мнению же А.И. Савельева, положения правового режима защиты персональных данных носят ярко выраженные черты публичного права, а также содержат достаточно большой набор обязанностей оператора персональных данных, которые, в свою очередь, носят явно выраженный вертикальный и императивный характер [4, с. 481 – 542].

Считаем, что правовой институт персональных данных, рассматриваемый нами в аспекте законодательства, носит комплексный характер, поскольку составляющие его нормативные правовые акты содержат нормы различных отраслей права (конституционного, административного, налогового, гражданского, трудового и пр.). Важно подчеркнуть, этот институт

сочетает в себе как публично-правовые, так и частноправовые элементы, поскольку он связан как с тенденциями развития общества, так и с потребностями отдельного человека. В доктрине относительно «вектора» правового регулирования в этой сфере высказываются различные позиции: одни авторы выступают за приоритет обеспечения публично-правовых, другие – частноправовых интересов [3]. Мы исходим из «частноправового» подхода, имея в виду направленность правового регулирования на защиту прав гражданина, что в целом соответствует и позиции законодателя, провозгласившего в качестве цели ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[1] обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 2). Однако это не означает, что в данном случае преобладают нормы частного права, поскольку защита прав гражданина в данной сфере обеспечивается также и публично-правовыми способами.

По верному суждению Л.К. Терещенко, персональные данные включают настолько различную информацию, что сформировать единый правовой режим персональных данных для всех случаев оказывается невозможным [5]. Но персональные данные объединяет то, что они самым тесным образом связаны с человеком (физическим лицом) и, следовательно, с необходимостью охраны и защиты его прав (п. 1 ст. 3 ФЗ «О персональных данных»). И здесь следует говорить о двух основных взаимосвязанных аспектах такой защиты: о праве физических лиц на защиту персональных данных, закрепленном в соответствующих международных и российских нормативных документах, и о защите права гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. В данном случае реализация первого права выступает в качестве некоего способа защиты второго права, что порождает необходимость гармонизации правового регулирования отношений в сфере персональных данных и отношений, связанных с охраной частной жизни гражданина. Как правильно подчеркивает И.А. Михайлова, специфика персональных данных заключается в том, что каждое из них, взятое по отдельности, может не иметь отношения к частной жизни, но их совокупность становится социально-экономической характеристикой субъекта и, соответственно, объектом правовой защиты [2, с. 11 – 18]. Подчеркнем, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну предусмотрено в ст. ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации, что свидетельствует о его особой значимости. Интересно отметить, что ст. 152.2. ГК РФ не дает понятия частной жизни гражданина, несмотря на то, что она посвящена ее охране. В связи с этим вполне уместно сослаться на позицию Конституционного Суда РФ, определяющего право на неприкосновенность частной жизни, личную и семей-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

ную тайну как предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера и включающего в понятие «частная жизнь» ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если не носит противоправный характер (Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2013 г. № 2128-О)[1].

С точки зрения согласованности регулирования в сфере охраны частной жизни нормами ГК РФ и ФЗ «О персональных данных» следует сказать о том, что эти акты существуют как бы параллельно, поскольку в них не содержится никаких взаимных отсылок, а также имеются серьезные терминологические и смысловые несоответствия. Так, в п. 1 ст. 152.2. ГК РФ говорится о сборе, хранении, распространении и использовании любой информации о частной жизни гражданина, а ст. 3 ФЗ «О персональных данных» оперирует более широким понятием – «обработка персональных данных», включающим их сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение.

За установленными законом исключениями, необходимым условием сбора, хранения, распространения и использования любой информации о частной жизни гражданина (по терминологии ФЗ «О персональных данных» – «обработки персональных данных») является наличие согласия физического лица (субъекта персональных данных). Такие исключения, в частности, определены в ст. 6 ФЗ «О персональных данных».

В связи с этим обращает на себя внимание весьма существенные различия в легальном подходе относительно интерпретации правового значения случаев, когда такого согласия не требуется: в ГК РФ они квалифицируются в качестве «отсутствия нарушений», а в ФЗ «О персональных данных» – как исключения из правила о необходимости получения согласия. Так, в силу абз. 2 п. 1 ст. 152.2 ГК РФ нет нарушения требования о согласии в случаях: 1) если такие действия совершаются в государственных, общественных или иных публичных интересах; 2) если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле. Отметим, что второй случай (но в виде исключения из общего правила о согласии) закреплен и в пп. 10 п. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных» (в несколько иной редакции). С точки зре-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2128 – О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Золотоносова Михаила Нафталиевича на нарушение его конституционных прав частью 3 статьи 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» / Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ния юридической техники формулировка ФЗ «О персональных данных» является более предпочтительной. Кроме того, полагаем, что формулировка, касающаяся публичных интересов, является слишком широкой и весьма неопределенной для ситуации, когда речь идет о реализации конституционного права человека. По причине того, что правовое регулирование исследуемых отношений в ГК РФ и ФЗ «О персональных данных» осуществляется исходя из различной логики, установить соотношение указанных актов и обеспечить их комплексное применение на сегодняшний день является весьма проблематичным.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что высокая социальная ценность права гражданина на неприкосновенность частной жизни и необходимость усиления гарантий его реализации настоятельно требуют комплексных научных разработок, направленных на обеспечение согласованности правового регулирования в данной сфере.

Библиографический список

1. Архипов, В.В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. – 2018. – № 2. – С. 52 – 68.

2. Михайлова, И.А. Персональные данные и их правовая охрана: некоторые проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика: правовой журнал. – 2017. – № 10. – С. 11 – 18.

3. Петрыкина, Н.И. Правовое регулирование оборота персональных данных. Теория и практика. – М.: Статут, 2011 / Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

4. Савельев, А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // сборник статей. Сер. «Анализ права» Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – М.: Статут, 2016. – 671 с.

5. Терещенко, Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013 / Документ предоставлен СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон «О персональных данных»: научно-практический комментарий (постатейный) / А.Х. Гафурова, Е.В. Доротенко, Ю.Е. Контемиров и др.; под ред. А.А. Приезжевой. – М.: Редакция «Российской газеты», 2015. – Вып. 11 / Документ предоставлен СПС «Консультант Плюс».

УДК 347.157.1

Рузанова Е.В., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, к.ю.н.

Вопросы защиты прав несовершеннолетних в деликтных обязательствах

Аннотация. В статье анализируются направления усиления защиты прав несовершеннолетних при причинении вреда их здоровью и предлагается, в частности, при расчете сумм возмещения применять коэффициент «возрастной реабилитации», установить ответственность за причинение вреда ребенку его родителями (лицами, их заменяющими) и др.

Ключевые слова: несовершеннолетний гражданин, причинение вреда, здоровье, родители (усыновители), опекуны (попечители).

Вопрос о защите прав несовершеннолетний гражданин как потерпевших в деликтных обязательствах не утрачивает своей актуальности в силу того, что законодатель не предпринимает никаких мер по ее усилению. Между тем, в доктрине имеется множество интересных предложений, реализация которые способствовало бы осуществление такой защиты на совершенно новом уровне. Механизм защиты прав детей при причинении вреда их здоровью обладает существенными особенностями. Вред, причиненный жизни и здоровью ребенка, – это те неблагоприятные последствия, которые возникают на стороне ребенка или иных лиц в связи с его причинением, в виде повреждения здоровья, нравственных и физических страданий, смерти ребенка, смерти кормильца, а также умаление имущественных прав, связанных с жизнью и здоровьем.

Как известно, в законе установлена определенная совокупность факторов, подлежащих учету при возмещении вреда, причиненного здоровью ребенка. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на то, что в данном случае ограничиваться только рамками физического и имущественного вреда нельзя. Например, отмечается, что нередко следствием неправомерных действий, повлекших причинение вреда здоровью ребенка, является отставание в умственном или психическом развитии. Подчеркивается также, что практически нельзя выявить и просчитать влияние на состояние здоровья детей некачественных продуктов питания, ненадлежащего воспитания, психического насилия и т. п. Как верно отмечает Ю.Ф. Беспалов, это обусловлено целым рядом причин, состоящих в неразработанности самого механизма определения характера и размера вреда здоровью и вероятностью проявления последствий причинения вреда по истечении значительного периода времени, что, в свою очередь, затрудняет установление причинной связи [1, с. 24]. Полагаем, что получен-

ное ребенком увечье в детстве влияет как на уменьшение его трудоспособности в соответствии с той квалификацией, которую он приобретает в будущем, так и на выбор самой профессии. Так, если ребенок в результате причинения вреда его здоровью потерял слух или зрение, то это резко сужает его возможности получить определенную специальность. Мы исходим из невозможности разработки конкретных обоснованных методик расчета «будущего» вреда, поэтому предлагаем легально ввести так называемую презумпцию «максимально возможного неблагоприятного последствия» и, исходя из этого, при расчете сумм возмещения (ежемесячных платежей и дополнительных расходов) применять специальный коэффициент «возрастной реабилитации». Введение названного коэффициента имеет несколько различные цели в зависимости от вида выплат: применительно к правилам ст. 1087 ГК РФ такая цель состоит в учете предполагаемых имущественных потерь, связанных с ограничением возможностей ребенка в будущем полностью реализовать свои способности к приносящей доход деятельности в связи причинением вреда его здоровью; касательно дополнительных расходов применение этого коэффициента обусловливается необходимостью осуществления таких имущественных вложений в восстановление здоровья ребенка, которые не могут не превышать установленный стандарт дополнительных расходов по причине особенностей организма ребенка и задачи обеспечения его здоровья во взрослом состоянии. Применение указанного коэффициента, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве одной из форм реализации так называемого «принципа опережающего возмещения».

Следующим «вектором» защиты прав несовершеннолетних-потерпевших является внесение определенных легальных нововведений, касающихся ответственности родителей и лиц, их заменяющих, за причинение вреда здоровью ребенка в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения ими родительских (приравненных к ним) обязанностей. Как известно, ответственность за вред, причиненный личности или имуществу детей, предусмотрена только в отношении опекунов и попечителей (ст. 26 ФЗ от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»).[1] Думается, что изменение законодательства здесь должно двигаться в двух основных направлениях: во-первых, такую ответственность следует прямо предусмотреть в отношении родителей и усыновителей и, во-вторых, расширить само понимание деликта как основания возникновения обязательств вследствие причинения вреда, который должен иметь место и тогда, когда вред явился результатом неисполнения или ненадлежащего исполнения указанными лицами своих обязанностей либо злоупотребления правами, а не только в случае причинения ими вреда ребенку, например, преступными действиями, жестоким с ним обращением, повреждением (уничтожением) принадлежащего ему имущества и т.д. Сказанное позволяет сделать вывод о том,

[1] Собрание Законодательства РФ. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

что в целях повышения уровня правовой защищенности детей в РФ настоятельно требуется введение в ГК РФ ответственности за причинение вреда несовершеннолетнему лицу его родителями (усыновителями), опекунами (попечителями) как специального деликта. Важно отметить, что при его установлении следует предусмотреть обязанность судов по своей инициативе применять эти правила и в случаях, когда установлено наличие данного правонарушения при рассмотрении любых споров, связанных с несовершеннолетними, а не только тогда, когда об этом заявлен иск.

В связи с этим необходимо расширить функции органа опеки и попечительства, дополнительно предусмотрев в качестве его задачи защиту прав и интересов детей, имеющих родителей, но нуждающиеся по той или иной причине в защите. Одной их форм выполнения указанной задачи должно явиться возложение на данный орган обязанности по обращению в суд с соответствующими исками в случаях, когда родители или усыновители сами являются причинителями вреда ребенку или если они по каким-либо причинам такой иск не предъявляют или не могут предъявить.

В качестве следующего направления защиты прав детей можно рассматривать совершенствование законодательства в части установления соотношения гражданского законодательства и законодательства об обязательном социальном страховании. Так, ГК РФ определяет общий принцип расчета доли заработка (дохода) умершего для лиц, имеющих право на ее получение, не устанавливая при этом конкретного механизма такого расчета. Согласно п. 1 ст. 1089 ГК РФ возмещение производится в размере той доли заработка (дохода) умершего, которую они получали или имели право получать на свое содержание при его жизни. Некоторые авторы полагают, что в данном случае должны применяться императивные правила об обязательном социальном страховании, предусматривающие так называемый уравнительный порядок расчета (путем простого арифметического действия) [3, с. 873 – 874]. С изложенной точкой зрения нельзя согласиться в силу следующего: применение носящих публично-правовой характер норм социального страхования к гражданско-правовым отношениям возможно только в случаях, прямо указанных в законе. Между тем, правила ст. 1089 ГК РФ являются достаточным и самостоятельным регулятором. Следует также иметь в виду, что в силу публичности механизма социального страхования при его применении получатель лишен возможности доказывать те или иные обстоятельства, влияющие на размер причитающихся ему выплат. Положения ГК РФ, как известно, основываются на принципе справедливости, что в большей мере отвечает интересам граждан по сравнению с императивным порядком определения размера страховой выплаты, базирующимся на уравнительном принципе. Исходя из правил ГК РФ, граждане имеют возможность приводить свой расчет, а также доказательства, в подтверждение того размера дохода, который при жизни фактически им предоставлял умерший кормилец. Однако следует иметь в виду, что здесь велика вероятность возникновения «конкуренции» между ли-

цами, имеющими право на возмещение. В данном случае можно предложить вариант дополнительной защиты интересов несовершеннолетних детей умершего кормильца, установив правило о минимальном размере такого возмещения – не менее размера полагающихся им алиментов, а если умерший детей не содержал, то в размере алиментов.

Предлагаем также закрепить в ст. 1087 ГК РФ принцип приоритетного применения ГК РФ для расчета выплат, осуществляемых несовершеннолетнему гражданину в порядке социального страхования. Как известно, в нарушение установленных требований работодатель не всегда уплачивает страховые взносы в Фонд социального страхования. В целях повышения уровня защиты прав несовершеннолетнего работника считаем возможным установить, что даже при отсутствии таких платежей со стороны работодателя взыскание страхового возмещения за вред, причиненный здоровью работника, должно производиться из средств указанного Фонда.

Требуются и другие легальные изменения. Так, предлагаем сохранить за несовершеннолетним право на возмещение вреда в связи со смертью кормильца и в случае его усыновления (в ст. 1088 ГК РФ). Имеются пробелы и в регулировании последствий прекращения родителем трудовых отношений в связи с необходимостью осуществления ухода за ребенком, здоровью которого причинен вред. В юридической литературе отмечается, что суды учитывают данный факт, взыскивая наряду с дополнительными расходами и утраченный заработок родителя [2, с. 104]. Полагаем, что указанные выплаты следует легально закрепить в качестве самостоятельного вида возмещения вреда. В связи с этим предлагаем установить, что в случае прекращения родителем трудовых отношений по причине необходимости ухода за несовершеннолетним ребенком, здоровью которого был причинен вред, возмещению подлежит утраченный родителем заработок (доход) по правилам ст. 1086 ГК РФ. Причем приведенное положение должно действовать независимо от возмещения расходов на посторонний уход. Соответствующее дополнение необходимо внести в п. 1 ст. 1085 ГК РФ, а до этого момента считаем допустимым применение п. 1 ст. 1088 ГК РФ по аналогии, поскольку рассматриваемая ситуация является аналогичной той, которая касается ухода за иждивенцами умершего кормильца.

Библиографический список

1. Беспалов, Ю. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью ребенка // Российская юстиция. – 1998. – № 10. – С. 24 – 26.

2. Богданов, Д.Е. Деликтные обязательства: учеб. пособие. – М.: РПА, 2013. – 104 с.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу, части второй (постатейный). Изд. 5-е испр. и доп., с использованием судебно-арбитражной практики / отв. ред. О.Н. Садиков. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА–М, 2007. – 987 с.

УДК 347.9(476)

Скобелев В.П., доцент кафедры гражданского процесса и трудового права БГУ, к.ю.н., доцент

К вопросу о повышении эффективности нормотворчества в области цивилистического процесса Республики Беларусь

Аннотация: исследуются вопросы повышения эффективности нормотворчества в области цивилистического процесса Республики Беларусь в контексте принятия нового Закона «О нормативных правовых актах».

Ключевые слова: нормотворчество; цивилистический процесс; принцип научности; принцип социально-экономической обусловленности.

Успешное функционирование и развитие цивилистического процесса Республики Беларусь (т.е. гражданского и хозяйственного правосудия, а также исполнительного производства) зависит от множества факторов, среди которых одним из ключевых является эффективность нормотворчества в данной области, а именно продуманность, взвешенность, системность и исчерпывающая ясность вводимых в действие новых процессуальных норм. Значительный импульс повышению качества указанной нормотворческой деятельности способен придать недавно вступивший в силу Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА 2018 г.), пришедший на смену ранее действовавшему Закону Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон о НПА 2000 г.).

По сравнению с Законом о НПА 2000 г., Закон о НПА 2018 г. серьезно усиливает научные основы нормотворчества. Так, Закон о НПА 2018 г. не только сохранил среди принципов нормотворческой деятельности принцип научности (абз. 7 п. 1 ст. 6), но и подробно разъяснил его содержание (чего не было в Законе о НПА 2000 г.). Согласно п.7 ст. 6 Закона о НПА 2018 г. принцип научности обеспечивается: применением результатов научных исследований, привлечением ученых к разработке проектов нормативных правовых актов (далее – НПА), в том числе при проведении обязательной юридической, криминологической и иных экспертиз проектов НПА; научно обоснованным планированием подготовки проектов НПА; прогнозированием правовых, общественно-политических, финансово-экономических, социальных, криминогенных, экологических и иных последствий принятия (издания) НПА. Причем далее в тексте Закона о НПА 2018 г. предусмотрены конкретные гарантии реализации названного принципа, согласно которым результаты научных исследований в области права должны учитываться при разработке планов подготовки проектов НПА (п. 3 ст. 38), изу-

чаться в ходе подготовки проектов самих НПА (абз. 7 п. 5 ст. 42), излагаться в виде обзора в концепциях проектов НПА (абз. 5
п. 2 ст. 43), включаться в обоснование необходимости принятия (издания) НПА (абз. 4 ч. 5 п. 1 ст. 50) и др.

Помимо этого, Закон о НПА 2018 г. впервые закрепил такой принцип нормотворческой деятельности, как социально-экономическая обусловленность (абз. 8 п. 1 ст. 6). Данный принцип требует обеспечивать соответствие принимаемых (издаваемых) НПА социально-экономическим потребностям и возможностям общества и государства, а также целям устойчивого развития, содержащимся в международно-правовых актах и правовых актах программного характера (п. 8 ст. 6 Закона о НПА 2018 г.). Полагаем, что принцип научности в своем новом облике, а также принцип социально-экономической обусловленности помогут улучшить планирование и содержание нормотворческой деятельности в области цивилистического процесса, чего данной деятельности, как показывает практика последних лет, очень недостает.

Например, в результате реформы 2014 г. судебные исполнители были отделены от судов и инкорпорированы в структуру исполнительной ветви власти с образованием единой системы органов принудительного исполнения (эти органы являются своеобразным придатком органов управления юстицией). При этом не было учтено, что исполнительное производство представляет собой очень ответственную, сложную, сопряженную с осуществлением непосредственного государственного принуждения юрисдикционную деятельность, которая вследствие этого требует обеспечения самых высоких (т.е. процессуальных по сути) стандартов правоприменения. Соблюсти такие стандарты в рамках исполнительной ветви власти и в условиях почти полного отсутствия контроля за действиями судебных исполнителей со стороны судов (ведь реформа существенно сузила и возможности по судебному обжалованию действий судебных исполнителей за счет установления обязательного внесудебного порядка обжалования, введения ставок государственной пошлины за рассмотрение судебных жалоб и др. [1]) является весьма проблематичной задачей.

Не случайно поэтому уже сейчас от практических работников весьма высокого уровня можно услышать мнение о том, что, очевидно, не стоило отпускать судебных исполнителей в «свободное плавание» и имело бы смысл вернуть их обратно в подчинение судов. О том, что указанная реформа не получила достаточной научной проработки, свидетельствуют и другие факты: ошибка, присутствующая в названии и содержании головного акта реформы – Указа Президента Республики Беларусь от
29 ноября 2013 г. № 530 «О некоторых вопросах совершенствования организации исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов» (судебные постановления здесь отождествлены с исполнительными документами, хотя таковыми не являются); большое количество

пробелов и неточностей, допущенных в Законе Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве», и др. [2; 3].

С середины 2018 г. в гражданском процессе начала действовать апелляция. Одно из ее новшеств заключается в том, что согласно п. 2 ч. 1 ст. 405 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) в апелляционной жалобе необходимо приводить ссылки на нормативные правовые акты. Однако данная новация не вписывается в ту концепцию процесса, которая изначально была заложена в ГПК и продолжает действовать для абсолютно всех (помимо апелляции) стадий судопроизводства: заинтересованные лица (коль скоро подавляющее большинство из них обычные граждане) не обязаны юридически аргументировать подаваемые процессуальные документы, равно как и свои устные заявления, ходатайства. Кроме того, анализируемая новелла не учитывает современные социально-экономические реалии. Правовая грамотность населения не достигла того уровня, при котором любой гражданин мог бы самостоятельно сделать в апелляционной жалобе все необходимые правовые ссылки (при том, что такие ссылки согласно ч. 2 ст. 418 ГПК имеют решающее значение для результатов апелляционного пересмотра), обращение же за помощью к профессиональным юристам не всем по карману. Имеются в регламенте апелляционного производства изъяны и другого плана: запрет на обжалование (опротестование) решений и определений Верховного Суда Республики Беларусь, непоследовательное регулирование пределов апелляционного пересмотра, исчезновение норм о праве апелляционной инстанции дать указания суду первой инстанции при направлении дела на новое рассмотрение и др. [4; 5].

Далее, после реформы судоустройства 2014 г. (объединения общих и хозяйственных судов в одну судебную систему) среди практических работников появилась и активно отстаивается (и даже находит поддержку у Конституционного Суда [6]) точка зрения о необходимости замены ГПК и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) одним новым процессуальным кодексом – единым ГПК [7, с. 10; 8, с. 6; 9]. Однако, на наш взгляд, подобное мнение зиждется на принципиально неверной (ненаучной) посылке о том, что унификация в сфере судоустройства непременно требует осуществления унификации и на уровне правил судопроизводства. Ведь если строго придерживаться такой точки зрения, то нужно будет прийти к абсурдному выводу, будто уже давно назрела потребность и в едином процессуальном кодексе для рассмотрения гражданских и уголовных дел, поскольку данные дела разрешаются одними и теми же судами, а нередко (в тех судах, где не введена специализация) – и одними и теми же судьями. Есть ряд и других очень весомых аргументов против разработки единого ГПК [10, с. 165 – 181].

Причем, что очень важно, идея принятия единого ГПК не согласуется с положениями самого Закона о НПА 2018 г. Так, п. 1 ст. 33 Закона о НПА

2018 г. определяет перечень случаев, когда может осуществляться подготовка проекта нового НПА. По нашему мнению, ни один их этих случаев не подходит к анализируемой ситуации, в том числе нельзя признать допустимой здесь ссылку и на абз. 6 п. 1 ст. 33 Закона о НПА
2018 г. («имеется несколько нормативных правовых актов, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений, которые целесообразно кодифицировать либо консолидировать»), поскольку ГПК и ХПК, во-первых, регулируют разные области общественных отношений, во-вторых, сами являются кодифицированными НПА, которые, конечно же, не могут быть объединены и путем консолидации.

Правило абз. 2 п. 5 ст. 42 Закона о НПА 2018 г. гласит, что для подготовки проекта нормативного правового акта следует «уяснить наличие проблем, которые не могут быть разрешены без принятия (издания) нормативного правового акта». В этой связи стоит заметить, что наличие двух самостоятельных процессуальных кодексов – ГПК и ХПК – отнюдь не самая насущная проблема отечественного цивилистического процесса, а, скорее всего, и вообще не проблема. В сфере судопроизводства есть куда как более актуальные объекты для приложения нормотворческих усилий. Например, сюда можно отнести проблемы (на которые, кстати, уже давно было обращено внимание Конституционным Судом Республики Беларусь), связанные с отсутствием возможности пересмотра в обычном (теперь уже апелляционном) порядке решений и определений Верховного Суда Республики Беларусь, а также существенным различием подходов в регулировании ставок государственной пошлины для гражданского и хозяйственного судопроизводства. Что же касается немалого количества недостатков в организации и осуществления отечественного правосудия, то механизм их преодоления находится не в нормотворческой области, а напрямую зависит от политики формирования кадрового состава судов.

Нормотворческая деятельность предполагает прогнозирование результатов принятия НПА (абз. 4 п. 7 ст. 6, абз. 9 п. 5 ст. 42 и др. Закона о НПА 2018 г.), в том числе результатов негативного плана в виде возможных рисков, издержек и т.п. (абз. 4 ч. 1 п. 3 ст. 45 Закона о НПА 2018 г.). Применительно к идее создания единого ГПК это закономерно порождает вопрос: а будет ли новый процессуальный кодекс если не лучше, то хотя бы не хуже имеющихся ГПК и ХПК (особенно в контексте той массы пробелов и коллизий, что допускаются в НПА по вопросам цивилистического процесса в последнее время [11])?

Согласно абз. 3 ч. 2 п. 3 ст. 45 Закона о НПА 2018 г. прогнозирование последствий принятия НПА осуществляется в том числе посредством проведения сравнительно-правовых исследований. В этой связи нельзя не учитывать, что, например, в Российской Федерации тоже предполагалось принятие единого процессуального кодекса, однако несмотря на мощнейший научный потенциал данной страны и даже разработку концепции единого

ГПК [12], от реализации данного проекта в конечном итоге все-таки воздержались [13].

Библиографический список

1. Скобелев, В. Контроль судов за органами принудительного исполнения по-новому: есть проблемы / В. Скобелев // Юридический мир. – 2017. – №7. – С. 55 – 64.

2. Скобелев, В.П. Концептуальные вопросы исполнительного производства в контексте нового правового регулирования / В.П. Скобелев // Право.by. – 2017. – №2. – С. 32 – 39.

3. Скобелев, В.П. Новое законодательство Республики Беларусь об исполнительном производстве: преимущества и недостатки / В.П. Скобелев // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юрид. форум. XII Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): материалы конф.: в 4 ч. – Часть 3. – М.: РГ-Пресс, 2017. – С. 43 – 48.

4. Скобелев, В. Новеллы апелляционной формы проверки судебных постановлений по гражданским делам / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2018. – №5. – С. 40 – 47.

5. Скобелев, В. Апелляционная форма проверки судебных постановлений по гражданским делам: еще раз о новеллах / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2018. – №7. – С. 27 – 34.

6. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2015 году [Электронный ресурс]: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 20 янв. 2016 г., №Р-1028/2016 // «КонсультантПлюс. Беларусь» / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

7. Сукало, В. Пути совершенствования судебной системы Республики Беларусь / В. Сукало // Судовы веснік. – 2014. – №1. – С. 5 – 10.

8. Забара, А. Актуальные задачи в сфере гражданского правосудия / А. Забара // Судовы веснік. – 2015. – №2. – С. 3 – 7.

9. Материалы интернет-конференции по вопросам экономического правосудия // Официальный портал системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа: http://court.by/ justice/ press_office /aff9ad161e678870.html.

10. Скобелев, В.П. Единый ГПК Республики Беларусь: быть или не быть? / В.П. Скобелев // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рождения доктора юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки Рос. Федерации Александра Тимофеевича Боннера / отв. ред.: С.М. Михайлов, А.И. Щукин. – М.: Проспект, 2017. – С. 158 – 181.

11. Скобелев, В. Новеллы гражданского судопроизводства и вопросы эффективности нормотворчества / В. Скобелев // Юридический мир. – 2018. – №4. – С. 11 – 21.

12. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / вступ. слово П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2015. – 224 с.

13. Малешин, Д. Смерть «единого ГПК» [Электронный ресурс] / Д. Малешин / Legal. Report. – Режим доступа: https:// legal.report/smert-edinogo-gpk/.

УДК 347.961

Сокол П.В., к.ю.н., доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

О некоторых проблемах удостоверения доверенностей уполномоченными должностными лицами органов местного самоуправления

Аннотация. Нотариат призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и организаций путем совершения нотариусами нотариальных действий от имени Российской Федерации. В то же время нотариальные действия имеют право совершать не только нотариусы. При отсутствии в сельском поселении нотариуса по объективным причинам таким правом наделены должностные лица органов местного самоуправления.

В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие на практике при совершении нотариальных действий вышеназванными должностными лицами, и в первую очередь удостоверение доверенностей, как самое популярной действие, рассматриваются судебные споры, высказываются рекомендации.

Ключевые слова: нотариат; нотариальные действия; доверенность; органы местного самоуправления; должностное лицо; судебное оспаривание.

Как предусмотрено ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате [1], в случае отсутствия в сельском поселении нотариуса полномочиями по совершению нотариальных действий обладают должностные лица органов местного самоуправления.

Отсутствие нотариуса в населенном пункте предполагает не временное отсутствие нотариуса. Например, по болезни или отпуска. А отсутствие постоянное, когда в нотариальном округе не сформирована государственная нотариальная контора. Либо нет нотариуса, занимающегося частной практикой.

Право на совершение нотариальных действий главами органов местного самоуправления возникает на основании факта их избрания (назначения), при их вступлении в должность. И не требует издания каких-либо

локальных распорядительных документов. В отличие от этого, подобное полномочие может быть возложено на специалиста местной администрации. В этом случае главой местной администрации издается распоряжение с указанием ФИО должностного лица, должности, срока полномочий [9].

Законодательством должностные лица органов местного самоуправления, осуществляющие нотариальные действия в пределах своих полномочий, фактически приравниваются к нотариусам.

Это проявляется в том, что совершенные должностными лицами органов местного самоуправления нотариальные документы, обладают равной юридической силой с документами, совершёнными нотариусами. Они также порождают одинаковые юридические последствия.

Кроме того, правила совершения нотариальных действий и предъявляемые требования идентичны для тех и других. При совершении таких действий используется гербовая печать [3].

Территориальными органами юстиции осуществляется учет сведений о должностных лицах местного самоуправления, уполномоченных на совершение нотариальных действий. Правой основой этого выступает приказ Минюста России от 30.12.2015 г. № 324 (зарег. в Минюсте России 15.01.2016 г. № 40595) [4]. Информация об этом размещается на официальных сайтах территориальных органов юстиции в сети «Интернет». Доступ к информации является открытым.

Компетенция должностных лиц местного самоуправления по совершению нотариальных действий значительно уже компетенции нотариусов. Перечень нотариальных действий, совершаемых главами местных администраций и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления, установлен в статье 37 Основ законодательства РФ о нотариате и включает в себя 13 видов нотариальных действий. В их числе удостоверение: завещаний и доверенностей; сведений о лицах в случаях, предусмотренных законодательством РФ; фактов нахождения гражданина в живых и в определенном месте.

Удостоверение тождественности собственноручной подписи инвалида по зрению, проживающего на территории соответствующего поселения или муниципального района, с факсимильным воспроизведением его собственноручной подписи; тождественности гражданина с лицом, изображенным на фотографии;

Удостоверение времени предъявления документов и равнозначности электронного документа документу на бумажном носителе.

К совершаемым действиям также относится свидетельствование: верности копий документов; выписок из них подлинности подписи на документах.

К числу совершаемых действий относится также принятие мер по охране наследственного имущества и в случае необходимости управлению им.

Весьма популярным нотариальным действием является удостоверение должностными лицами органов местного самоуправления доверенностей [10].

При удостоверении доверенностей уполномоченное должностное лицо должно руководствоваться ст.ст. 185–189 ГК РФ, пп. 40 – 44 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий главами местных администраций и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления поселений, главами местных администраций муниципальных районов и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления муниципальных районов, утв. приказом Минюста России от 06.07.2017 г. № 97, зарег. в Минюсте России 14.06.2017 г. № 47036), в которых содержится пошаговый алгоритм [5].

Однако, при удостоверении доверенностей (причем, что является не самым сложным действием из нотариальной практики), нередко допускаются ошибки. Это приводит в том числе к судебным спорам.

Например, в Красноярском крае при удостоверении доверенности должностное лицо не проверило дееспособность представляемого, а также действительность его волеизъявления на выдачу доверенности на заключение договора купли-продажи. Последняя впоследствии была признана недействительной [6].

В Астраханской области уполномоченным должностным лицом органа местного самоуправления был нарушен порядок удостоверения доверенности. Это выразилось в том, что доверенность полностью не была прочитана вслух, ее содержание т юридические последствия не были разъяснено должностным лицом. В результате недействительным была признана не только доверенность, но договоры дарения, которые были совершены на ее основе [7].

В республике Башкортостан уполномоченным должностным лицом органа местного самоуправления были нарушены требования гражданского законодательства, регламентирующего письменную форму гражданско-правовой сделки. Удостоверение доверенности от имени инвалида I группы по зрению было осуществлено без участия и подписи рукоприкладчик. Это повлекло в дальнейшем признание недействительной не только доверенности, но и договора дарения, который был составлен от имени представляемого [8].

Но встречаются более экзотические случаи, когда должностное лицо при совершении подобных действий не понимает их существа и не определяет необходимое для применения законодательство.

В частности в феврале 2019 года в ходе проведения внеплановой проверки в отношении главы одного из сельских поселений Самарской области на основании жалобы гражданки об отказе в совершении нотариального действия, которое ранее удостоверялось, а именно: «Поручения от 22.10.2018 г. одного физического лица другому на предъявления докумен-

тов, удостоверяющих права на земельный участок и находящихся на нем объектов, а также графических материалов при проведении проверки соблюдения земельного законодательства РФ инспекцией муниципального контроля» было установлено, по своему характеру указанное поручение является доверенностью.

Однако, в нарушение ст. 185 ГК РФ указанная «доверенность» не содержала необходимых реквизитов. В нем отсутствовало наименование «Доверенность», место ее совершения, некорректно указаны полномочия, передаваемые представителю, не указаны дата, место рождения и гражданство доверителя и доверенного лица, отсутствует срок действия доверенности, нет указания на право или запрет передоверия полномочий.

Сведения о лицах, уполномоченных на совершение нотариальных действий, в отношении данного должностного лица в территориальное Минюста РФ не представлялись.

Имелись нарушения в части соблюдения форм удостоверительных надписей при оформлении доверенности.

Сведения о совершенном действии не были внесены в реестр регистрации нотариальных действий и соответствующая информация не была направлена в Нотариальную палату для внесения сведений в ЕИС нотариат.

За совершенное действие не был уплачена государственная пошлина, либо отсутствовало решение об основаниях освобождения от ее уплаты.

В ходе проверки должностное лицо пояснило, что удостоверение «поручения» проведено на основании статьи 14.1 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] и не должно регламентироваться Основами законодательства о нотариате.

Между тем, в подп.3 п.1 ст.14.1 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ в качестве права органов местного самоуправления поселения на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения поселений, предусмотрено совершение нотариальных действий, предусмотренных законодательством, в случае отсутствия в поселении нотариуса.

По итогам проверки было внесено представление о прекращении должностным лицом полномочий по совершению нотариальных действий.

В связи с этим, выбор при реализации права на осуществление нотариальных действий должностными лицами органов местного самоуправления, должен быть взвешенным и осознанным. В законодательство же целесообразно закрепить некоторые требования к образованию и квалификации указанных лиц. Кроме того, в целях уменьшения возможных ошибок, целесообразно на уровне субъектов Российской Федерации проводить обучающие мероприятия.

Библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, утверждённые Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 // Российская газета. 1993. 13 марта. № 49.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. Указ Президента РФ от 29.12.2008 № 1873 «Об использовании Государственного герба Российской Федерации на печатях органов местного самоуправления поселений и муниципальных районов» // Собрание законодательства РФ. 2009. 5 января. № 1. Ст. 94.

4. Приказ Минюста России от 30.12.2015 г. № 324 (зарег. в Минюсте России 15.01.2016 г. № 40595) «Об утверждении порядка и формы учета сведений о главах местных администраций поселений и специально уполномоченных на совершение нотариальных действий должностных лицах местного самоуправления поселений, о главах местных администраций муниципальных районов и специально уполномоченных на совершение нотариальных действий должностных лицах местного самоуправления муниципальных районов» // https://base.garant.ru/71306176.

5. Инструкция о порядке совершения нотариальных действий главами местных администраций и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления поселений, главами местных администраций муниципальных районов и специально уполномоченными должностными лицами местного самоуправления муниципальных районов, утв. приказом Минюста России от 06.07.2017 г. № 97, зарег. в Минюсте России 14.06.2017 г. № 47036) // (www.pravo.gov.ru) 16 июня 2017 г.

6. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.01.2015 г. по делу № 33-678/2015// СПС «КонсультантПлюс».

7. Апелляционное определение Астраханского областного суда от 22.01.2014 г. по делу № 33-63/2014// СПС «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 17.09.2015 г. № 33-14732/2015// СПС «КонсультантПлюс».

9. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате / под ред. Д.Я. Малешина. – (авторы комментария к ст.37 Основ – Сокол П.В., Анисимова А.А). - М.: Статут, 2018. – С.198 – 199.

10. Сокол, П.В., Анисимова, А.А. Проблемные вопросы, возникающие при совершении главами и уполномоченными должностными лицами органов местного самоуправления нотариальных действий // Нотариальный вестникъ. 2016. № 5. С. 12 – 16.

УДК 347.1

Труфанов А.В., ассистент кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского университета

Правоспособность товарищества собственников жилья

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правоспособности товарищества собственников жилья как юридического лица – «полупрофессионального» участника отношений по управлению многоквартирным домом. Автором в критическом ключе анализируется ограничение возможности осуществления приносящей доход деятельности ТСЖ нормами Жилищного кодекса Российской Федерации, отмечается несовершенство действующего жилищного законодательства при регулировании вопросов деятельности ТСЖ в качестве хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: товарищество собственников жилья, правоспособность, управление многоквартирным домом, хозяйственная деятельность, приносящая доход деятельность.

В России все более популярным становится управление многоквартирным домом товариществом собственников жилья (далее – ТСЖ). В отличие от непосредственного управления собственниками помещений, при управлении ТСЖ в отношениях появляется специальный субъект, который является юридическим лицом. Такое лицо призвано обеспечить благоприятные условия проживания собственников, выступать «промежуточным звеном» в отношениях с ресурсоснабжающими организациями. Именно ТСЖ или кооператив несут ответственность перед собственниками за надлежащее содержание общего имущества дома и качественное предоставление коммунальных услуг. Все вышеперечисленное сближает ТСЖ или кооператив с профессиональным участником рынка – управляющей организацией. Однако ТСЖ или потребительский кооператив не являются коммерческими организациями. Их главная цель «благородна» – не получение максимальной прибыли, а именно обеспечение благоприятных условий проживаний для собственников помещений в доме. В отличие от управляющей организации, которая является для собственников «чужой», товариществом собственников жилья управляют сами собственники, что также существенно сказывается на уровне доверия к исследуемому способу управления. Таким образом, управление ТСЖ или кооперативом является неким «средним» по степени вовлеченности собственников в процесс управления домом способом. ТСЖ можно условно назвать «полупрофессиональным» субъектом отношений по управлению многоквартирным домом.

Интересным является вопрос ограничения правоспособности товарищества собственников жилья, как юридического лица. Согласно классической позиции в теории гражданского права принято выделять общую и

специальную правоспособность юридических лиц в зависимости от того, предоставлена ли лицу способность иметь гражданские права для осуществления любого вида деятельности, не противоречащего действующему законодательству, или же субъект ограничен в своих правах прямым указанием закона или учредительных документов [2]. Данная позиция была сформулирована и высшими судебными инстанциями в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Исходя из указанного, общую правоспособность могут иметь только коммерческие организации (за исключением изъятий, прямо установленных законом, и коммерческих организаций, «умышленно» установивших ограничения в своих учредительных документах). Юридические лица с иными организационно-правовыми формами обладают специальной правоспособностью.

Учитывая изложенное и тот факт, что ТСЖ является некоммерческой организацией, мы приходим к однозначному выводу о наличии специальной правоспособности у товариществ собственников жилья. ТСЖ ограничено в видах деятельности законом и своими учредительными документами.

По общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст. 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, некоммерческие организации могут осуществлять *приносящую доход деятельность*, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям. Как мы помним, законодатель принял решение не применять в отношении некоммерческих организаций термин «предпринимательская деятельность», заменив его термином «приносящая доход деятельность». То есть ТСЖ вправе предусмотреть в уставе определенные виды деятельности и заниматься ими, получая доход, и направляя заработанные денежные средства на цели поддержки в надлежащем состоянии и приращения общего имущества кондоминиума или на приобретение товаров и услуг, необходимых для нормальной деятельности ТСЖ как юридического лица.

Крайне любопытной в этом аспекте является ст. 152 Жилищного кодекса Российской Федерации, которая регулирует *хозяйственную* деятельность товариществ собственников жилья.

Во-первых, интересным видится использование термина «хозяйственная деятельность» в названной статье. Гражданское законодательство практически не оперирует данным термином, употребляя уже упоминаемые выше «предпринимательская деятельность» – для коммерческих организаций и «приносящая доход деятельность» – для некоммерческих. Определение хозяйственной деятельности можно найти в «ГОСТ Р 52104-2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Ресурсосбережение. Термины и определения», утвержденном постановлением Госстандарта РФ от 03.07.2003 № 235-ст. В данном акте под хозяйственной понимается деятельность, осуществляемая в ходе производственной деятельности индивиду-

альным предпринимателем или юридическим лицом, независимо от формы собственности и от того, носит ли она коммерческий или некоммерческий характер. Кроме того, термин упоминается в законах о кооперации и для характеристики сделок обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ, совершение которых является для таких обществ обычным. Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что под хозяйственной деятельностью понимается любая деятельность юридического лица как коммерческой, так и некоммерческой направленности.

При этом формулировки ст. 152 ЖК РФ производят впечатление того, что законодатель в данной статье регулирует именно коммерческую сторону деятельности ТСЖ. Так, ч. 3 ст. 152 ЖК РФ устанавливает варианты использования полученных от хозяйственной деятельности *доходов*.

Если законодатель в рассматриваемой статье регулирует и ограничивает именно коммерческую сторону деятельности ТСЖ, то видится необходимым употребление термина «приносящая доход деятельность ТСЖ» вместо «хозяйственная деятельность ТСЖ».

Во-вторых, ЖК РФ устанавливает строгий и закрытый перечень видов хозяйственной деятельности, которыми может заниматься товарищество собственников жилья. Это обслуживание, эксплуатация и ремонт недвижимого имущества в многоквартирном доме; строительство дополнительных помещений и объектов общего имущества в многоквартирном доме; сдача в аренду, внаем части общего имущества в многоквартирном доме. Стоит обратить внимание, что все виды деятельности указаны в отношении многоквартирного дома в единственном числе. Видимо, это стоит расценивать как право ТСЖ осуществлять данные виды деятельности только в отношении обслуживаемого им дома, но никак ни в отношении любых других домов. То есть ТСЖ, как юридическое лицо, буквально не вправе выполнять, например, ремонтные работы по договору подряда для иных лиц.

Означает ли норма данной статьи ЖК РФ, что ТСЖ не вправе предусмотреть в своем уставе возможность осуществления каких-либо иных видов деятельности? Некоторые ученые отвечают на данный вопрос положительно. Буквально трактуя рассматриваемую статью ЖК РФ, они утверждают, что вся хозяйственная деятельность ТСЖ ограничивается исключительно содержанием и эксплуатацией помещений [1, с. 88].

На практике вполне можно представить ситуацию, при которой ТСЖ, к примеру, оказывает услуги по ксерокопированию документов для граждан, или ТСЖ, имеющее в своем штате работников определенной профессии (сантехник, электрик), может выполнять для граждан бытовые работы, оказывать услуги. Полученный же доход может быть направлен на приобретение средств материально-технического обеспечения деятельности ТСЖ.

Понимая это, большинство ученых все же критически оценивают такое решение законодателя и отмечают возможность ТСЖ, как юридического лица, осуществлять иные виды деятельности [3, с. 105–109].

Примечательно, что законодатель в ст. 137 ЖК РФ указал на право ТСЖ выполнять работы для собственников помещений в многоквартирном доме и предоставлять им услуги, а также продавать и передавать во временное пользование, обменивать имущество, принадлежащее товариществу. Реализация данных прав является ничем иным, как приносящей доход деятельностью. Законодатель таким образом допускает в тексте Кодекса очевидное противоречие.

Стоит отметить, что на практике ТСЖ зачастую включают в свои уставы иные виды деятельности, не ограничиваясь теми тремя, что указаны в ст. 152 ЖК РФ.

Ограничение приносящей доход деятельности ТСЖ исключительно видами, указанными в ст. 152 ЖК РФ, видится необоснованным и нелогичным. Данное решение законодателя создает неоправданные препятствия для получения ТСЖ доходов, которые могут быть направлены на содержание и ремонт общего имущества, и обеспечение нормальной хозяйственной деятельности ТСЖ как юридического лица. Ведь доходы, полученные некоммерческой организацией, в любом случае должны быть направлены на цели ее деятельности, закреплённые в уставе. Более того, товарищество ежегодно отчитывается перед своими членами и собственниками помещений в доме о результатах своей финансовой деятельности, что является дополнительным механизмом защиты от нецелевого расходования полученных от приносящей доход деятельности денежных средств.

Библиографический список

1. Волынкина, М.В., Комиссарова Е.Г. Гражданское право. Часть первая: учеб. пособие для студентов вузов. М. – 2005 – 204 с.

2. Козлова, Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Токарева, Е.В. Вопросы участия товарищества собственников жилья в хозяйственной деятельности // Современное право. 2010. № 4. С. 105–109.

УДК 347.2

Тужилова-Орданская Е.М., заведующий кафедрой гражданского права Башкирского государственного университета, д.ю.н., профессор

Новелла о едином недвижимом комплексе: проблема или благо?

Аннотация. Данная статья посвящена анализу новеллы гражданского законодательства, а именно закреплению в ст. 133.1 ГК РФ положений о едином недвижимом комплексе. Исследуются признаки, а также отличительные особенности указанного объекта гражданских прав. Отмечаются некоторые сложности и проблемы, связанные с правовым режимом едино-

го недвижимого комплекса, на основе исследования автор формулирует предложения по преодолению противоречий, возникших в правоприменительной практике.

Ключевые слова: гражданское право, вещное право, недвижимость, единый недвижимый комплекс.

Как известно, с 1 октября 2013 года перечень объектов недвижимого имущества дополнен новой разновидностью недвижимых вещей, которая в статье 133.1 ГК РФ поименована единым недвижимым комплексом, под которым понимается «совокупность объединенных единым назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и др.), либо расположенных на одном земельном участке, если в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество зарегистрировано право собственности на совокупность указанных объектов в целом как на одну недвижимую вещь». Анализируя процесс формования и законодательного закрепления данного понятия, следует отметить, что вопрос о необходимости введения в гражданский оборот единого недвижимого объекта поднимался еще в «Концепции развития гражданского законодательства, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.» [5, с.7]. Позднее, в проекте Федерального Закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], было предусмотрено введение в статью 130 ГК РФ нового объекта гражданских прав – единого имущественного комплекса, вещи неделимой и участвующей в обороте как единый объект. Однако в окончательной редакции Федерального закона от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» совокупность объединённых общим назначением зданий, сооружений и иных вещей, неразрывно связанных физически или технологически, в том числе линейных объектов (железные дороги, линии электропередачи, трубопроводы и другие), либо расположенных на одном земельном участке, была названа «единый недвижимый комплекс» [8].

В трудах ученых-цивилистов неоднократно высказывались предложения о необходимости законодательного закрепления юридической конструкции комплексных объектов и велись дискуссии о месте их в системе объектов гражданских прав. Так, В.А.Белов, говоря о юридической природе имущественных комплексов, писал, что «имущественные комплексы не относятся к числу физически осязаемых материальных благ, то есть не являются вещами» [1, с. 650]. Разновидностями таких комплексов автор выделял предприятие, объекты культурного наследия, наследственную массу, природные комплексы, концессионные комплексы и др. [1, с. 650].

Сопоставляя сказанное выше с положениями статьи 133.1 ГК РФ, можно отметить принципиальные отличия сравниваемых категорий, проявляющиеся в том, что единый недвижимый комплекс, во-первых, представляет собой юридическое единство исключительно материальных благ и не предполагает включение в состав иных объектов гражданских прав, например, имущественных; во-вторых, прямо поименован законодателем вещью (недвижимой вещью), а, значит, признан объектом гражданских прав. Следовательно, единый недвижимый комплекс в отличие, например, от предприятия как объекта прав, представляет собой единство объектов вещных прав, в то время как предприятие включает в себя также обязательственные и исключительные права.

Правовое значение выделения единого недвижимого комплекса в качестве самостоятельного объекта недвижимого имущества (недвижимой вещи) очевидно. Оно состоит в том, что совокупность составляющих его частей признается единым объектом вещных прав. Поэтому по сделке с таким объектом правообладатель получает возможность значительно сократить расходы, в том числе при государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Такое положение дел представляется экономически целесообразным при необходимости регистрировать права на производственно-технологические комплексы, включающие в себя большое количество разнообразных объектов недвижимого имущества [9, с. 28].

Введенные законодателем изменения необходимы для включения в гражданский оборот нестандартных недвижимых вещей: линейных объектов (линии электропередачи, линии связи, трубопроводы, автомобильные дороги, железнодорожные линии), систем отопления, канализации, стадионов и иных объектов, которые представляют собой не просто недвижимые вещи в классическом понимании, а комплексные образования недвижимых и движимых вещей особого функционального назначения. Законодательное нововведение может положительно отразиться и на хозяйственном обороте.

В тоже время, неоднозначное толкование статьи 133.1 ГК РФ может вызвать путаницу и разногласия в правоприменительной практике, т. к. из положений названной нормы следует, что единый недвижимый комплекс – это система определенных объектов, которые, будучи структурно взаимосвязанными для единого функционального назначения, утрачивают свою обособленность и индивидуальность. В этой связи довольно интересным и актуальным представляется мнение В.В. Витрянского, который отмечает, что «из всех новелл, которые …..предлагалось включить в текст ст. 130 ГК РФ, законодатель сохранил лишь законоположения о таком новом объекте недвижимости, как единый недвижимый комплекс, выделив их в отдельную статью (ст. 133.1 ГК РФ). При этом не было принято во внимание, что как Концепцией развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе 2003 г. так и Концепцией развития гражданского законодатель-

ства РФ признание единого недвижимого комплекса (технологического имущественного комплекса недвижимости) самостоятельным объектом недвижимости было обусловлено необходимостью исключения из перечня объектов недвижимого имущества предприятий, за которыми, однако, предлагалось сохранить статус особого вида имущества и самостоятельного объекта гражданских прав и гражданско-правовых сделок. Эта идея была реализована в новой редакции ст. 132 ГК РФ, содержавшейся в законопроекте, однако данная статья осталась в прежней редакции, что может иметь серьезные негативные последствия.

К примеру, что может помешать сегодня собственнику предприятия при необходимости его отчуждения зарегистрировать право собственности на единый недвижимый комплекс, включив в его состав все движимое и недвижимое имущество по признаку наличия неразрывной технологической связи между указанными видами имущества? В этом случае объектом купли-продажи будет являться не предприятие, а единый недвижимый комплекс, что исключает обеспечение гарантий прав кредиторов (ст. 562 ГК РФ), да и правопреемство покупателя в сфере трудовых отношений с работниками предприятия» [2, с. 125].

Основу системы недвижимых вещей (единого недвижимого комплекса) составляют здания и сооружения, а земельный участок выступает в качестве скрепляющего элемента внутри комплекса, если между ними отсутствует иная, физическая или технологическая, связь. Именно такой вывод следует сделать исходя их позиции законодателя, закрепленной в ГК РФ. Вместе с тем в доктрине была высказана противоположная позиция, согласно которой земельный участок подлежит включению в состав единого недвижимого комплекса как «иная вещь» [3, с. 41].

Существует мнение о том, что «законодатель отказался от введения принципа «единства объекта недвижимости», согласно которому такие традиционные для российского права объекты недвижимости, как здание, строение и сооружение, объектами недвижимости не являются, а представляют собой принадлежность или улучшение земельного участка, на котором они расположены; следовательно, единый недвижимый комплекс и находящийся под ним земельный участок не являются единым объектом, и земельный участок ни при каких условиях не может быть включен в единый недвижимый комплекс» [4]. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, рассмотрев обращение Минэкономразвития России от 18.02.2014 № Д23и-453 об оформлении прав на единый недвижимый комплекс, разъяснила по данному вопросу следующее: «необходимо учитывать, что в статье 133.1 ГК РФ отсутствует норма, согласно которой единый недвижимый комплекс и находящийся под ним земельный участок являются одним объектом (то есть земельный участок является частью единого недвижимого комплекса); единый недвижимый комплекс не является сложной вещью, к единым недвижимым комплексам согласно статье 133.1

ГК РФ применяются правила о неделимых вещах (со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями; соответственно впоследствии единый недвижимый комплекс не может быть разделен (преобразован иным способом) на самостоятельные объекты недвижимости)» [6].

Таким образом, следует отметить, что идея законодателя ввести в ГК РФ новый вид объектов гражданских прав, несомненно, отражает потребность общества в использовании лаконичных понятий для определения и индивидуализации объектов гражданского оборота. На сегодня некоторые объекты, обладающие свойствами единого недвижимого комплекса, уже готовы к участию в гражданском обороте. Это, прежде всего, технологические комплексы недвижимости (автозаправочные станции, газопроводы и т.п.), а также домовладения (индивидуальные жилые дома с надворными постройками). В тоже время необходимо более четко регламентировать правовой режим данного объекта с учетом концепции единого объекта недвижимости.

Библиографический список

1. Белов, В. А. Гражданское право. Общая и Особенная части: учебник / В.А. Белов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 960 с.

2. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. – 431 с.

3. Колесникова, Ж.А. В ГК РФ появилось новое понятие единого недвижимого комплекса. Плюсы и минусы новой конструкции // Арбитражная практика. 2013. № 10. С. 40 – 46.

4. Комментарий к Федеральному закону от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С.6 – 99.

6. Письмо Росреестра от 01.04.2014 № 14-исх/03596-ГЕ/14 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 145. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Ягунова, Е.Е. Родовая усадьба как единый недвижимый комплекс и объект гражданских прав: дис.... канд. юрид. наук. РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, 2017. – 216 с.

СЕКЦИЯ «УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ»

УДК 378

Баженов Ю.П. преподаватель кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Педагогические и правовые аспекты реализации ВСК «Готов к труду и обороне» в юридических вузах

Аннотация. В статье исследуются, правовые, педагогические и нравственные аспекты Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». Автором предлагаются правовые положения, которые следует внести в действующее законодательство, регулирующее внедрение этого комплекса.

Ключевые слова: физкультурно-спортивный комплекс, нормативы, физическая культура, спорт.

В настоящее время в Российской Федерации сложилась ситуация, при которой большая часть современных детей, молодежи и взрослого населения не проявляют желаемого интереса к занятиям по физической культуре и спорту. Эта говорит о том, что действующая система физического воспитания и развития стала постепенно утрачивать свое главенствующее положение и перестала быть привлекательной для населения нашей страны.

В связи с этим принятие Постановления Правительства РФ от 11.06.2014 № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» (далее Положение) и возрождение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» послужило хорошей возможностью восстановить лучшие традиции нашего государства.

Нуждаемость в здоровой и сильной нации повлекло за собой принятие решения о возрождении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (далее – ВСК ГТО), направленного на развитие массового спорта и укрепление здоровья граждан. Однако существует ряд вопросов, которые требуют уточнений, конкретизации и доработки. Главным образом, это касается организации работы по введению и реализации ВСК ГТО. Также представляется важным совершенствовать правовые средства воздействия на субъекты правоотношений в сфере реализации Комплекса. Результативность и эффективность такого воздействия обеспечивается единством системы используемых правовых средств [1, с. 169].

Например, Пункт 22 Положения устанавливает, что «поступающие на обучение по образовательным программам высшего образования вправе

представлять сведения о своих индивидуальных достижениях в области физической культуры и спорта, наличии знаков отличия ВСК ГТО, которые учитываются образовательными организациями при приеме на основании порядка учета индивидуальных достижений. Однако данный пункт не уточняет и не регламентирует механизмы его реализации. Таким образом, являясь декларативным, он не будет вызывать общественный интерес. В нем, хотя и говорится о преимуществах при поступлении на обучение по указанным программам, но нет законодательных привязок к Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

При этом данный пункт имеет огромное значение для популяризации ВСК ГТО. Особенно важным этот пункт будет для абитуриентов, поступающих в физкультурно-спортивные вузы.

Пункт 25 Положения прямо устанавливает право работодателя поощрить в установленном порядке лиц, выполнивших нормативы и требования Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса на соответствующий знак отличия ВСК ГТО. Считаем, что в настоящей редакции данный пункт будет не действенным, так как в большинстве своем работодатели сегодня вообще не заинтересованы в каких-либо поощрениях работников. Если им предоставлять лишь право, то этот пункт останется формальностью.

Особое внимание следует обратить на Федеральный закон № 679165-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Хотелось бы отметить ряд достоинств данного закона (далее по тексту Федеральный закон № 679165-6). Важно отметить, что этот закон предусматривает полное определение понятия ВСК ГТО, что является основополагающим, формирующим конкретный взгляд на содержание и сущность этого понятия. Практика показывает, что на местах, преждевременно говорить о готовности к обеспечению контроля за процедурой сдачи нормативов. Даже перспективные спортсмены не все могут заниматься, повышать уровень своего мастерства, принимать участие в соревнованиях по причине низкого прожиточного уровня их или их родителей. Думается, что Федеральный закон № 679165-6 должен повысить и распространить гарантии осуществления спортивной подготовки на все категории граждан, желающих сдавать тесты и нормативы Всероссийского комплекса ГТО, в противном случае процент привлечения населения к выполнению комплекса может оказаться низким.

В Федеральном законе № 679165-6, как и в Положении «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне», не учитывается такая категория населения страны как лица, с ограниченными возможностями [2, с. 56]. Полагаем, что создание соответствующих нормативов для данной категории лиц, позволит многим людям чувствовать себя полезными обществу.

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» федеральные государственные образовательные стандарты обеспечивают «государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения».

Внедрение ВСК в систему высшего юридического образования поможет формировать у студентов необходимые навыки, которые могут пригодиться в практической деятельности в соответствующей юридической профессии. Особенно это касается будущих сотрудников правоохранительных органов.

Что касается обучающихся в юридических вузах, то здесь физическое воспитание, наряду с физическим развитием, должно быть связано с формированием духовного, нравственного и патриотического сознания.

На базе среднего профессионального образования и высшего профессионального образования в федеральные государственные образовательные стандарты с учетом сферы профессиональной деятельности необходимо внести:

– способность применять средства и методы физической культуры и спорта для осуществления полноценной профессиональной деятельности, а также для подготовки к выполнению ВСК ГТО;

– применять основы знаний в области физической культуры и спорта для укрепления своего здоровья, ведения здорового образа жизни;

– реализовывать духовно-нравственное и патриотическое воспитание [3, с. 76].

Таким образом, введение данных изменений и дополнений в федеральные государственные образовательные стандарты создаст условия для успешной интеграции Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в систему образования, тем самым обеспечит физическое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание обучающихся.

Библиографический список

1. Магденко, А.Д. Методология исследования эффективности механизма правового регулирования / А.Д. Магденко / Система менеджмента качества в вузе: здоровье, образованность, конкурентоспособность: сб. науч. трудов; IV Международная научно-практическая конференция. – Челябинск: Уральская Академия. – 2015. – С. 168 – 171.

2. Баженов, Ю.П., Магденко, А.Д., Танаева, З.Р. Организация и проведение тестирования по выполнению нормативов испытаний Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО. учебное пособие. /Ю.П. Баженов, А.Д. Магденко, З.Р. Танаева. – Челябинск: Цицеро, 2017. – 103 с.

3. Захарова, С.А., Петров, А.А. Совершенствование законодательного регулирования по организации и проведению Всероссийского физкультур-

но-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) / С.А. Захарова, А.А. Петров // Материалы IV Международного научного конгресса «Проблемы физкультурного образования: содержание, направленность, методика, организация» – Челябинск: Уральская Академия – 2015. – С. 67 – 76.

УДК 34.08

Беленько И.А., доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.п.н.

Психическое напряжение и стресс в работе полицейских (по материалам немецких исследований)

Аннотация. В статье говорится о стрессе и стресс – факторах в работе полицейских по материалам немецких исследований. Автор приводит статистику опросов немецких полицейских о самых стрессовых ситуациях, возникающих во время несения службы. Результатом изменения положения дел должно стать изменение трудового законодательства в нашей стране и внесение поправок в Закон о полиции.

Ключевые слова: стресс в работе полицейского, стресс-факторы полицейской деятельности, охрана труда, зарубежный опыт в сфере изучения стресса в работе полиции.

Профессия полицейского является одной из самых стрессовых: насилие, угроза собственной безопасности, смерть людей, применение оружия, – и это только первое, что бросается в глаза, когда мы говорим об этой профессии. Но не только оперативная деятельность является стрессовой, а также управленческая деятельность в сфере полиции, когда начальник принимает ответственные административные и организационные решения.

Свыше 80 % опрошенных полицейских указали, что большую часть рабочего времени они тратят на общение с людьми, в связи с чем часто возникают конфликтные ситуации. Исследования немецких ученых показывают, что по сравнению с другими группами профессий, общение сотрудника полиции с людьми, приводящее к конфликтной ситуации составляет 55 %, в то время как у учителей это 37 %, у служащих госучреждений и органов местного самоуправления 22 %, у представителей других профессий 13 % [5].

В чем же заключается стресс? Стресс возникает в том случае, если оценка личности своих способностей преодолеть ситуацию или решить задачу не соответствует объективным требованиям самой ситуации, т.е. мнимым или реальным перегрузкам. В связи с этим различают стресс-факторы, влияющие на человека, например, угроза его жизни или здоро-

вью. Однако стресс-факторы не являются сами по себе стрессовыми, они становятся таковыми в связи с внутренними установками личности. Например, перфекционист со своими взглядами может подвергнуться длительному стрессу, в то время как все другие будут полностью довольны результатами своей работы. В работе полицейского существуют типичные только для этой профессии стресс-факторы. Схожие комбинации стрессов имеются у очень незначительного количества профессий, например, пожарные, спасатели, военные. Таким образом, сотрудники полиции подвержены «нормальным» административным и организационным стресс-факторам своей работы.

К стресс-факторам типичной полицейской деятельности относятся [4]:

Действия в конфликтах. Деятельность полицейского проходит чаще всего в напряженных или опасных ситуациях. Эскалацию и внезапные изменения ситуации почти никогда нельзя исключить. Вызванные для улаживания конфликта между соседями сотрудники полиции могут быть сами подвержены агрессии. Но с другой стороны, обязанность полицейского заключается в том, чтобы как можно быстрее «проникнуть» в личное пространство людей, например, задержать и обыскать человека, совершить принудительные действия.

Конфронтация и угроза применения силы. Наиболее сильными стресс-факторами полицейской работы являются: опасность быть раненным или убитым, или неправильно применить оружие самому либо напарником. Среди 2552 полицейских, отвечавших на вопрос «Какую ситуацию Вы воспринимаете лично для себя как психически самую напряженную?» 78,7% назвали «применение оружия», ситуацию «извещение родственников о смерти» обозначили как напряженную 72,7 % опрошенных и ситуацию «несчастный случай с погибшими и раненными» назвали очень напряженной 65,7 % полицейских [2].

Конфронтация (противостояние) со смертью. Мертвые люди, особенно дети, участие во вскрытиях трупов, сообщение родственникам известия о чьей-либо смерти являются также чрезвычайно стрессовой задачей. Смерть или самоубийство коллеги трогает до глубины души. Сообщения средств массовой информации о ранениях и смертельных случаях во время несения службы полицейскими могут повысить собственную уязвимость.

Вынужденное самообладание. Расхождение между внутренним волнением и демонстрируемым вовне хладнокровием также может стать источником стресса. Полицейские обязаны во время операций соблюдать сдержанность и в связи с этим сильно контролировать свои эмоции, например, при общении с агрессивно настроенными или находящимися под воздействием наркотиков людьми, пьяными дебоширами – это дается нелегко. Симпатии и антипатии не должны нарушать нейтральные, определенные законом действия сотрудника полиции.

Давление времени и ответственности. Сокращение кадров и уплотнение рабочего времени являются также типичной проблемой для полиции. Тот, кто занимается управленческой (административной) деятельностью, живет с постоянным чувством «сдвинуть огромную гору» работы, не пропустить никакую встречу или сроки сдачи отчетов.

Работа по сменам. Работа по сменам или выезд по вызову, что типично для сотрудников полиции, вынуждают действовать полицейского против своих внутренних биологических часов. В связи с этим, многие из работающих посменно, начиная с 40-летнего возраста, страдают от увеличения веса и сердечно-сосудистых заболеваний. Кроме того, результат работы по сменам приводит к негативным социальным последствиям: круг друзей сужается, семейные разногласия учащаются.

Чрезмерные профессиональные и организационные требования. В отдельных случаях может произойти так, что сотрудник полиции сталкивается с задачами, для решения которых у него отсутствуют актуальные профессиональные знания и компетенции, необходимая информация или практические способности. Стресс в этом случае неизбежен.

Конфликты в кругу коллег. Плохой климат в коллективе – это всегда и в любой отрасли является проблемой. В полиции, где люди вынужденно зависят друг от друга, плохое социальное взаимодействие вдвойне является источником напряжения. Издевательство в коллективе (mobbing) как экстремальная форма межличностного конфликта считается согласно медицинским исследованиям сильнейшим стресс-фактором. Ко всему прочему исчезает доверие в том случае, когда возникают чрезвычайные ситуации, требующие помощи коллег. Если дух товарищества улетучивается, то у многих это приводит также к повышению уровня стресса.

Неправильное управленческое поведение. Одной из серьезных хронических причин стресса является неправильное поведение руководителей. Определенный процент руководителей, которые показывают недостаточную социальную компетенцию, создают огромные проблемы. Недостаточное признание, игнорирование проблем, несправедливые привилегии одним и ущемление интересов других сотрудников, несправедливая и субъективная критика, покровительство одних и недооценка других – это только некоторые жалобы подчиненных на своих руководителей в совет служащих. Причина такого поведения руководителя частично заключается в их собственном стрессе. Возникает впечатление, что некоторых повышали в должности несмотря на некомпетентность (принцип Петера). Таким образом, они находятся при выполнении новых задач под таким напряжением, что уже нет никаких ресурсов справедливого человечного руководства сотрудниками.

Отсутствие уважения к сотрудникам полиции. Согласно немецким исследованиям, только 10 % полицейских сказали, что с ними обращались уважительно. Полицейские указывали на отсутствие уважения не только со стороны граждан (согласно исследованиям, это составляет 82 %), но и

со стороны начальства и коллег (15 % и 16 % соответственно) [5]. Явное проявление неуважения по отношению к себе и своей работе при всей её напряженности и опасности также является сильным стресс-фактором.

Фрустрации. Они могут стать пусковым механизмом для длительного и значительного стресса, например, из-за неудавшейся полицейской операции, или если определенные полицейские мероприятия постоянно проводятся впустую. Стресс появляется в первую очередь у таких людей, которые не пытаются выяснить причины, а остаются зажатыми фрустрациями и вследствие этого годами носят в себе злобу.

Мы перечислили стресс-факторы типичные для деятельности полицейских. Однако полицейский является, как и все мы членом общества, имеет семью и друзей и это окружение также может нести в себе стрессовые ситуации. В.Л. Марищук и М.А. Евдокимов выделили три основные группы стресс-факторов: социально-бытовые, профессиональные и ситуативные (временные) [1].

Немецкие ученые по заказу Федеральной службы по охране труда и медицинскому обеспечению провели исследования и выявили, что более 50 % работающих работают от 44 до 47 часов в неделю. Они испытывают такие симптомы стресса как усталость и истощение (52 %), боли в спине и пояснице (51 %), физическое изнеможение (40 %), нарушения сна (34 %), подавленное состояние или депрессию (24 %). Член правления объединения немецких профсоюзов Аннели Бунтенбах (Annelie Buntenbach) и Федеральное объединение немецких союзов работодателей (Bundesvereinigung der Deutschen Arbeitgeberverbände, BDA) заявили, что правила труда эпохи индустриализации устарели в эпоху цифровых технологий и требуют больше гибкости от предприятий [6].

Немецкое общество психиатрии, психотерапии и неврологии (DGPPN) в 2012 году разработало документ, в котором выделило стресс – фактор «выгорание» как «состояние риска вследствие долговременного перенапряжения на работе». В документе говорится, что этот синдром стресса не выделен пока в отдельную болезнь, но, чтобы это лечить, требуется четкая дефиниция этого заболевания. Тем не менее, с учетом пожеланий ученых – психологов, Федеральное правительство Германии в Законе об охране труда обновило содержание параграфа 4, в 1-ом абзаце говорится, что «работа должна быть организована так, чтобы избежать угрозы жизни человека, а также его физическому и психическому здоровью и по возможности максимально снизить, если таковая имеется» [3].

В системе МВД России существуют реабилитационные центры и службы психологов для работы с сотрудниками, подвергшимся сильному психическому напряжению и стрессу. Но нам представляется возможным улучшить работу по профилактике стресса у сотрудников полиции посредством изучения зарубежного опыта, и, возможно, путем создания Незави-

симого Совета служащих (как аналог профсоюза) для защиты прав сотрудников полиции в своей же системе.

Библиографический список

1. Стресс в служебной деятельности сотрудника правоохранительных органов. – https://e-koncept.ru/2015/85626.htm дата обращения 13.03.2019)

2. Belastungen von Polizeivollzugsbeamten – Empirische Untersuchung zur Posttraumatischen Belastungsstoerung bei bayerischen Polizeivollzugsbeamten/-innen. – https://edoc. ub.uni-muenchen. de/3250/1/Latscha_Knut.pdf (дата обращения 14.03.2019)

3. Erschoepfungsdepression: Was man ueber Burn-outwissen sollte| Zeit Online Электронный ресурс: https://www.zeit.de/karriere/beruf/2014-06/wichtigste-fragen-burn-out (дата обращения 24.10.2016)

4. Psychische Belastungen und Stress im Polizeidienst –Runter vom Stresskarussell. – https://www.gdp.de/id/dp200601/$file/DeuPol0601.pdf (дата обращения 5. 10. 2016)

5. Studie: Polizeiberuf und die emotionalle Belastung - Polizeitest Электронный ресурс: https://www.polizeitest.de/studie-polizeiberuf-und-die-emotionale-belastung/ (дата обращения 13.03.2019)

6. So gestresst sind die Deutschen von der Arbeit Электронный ресурс: https://spielraum.xing.com/2016/10/umfrage-so-gestresst-sind-die-deutschen-von-der-arbeit/ дата обращения 24.10. 2016).

УДК 37.017.7

Булдашов В.А., доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к. ист.н., доцент, полковник милиции в отставке

Подготовка будущих юристов к решению профессиональных задач в соответствии с этическими нормами

Аннотация. В тезисах раскрывается совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для формирования у студентов, обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность», общекультурной компетенции ОК-4 (способность выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета) на занятиях по профессиональной этике, а также применяемые с этой целью методы и приемы, имеющие практическую направленность.

Ключевые слова: формирование, общекультурная компетенция, служебный этикет, профессионально-этические нормы.

Современные условия работы правоохранительных органов характеризуются непрерывным совершенствованием и модернизацией, поэтому важнейшим качеством специалиста является моральная зрелость, способность учитывать требования этики и выбирать правильные решения в нестандартных ситуациях. Современный квалифицированный специалист должен не только обладать определенным набором знаний, но и быть воспитанным, коммуникативным, знать нормы и правила служебного общения. Решить эту задачу помогает ОК-4: «Выпускник… должен обладать… способностью выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета» [2].

В ходе формирования компетенции выпускник должен освоить следующие знания, умения и навыки. Знать: основные этические понятия и категории, содержание и особенности профессиональной этики в юридической деятельности, возможные пути и способы разрешения нравственных конфликтных ситуаций в профессиональной деятельности юриста; правила служебного этикета и поведения в коллективе, особенности общегражданского и служебного этикета, его основные нормы и функции. Уметь: оценивать факты и явления профессиональной деятельности с этической точки зрения; применять нравственные нормы и правила поведения и служебного этикета в служебном коллективе и вне его; обращаться одинаково корректно с гражданами независимо от их служебного или социального положения. Владеть: навыками поведения в коллективе и общения с гражданами в соответствии с нормами и правилами служебного этикета; навыками оценки своих поступков и поступков, окружающих с точки зрения норм этики и морали.

Эта компетенция формируется за счет педагогического и методического подходов. Усвоение происходит путем включения в содержание занятий, определенных тем, а также самого образовательного пространства, взаимодействия между преподавателем и обучающимися и между самими студентами.

Для формирования этой *общекультурной компетенции* на занятиях по профессиональной этике нами применяются следующие методы и приемы:

– изучение нормативной базы служебной этики и этикета, «Кодекса профессиональной этики сотрудников правоохранительных органов»;

– составление, написание и выступление с тематическими сообщениями «Какие морально-нравственные принципы должны быть отражены в новом кодексе этики полицейского. Возможен ли служебный обман, подлог для достижения благовидных целей (цель оправдывает средства?)»;

– написание эссе по заданной преподавателем теме: «Что, по Вашему мнению, означает быть ответственным юристом и/или юристом, соблюдающим нормы профессиональной этики? Считаете ли Вы, что деятельность всех юристов в России, оказывающих юридическую помощь/услуги,

следует регулировать специальными нормами о профессиональной этике и ответственности? Почему да или почему нет?»;

– решение ситуационных задач, требующих от студента знаний служебного этикета: «Старший участковый майор Иванов собирался в отпуск с женой на Чёрное море в июне. С этой целью он попросил у своих подчинённых – лейтенантов Петрова и Сидорова – денег в долг, пообещав отдать их в скором времени. Вернувшись из отпуска, Иванов продолжал работать, а лейтенанты не напоминали ему о долге, боясь испортить с начальником отношения. В итоге Иванов вернул деньги, получив в феврале следующего года крупную премию. Дайте оценку данной ситуации в соответствии со статьями «Кодекса профессиональной этики…». Ответом является указание на статью 16, пункт 8 «Руководитель не имеет морального права занимать деньги у подчиненных сотрудников, принимать подарки, используя их зависимое служебное положение» [1].

– создание проблемной ситуации с опорой на личный опыт студента;

– предложение ответить на спорные вопросы, требующие неоднозначного этического решения (Возможны ли физические меры воздействия (пытки) на правонарушителей в экстремальных ситуациях?).

Общекультурные компетенции отражают самые общие профессионально-этические требования к выпускнику юридического института, вне зависимости от вида его будущей работы в правоохранительной сфере. Это социальные надежды на то, что молодой специалист в ходе своей профессиональной деятельности будет придерживаться морально-этических принципов, провозглашаемым для данного вида деятельности: гуманизм, патриотизм, коллективизм, лояльность.

Библиографический список

1. Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД от 24 декабря 2008 г. № 1138. [Электронный ресурс]: URL: http://www.zakonprost.ru/content/base/part/610931 (дата обращения: 18.12.2018).

2. Об утверждении Федерального Государственного Образовательного Стандарта по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета): приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 ноября 2016 г. № 1424 [Электронный ресурс]: URL: http: //fgosvo. ru /news/7/2111.

УДК 343.951

Иванова Л.Ф., доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к.ю.н.

Дисциплина «Основы профайлинга» для студентов специальности «Правоохранительная деятельность»

Аннотация. В данной статье обосновывается необходимость введения в курс обучения студентов по специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» дисциплины «Основы профайлинга» для формирования профессиональных компетенций. Раскрывается сущность понятия «профайлинг», «психологический портрет».

Ключевые слова: профайлинг, профилирование, психологический портрет, правоохранительная деятельность, профессиональные компетенции.

На сегодняшний день дискуссионным является вопрос применений психологических знаний на основе метода профилирования в правоохранительной и правоприменительной деятельности. При подготовке специалистов в области правоохранительной деятельности – будущих полицейских, следователей, дознавателей и оперативных работников необходимо особое внимание уделить формированию навыков составления профиля преступника, а также формированию навыков и умений распознавания признаков лживого поведения, технике общения, ведения переговоров с террористами, способностей к выявлению вербальных и невербальных признаков обмана. Думается, что для специальности 40.05.02 «Правоохранительная деятельность» необходимо ввести спецкурс «Основы профайлинга», в рамках которого изучается методика составления психологического портрета, но в более широком понимании научного познания личности. Полагаем, что зарубежными учеными накоплен значительный опыт профилирования, что позволяет выделить новое направление в обеспечении необходимых профессиональных компетенций при подготовке сотрудников правоохранительных органов и в России.

Профайлинг основывается на знаниях психологии, физиологии, лингвистики, криминалистики, криминологии и других наук. На сегодняшний день это быстро развивающиеся направление, как для психологов, криминологов, психиатров так и криминалистов. Криминальный профайлинг основывается на изучении материальных следов места происшествия. Разработка психологического метода профилирования преступника впервые началась с 50-х годов XX столетия в США. С 1970 года данный метод начинают активно внедрять в правоохранительную деятельность Америки. В Национальной академии ФБР США были внедрены специальные курсы по

криминальной психологии для сотрудников ФБР. Одновременно данная методика стала применяться израильской авиакомпанией «Эль-Аль» применительно к предполетному досмотру граждан в зоне регистрации авиапассажиров и с 1984 г. стала применяться службами авиационной безопасности ряда зарубежных стран.

Если говорить о впервые применённом методе профилирования в России, то необходимо отметить что в СССР составлением профилей преступников занимались в основном психиатры и сексологи, когда расследовались серийные преступления. Мировую известность получил психиатр А.О. Бухановский, составив психологический портрет Чикатило. В дальнейшем, когда в 1990 году Чикатило был задержан, руководство следствием обращалось за помощью к А.О. Бухановскому и на стадии следственных действий [1, 8].

Необходимо отметить, что в мире еще нет профессии – профайлер. Даже в США, несмотря на многолетний опыт, чтобы стать профайлером необходимо стать полицейским и работать в ФБР, то есть это не профессия, а все лишь функция полицейского.

В юридической психологии применительно к исследованию человека выделяют следующие методы научного познания: наблюдение, беседа (интервью), эксперимент, психодиагностика (тесты, анкеты, опросники), биографический метод, праксиометрический. [4, 6, 7, 16, 20]. Профилирование как метод юридической психологии в классических учебниках не выделен. В российской науке вообще нет единого подхода к определению «профайлинг». Так, например, под профайлингом понимаются технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии [13, с. 9.]. Более узкую трактовку понятию «профайлинг» дают А.В. Домидонтов, И.А. Семенова «профайлинг – это технологии, направленные на предотвращение актов незаконного вмешательства посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций при проведении мероприятий по обеспечению безопасности с применением методов прикладной психологии» [14, с. 7]. Ряд ученых под профайлингом понимают набор психологических методик оценки и прогнозирования поведения человека, осуществляемый путем анализа наиболее информативных частных признаков, характеристик внешности, вербального и невербального поведения [3, с. 7; 9, с. 5]. Р. Ресслер рассматривал указанный метод как «процесс идентификации всех психологических характеристик индивидуума, составляющий общее описание личности, основанный на анализе преступлений, совершенных им» [15, с. 3]. В.А. Образцов и Н.Н. Богомолова под «профиль» («портрет») понимают «…систему сведений о психологических и иных признаках данного лица, существенных с точки зрения его выявления и идентификации» [12, с. 49].

Под понятием «профайлинг» в российской юридической психологии более традиционным выступают понятия – «психологический портрет» [2], «психологическое портретирование» [3, 10, 21], «портрет (профиль) неустановленного преступника психологический» [22, с. 184 – 185], «поведенческий портрет» [5, с. 22].

Полного совпадения между анализируемыми понятиями, нет. Очевидно, что «криминальный профайлинг» – это более широкое понятие. В данный метод входит составление психологического портрета, анализ ситуации или места происшествия, а также география места преступления, для выяснения предполагаемого места жительства подозреваемого. Под психологическим портретом следует понимать всего лишь совокупность характерологических и поведенческих признаков и особенностей личности, позволяющие прогнозировать различные варианты поведения человека. Например, А.И. Анфиногенов под термином «психологический портрет преступника» понимает психолого-криминалистический метод и результат познания криминального события, ориентированный на выявление комплекса сведений об индивидуальных признаках и особенностях личности субъекта преступления, проявившихся в совокупности обстоятельств и следах преступной деятельности, где лицо описывается в терминах его устойчивого психологического и гражданского состояния» [2, с. 38] хотя, по нашему нению, под такую трактовку скорее подходит термин «криминальный профайлинг преступника» как комплекс сведений о личности, а не только его психологическая характеристика.

В настоящее время профайлинг развивается в нескольких направлениях: 1) при кадровом отборе (эффективно используется при проведении профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в правоохранительные органы и другие государственные и частные структуры. Может быть использован в качестве диагностики антикоррупционной устойчивости сотрудника; 2) в деятельности правоохранительных органов (при диагностике человека в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений); 3) в деятельности полиции при работе в местах массового скопления людей, с целью выявления террористов, провокаций, и массовых беспорядков; 4) для транспортной безопасности – наблюдение и опросов пассажиров в ходе предполётного досмотра в аэропортах. Внедрено израильскими учеными и активно применяется во многих странах в том числе и в России. 5) методику профайлинга предлагается внедрить в бизнес-среде [11].

Думается, что указанный метод научного познания будет активно внедряться в криминалистику и юридическую психологию. Следует согласиться с мнением О.А. Соколовой, которая отмечает, что использование данной методики при диагностике человека в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений, будет способствовать развитию таких разделов криминалистики, как криминалистическая тактика и методика [17].

В связи с этим верным представляется предложение Е.С. Черкасовой о необходимости включить в программу повышения квалификации сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, ФСБ России, МВД России изучение метода профайлинга [19], а В.М. Статный, например, обосновывает необходимость подготовки курсантов в вузах МВД России по учебной дисциплине «Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте» [18].

На основании вышеизложенного, полагаем, что изучение основ профайлинга необходимо внедрять на первых ступенях обучения будущих специалистов в области правоохранительной деятельности. В специальном курсе предлагается рассматривать следующие темы: 1) теоретико-методологические основы профайлинга (базовые научные теории); 2) профайлинг при проведении следственных действий; 3) профайлинг при работе в местах массовых скоплений людей; 4) криминальный профайлинг.

Методика профайлинга позволит сформировать навыки наблюдательности, гибкости, оперативности и креативности мышления; лучшего усвоения новой информации и передачи ее из кратковременной в долговременную память; нестандартно действовать; уменьшить стереотипность восприятия и когнитивные искажения, что в целом позволит на основе современных технологий выработать комплексную профессионально-психологическую подготовку сотрудников правоохранительных органов, которая позволит в будущем на высоком профессиональном уровне противодействовать преступности.

Библиографический список

1. Антонян, Ю.М. Сексуальные преступления. Чикатило и другие. / Ю.М. Антонян, А.А. Ткаченко. – М.: Амальтея, 1993. – 320 с.

2. Анфиногенов, А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997. – 183 с.

3. Анфиногенов, А. И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. / А.И. Анфиногенов. – М.: Академия управления МВД России, 2002. – 133 с.

4. Аминов, И. И. Юридическая психология: учеб. пособие для вузов по специальности (030301) «Юриспруденция» И. И. Аминов. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2007. – 415 с.

5. Бандурка А.М., Бочарова С.П., Землянская Е.В. Юридическая психология: учебник. – Харьков: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел, 2002. – 596 с.

6. Васильев, В.Л. Юридическая психология Текст учебник для вузов по направлению «Юриспруденция» / В.Л. Васильев. – 7-е изд., перераб, и доп. – М.: Юстиция, 2016. – 640 с.

7. Еникеев, М.И. Юридическая психология / М.И. Еникеев. – М.: Норма, 2008. – 512 с.

8. Котова, Е.С., Крюкова, Е.С. Психологический профиль как способ поиска преступника. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:// www. law.edu. ru/doc/ document. asp?docID=1251581. Дата обращения: 22.02.2019.

9. Кулик, А. Записки профайлера. На основе практического опыта / А. Кулик, М. Мостовюк, Е. Гусева. – М.: 2015. – 146 с.

10. Логунова, О.А. Психологические особенности личности и поведения различных типов серийных сексуальных убийц: дис. … канд. психол. наук. – М., 2018. – 179 с.

11. Марцева, Т.Г. Коммерческий профайлинг как технология управления / Т.Г. Марцева. // Актуальные вопросы психологии и педагогики. Общество и право. 2014. №2 (48). С. 292 – 294.

12. Образцов, В.А. Криминалистическая психология / В.А. Образцов, Н.Н. Богомолова. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2002. – 448 с.

13. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. Ю.М. Волынского-Басманова, Н.Д. Эриашвили. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. – С. 9.

14. Профайлинг : учеб. пособие / сост. А. В. Дормидонтов, И. А. Семенова. – Ульяновск : УВАУ ГА(И), 2011. – 111 с.

15. Ressler R., Burgess A., Douglas J. Criminal profiling research on homicide. Unpublished research report. N.Y. 1982. P. 3.

16. Романов, В. В. Юридическая психология: учеб. по юрид. специальности и юрид. направлению. / В.В. Романов. – М.: Юрист, 2000.

17. Соколова, О.А. Некоторые возможности применения профайлинга при диагностировании человека в профилактике, раскрытии и расследовании преступлений. / О.А. Соколова // Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. матер. второй Всерос. науч.-практич. конф. 29 – 30 ноября 2012 г. – С. 93 – 100.

18. Статный, В.М. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте: технология и учебная дисциплина. / В.М. Статный // Психология и право. – 2013. – № 2. – С. 77 – 87.

19. Черкасова, Е.С. Профайлинг как метод создания психологического портрета потенциального преступника на этапе организации предварительного расследования / Е.С. Черкасова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». – 2013. – Т. 9. № 1. – С. 72 – 75.

20. Чуфаровский, Ю.В. Юридическая психология / Ю.В. Чуфаровский. – М.: Юриспруденция, 2000. – 336 с.

21. Шпагина, Е.М. Интегрированная природа метода психологического портретирования в правоохранительной деятельности / Е.М. Шпагина // Психология и право. – 2015(5). – № 4. – С. 71 – 79.

22. Энциклопедия юридической психологии / под. общ. ред. А.М. Столяренко. – М.: Юнити-Дана, Закон и право. 2003. – 607 с.

УДК 159.99

Кондратенков С.Н., преподаватель Центра профессиональной подготовки ГУ МВД России по Челябинской области, майор полиции

Психологические особенности управления служебным коллективом в особых условиях

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые психологические аспекты эффективности управления служебным коллективом сотрудников органов внутренних дел в особых условиях, связанные с феноменом лидерства и управленческого лидерства.

Ключевые слова: экстремальные ситуации лидерство, управленческий лидер, лидерские качества.

Экстремальные ситуации, которые вероятны в особых условиях несения службы, актуализируют инстинкты коллективного бессознательного и повышают влияние неформального лидера на поведение группы. Поэтому существует вероятность снижения качества управления или его перехвата неформальным лидером у официального руководителя с неоднозначными последствиями для выполнения поставленной задачи.

В поисках решения обозначенной проблемы рассмотрим феномен лидерства в контексте психологии управления. Управленческую деятельность можно условно разделить на две составляющие: администрирование – формальное руководство и неформальное – лидерство. Администрирование включает в себя планирование, координацию, принятие управленческих решений и контроль. Функциями лидерства являются сплочение коллектива, вовлечение в общую деятельность, мотивация к достижениям целей и результатов. При правильной организации управленческой деятельности администрирование и лидерство не соперничают, а взаимно дополняют друг друга. Вариантами такой организации может быть сотрудничество руководителя и лидера, или руководство управленческого лидера. Под управленческим лидером следует понимать руководителя, обладающего влиянием и авторитетом неформального лидера, наряду с официальным должностным статусом и полномочиями. В силовых структурах в основу управления положен принцип единоначалия. Это связано с критической важностью скорости принятия решений для выполнения поставленных задач в экстремальны ситуациях. Очевидно, что «управленческий лидер» будет принимать решения статистически быстрее чем связка «руководитель-лидер».

Важно отметить позитивное влияние управленческого лидера на морально-психологический климат и процесс формирования коллектива. Замечено, что в подразделении, возглавляемом таким руководителем, полнее раскрывается потенциал личности сотрудника и выше мотивация каждого

сотрудника на качественное выполнение поставленных задач. В таком коллективе более благоприятный социально-психологический климат, лучше морально-психологическое состояние сотрудников, развиты эмоциональная поддержка и взаимопомощь, реже возникают деструктивные конфликты, сотрудники выполняют свои обязанности более инициативно и добросовестно. Важным качеством управленческого лидера является способность формировать коллектив, общую цель и единое понимание всеми сотрудниками существующей ситуации. Поэтому особенно актуально назначение управленческого лидера на руководящую должность, в недавно сформированном коллективе перед выездом для несения службы в особых условиях.

Представляется очевидным что руководителю, назначенному управлять служебным коллективом в особых условиях, целесообразно стать управленческим лидером.

Каким образом происходит выдвижение лидера? Появление общей цели у людей превращает их в группу и приводит к выдвижению лидеров. Лидер – это участник группы, организующий деятельность ее членов для достижения общей цели. Именно группа решает: кто именно сможет организовать достижение общей групповой цели наилучшим образом. Того, кто наиболее заметно проявил в нужный момент подходящие для этого качества, группа наделяет лидерскими полномочиями и статусом. По определению Е.С. Яхонтовой: «Лидерство в условиях групповой динамики и его эффективность определяется способностями лидера воспринять и удовлетворить специфические потребности группы на каждой стадии и выбрать стиль воздействия (модели поведения) в соответствии с готовностью членов группы подчиниться и выполнить задание» [3, с. 64 – 74]. Существуют два варианта объяснения феномена лидерских качеств. Первый вариант можно обозначить утверждением «лидерами рождаются, а не становятся». То есть лидер обладает «стандартным набором» личностных качеств, благодаря которым окружающие наделяют его лидерским статусом. Действительно, лидеры обладают сходными личностными особенностями: сильный тип нервной системы с преобладанием возбуждения над торможением, что обусловливает их агрессивность и выносливость; низкий уровень личностной тревожности, уверенность в себе, решительность и активная позиция в экстремальных условиях, видение ситуации в целом, гибкость при принятии решений и развитые коммуникативные навыки. Второе объяснение феномена лидерства утверждает, что набор лидерских качеств не является «стандартным», а определяется актуальной целью конкретной группы. Поэтому смена цели группы может привести и к смене ее лидера.

Во всех случаях, лидер становиться таковым, проявляя некие качества, которые от него ожидает коллектив. Если эти качества своевременно проявлены официальным руководителем, то он может стать управленческим лидером. Коллектив внимательно наблюдает за действиями недавно

назначенных руководителей и решает, кто достоин быть лидером, а кто просто «оказался при должности». Руководителю легче сразу создать о себе позитивное впечатление в коллективе, чем в последствии ценой значительных усилий и времени изменить негативное мнение о себе на благоприятное. Поэтому руководителю, претендующему на статус управленческого лидера, необходимо с самого начала четко знать какие качества от него ожидают подчиненные.

В целях конкретизации и анализа изменчивости личностны качеств, ожидаемых от руководителя подчиненными в особых условиях, в Центре профессиональной подготовки ГУ МВД России по Челябинской области было проведено лонгитюдное социологическое исследование. В период 2014 – 2015 гг., методом анонимного анкетирования, были изучены ожидания личностных качеств своих руководителей 270 сотрудников, проходящих подготовку перед отправкой в служебную командировку для выполнения задач в особых условиях. Участникам опроса предлагалось произвольно сформулировать 3 наиболее положительных и 3 отрицательных качества руководителя в условиях предстоящей командировки. Для детального изучения мнения различных категорий сотрудников был выполнен дифференцированный анализ в подгруппах, различающихся:

– по возрасту (моложе и старше 35 лет);

– по специальному званию (старший и средний начальствующий состав, рядовой и младший начальствующий состав);

– по наличию либо отсутствию опыта командировок с особыми условиями службы.

Наиболее часто встречающиеся качества в целом и в каждой подгруппе приводятся в виде таблиц (табл. 1, 2).

Таблица 1

Положительные и отрицательные качества руководителя в целом

Результаты 2014 года		**Результаты 2015 года**	
Положительные качества	Отрицательные качества	Положительные качества	Отрицательные качества
Справедливость – 16%	Трусость – 12%	Справедливость – 19%	Трусость – 16%
Решительность – 11%	Глупость – 7%	Ответственность – 7%	Глупость – 7%
Ответственность – 8%	Лживость – 6%	Смелость – 7%	Заносчивость – 6%

Обращает на себя внимание сходство и относительная стабильность положительных и отрицательных качеств, отмеченных разными сотрудниками, в разное время и во всех подгруппах. Возраст, опыт командировок и звание мало влияют на ожидаемый набор лидерских качеств. От руководителя (и лидера) ждут справедливости, смелости, способности принимать решения и брать на себя ответственность. Имеют значение такие качества

как профессионализм, честность и вежливость. Важны развитые коммуникативные навыки. Например, руководителю не всегда достаточно только принять справедливое решение, еще необходимо уметь объяснить его справедливость подчиненным.

Таблица 2

Положительные и отрицательные качества руководителя по подгруппам (данные 2015 г.)

Не имеющие опыт командировок		**Имеющие опыт командировок**	
Положительные качества	Отрицательные качества	Положительные качества	Отрицательные качества
Справедливость –19%	Трусость – 20%	Справедливость –19%	Трусость – 27%
Смелость – 1%	Злость –7%	Решительность – 9%	Глупость – 14%
Ответственность–10%	Заносчивость –7%	Смелость –7%	Нерешительность–9%
Сержантский состав		**Офицерский состав**	
Положительные качества	Отрицательные качества	Положительные качества	Отрицательные качества
Справедливость–20%	Трусость – 16%	Справедливость –16%	Трусость – 22%
Смелость – 9%	Заносчивость–10%	Ответственность–11%	Глупость – 11%
Ответственность–8%	Злость– 8%	Смелость –10%	Корыстность – 8%
До 35 лет		**После 35 лет**	
Положительные качества	Отрицательные качества	Положительные качества	Отрицательные качества
Справедливость – 20%	Трусость – 19%	Справедливость–14%	Трусость – 20%
Смелость – 11%	Агрессивность – 7%	«Грамотность» – 10%	Амбициозность – 18%
Ответственность – 9%	Глупость–6%	Смелость – 13%	Глупость – 12%

Феномен лидерства менее стабилен, чем официальное руководство, так как зависит от симпатий коллектива. Эта особенность требует систематических мер, направленных на сохранение управленческим лидером своего статуса. Важный аспектом сохранения лидерского влияния являются стрессоустойчивость и самоконтроль руководителя, его способность длительно выдерживать воздействие стрессоров [2, с. 14]. Не случайно среди типичных лидерских качеств присутствуют: «выносливость», «низкая личностная тревожность» и т.п. Не секрет, что максимальную психологическую нагрузку в коллективе испытывает именно руководитель. На нем лежит ответственность за весь коллектив и поставленную задачу. Накопленные негативные эмоции и хроническое состояние тревоги могут отрицательно влиять на лидерские и управленческие качества руководителя, на его здоровье и на правильность принимаемых решений. «Срывы» на подчиненных, суетливость, волнение, и другие признаки снижения и потери самоконтроля могут быть расценены подчиненными как проявления слабости, «глупости» и несправедливости, что может привести руководителя к частичной или полной ут-

рате статуса лидера. Как показывает практика, часть руководителей не занимаются вопросами своей психологической защиты, считая это уделом «слабых людей» или ссылаясь на недостаток времени.

Минимизация отрицательных воздействий стрессоров на руководителя в особых условиях может быть решена на нескольких уровнях. На уровне коллектива это все мероприятия, направленные на поддержание благоприятного социально-психологического климата. При благоприятном социально-психологическом климате стрессоустойчивость все его членов всегда выше, включая руководителя [1, с. 111 – 123]. Существенную роль для позитивного психологического климата в замкнутом коллективе играет активная позиция руководителя в справедливом и своевременном решении возникающих конфликтов. Целый блок психологических проблем в коллективе при длительной командировке могут предотвратить регулярные спортивные мероприятия. Спортивные соревнования хорошо снимают накопленное эмоциональное напряжение и отреагируют агрессию. Командные виды спорта сплачивают коллектив и вырабатывают важное умение «чувствовать» друг друга во время спецопераций. Занятия физической культурой и спортом повышают у сотрудников самооценку, уверенность в своих силах и формируют установку на здоровый образ жизни. Личное участие руководителя в таких мероприятиях только повышает его авторитет, не зависимо от личных спортивных успехов.

На индивидуальном уровне для руководителя хорошей мерой профилактики дистресса является максимально возможная оптимизация режима дня, особенно длительности сна. Систематический дефицит сна существенно повышает вероятность совершения ошибок. Хорошо снимает эмоциональное напряжение любая регулярная и умеренная физическая нагрузка. Вполне эффективны различные техники психологической саморегуляции, начиная с хорошо известной аутогенной тренировки, при условии правильного и систематического их использования.

Библиографический список

1. Березин, Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф.Б. Березин. – Л.: Наука, 1988.

2. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1979.

3. Яхонтова, Е.С. Эффективность управленческого лидерства / Е.С. Яхонтова. – М: ТЕИС, 2002.

УДК 34.08

Коровин В.В., полковник полиции

Из опыта подготовки членов добровольных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, участвующих в обеспечении общественного порядка на территории муниципальных образований Челябинской области

Аннотация. В статье рассмотрен опыт подготовки членов добровольных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности. Анализируется успешная практика, действующей в Челябинской области модели обучения дружинников в виде проведения учебно-методических сборов по «кустовому методу».

Ключевые слова: добровольные дружины, объединения правоохранительной направленности, народные дружинники.

В соответствии со статьей 15 Федерального закона от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ "Об участии граждан в охране общественного порядка" вступил в силу приказ МВД России от 18 августа 2014 года № 696, который утвердил Порядок подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи [1].

Целью подготовки народных дружинников является получение знаний, умений и навыков, необходимых в практической деятельности при участии в мероприятиях по охране общественного порядка.

Основными задачами подготовки народных дружинников являются:

1. Ознакомление с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, правовыми актами МВД России, регламентирующими деятельность народных дружинников, и их практическое применение при участии в охране общественного порядка.

2. Формирование, закрепление, развитие у народных дружинников практических навыков к действиям при участии в охране общественного порядка.

3. Ознакомление с мерами личной безопасности и приемами самозащиты при участии в охране общественного порядка.

4. Поддержание у народных дружинников постоянной готовности участвовать в предупреждении и пресечении правонарушений.

5. Формирование навыков оказания первой помощи.

Подготовка народных дружинников в основном осуществляется в формате инструктажей перед проведением мероприятий по охране общественного порядка, которые проводятся руководящим составом территориальных подразделений МВД России на районном уровне. На них затраги-

ваются вопросы по правовой, специальной, психологической и медицинской подготовке. В отдалённых муниципальных образованиях инструктаж народных дружинников проводится участковыми уполномоченными полиции совместно с командирами народных дружин.

Как показала практика, 30 минут, отведённых на инструктаж, явно недостаточно для получения народным дружинникам необходимых знаний, умений и навыков.

В различных регионах Российской Федерации проведение занятий с членами ДНД проходит различными способами.

Так, Главное управление региональной безопасности Московской области с 2016 года проводит обучение народных дружинников на базе Российского университета туризма и сервиса в виде двухдневных курсов.

В Пензенской области с 2016 года подготовка народных дружинников осуществляется в частном образовательном учреждении дополнительного профессионального образования «Прайд», который разрабатывает план-график учебных сборов на год.

В Невинномысске (Ставропольский край) и Бузулукском районе (Башкирия) в 2016 году к проведению занятий с членами ДНД привлекались представители администрации муниципалитетов, а в Соль-Илецке (Оренбургская область) – районной прокуратуры и станции скорой медицинской помощи ГБУЗ «Городская больница г. Соль-Илецка».

В ГУ МВД Росси по Самарской области в апреле 2015 года был разработан курс обучения народных дружинников, рассчитанный на 30 учебных часов. Подготовка народных дружинников проходит на базе ЦПП ГУ МВД России по Самарской области, территориальных органов, а также в режиме видеоконференции.

В 2015 году на базе Центра профессиональной подготовки ГУ МВД России по Челябинской области (далее ЦПП) состоялась Первая областная конференция общественных объединений правоохранительной направленности и добровольных народных дружин (далее ДНД) Челябинской области, на которой, в частности, были констатированы недостатки по обучению народных дружинников в соответствии с требованиями Федерального Закона от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

В целях реализации требований федерального законодательства, нормативных правовых актов МВД России и решения Первой областной конференции общественных объединений правоохранительной направленности и добровольных народных дружин Челябинской области начальником ГУ МВД России по Челябинской области генерал-лейтенантом полиции А.Ф. Сергеевым было подписано распоряжение о проведении учебно-методических сборов с членами реестровых народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности Челябинской области.

Преподавателями ЦПП был подготовлен тематический план учебно-методических сборов, который рассчитан на 8 учебных часов (1 день) и включает в себя 4 основных раздела:

1. Организация деятельности ДНД по охране общественного порядка
2. Правовая подготовка.
3. Психология общения ДНД с гражданами.
4. Алгоритм оказания первой помощи.

В 2016 году преподавателями ЦПП проведено восемь учебно-методических сборов с членами ДНД, осуществляющих охрану общественного порядка на территории муниципальных образований Челябинской области.

Первые два учебно-методических сбора были проведены на базе ЦПП. В данных мероприятиях приняли участие члены ДНД, участвующих в охране общественного порядка на территории городов Челябинска, Копейска, Сосновского, Красноармейского, Еткульского, Кунашакского и Коркинского районов.

Последующие шесть учебно-методических сборов были проведены по «кустовому» методу на базе Управления МВД России по г. Магнитогорску, Межмуниципальных отделов МВД России «Кыштымский» и «Южноуральский», отделов МВД России по Златоустовскому и Усть-Катавскому городским округам и отдела МВД России по Варненскому району.

В рамках подготовки народных дружинников преподавателями ЦПП были рассмотрены общие положения Федерального закона № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», порядок создания и деятельности ДНД, основные направления деятельности ДНД, условия и пределы применения народными дружинниками физической силы, вопросы обеспечение личной безопасности, полномочия народных дружинников при участии в охране общественного порядка и при возникновении чрезвычайных ситуаций, вопросы правовой и социальной защиты народных дружинников.

До участников сборов были доведены основные положения Закона Челябинской области от 31 марта 2015 года № 148-ЗО «О некоторых вопросах правового регулирования участия граждан в охране общественного порядка на территории Челябинской области» (далее Закон Челябинской области от 31 марта 2015 г. № 148-ЗО), общая характеристика и признаки административных правонарушений и преступлений, наиболее часто совершаемых в общественных местах. Народные дружинники были обучены основным правилам и приёмам по оказанию первой помощи пострадавшим, а также способам установления психологического контакта с гражданами.

Всего в первом полугодии 2016 года было обучение прошли представители 55 ДНД общей численностью более 400 человек.

В 2016 году на базе ЦПП состоялась вторая областная конференция общественных объединений правоохранительной направленности и добро-

вольных народных дружин Челябинской области, одним из решений которой были рекомендации на постоянной основе на базе ЦПП проводить обучение членов ДНД правовому минимуму, навыкам психологического общения, действиям, связанным с применением физической силы и алгоритму оказания первой помощи.

Во исполнение данного решения преподавателями ЦПП в 2017 году повторно проведено восемь аналогичных сборов с членами ДНД, осуществляющих охрану общественного порядка на территории муниципальных образований Челябинской области. Обучение прошли представители 67 ДНД общей численностью более 450 человек.

Всего за 2016 год и первый квартал 2017 года было обучено 865 членов ДНД, каждый дружинник получил свидетельство о прохождении учебно-методических сборов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что действующая в Челябинской области модель обучения дружинников в виде проведения учебно-методических сборов имеет ряд определённых преимуществ:

– занятия с членами ДНД проводятся в течении одного выходного дня без отрыва народных дружинников от работы и учёбы;

– занятия проводятся по «кустовому» методу, в том числе в территориальных органах МВД России Челябинской области;

– к проведению теоретических и практических занятий привлекаются квалифицированными преподаватели ЦПП, имеющие достаточно продолжительный стаж как преподавательской деятельности, так и практической работы в органах внутренних дел;

– при проведении занятий применяются необходимыми средствами мультимедийных технологий;

– проведение учебно-методических сборов практически не требует дополнительных финансовых затрат.

Все участники сборов получили исчерпывающие ответы на интересующие их вопросы, обеспечены электронными лекционными материалами, подготовленными преподавателями ЦПП и обучающими фильмами по профилю проводимых занятий.

В целях оказания практической помощи сотрудникам полиции, координирующих вопросы создания и организации деятельности ДНД в Челябинской области, а также принимающих непосредственное участие в обучении дружинников в процессе проведения инструктажей перед проведением мероприятий по охране общественного порядка на официальном сайте ГУ МВД Росси по Челябинской области в разделе «Народные дружины» размещены информационные и лекционные материалы. Информация о проведении учебно-методических сборов своевременно размещалась на официальном сайте ГУ МВД Росси по Челябинской области [3].

В качестве положительного момента необходимо отметить присутст-

вие при проведении сборов представителей администрации городов Миасса, Магнитогорска, ряда руководителей крупных промышленных предприятий, таких как ММК и АЗ «Урал», атаманов казачьих обществ, представителей Общественных советов при территориальных органах МВД России и советов ветеранов.

В своей статье «Важная составляющая профилактики – помощь общества» начальник Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России генерал-лейтенант полиции Ю.К. Валяев отметил, что по заявке ГУОООП МВД России ВИПК сотрудников МВД России разработана «Примерная (типовая) программа подготовки народных дружинников», которая проходит апробацию в ряде территориальных органов МВД России и в дальнейшем будет направлена во все регионы для использования в практической деятельности [2].

Целью Программы является получение дружинниками необходимых знаний о формах и методах участия в охране общественного порядка на улицах и в иных общественных местах, а также выработка соответствующих навыков.

Практика совместной работы с общественными формированиями правоохранительной направленности показала, что ДНД и другие гражданские объединения могут оказывать неоценимый вклад в обеспечение общественного порядка.

В заключение хочется сказать, что действующая в Челябинской области модель обучения дружинников в виде проведения учебно-методических сборов по «кустовому методу» с привлечением преподавателей ЦПП позитивно сказывается на динамике оперативной обстановки на улицах и в общественных местах.

По информации отдела ВОИВ ЧО и ОМС УОООП и ВОИВС РФ и ОМС ГУ МВД России по Челябинской области по состоянию на 1 апреля 2017 года в областном реестре народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности зарегистрировано было 76 ДНД общей численностью более 1300 человек.

В 2016 году народные дружинники приняли участие в охране общественного порядка при проведении 1212 массовых и 744 оперативно-профилактических мероприятий, а также в составе 3311 совместных патрулях с сотрудниками полиции. С их участием пресечено более 8 тысяч административных правонарушений, раскрыто 118 преступлений, задержано 11 лиц, находившихся в розыске.

Результаты проведённых учебно-методических сборов несомненно скажутся на дальнейшем формировании знаний, умений и навыков, необходимых в практической деятельности дружинников при участии в мероприятиях по охране общественного порядка.

Библиографический список

1. Приказ МВД России от 18.09.2014. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи» //Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 14. – Ст. 1536.
2. Валяев, Ю.К. Важная составляющая профилактики – помощь общества / Ю.К. Валяев // Журнал «Полиция России». – М.: 2016, № 8. – С. 11 – 12
3. https: // 74. мвд. рф

УДК 81'276.6:34

Кубиц Г.В., доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ, к.филол.н., доцент

О специфике профессионального языкового сознания сотрудников правоохранительных органов

Аннотация. Статья посвящена специфике формирования профессионального языкового сознания сотрудников правоохранительных органов. Акцентировано внимание на проблемах профессиональной коммуникации в данной области деятельности.

Ключевые слова: профессиональное языковое сознание коммуникативная компетентность, языковая компетенция, профессиональное языковое сознание.

В профессиональной юридической сфере особое место, на наш взгляд, занимает правоохранительная деятельность, так как помимо правовой направленности не менее важным компонентом работы является профессиональное общение, которое связано с различными психогенными индивидами, особым профессиональным тезаурусом, а также индивидуальной психологической составляющей этой работы.

Именно в профессиональной деятельности человек старается себя полностью реализовать, стать профессионалом, свою работу воспринимает как образ жизни. Это выражается в особом отношении к субъектам, ряду объектов, в особом видении окружающего мира. Сотрудники правоохранительных органов в процессе деятельности сталкивается со сложными задачами не только в исполнительской, но и коммуникативной и психологической составляющей этой профессии. От умения найти правильное решение, умения избежать конфликтных ситуаций, умения понять собеседника нередко зависит жизнь и здоровье граждан. Многие исследователи указывают на то, что работники данной сферы деятельности подвержены различным психологическим стрессам, которые возникают в связи с нега-

тивным отношением части общества к ним, т.е. со сложившимися стереотипами. Все это находит свое отражение в сознании человека. Известно, что сознание индивида в результате отражательной деятельности формирует концептуальную картину мира, которая находит отражение в профессиональной деятельности. Таким образом, мы можем говорить о формировании профессионального образа мира специалиста в определённой области деятельности. Так как профессиональная деятельность работников правоохранительных органов проецируется в речевую деятельность, то можно утверждать, что характерной чертой специалиста является профессиональное языковое сознание и сформированная коммуникативная компетентность. Но овладение профессиональным языковым сознанием происходит постепенно через овладение профессиональным языком, так как это достаточно сложная организация сознания на когнитивном уровне. Согласимся с мнением С.В. Мыскина, он отмечает, что профессиональное языковое сознание формируется в совместной профессиональной деятельности в ходе усвоения профессионального языка. В профессиональном языке свойства предметов зафиксированы в виде специальных понятий, выраженных терминами. В процессе восприятия профессиональных понятий у субъекта формируются субъективные представления о предметах и способах обращения с ними, которые, в свою очередь, складываются в целостный профессиональный образ мира. В дальнейшем, профессиональный язык выступает средством обобщения образов профессионального языкового и неязыкового сознания, возникающих в профессиональной деятельности [1, с. 74].

Полагаем, что первоначально формирование профессионального языкового сознания происходит в процессе обучения: через познание профессиональной терминологии, специальных учебных дисциплин, а также в связи с «погружением» в профессиональную среду в период обучения и в период учебной и производственной практики. Это способствует развитию языковых навыков, появлению профессиональных качеств, мотивационного отношения к овладению языком, а также развитию коммуникативных и других профессиональных качеств. По нашему мнению, формирование языкового тезауруса и развития навыков воздействия на адресата происходит, когда у студентов появляется целевая установка на освоение специального языка и получение знаний. Таким образом, можно говорить о постепенной профессионализации сознания в период обучения, т.е. профессионализация языкового сознания осуществляется, когда создаются оптимальные условия, адекватные будущей профессиональной деятельности. Языковое сознание профессионала – это профессионально ориентированное сознание, это особое видение мира, содержащее совокупность когнитивных образований, отражающих знания, мнения, впечатления, возникающие в профессиональной области действительности, отражающее языковую картину мира и выражающееся в языке и речи.

Познание действительности у сотрудников правоохранительных органов проявляется в психологическом отношении к объектам познания и практической деятельности, что находит свое выражение в психологической оценке себя, своего отношения к данной профессии. Индивидуальные профессиональные качества работников проявляются в межличностном деловом общении. Идеальными компонентами коммуникативной деятельности сотрудников правоохранительных органов являются такие понятия как речевая культура, языковая культура и культура поведения. Эффективность взаимодействия и результаты индивидуальной и совместной деятельности в условиях общения в значительной мере определяется характером межличностных отношений. В профессиональном общении сотрудников правоохранительных органов могут возникать различные коммуникативные ситуации. Это могут быть ситуации, связанные с психологическими барьерами, негативным отношением одной или обеих сторон, непониманием речи собеседника, стрессовые ситуации. Полагаем, что следует согласиться с мнением В.В. Красных в том, что «при понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. Точно так же в психологическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда мы раскрываем этот последний и самый утаенный внутренний план речевого мышления, его мотивацию» [2, с. 5 – 8]. Значит, профессиональное языковое сознание сотрудников правоохранительных органов предполагает достижение понимания в процессе общения и воздействие на собеседника. В процессе профессиональной деятельности сформировавшаяся у сотрудников правоохранительных органов направленность на человека способствует выбору наиболее соответствующих способов профессионального общения, учитывающих особенности собеседника, а также способов взаимодействия с ним, что будет способствовать достижению поставленной цели общения. В определённых коммуникативных ситуациях реализуются такие речевые интенции: выражение стремления к позитивному исходу встречи, предложение аргументировано обосновать свою точку зрения, готовность идти на компромисс. В процессе делового межкультурного общения партнеры реализуют информационную и воздейственную интенции, а также речевых умений и коммуникативных навыков, определяемых нормой и этикой делового коммуникативного поведения [3, с. 2]. Таким образом, предотвратить негативные моменты возникающих коммуникативных ситуаций в рамках профессиональной деятельности языковой личности сотрудников правоохранительных органов возможно путем овладения практическими умениями и навыками эффективного языкового и психологического воздействия, владения собственной культурой через положительное отношение к культурным особенностям собеседника посредством эмпатии и толерантности.

Профессиональный язык сотрудников правоохранительных органов можно отнести к языкам для специальных целей, основанный на особой терминологии и особом построении речи, языковых средствах и специфической их обработке, выполняющий выполняет свои функции с целью решения правоохранительных задач. Значит, особую функцию выполняет коммуникативная сторона деятельности сотрудников правоохранительных органов, успех которой во многом зависит от умелого установления психологического контакта, от культуры, профессионализма. Овладение коммуникативной компетентностью выражается в успешном обладании профессиональным дискурсом, в усвоении профессиональной терминологии как особой языковой единицы, в овладении речевой деятельностью в сфере общения «специалист-специалист», в умении и навыках общения в сфере «специалист-неспециалист», в способности воздействовать в необходимых ситуациях на собеседника.

Коммуникативная компетентность определяются общим уровнем подготовленности юриста, развитием речевых навыков, общей культуры, психологической подготовки как основных фактор успешной профессиональной деятельности, а значит можно говорить о сформированном профессиональном языковом сознании сотрудников правоохранительных органов.

Библиографический список

1. Мыскин, С.В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: дис. … д-ра филол. наук / С.В. Мыскин. – М, 2015. – 670 с. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ruDissertacya_Myskin.pdf

2. Красных, В.В. Некоторые аспекты психолингвистики текста / В.В. Красных // Филология – Philologia: – Краснодар, 1996. – № 2. – С. 5 – 8.

3. Босова, Л.М. Лингводидактические и когнитивные аспекты межкультурной деловой коммуникации /Л.М. Босова // Ползуновский альманах. – Барнаул: Алтайск. гос. тех. ун-т им. И.И. Ползунова, 2000. – № 2 – Режим доступа: http//www.aomai.ab.ru.htm

УДК 378

Магденко И.С., преподаватель кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Актуализация самостоятельной работы при изучении иностранных языков в условиях интернационализации юридического образования

Аннотация. В статье раскрывается значение самостоятельной работы для будущих студентов-юристов на примере обучения иностранному языку. Автор подчеркивает, что в вузе необходимо создать и внедрить систему

регулярного контроля качества выполняемой самостоятельной работы (система тестирования).

Ключевые слова: самостоятельная работа, европейские стандарты, интернационализация, юридическое образование.

Педагогическая наука тесно связана с развитием общества, государства, и в условиях её интернационализации возрастает необходимость постоянного совершенствования форм и методов подготовки будущих юристов. Одним из способов этого совершенствования является использование зарубежного и отечественного педагогического опыта, в том числе и опыта самостоятельной подготовки обучающихся.

Актуальность проблемы самостоятельной работы существовала в педагогике и дидактике всегда [1, с. 132]. Не потеряла эта проблема своей актуальности и в настоящее время, т.е. в период перехода нашей системы образования к европейским стандартам и компетентностному подходу. Самостоятельной работе как важнейшему фактору повышения уровня образования посвятили свои труды многие выдающиеся зарубежные и отечественные педагоги: К.Д. Ушинский, Я.А. Коменский, М.А. Данилов, Е.Л. Белкин, Танаева З.Р. и многие другие. Эта проблема не потеряла своей значимости и в настоящее время, хотя, естественно, наполнилась иным содержанием. Интерес к самостоятельной работе как условию активизации познавательной деятельности студента и развития у обучаемых качеств инициативного и самостоятельного субъекта, способного творчески и активно строить свои отношения в различных сферах деятельности, заметно возрос в педагогической среде в связи с систематической аттестацией образовательных учреждений, введением новых образовательных стандартов и учебных планов [2, с. 86]. Особенное большое внимание уделяется самостоятельной работе в сфере обучения иностранным языкам. Кроме того, большая часть времени, отводимого на аудиторные занятия, также включает самостоятельную работу. В связи с этим возникает необходимость изучения вопроса об эффективности использования времени, отведенного на самостоятельную работу, а также о новом методическом и функциональном наполнении содержания самостоятельной работы студентов.

Как должна быть организована самостоятельная работа при изучении иностранного языка в юридическом вузе? Самостоятельная работа – это деятельность обучаемых, которая выполняется при максимальном напряжении их сил на основе приобретенных знаний, умений и навыков, без непосредственного участия преподавателя, но по его заданию в специально предоставленное для этого время. Самостоятельная работа в вузе – это деятельность, в которой студент может проявить свою активность, и от того, как она будет организована, зависит результат профессиональной подготовки.

Для разработки методики управления самостоятельной работой необходимо обратиться к вопросу о классификации ее видов.

Вопросу классификации самостоятельной работы уделялось большое внимание многими авторами. При этом в качестве основы для классификации берутся самые разные признаки. Анализ литературы показывает, что чаще всего встречаются попытки классификаций на основе дидактической цели; на основе источника знаний; по характеру познавательной деятельности студентов; по степени самостоятельности обучающихся; по структуре деятельности; по учебным предметам и годам обучения и др.

В работе Е.Л. Белкина приведена классификация видов самостоятельных работ, в которой выделено четыре вида самостоятельных работ, предназначенных для:

– создания условий, обеспечивающих накопление обучающихся известных фактов и способов деятельности в ходе усвоения содержания информации учебных дисциплин;

– создания условий, обеспечивающих преобразующее воспроизведение студентом учебной информации;

– создания условий, обеспечивающих воспроизведение отдельных функциональных элементов знаний в различных их вариациях, и структуры этих знаний в целом;

– вовлечения обучающихся в процессе генерации субъективно и объективно новой информации [3, с. 76].

Можно выделить следующие признаки, характеризующие самостоятельную работу именно как организационную форму: наличие цели самостоятельной работы; наличие конкретного задание; четкое определение формы выражения результата самостоятельной работы; определение формы проверки результата самостоятельной работы; обязательность выполнения самостоятельной работы.

Преподаватель может оказывать содействие обучаемым в осуществлении самостоятельной работы в рамках проведения групповых и индивидуальных консультаций. Консультации являются здесь одной из форм руководства работой студентов и оказания им помощи в самостоятельном изучении учебного материала.

Основными целями самостоятельной работы являются: усвоение и углубление знаний, полученных на занятиях, получение новых знаний, навыков и умений, в том числе навыков работы с учебной и научной литературой, со справочниками и словарями, статистическими данными, интернет-изданиями (самообразование). В связи с этим самостоятельность студентов при изучении иностранного языка проявляется через планирование ими своей учебной работы; отбор учебной и справочной литературы; методических пособий для самостоятельного изучения; подготовку наглядно демонстративного материала к ее применению; выполнение отдельных учебных заданий; написании целостной работы в виде проекта по задан-

ному образцу и плану, непосредственной помощи и подробного инструктажа преподавателя.

Важность самостоятельной работы при изучении иностранного языка не вызывает сомнений. Однако должны быть созданы условия, обеспечивающие ее эффективность. Самостоятельная работа студентов, многие из которых не приучены к ней и не имеют навыков поиска нужной информации, обязательно должна осуществляться под руководством преподавателей или ими контролироваться. Для этого необходимо:

1. Обеспечить наличие и доступность всего необходимого учебно-методического и справочного материала. Должны быть подготовлены и печатная, и электронная версия комплекта учебных пособий по всем темам.

2. Создать и внедрить систему регулярного контроля качества выполняемой самостоятельной работы (система тестирования).

3. Реализовать систему мобильной обратной связи по линии студент-преподаватель.

4. Согласовать работу по консультированию студентов с результатами текущего тестирования.

5. Обеспечить каждого студента «путеводителем» по рабочей программе различных дисциплин; его фрагменты могут быть предоставлены на веб-страницах кафедры. Это помогает им правильно распределить свое время, отводимое на изучение различных тем [2, с. 134].

Изменяется и роль преподавателя в самостоятельной работе студентов. С традиционной (контролирующей) функции акцент его деятельности переносится на функцию управления внешними факторами: формирование установок, определение характера информационной среды, включение самостоятельного задания в структуру занятия (лекционного, семинарского, самостоятельной контролируемой работы и т.д.), выбор методов работы в соответствии с намеченными целями и т.п. Все эти меры, несомненно, переориентируют самостоятельную работу с традиционной цели – простого усвоения знаний по иностранному языку – на развитие внутренней и внешней самоорганизации будущего специалиста-юриста, активно-преобразующего отношения к получаемой информации, предоставят потенциальную возможность обеспечить индивидуальный вектор развития каждой личности [4, с. 55].

Библиографический список

1. Магденко, А.Д., Магденко, С.А. Оптимизация самостоятельной работы студентов в современных условиях / А.Д. Магденко, С.А. Магденко // Оптимизация учебно-воспитательного процесса в образовательных организациях физической культуры: материалы XXV региональной научно-методической конференции. – Челябинск: Уральская Академия, 2015. – С. 132 – 134.

2. Магденко, С.А. Развитие умений самообразовательной деятельности студентов юридических вузов / С.А. Магденко // Правопорядок: история, теория, практика, 2015. – №2. – С. 86 – 90.

3. Белкин, Е.Л., Корнев, Л.П. Базовые психологические свойства и профессиональное самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике / Е.Л. Белкин, Л.П. Корнев. – СПб.: Речь, – 2005. – 208 с.

4. Грушин, А.Н. Оптимизация системы самостоятельной работы студентов / А.Н. Грушин // Проблемы повышения эффективности и качества обучения в высших учебных заведениях: Материалы Всероссийской научно-методической конференции (15 апреля 2004 года). – Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2004. – С. 55 – 58.

УДК 378

Магденко С.А., старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Реализация компетентностного подхода в системе учебных наглядных пособий при обучении иностранному языку студентов юридических вузов

Аннотация: В работе проанализированы научно-практические аспекты совершенствования наглядных учебных пособий в вузах. Выявлена психолого-педагогическая сущность применения наглядных учебных пособий в профессиональном образовании. Разработан алгоритм совершенствования системы наглядных учебных пособий на основе компетентностного подхода при обучении английскому языку.

Ключевые слова: наглядные учебные пособия, английский язык, компетентностный подход, юридическое образование.

Развитие профессиональных комепетенций будущих юристов средствами гуманитарных дисциплин – процесс, требующий от исследователя максимальной самоотдачи, компетентности в области психологии и педагогики, информированности в вопросах юриспруденции и смежных дисциплин, дипломатии, знания особенностей подготовки студентов высшего учебного заведения в целом [3, 161]. Это предполагает повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития, интернационализации образования, современным потребностям общества и каждого гражданина.

Одним из факторов влияющим на повышение качества образования является совершенствование системы наглядных учебных пособий. Осо-

бую актуальность эта проблема приобретает в профессиональном образовании, в частности в юридических вузах, в силу их ориентированности на подготовку компетентных специалистов. Также актуальность решения этой проблемы вызвана и кризисным состоянием практики обновления содержания наглядных учебных пособий по английскому языку в организациях высшего образования.

Совершенствованию средств обучения в образовательных учреждениях посвящены работы С.Я. Батышева, М.А. Данилова, Б.П. Есипова, И.Т. Огородникова, М.Н. Скаткина. Теоретические и практические вопросы в области влияния средств обучения на учебно-познавательную деятельность рассмотрены педагогами-исследователями С.И. Архангельским, В.В. Давыдовым, М.И. Махмутовым, В.П. Мизинцевым. Вопросы совершенствования профессиональных компетенций преподавателей в области разработки современных средств обучения проанализированны в исследованиях Л.Г. Семушиной, Н.Г. Ярошенко, Е.В. Годлевской и др.

Несмотря на достаточно обширный уровень теоретической и практической проработанности проблемы в настоящее время недостаточно исследований, раскрывающих сущность совершенствования системы наглядных учебных пособий с учетом компетентностного подхода в образовании. Сложилось противоречие между необходимостью совершенствования системы наглядных учебных пособий с учетом компетентностного подхода в образовании, и отсутствием научно обоснованных рекомендаций по решению этой задачи в практической деятельности вузов. Необходимо выявить изменения в стратегии построения системы наглядных учебных пособий по дисциплине «Иностранный язык» и экспериментально проверить эффективность совершенствования системы наглядных учебных пособий с учетом компетентностного подхода.

Система наглядных учебных пособий традиционно разрабатывалась на основе предметной направленности [4], т.е. была ориентирована преимущественно на формирование знаниевого компонента и недостаточно ориентирована на мотивационный и операционный компоненты, отражающие личностные профессионально значимые качества специалиста в составе его компетенций.

Введение компетентностного подхода в профессиональное образование изменило представления о требованиях к подготовке специалистов, включив в систему определяющих показателей в качестве обязательных составляющих подготовки личностные и профессионально значимые качества, а, следовательно, изменениям должны подвергнуться и средства обучения, проектирование которых преимущественно ложиться на плечи преподавателей.

Это, в свою очередь, приводит к необходимости дополнительной профессиональной подготовки преподавателей юридических вузов предусматривающей выработку у них умений: составления структурно – логиче-

ской последовательности формирования у выпускников специальных компетенций. Кроме этого важно проектирование системы наглядных учебных пособий на основе целостного комплекса профессиональных задач, предусмотренных в компетентностной модели выпускника.

На современном этапе развития необходимо, чтобы система наглядных учебных пособий обеспечивала вовлечение каждого обучающегося в активный познавательный процесс [3]. Графические системы должны обеспечить возможность свободного доступа обучающихся к необходимой информации не только в информационных центрах внутри учебного заведения, но и в научных, культурных, информационных центрах всего мира с целью формирования собственного независимого, но аргументированного мнения по той или иной проблеме, возможность ее всестороннего исследования. Под системой наглядных учебных пособий следует понимать информацию, выраженную графическими средствами (в том числе и средствами компьютерной графики), предназначенную для визуального восприятия.

Сегодня в качестве источников информации все шире используются электронные средства (телевидение, компьютерные технологии), в последнее время все большее место в информационном обеспечении учебного процесса начинают играть средства телематики, в первую очередь глобальные телекоммуникационные сети Интернет. Отделить педагогические технологии от информационных невозможно. В качестве современных наглядных пособий, применяемых в процессе изучения иностранного языка в организациях высшего образования, используют инфографику, скрайбинг, концепт-карты, визуальные метафоры, коллажи, ассоциативные схемы, карты-ума и др.

Содержание наглядных учебных пособий при обучении соответствует логике учебного предмета как «консервированного» прошлого научного знания, и логике будущей профессиональной деятельности, представленной в виде дифференцированной модели специалиста, в которой дано описание системы его основных профессиональных функций, проблем и задач. Вся учебная информация, отраженная в наглядных учебных пособиях, формулируется на языке наук проблемными ситуациями, моделями и задачами. От начала обучения к его завершению все, более четко прорисовывая будущую профессиональную деятельность выпускника. Текстовое содержание проектируется с учетом ряда требований: семиотических – к организации знаковой информации; психолого-дидактических, определяющих удобство работы с наглядными учебными пособиями и адекватность усвоения их содержания. Специфика учебного материала требует определенных форм организации учебного процесса [1, с. 26]. Исследуя, можно сделать следующие выводы:

1. Рассматривая перспективы модернизации содержания наглядных учебных пособий, необходимо, с одной стороны, использовать весь тот значительный опыт, который накоплен в педагогической теории и прак-

тике, а с другой стороны, исходить из современных научных подходов в организации профессионального образования.

2. Вся учебная информация, отраженная в содержании наглядных учебных пособий, проектируется в соответствии с логикой изучаемой дисциплины и будущей профессиональной деятельностью. Эта информация требует формулировки ее на языке науки с использованием проблемных ситуаций, профессионально направленных задач, охватывающих весь период обучения будущих специалистов-юристов.

Библиографический список

1. Баранников, А.В. Содержание общего образования. Компетентностный подход – М.: ГУ ВШЭ, – 2002. – 51 с.

2. Магденко, С.А. Развитие умений самообразовательной деятельности студентов юридических вузов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 2. – С. 86 – 90.

3. Тажеев, А.А. Развитие профессиональных компетенций будущих юристов средствами гуманитарных дисциплин. Дис. … канд. пед. наук. Челябинск, – 2018. – 185 с.

4. Хомякова, Н.П. Качества профессионального мышления юристов и их учет в процессе иноязычной подготовки будущих специалистов / Н. П. Хомякова // Юридическое право и наука. – 2009. – № 3. – С. 16 – 20.

УДК 004.654

Мамаев В.В., преподаватель кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ)

Перспективы развития и применения ИТ в профессиональной деятельности юристов России

Аннотация. В статье рассматриваются основные способы взаимодействия юристов и информационных технологий, влияние последних на деятельность юристов, а также основные информационные ресурсы, направленные на облегчение деятельности юриста. Формулируются основные перспективы развития и применения информационных вспомогательных ресурсов.

Ключевые слова: онлайн-сервисы, справочная информация, информационные ресурсы.

Деятельность успешного юриста связана с ведением одновременно нескольких судебных дел, претензионной и договорной работой, расчетами сумм требований, учетом результатов рассмотрения дел и стадий исполни-

тельного производства. Необходимость точного планирования, подготовки к судебным заседаниям, соблюдение сроков обжалования судебных актов и сроков выполнения иных задач, влечет необходимость помнить большой объем информации. А помимо этого требуется отслеживать изменения в действующем законодательстве и актуальную судебную практику.

Развитие современных технологий дает юристам прекрасную возможность планирования и оптимизации своей деятельности посредством использования специализированных программ и сервисов.

Рассмотрим в качестве примера действия, которые необходимо совершить по простому хозяйственному спору, начиная с подготовки документов и иска и заканчивая исполнительным производством:

- анализ имеющихся по делу документов;
- поиск и анализ относящейся к делу судебной практики;
- направление запросов и писем в различные инстанции;
- подготовка и направление претензии, а также контроль сроков на ответ;
- подготовка искового заявления;
- расчет госпошлины и исковых требований;
- участие в судебном рассмотрении дела, контроль даты судебного заседания;
- в случае отложения – контроль выполнения определений суда;
- получение решения суда;
- в случае необходимости – подготовка апелляционной жалобы и контроль сроков на обжалование;
- участие в рассмотрении дела судом апелляционной инстанции, контроль даты судебного заседания;
- получение апелляционного определения суда;
- получение исполнительного листа;
- направление исполнительного листа;
- получение постановления о возбуждении исполнительного производства;
- контроль исполнительного производства и его результатов.

Из представленного списка видим, что даже при сопровождении самого простого дела юристу приходится держать в уме большие объёмы информации и производить довольно обширный ряд операций.

Передача контроля за сроками и автоматизация хотя бы части процессов юридической деятельности существенно снижают нагрузку на юриста и повышают производительность труда. Уверенность специалиста в том, что он не пропустит дату судебного заседания или, например, отсутствие необходимости держать в памяти сведения о ходе исполнительного производства, вручную считать сумму госпошлины, позволяют оперативно решать другие задачи.

Имеющееся на рынке онлайн-сервисы и программное обеспечение можно условно поделить на следующие категории:

- справочно-правовые системы;
- калькуляторы (сервисы для расчетов);
- конструкторы документов;
- справочная информация;
- сервисы для оптимизации бизнес-процессов;
- проверка контрагента;
- программы для учета судебных дел [1].

Далее мы кратко охарактеризуем каждую из этих категорий, а также постараемся сделать анализ перспектив дальнейшего развития каждой из них.

Справочно-правовые системы – класс компьютерных баз данных, содержащих тексты указов, постановлений и решений различных государственных органов. Подкрепленные нормативными документами, они также содержат консультации специалистов по праву, бухгалтерскому и налоговому учету, судебные решения, типовые формы деловых документов и др. [2].

Данные программы являются одним из наиболее важных орудий современного юриста, так как помогают быстро найти необходимые нормативные документы и судебную практику без необходимости долгосрочных поисков данной информации в архивах.

Возможность использования автоматизированной системы поиска, а также наличие обширной возможности фильтрации его параметров по различным категориям еще больше ускоряет и упрощает процесс сбора информации.

Самыми известными справочно-правовыми системами на территории Российской Федерации являются КонсультантПлюс и Гарант, а за её пределами Lexis.com.

Единственным недостатком, если так можно выразиться, данных программ является ограничение доступа к документам без наличия действующей платной подписки. В остальном же они являются полностью действующим инструментом, не нуждающимся в каком – либо глобальном улучшении.

Калькуляторы (сервисы для расчетов) – представляют собой удобные и простые в использовании сервисы или приложения, позволяющие произвести необходимые расчеты такие как: расчет количества дней между двумя датами, расчет пени, госпошлины или пени и т.п.

Данные сервисы представлены как в виде отдельных приложений, так в виде интегрированных в сайт программ. Помимо прочего, такие калькуляторы, как например, расчет госпошлины интегрированы в сайты всех судов, что свидетельствует о заинтересованности государства в правильности расчета исковых требований, т.к. это в свою очередь позволяет разгрузить судебную систему от необходимости отказов по причине неправильного расчета требований.

Конструкторы документов – являются одни из наиболее перспективных направлений в юридических сервисах. Благодаря им пользователь, по средствам заранее заданного шаблона, получает возможность создавать готовые документы, учитывающие все аспекты рассматриваемого дела. Для получения подобного результата не требуется больших трудозатрат, так как всё что требуется от пользователя это введения изначальных данных, таких как: стороны процесса, сфера рассматриваемого дела, исковые суммы и т.п.

Развитый инструментарий позволяет составить документ на любой случай при минимальных затратах времени, что существенно сокращает времязатраты на работу по подготовке документов.

С другой стороны, отсутствие необходимости юридических познаний и постоянно ведущаяся работа по упрощению системы могут привести к исключению личности юриста из этого процесса, а как следствие и к полному отказу от юридического сопровождения в некоторых сферах.

Наиболее проработанным продуктом в данной сфере на Российском рынке на данный момент является конструктор документов компании Freshdoc [3].

Под **справочной информацией** в рассматриваемой проблеме понимаются содержащие определённые массивы информации сетевые ресурсы. Данные ресурсы позволяют получать информацию из официальных источников с целью последующего использования её для проверки контрагентов либо для использования в судебной деятельности.

Например, сервис «Классификатор кодов ОКВЭД» позволяет юристам, которые занимаются подготовкой документов для регистрации индивидуальных предпринимателей и юридических лиц определить необходимые для внесения в заявления коды.

Сайт Росреестра позволяет получить информацию по объектам недвижимости в любом регионе страны, без необходимости посещения для этого органов Росреестра и траты времени на бесконечные очереди или на ожидание ответа из другого субъекта.

Банк данных исполнительных производств, разработанный Федеральной службой судебных приставов, позволяет проверить наличие исполнительных производств и контролировать их ход как в отношении физических лиц, так и в отношении юридических. Также данное приложение позволяет направлять запросы в ФССП и получать ответы на них непосредственно из приложения.

Как видно даже из этих трех приведенных примеров, использование информационных технологий в работе юридической службы позволяет значительно сэкономить время и тем самым ускорить достижение необходимых целей.

Информационные ресурсы для проверки контрагентов позволяют в режиме онлайн оперативно запрашивать и получать информацию о юри-

дических лицах и ИП, в том числе регистрационные данные, сведения о видах деятельности, оборотах компании, наличии судебных и налоговых притязаний.

В настоящее время на рынке представлено большое количество как платных, так и бесплатных ресурсов для проверки контрагентов, однако в отличии от рассматриваемых ранее инструментов в данном случае стоит обратить внимание на бесплатные образцы с целью уменьшения затрат.

При сегодняшнем уровне открытости официальных данных о компаниях и доступа к ним, разницы в достоверности информации платных и бесплатных систем нет (сразу определимся – рассматриваются серьезные бесплатные системы, которые специализируются на предоставлении информации). Источники одни и те же, обновление с одинаковой периодичностью, законные условия получения информации со стороны государственных органов для всех одинаковы. Разница может быть только в количестве источников данных, используемых системой, интерфейсе, быстроте работы системы, в формировании отчетов обработки информации [4].

Практикующему юристу перед обращением в арбитражный суд требуется выписка из ЕГРЮЛ в отношении участников дела, которую теперь можно получать непосредственно на сайте ИФНС, и прикладывать к иску как в электронном виде (если он подается через систему Мой арбитр), так и в распечатанном.

Введение электронного документооборота в деятельность госорганов, прием документов посредством официальных сервисов значительно упростило работу юристов, сократило сроки для подготовки материалов и позволяет экономить ресурсы организации, как на стоимости почтовых отправлений, так и на государственной пошлине – выписка с сайта ИФНС предоставляется бесплатно.

Сервисы для оптимизации бизнес-процессов не являются продуктом, разработанным специально для юристов, однако, могут ими успешно применяться в деятельности. Такие сервисы могут представлять собой совокупность облачного сервиса для работы и обмена документами, корпоративной почты, голосового и видеочата. По сути, к данной категории может быть отнесена любая CRM (англ. Customer Relationship Management). Недостатком общих сервисов оптимизации является изначальное отсутствие учета специфики юридической деятельности и иногда сложная настройка (если используется CRM), требующая наличия в штате системного администратора.

И последним, но не менее важным инструментом современного юриста являются «**Программы для учета судебных дел**». Данные программы разрабатывались специально для юристов включают и учитывают специфику работы как частнопрактикующих юристов, так и специфику работы крупных юридический компаний.

Эти программы позволяют:

- производить учет судебных дел;

- производить учет исполнительного производства;
- вести календарь юриста;
- вести юридическую отчетность;
- производить уведомления по электронной почте;
- вести журнал событий;
- осуществлять контроль исполнения поручений.

Помимо этого, в зависимости от производителя программного обеспечения, могут присутствовать дополнительные функции. Например, интеграция с сервисом kad.arbitr.ru, наличие расширенного календаря и реестра документов с возможностью вести учет договоров, исковых заявлений и сведений о контрагентах.

Общее ускорение бизнес-процессов приводит к необходимости принятия быстрых решений юристами, требованию об обработке больших массивов информации и подготовке документов со сроком «вчера». В результате становится невозможно эффективно выполнять задачи работая устаревшими методами, ведя расчеты на бумаге или в стандартных программах, контролируя ход дел по обычным календарям и спискам. Специализированное программное обеспечение и сервисы позволяют сделать выбор под свои условия и оптимизировать юридическую деятельность, передав часть работы на автоматизацию.

Представляется, что дальнейшее развитие специализированных юридических продуктов пойдет по общему пути, и приведет к тому, что они все будут кросс-платформенными и облачными, и это послужит дополнительным толчком к их развитию и использованию, в связи имеющейся у юристов необходимостью доступа к сервису из разных мест и устройств.

Библиографический список

1. Перечень правовых сервисов систем // [Электронный ресурс] URL: http: //kod-x.ru/ps/ Дата обращения 15.03.2019.

2. Справочно-правовая система // [Электронный ресурс] URL: https: //ru. wikipedia.org/wiki/Справочно-правовая_система Дата обращения 15.03.2019.

3. Сравнительный анализ программ для юристов систем // [Электронный ресурс] URL: https://softurist.ru/category_designerdocuments Дата обращения 15.03.2019.

4. Сергей Русанов. Как проверить контрагента онлайн: обзор систем // [Электронный ресурс] URL: https://www.klerk.ru/buh/articles/461996/ Дата обращения 15.03.2019.

УДК 159.9

Моисеев А.В., преподаватель кафедры общей и юридической психологии, института психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Кривчун А.В., студентка института психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

Особенности обеспечения психологической безопасности сотрудников МВД

Аннотация. В данной статье рассматривается обеспечение психологической безопасности сотрудников МВД. Обозначается значимость профессиональной виктимности и умении управления риском в деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: психологическая безопасность, сотрудники МВД, профессиональная виктимность, риск, профессиональная деформация.

Существуют разные направления по совершенствованию деятельности в правоохранительных органах. Одним из таких является обеспечение психологической подготовки сотрудников, главной целью которой является формирование у сотрудников готовности действовать профессионально грамотно, с высокой работоспособностью в любых условиях служебной деятельности. При этом следует учитывать, что необходимо также сокращать факторы, которые оказывают негативное влияние на психику сотрудников, делают их неуверенными в себе, приводят к стрессам и профессиональной деформации.

Служебная деятельность предъявляет особые требования как к личностным качествам сотрудников МВД, так и к профессиональным (морально-психологические, познавательно-интеллектуальные, эмоционально-волевые качества и др.)

Основные задачи психологической подготовки заключаются в том, чтобы повысить психологическую устойчивость сотрудников МВД к действию психотравмирующих факторов и их сочетаний, а также развить у них психологические качества, сформировать особые характеристики навыков и умений, способствующих высокоэффективному выполнению профессиональных действий в условиях служебной деятельности [2, с. 4].

Важный аспект работы психолога в МВД – это обеспечение психологической безопасности сотрудников правоохранительных органов. А.М. Столяренко А.М. и Папкин А.И. задают вектор развития психологии безопасности в правоохранительных органах в начале 2000-х годов. Работа по обеспечению безопасности ведется постоянно, так как на сотрудников МВД влияет множество факторов. С одной стороны, это прохождении

службы в экстремальных ситуациях, с другой – семейные и бытовые проблемы, которые тоже могут являться стрессорами и повлиять на работоспособность. Как правило, к обеспечению психологической безопасности можно отнести формирование необходимых для сотрудников навыков и умений (саморегуляция, эмоциональный контроль и т.п.) и общение в коллективе (хорошее взаимодействие между членами, умение принимать решения и т.п.).

Безносов С.П., Зеер Э.Ф., Борисова С.Е. и другие. утверждают, что зачастую так или иначе профессия накладывает отпечаток на личность сотрудника, меняет его поведение в целом. Бывают случаи, когда особенности профессиональной деятельности не только не помогают ему развиваться, но и способствуют деградации как специалиста, изменяя характерные для данной профессии профессионально важные качества в противоположную сторону. Это способно приводить к малоэффективному и даже социально опасному исполнению профессиональных обязанностей. В таком случае говорят о возникновении профессиональной деформации личности [4].

Профессиональна деформация – «это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности» [1, с. 149]. Решая проблемы данную проблему, психолог может столкнуться также с наличием у сотрудника МВД виктимности. Виктимность – психологически отрицательное профессионально-личностное образование, которое может привести к ранениям, гибели сотрудников в криминально-опасных и критических ситуациях [3, с. 83 – 84]. Профессиональную виктимность характеризуют следующие качества: дезорганизованность, недопонимание, сверхконформность, негативизм в поведение и другие. Для определения уровня профессиональной виктимности используется наблюдение, а также диагностики (Методика диагностики показателей и форм агрессии
А. Басса и А. Дарки, методика оценки депрессивных состояний, тест склонности к риску Шуберта и другие.). Помимо этого, осуществляется работа с самими сотрудниками правоохранительных органов, которая позволяет проводить должную подготовку каждого сотрудника к надежной и безопасной деятельности в различных ситуациях. Система взаимосвязанных психологических мероприятий, направленных на снижение виктимности включает в себя:

1. Формирование установок на личную безопасность и выживание.
2. Снижение склонности к неоправданному риску.
3. Овладение приемами саморегуляции и снятия страха в экстремальных условиях.
4. Тренинг познавательных качеств и обучение тактике безопасного поведения.

5. Социально-психологические тренинги (застенчивость, конформность, и др.).

6. Оказание помощи сотруднику в работе над собой и проведение консультаций как групповых, так и индивидуальных [3, с. 96].

Другая сфера работы психолога служебной деятельности направлена на подготовку человека к экстремальным ситуациям. Стоит отметить, что сотрудники находятся в постоянном напряжении в такие моменты как задержание, пресечение беспорядков и т.п. При этом необходимо сформировать умение управлять рисками и не допускать жертв. Под управлением риском в деятельности сотрудников правоохранительных органов понимается:

1. Оценку ситуаций с учетом возможных рисков, вероятность соотношения успеха и неудачи.

2. Принятие решения действовать только при приемлемом и пренебрежимо малом уровне риска.

3. Принятие мер безопасности, способствующих успешному выполнению служебной задачи и уменьшению риска.

4. Сохранение бдительности и готовности во всех случаях, так как всегда остается риск неожиданностей [5, с. 112 – 120].

Сотруднику необходимо всегда трезво оценивать уровень риска и свои собственные возможности. Стоит отметить, что риск может быть обусловлен ситуацией, в которых находится сотрудник, например, для избегания неоправданных и случайных жертв.

Таким образом, психологическая безопасность играет огромную роль в обеспечении служебной деятельности сотрудников МВД. Только наличие комплекса мероприятий, направленных на психологическое обеспечение выполнения служебных задач поможет продуктивно выполнять свою работу, отслеживать изменения в жизни сотрудника и предотвращать случайные и неоправданные жертв. Именно поэтому обеспечение психологической безопасности личности является одной из главных задач психолога служебной деятельности.

Библиографический список

1. Зеер, Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов / Э.Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.

2. Кожевников, Т.С. Психологическая безопасность сотрудников правоохранительных органов: учебное пособие. / Т. С. Кожевников. – 2-е изд. – Киров: Кировский филиал Академии ФСИН России, 2016. – 80 с.

3. Папкин, А.И. Пути снижения профессиональной виктимности сотрудников ПОО. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. – М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.

4. Профессиональная деформация сотрудников системы МВД. [Электронный ресурс] URL: https://www.b17.ru/article/40631/ (дата обращения 02.03.2018).

5. Столяренко, А.М. Экстремальная психопедагогика / А.М. Столяренко. – М., 2002. – 607 с.

УДК 323.22/.28; 364/1

Смаль С.В., доцент кафедры политологии факультета истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, к.полит.н., доцент

Зызин П.Д., преподаватель-организатор основ безопасности жизнедеятельности (допризывной подготовки) школы № 4 г. Сатки Челябинской области, майор полиции в отставке

Современные подходы к управлению человеческими ресурсами в правоохранительных органах: аспекты социального обеспечения на примере Челябинской области

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы социального обеспечения в правоохранительных органах, как новый тренд управления человеческими ресурсами в Челябинской области. Постулируется, что политико-правовые формы социальной поддержки являются современным инструментом, оптимизирующим процесс управления и повышающим его эффективность.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, социальное обеспечение, политико-правовые механизмы, Россия.

11 февраля 2019 года Правительство РФ опубликовало в виде инфографической брошюры сведения о целевых показателях и основных ожидаемых результатах от реализации национальных проектов, которые призваны решить задачи, сформированные в майских указах В.В. Путина [13] и закрепленные постановлением Правительства РФ № 1288 от 31.10.2018 [8]. На первом месте ожидаемо расположились национальные проекты, охватывающие здоровье, образование, демографию и культуру [3, с. 4 – 31]. Всего в этом аналитическом отчете прописано 13 проектов.

Одной из задач, реализуемой в рамках национальных проектов, является «воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций» [3, с. 15], чего невозможно добиться без конкретных мероприятий, которыми можно четко отследить и измерить их эффективность и результативность. Это не-

обходимо сочетать с теми формами и форматами управления человеческими ресурсами, которые продиктованы современным уровнем развития и его технологического сопровождения.

Современные подходы к управлению человеческими ресурсами в рамках данной статьи рассматриваются как гуманистические [5, с. 76 – 78] процесс, а результат эффективного управления – мультипликативен как в отношении политических процессов, так и построения гражданственности как необходимого ценностного основания социальной активности в современном обществе.

Российская Федерация – уникальное политико-правовое и управленческое образование, именно тип территориальной организации функционирования власти оказывает существенное воздействие на все ее сферы, в том числе и на социальную [6]. Федерализм закреплен и довольно подробно прописан и в Конституции Российской Федерации. Основной Закон уделяет этому вопросу значительное количество внимания, мы же акцентируем внимание лишь на статьях 5 и 65, первая закрепляет основы конституционного взаимодействия субъектов федерации, а также перечисляет их типы, всего шесть: край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ [2, ст. 5. п. 1] Статья 65 перечисляет все субъекты Российской Федерации, на данный момент насчитывая 85 пунктов. Также важным является пункт «е» статьи 71, устанавливающий «основы федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации» единообразно на территории все й страны, не зависимо от типа субъекта проживания.

Таким образом, социальное обеспечение служащих в правоохранительных органах Челябинской области должно быть идентичным всем другим служащим этой же категории, проживающих в других населенных пунктах России. Рассмотрим ситуацию с политико-правовой точки зрения.

Касаясь заявленной темы социального обеспечения в правоохранительных органах, необходимо перечислить правовую базу оказания социальной помощи и различных социальных услуг, регламентирующую отношения получателя льгот на федеральном уровне, а функционирующую на местном уровне. В этом заключается некий парадокс: любая социальная услуга всегда будет индивидуальной, в то время как механизмы ее предоставления всегда будут общественными и публичными. Вернемся, однако, к политико-правовым основаниям социального обеспечения рассматриваемой категории.

Так, основные элементы социальной защиты прописаны в федеральном законе о социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел № 247 [16] и федеральном законе о службе в органах внутренних дел № 342 [17]. Отпуск за ненормированный рабочий день регламентирован приказом МВД России № 842 [11], информация о денежном довольствии со-

трудников МВД содержится в приказе МВД России № 65 [9], поощрительные выплаты сотрудникам регламентированы приказом МВД России № 750 от 08.11.2018 [12]. Также имеется мало кому известный приказ МВД РФ от 31 декабря 2002 года № 1272 «Об утверждении Инструкции о порядке погребения погибших (умерших) сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, лиц, уволенных со службы в органах внутренних дел, оплаты ритуальных услуг, изготовления и установки надгробных памятников» [9], тоже, безусловно, относящийся к сфере социального обеспечения.

В целом, можно подразделить меры социальной поддержки на три условные категории:

1. Пенсионное обеспечение сотрудников правоохранительных органов, а также членов их семей.

2. Социально-бытовое обеспечение сотрудников правоохранительных органов, а также членов их семей.

3. Медицинское обслуживание [7].

И эти меры социальной поддержки распространяются на всех работников правоохранительных органов, так как политико-правовая база социального обеспечения в качестве источника финансирования использует федеральный бюджет.

Анализируя особенности регионального и местного уровня (Челябинской области), заметим, что социальное обеспечение, конечно же, оказывается на таком же уровне, однако был один интересный момент «пересечения льгот», которому мы уделим некоторое внимание. Это связано с возможностью получения дополнительных социальных выплат в связи с получением регионального звания «Ветеран труда», хотя этот процесс и регламентируется Федеральным законом от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» [14]. Но с 2005 года, в связи с принятием ФЗ № 122 от 22 августа 2004 года, в просторечье именуемого законом «О монетизации льгот» [15], все выплаты ветеранам труда, довольно крупной и к тому же социально возрастающей группе, были переданы на региональный уровень. Существует даже целый перечень наименований ведомственных наград, получение которых дает право на присвоение звания ветерана труда [1, с. 67], при этом, как было сказано выше, перечень льгот определяется уже на уровне субъектов Российской Федерации, в зависимости от их бюджетных особенностей.

Региональные льготы ветеранам труда Челябинской области в 2019 году можно обобщить в следующий короткий список:

1. Дополнительная медицинская помощь, в том числе возможность для продолжения обслуживания в медицинских организациях, к которым он был приписан во время работы.

2. Ежемесячные доплаты к пенсиям, и это одни из самых высоких значений по стране, эти выплаты составляют 1248 и 1089 рублей, в зависимости от того, пользуется ли житель городским телефоном.

3. Также предусмотрена возможность бесплатного проезда на городском транспорте [4].

Очевидно, что подобные меры социальной поддержки могут являться существенным фактором повышения эффективности в процессе управления человеческими ресурсами в правоохранительных органах. Однако в Челябинской области, выбранной нами в качестве примера, органы социальной защиты, а именно Министерство социальных отношений Челябинской области, зачастую отказывает в удовлетворении обращения о присвоении звания «Ветеран труда» сотрудникам ОВД. За этим, конечно, подается исковое заявление в районный суд, но далеко не все граждане пользуются своим правом на социальное обеспечение и полные – и федеральные, и региональные, – выплаты. В дальнейшем это заслуженное звание, безусловно, присваивается, и это происходит уже по решению суда, однако подобная практика (по состоянию на начало 2018 года) должна быть пересмотрена, чтобы обеспечить необходимый для дальнейшего успешного развития вектор на управление человеческими ресурсами при помощи различных социальных инструментов.

Библиографический список

1. Зайцев, С.П. Присвоение звания «Ветеран труда» действующим сотрудникам органов внутренних / С.П. Зайцев // Вестник ГУ МВД России по Челябинской области. 2018. № 2 (29). С.65 – 69.

2. Конституция Российской Федерации. – URL:http: //www. constitution. ru/ 10003000/10003000-3.htm (дата обращения 14.03.2019).

3. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты на основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24.12.2018. – URL: http:// static.government. ru /media/files/ p7nn2 CS0pVhvQ98OOwAt2dzCIAietQih.pdf (дата обращения 02.03.2019).

4. Перечень льгот ветеранам труда Челябинской области в 2019 году. URL: https:// lgotypro.ru/lgoty-veteranam-truda-cheljabinskoj-oblasti/ (дата обращения 05.03.2019).

5. Рязанцева, И.В., Самойлюк, Т.А. Гуманистический подход к управлению человеческими ресурсами / И.В. Рязанцева, Т.А. Самойлюк // Теория и практика общественного развития, 2016. – № 6. – С. 75 – 78.

6. Смаль, С.В. Социальная защита населения как функция современного государства: диссертация ... кандидата политических наук: / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2009. – 183 с.

7. Социальная помощь и государственная поддержка в областях и регионах России. – URL: http://lgoty-vsem.ru/regiony (дата обращения 05.03.2019).

8. Постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве РФ». – URL: http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310151/ (дата обращения 08.03.2019).

9. Приказ МВД РФ от 31.12.2002. № 1272 «Об утверждении Инструкции о порядке погребения погибших (умерших) сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, лиц, уволенных со службы в органах внутренних дел, оплаты ритуальных услуг, изготовления и установки надгробных памятников». – URL: https://base.garant.ru/1352884/ (дата обращения 12.03.2019).

10. Приказ МВД России от 31.01.2013. № 65 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». – URL: https://base.garant.ru/70375922/ (дата обращения 12.03.2019).

11. Приказ МВД России от 14.12.2016. № 842 «О дополнительном отпуске за ненормированный служебный день сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации». – URL: https://www. garant.ru/ products /ipo / prime/doc/ 71484276/ (дата обращения 12.03.2019).

12. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 08.11.2018. № 750 «Об утверждении Порядка установления поощрительных выплат за особые достижения в службе сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации». – URL: https:// www.garant.ru /products/ ipo/ prime/doc/ 72011166/ (дата обращения 12.03.2019).

13. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: http://www.kremlin.ru/acts/ bank/43027 (дата обращения 02.03.2019).

14. ФЗ от 12.01.1995. № 5-ФЗ «О ветеранах». – URL: http://www.consultant. ru /document/cons_doc_LAW_5490/ (дата обращения 02.03.2019).

15. ФЗ от 22.08.2004. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"». – URL: https://base.garant.ru/ 5222561/ (дата обращения 12.03.2019).

16. ФЗ от 19.07.2011. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://base.garant.ru /12188106/ (дата обращения 09.03.2019).

17. ФЗ от 30.11.2011. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://base.garant.ru/12192456/ (дата обращения 02.03.2019).

УДК 35.088

Танаева З.Р., заведующий кафедрой профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ), д.пед.н., доцент

Управление кадровыми рисками в органах внутренних дел

Аннотация. Актуальность проблемы связана необходимостью укрепления, развития и эффективного использования человеческих ресурсов в системе внутренних дел в интересах успешного выполнения задач по борьбе с преступностью. В статье на основе анализа различных точек зрения ученых раскрывается понятие «кадровый риск», дается авторское определение кадрового риска в органах внутренних дел, приводится классификация возможных кадровых рисков и раскрываются основные элементы подсистемы управления кадровыми рисками. Автор убедительно доказывает, что кадровые риски выступают в качестве факторов для остальных видов рисков, возникающих в производственной деятельности, в связи с чем изучение методов оценки кадровых рисков может служить основой при разработке стратегических направлений деятельности любой организации.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, кадровый риск, оценка кадровых рисков, органы внутренних дел.

Необходимость изучения кадровых рисков в системе внутренних дел обусловлена тем, что важнейшей гарантией укрепления законности и правопорядка в стране являются высококвалифицированные кадры, в то время как управленческие решения по кадровым вопросам в большинстве случаях принимаются в условиях неопределенности в силу ряда обстоятельств, как отсутствие обоснованных методов выявления, анализа, оценки и управления кадровыми рисками в работе с персоналом, несовершенство методов оценки персонала при комплектовании и другие. Отсутствие общепринятых подходов к определению кадровых рисков при принятии управленческих решений обусловливает множества негативных явлений, к числу которых следует отнести совершение противоправных деяний со

стороны сотрудников органов внутренних дел, которые крайне негативно влияют на доверие граждан к полиции и всей правоохранительной системе в целом. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России министр внутренних дел В.А. Колокольцев отметил, что «сегодня силами самих органов внутренних дел выявляются свыше 70 % лиц, допустивших правонарушения и должностные проступки. Несмотря на сокращение количества сотрудников, совершивших грубые нарушения служебной дисциплины и уменьшение числа сотрудников, подвергнутых уголовному преследованию в 2018 году, кардинального перелома в вопросах соблюдения законности пока не произошло» [10]. Следует признать, что в основе таких негативных тенденций могут быть ряд социальных факторов, определяющих особенности профессиональной деятельности сотрудников полиции. Сотрудники органов внутренних дел в своей повседневной деятельности часто сталкиваются с нестандартными ситуациями, многие из них оказываются неспособными к качественному выполнению своих обязанностей в этих условиях. Все эти обстоятельства приводят к увеличению значимости рискоемких ситуаций в профессиональном становлении сотрудника полиции. Поэтому любое управленческое решение, связанное с кадровой политикой, должно учитывать уровень и вероятность рисков, факторы, влияющие на риски, возникающие как в штатных, так и во внештатных ситуациях.

Проблема кадровых рисков в различных сферах деятельности достаточно активно изучалась учеными. А.А. Борзунов, А.А. Никитина и др. рассматривают кадровые риски как основное направление обеспечения экономической безопасности компании [3, 4], Е.Н. Буланова и др. вкладывают в кадровые риски социально-экономическое содержание [5], проблему профессиональных рисков в деятельности сотрудников полиции и пути ее разрешения в условиях профессионального обучения рассматривают своих трудах С.С. Мирошникова, А.С. Мирошников [7], теорию педагогического риска изучают И.Г. Абрамова [1] и др.

Несмотря на значительное количество научных работ по проблематике кадрового риска, отсутствует единый подход к пониманию его сущности. Одними авторами кадровый риск определяется как ситуация, отражающая «опасность нежелательного развития событий, которые напрямую или косвенно затрагивают функционирование и развитие организации, персонала, общества в целом, и наступление которых связано с объективно существующей неопределенностью, обусловленной рядом причин: неэффективностью системы управления персоналом; поведением, действием (бездействием) персонала; внешней средой организации» [8, с. 7]. Другими раскрывается «дуализм кадрового риска, характеризуя его последствия как отклонения от целевых значений (нормативов), которые, соответственно, могут быть как отрицательными, так и положительными» [4, с. 6]. Третьи рассматривают кадровые риски как вообще «любые действия или бездей-

ствия со стороны персонала» [2, с. 94]. Обратимся к словарю С.И. Ожегова, где риск определяется как «возможная опасность» [9, с. 555].

Таким образом, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что к кадровым рискам необходимо подходить с позиции наличия противоречивых тенденций как в развитии персонала, так и в развитии системы управления персоналом, приводящих, прежде всего, к нежелательным последствиям. Такое понимание сущности кадровых рисков позволяет разделить их на риски, связанные с индивидуальными особенностями личности, а также возникающие в процессе организации деятельности персонала. Такой же точки зрения придерживаются многие ученые (Е.Н. Буланова, Л.М. Забирова, А.Е. Митрофанова и др.), трактуя риски персонала как возможные нежелательные последствия в силу профессиональных, деловых и личностных качеств персонала организации, а риски системы управления персоналом как риски, связанные с планированием и маркетингом персонала, наймом и учетом персонала; а также обусловленные трудовыми отношениями.

В системе внутренних дел особое место занимают риски персонала, связанные с профессиональной деятельностью сотрудников органов внутренних дел. К ним следует отнести риски нарушения закона вследствие злоупотребления служебными полномочиями, либо в результате воздействия криминальной среды в форме давления, обмана, шантажа, провокации и т.д. Психологический риск представляет собой работу в экстремальных ситуациях, приводящих к дестабилизации личности, стрессовым ситуациям. Физиологические риски связаны с вероятностью получения профессиональных заболеваний в силу специфических условий труда, как ненормированный рабочий день, практически отсутствие выходных, несистематическое питание и т.д. Большой ущерб деятельности органов внутренних дел наносят также риски, возникающие при комплектовании персонала, в результате формального подхода к проверке кандидата на этапе отбора для службы в органах внутренних дел. Риски, связанные с организацией деятельности персонала также снижают возможность его эффективного использования, даже несмотря на высокие профессиональные способности сотрудников. К ним следует отнести авторитарную систему управления в общем, неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе, недейственная система стимулирования труда, субъективная оценка оперативно-служебной деятельности сотрудников, ненормированность служебного времени, отсутствие возможности карьерного роста и другие.

Решение указанных проблем требует формирования подсистемы управления кадровыми рисками. Остановимся вкратце на содержании основных элементов разработанной нами подсистемы управления кадровыми рисками. Подсистема управления кадровыми рисками задается целями и задачами, может быть представлена тремя этапами: аналитический, организационно-исполнительный, оценочно-результативный. Основной целью

управления кадровыми рисками в органах внутренних дел является обеспечение максимальной устойчивости деятельности органа внутренних дел путем минимизации негативных последствий кадровых рисков. К основным задачам подсистемы управления кадровыми рисками относятся: выявление причин и возможных источников кадровых рисков; оценка размера возможных негативных последствий; разработка механизма воздействия на кадровые риски; анализ эффективности управления кадровыми рисками.

Аналитический этап включает в себя качественный и количественный анализ кадровых рисков. Качественный анализ представляет собой целенаправленный процесс по оценке и ранжированию кадровых рисков по критерию их актуальности с учетом внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на возникновение кадровых рисков. На данном этапе с целью выявления причин возникновения кадровых рисков может проводиться экспертиза принимаемых управленческих решений. Количественный анализ предполагает соотнесение кадровых рисков с конкретными подразделениями органов внутренних дел и их сотрудниками. Аналитические процедуры могут оказаться весьма эффективными, если к анализу кадровых рисков будут привлекаться представители всех подразделений в качестве экспертов.

Организационно-исполнительный этап включает в себя разработку эффективного механизма противодействия кадровым рискам. Элементами данного механизма, безусловно, должны быть установление целевых показателей кадровых рисков, мониторинг деятельности на всех этапах управления рисками, своевременное информирование сотрудников о кадровых рисках, распределение ответственности и делегирование полномочий по управлению кадровыми рисками, планирование и реализация мероприятий по управлению кадровыми рисками, установление связей, организация взаимодействий и согласованности деятельности субъектов управления кадровыми рисками.

Оценочно-результативный этап представляет собой контроль исполнения принятых планов по управлению кадровыми рисками. На данном этапе сравниваются прогнозируемые и фактические кадровые риски, их уровень, выявляются причины отклонения от первоначального прогноза. Желательно определить финансовые затраты, понесенные в результате нежелательных последствий кадровых рисков. Данный этап заканчивается принятием корректирующего решения.

Необходимо отметить, что даже обладая самыми совершенными подсистемами управления кадровыми рисками, невозможно предотвратить зарождение и развитие всех кадровых рисков в организации. В то же время постоянная целенаправленная работа по минимизации кадровых рисков будет способствовать развитию и повышению эффективности деятельности органов внутренних дел, поэтому кадровая работа, призванная обеспечить органы внутренних дел востребованными кадрами, должна рассматриваться как работа по управлению кадровыми рисками.

Библиографический список

1. Абрамова, И. Г. Теория педагогического риска: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / И.Г. Абрамова. – СПб., 1996. – 36 с.

2. Бадалова, А.Г. Управление кадровыми рисками предприятия / А.Г. Бадалова, К.П. Москвитин // Российское предпринимательство. – 2005. – № 7 (67). – С. 92 – 98.

3. Борзунов, А.А. Кадровые риски в контексте обеспечения экономической безопасности компании / А.А. Борзунов, И.А. Никитина // Ученые записки Международного банковского института. – 2017. – №3 (21). – С. 109 – 122.

4. Борзунов, А.А. Управление кадровыми рисками как основное направление обеспечения экономической безопасности компании: автореф. дис. … канд. экон. наук / А.А. Борзунов. – СПб., 2018. – 27 с.

5. Буланова, Е.Н. Социально-экономическое содержание и измерение кадрового риска в хозяйственной организации: автореф. дис. … канд. экон. наук / Е.Н. Буланова. – СПб., 2008. – 24 с.

6. Забирова, Л.М. Управление рисками, связанными с человеческими ресурсами / Л.М. Забирова // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. – 2009. – № 2 (15). – С. 17 – 22.

7. Мирошникова, С. С. Проблема профессиональных рисков в деятельности сотрудников полиции и пути ее решения в условиях образовательных организаций системы МВД России / С.С. Мирошникова, А.С. Мирошников // Вестник Волгоградской Академии МВД России. – 2016. – № 2 (37). – С. 137 – 141.

8. Митрофанова, А.Е. Управление кадровыми рисками в работе с персоналом организации: автореф. дис.… канд. экон. наук / А.Е. Митрофанова. – М., 2013. – 28 с.

9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1988. – 748 с.

10. Текст официального выступления В.А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/12414375 (дата обращения 03.03.2019).

УДК 93

Тищенко В.Г., доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института ЮУрГУ (НИУ), к. ист. н., подполковник милиции в отставке

Особенности культурного и образовательного уровня служащих уездной полиции России второй половины XIX – начала XX века

Аннотация. Статья посвящена проблемам уровня профессиональной подготовки полицейских кадров в России второй половины Х1Х – начала XX века исходя из их общего культурного и образовательного уровня. В статье отмечается, что если общий культурно-образовательный уровень классный чинов полиции был достаточно высок, то уровень уездной полиции оставался критически низким.

Ключевые слова: полиция российской империи, общеобразовательный уровень, культурный уровень, городовой, полицейский урядник.

Полицейская реформа 1862 года, как и большинство любых реформ, зависела не только от разработанности и проработанности законодательной базы, но и от «качества» материала – обычных российских полицейских, коим на практике и предстояло осуществлять задуманное. И особое внимание при характеристике качественного состава полицейских служащих имеет уровень их общей образовательной грамотности и культурного развития.

Для характеристики этого некоего общего культурно-образовательного уровня необходимо иметь в виду важную особенность российской полиции.

Всю второю половину XIX века, несмотря на начавшуюся полицейскую реформу 1862 года, общая полиция России состояла из двух частей. В первую группу входили классные полицейские чины из «Табеля о рангах», относящихся к привилегированной категории государственных служащих. Для уездной полиции Челябинска это были два классных чина – уездного исправника и полицмейстера. Вторая, самая массовая группа уездной полиции – это низшие полицейские чины, которые собственно и выполняли правоохранительную функции на местах, непосредственно контактируя с местным населением. В эту группу входили – полицейские урядники, городовые, сотские и десятские. И хотя по Своду законов Российской империи, сотские и десятские и рассматривались как нижние чины уездной полиции, по сути это были обычные обыватели, чаще всего крестьяне, которых на эту должность назначала крестьянская община принудительно и без финансовой оплаты.

Ко всем сотрудникам правоохранительной системы предъявлялись достаточно высокие требования. Так, сотрудник «должен быть честен, безусловно правдив, вести жизнь нравственную, трезвую, и ни в чем не зазорную, исполнять свои обязанности ревностно, высказывать на службе терпение, рассудительность, мужество и решительность» [16, с. 11]. То есть, по умолчанию подразумевалось, что полицейский безусловно грамотен и обладает общими культурными навыками.

Для первой группы уездных правоохранителей эти правила являлись безусловными. Исследователь истории дореволюционной полиции Южного Урала, Е.П. Сичинский составил некий обобщенный социологический портрет руководителя уездной полиции [16, с. 187]. Из 26 уездных исправника Оренбургской и Уфимской губерний 7 были потомственными дворянами, 3 получили личное дворянство за службу в полиции, 15 являлись представителями обер-офицерских и солдатских детей с мещанами, и 1 был выходцем из крестьян. Соответственно, дворяне не являлись уже во второй половине Х1Х века господствующим сословием в данной полицейской должности.

Однако, кроме социального происхождения интересен образовательный уровень уездных исправников. Из 26 исправников 6 окончили кадетские корпуса и юнкерские училища, 1 был выпускником престижного Демидовского лицея, 3 выпускника семинарии имели богословское образование, остальные 15 закончили гимназии, уездные и городские училища. И только 1 выходец из крестьян сдавал специальный экзамен для получения первого классного чина. Вообще, минимальным условием для получения первого классного чина, требовалось предоставление свидетельства об окончании 4-х классного уездного училища [11, с. 28]. Еще одно условие, для занятия этой должности являлась обязательная служба в армии и 6 будущих исправников пришли в полицию с офицерскими званиями. Многие современные исследователи утверждают, что «полицейские офицеры, перешедшие с воинской службы в полицию, благодаря изучению юридических дисциплин в кадетских корпусах и военных училищах, обладали достаточно высокими общеобразовательными знаниями» [8, с. 337]. Некоторые исследователи подчеркивают, что сами современники данного этапа считали, что военные училища и Александровская военная академия (бывший Царскосельский лицей) давали «больше познаний, нежели юридические факультеты с их небрежным прохождением курса» [10, с. 79].

Социальный портрет челябинских городовых тоже достаточно интересен. Из 72 человек, принятых на службу 52 были из крестьян, 13 из мещан, 5 из казаков и 2 из дворян [12, с. 92]. Причем один дворянин был из поляков, а второй люмпенизированный пьяница, за что был уволен со службы через месяц. Полицейские урядники, сотские и десятские рекрутировались исключительно из крестьян. Именно поэтому, большинство низших полицейских чинов не имели даже начального образования. В 1894 г.

из «1609 человек поступивших на службу в полицию, высшее образование имели 17%, среднее 10 %, низшее 73 % [13, с. 193].

Крестьянское происхождение нижних чинов полиции непосредственно формировало их уровень образования и культуры в целом. Служба в армии должна была дать солдатам начальные азы грамотности. Поэтому, при поступлении в полицию предпочтение и отдавали бывшим военнослужащим, полагая, что как минимум они умеют читать и писать.

Однако, как подчеркивали сами современники в «60–80 гг. XIX века полиция комплектовалась за счет военнослужащих, которые большей, частью не имея никакого понятия о полицейской службе, большей частью были неграмотные и неспособные» [6, с. 318]. Поэтому, с 1903 г. помимо прохождения обязательной военной службы для принятия в уездную полицию, вторым непреложным условием становится именно грамотность – умение читать и писать. Указывалось, что «отныне на службу принимаются лишь нижние чины, безусловно грамотные, роста не менее 2 аршин и 6 вершков (170 см) и вполне здоровые» [17, с. 76]. Вызывает вопрос не только требование к росту, потому что в начале XX века, ростом 170 см., мог похвастаться далеко не каждый солдат, но и умение этих бывших солдат читать и писать. Несение службы абсолютно неграмотным городовым не было в России в 1901 году чем-то необычным. Просто полицмейстер был вынужден постоянно отписываться по этому поводу, что не увольняет таких городовых по причине, что они «честно и добросовестно много лет провели на службе в полиции и по сие время, несут ее с примерным рвением» [18, с. 105].

Необходимость обратить внимание на общий образовательный и культурный уровень нижних чинов полиции в начале XX века связано, во-первых, общим ростом преступности, а во-вторых, с быстрыми изменениями в самом составе преступного сообщества, где все чаще встречались «люди образованные, даже с университетским образованием, умевшие более тонко и изощренно совершать преступления и заметать следы» [3, с. 41]. Поэтому полицейское руководство было вынужденно объявить, что профессионально-образовательный уровень полицейского является единственным условием для продвижения по службе и преодоления протекционизма и волюнтаризма [4, с. 11].

Особое внимание было обращено на повышение профессиональной о общеобразовательной подготовке нижних чинов полиции. В «Букваре современного городового» четко указывалось, что «обязанность всякого полицейского должна состоять в приобретении знаний, благодаря которым он только и может принести пользу и продвинуться вперед по службе» [1, с. 73]. С 1909 г. с городовыми два раза в неделю начинают проводить занятия, где помимо общего образовательного уровня, нижним чинам старались привить такие качества как вежливость, сдержанность и правдивость в служебных докладах [2, с. 8]. Очевидно, этого оказалось недостаточно,

потому что скоро с нижними чинами полиции потребовали проводить занятия шесть раз в неделю, то есть заниматься каждый день, кроме выходного. Полицмейстер должен был лично составить список из 6 предметов «грамотность (чтение и письмо), подача первоначальной помощи в несчастных случаях, список начальствующих лиц, самооборона, фехтование и действие холодным оружием, устройство, обращение и действие огнестрельного оружия» [8, с. 68].

Особое место в системе нижних чинов российской полиции занимали полицейские урядники. Если в городе символом полицейской власти являлся безусловно городовой, то на селе – полицейский урядник. При создании в 1878 г. института полицейских урядников прогрессивная общественность высказывала опасения, что людей, способных качественно и добросовестно выполнять задачи, возложенные на урядника, соблюдая при этом законность, «невозможно найти в том кругу, откуда они будут браться, поскольку контингент урядников на две трети будет состоять из отбросов общества и в умственном, и в моральном отношениях» [14, с. 258].

Как видим, российская прогрессивно-либеральная общественность не очень жаловало крестьянское сословие, из которого на 100 % и должен был формироваться новый полицейский институт. Более того, записные российские либералы, были категорически против повышения образовательного и культурного уровней урядников – «получив образование, они начнут считать себя выше крестьян, будут еще больше злоупотреблять своим положением и если раньше удовлетворялись тем, что брали с крестьян штоф (бутылка объемом 1,2 литра), то теперь будут брать на ведро водки» [15, с. 260].

Однако именно урядникам приходилось спешно поднимать общий образовательный уровень. На местах, по инициативе губернатора и уездного полицейского начальства стали создаваться специальные школы для обучения нижних полицейских чинов. И как раз особое распространение получили школы полицейских урядников. В 1911 г. школы полицейских урядников действовали в 14 губерниях России, где в зависимости от общеобразовательного уровня курс обучения состоял от 1,5 до 6 месяцев [5, с. 187].

1911г. вообще стал знаковым в восприятии уровня развития российских полицейских. Специально созданная комиссия А.А. Макарова констатировала, что «несмотря на то, что специальный характер полицейской службы требовал, казалось бы, особой для него подготовки и особых для нее приема условий, отсутствие требования об этом закона привело к тому, что полицейским чиновником может сделаться лицо, обладающее качествами, несовместимыми с указанного рода деятельностью, или вовсе к ней неподготовленное» [9, с. 13].

Вообще, создание комиссии Макарова, стало следствием массовых жалоб населения на некомпетентность и превышение власти полицией, по-

стоянную грубость и малокультурность полицейских чинов. Одной из главных причин такого положения комиссия Макарова отметила отсутствие четкого образовательного ценза при поступлении на службу нижних чинов полиции [7, с. 14].

Таким, образом, именно к 1911 г. стало очевидно, что бурное экономическое, социальное и политическое развитие России в начале XX века очень остро поставило вопрос о соответствии образовательного и культурного уровня полицейских кадров и прежде всего его нижнего звена, новым задачам общественной и государственной жизни. Именно, низкий образовательно-культурный уровень городовых и полицейских урядников не позволял им эффективно выполнять профессиональные и служебные обязанности. И трагедия страны, начавшаяся в 1905 г., а в 1917 г. получившая свое трагическое продолжение это подтверждает.

Библиографический список

1. Букварь современного городового. Варшава, 1915. – С. 11.

2. Ведомости с. петербургского градоначальства. 1909. – № 225. 1 декабря.

3. Вестник полиции. 1910. – № 13. – С. 337.

4. Вестник полиции. 1910. – № 13. – С. 79.

5. Волков, Н.Т. Подробные правила поступления (для лиц всех сословий), программы испытаний, инструкции и другие сведения для самоподготовки на все городские и уездные полицейские должности / Н.Т. Волков. – СПб: 1912. – С. 92 – 98.

6. Высоцкий, И.П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк / И.П. Высоцкий. – СПб.: 1903. – С. 193.

7. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи». ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIII. № 22906.

8. Кольцова, М.В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период 1907г. до февраля 1917г. (историко-правовое исследование). Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 76.

9. Краткая объяснительная записка к заключению Междуведомственной комиссии, под председательством сенатора А.А. Макарова, по преобразованию полиции в империи. – СПб., 1911. – С. 41.

10. Месснер, Е., Вакар С. и др. Российские офицеры / Е. Месснер, С. Вакар. – М.: 1995. – С. 11.

11. Мухортов, А.А. Вопросы образования полицейских чинов Российской империи во второй половине X1X века / А.А. Мухортов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – М., 2009. – № 3. – С. 73.

12. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д.969.

13. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец Х1Х – начало ХХ века). – М., 1984. – С. 68.
14. Отечественные записки. 1880. – № 12. – С. 258.
15. Отечественные записки. 1880. – № 12. – С. 260.
16. Сичинский, Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия / Е.П. Сичинский. – М.: 2005. – С. 187.
17. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 887. Л. 13.
18. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 887. Л. 14.

УДК 34.08

Щербинина Т.Ю., психолог ОРЛС МО МВД России «Троицкий», г. Троицк, Челябинской области, полковник полиции

Профилактика развития и коррекция кризисных эмоциональных состояний у сотрудников ОВД и членов их семей

Аннотация. В статье анализируется методика профилактики развития и коррекция кризисных состояний у сотрудников ОВД и членов их семей. Предложенная методика состоит из трех модулей: диагностического, коррекционного и информационно-обучающего.

Ключевые слова: профилактика, коррекция, эмоциональные состояний, сотрудники ОВД, кризисные состояния.

Работа по профилактике и коррекции кризисных эмоциональных состояний у сотрудников является одной из приоритетных задач работы психолога в ОВД.

Технология работы по профилактике кризисных состояний предусматривает: 1) своевременное выявление сотрудников, склонных к развитию внутриличностного кризиса и эмоциональной дезадаптации; 2) психологическую курацию сотрудников, склонных к формированию декомпенсированных эмоциональных состояний; 3) оказание неотложной коррекционной помощи сотруднику, переживающему острое кризисное состояние; 4) обучение сотрудников навыкам эмоциональной саморегуляции.

Проводимая работа включает аспекты: диагностический, коррекционный, информационно-обучающий.

При проведении диагностики важно выявить у сотрудника комплекс личностных особенностей, указывающих на его сниженную стрессовую устойчивость, ослабленность эмоциональной самозащиты или сформировавшиеся стереотипы поведения, провоцирующие создание конфликтных ситуаций. Для выявления таких личностных особенностей у сотрудников проводится экспертное оценивание их эмоционального состояния и поведения. В качестве экспертов выступают руководители служб и подразде-

лений. Исследование проводится 2 раза в год. По результатам экспертного оценивания формируется группа кризисной предрасположенности. В группу кризисной предрасположенности включаются сотрудники, которые, по экспертной оценке, руководителей получили 4 и более положительных маркера, т.е. руководители указали на выраженность у них 4 или более индивидуально-психологических особенностей из предложенного списка качеств. С сотрудниками, отнесёнными к группе кризисной предрасположенности, проводится углублённое психодиагностическое обследование. Программа обследования может варьироваться. Но, как показывает практика, в рамках диагностической задачи – выявление кризисного состояния или признаков формирования дезадаптивного поведения, эффективно использование следующих методик: 1) 16 – факторный тест Кэттелла; 2) опросник Шмишека; 3) тест Люшера; 4) методика «Неоконченные предложения (вариант Костюкевича); 5) рисуночный тест «Дерево»; 6) тандем тестов «Рисунок человека» и «Человек под дождём»; 7) методика изучения подчерка Зуева-Инсарова; 8) методика рисуночной ассоциации Розенцвейга; 9) тест неоконченного рисунка Вартегга. Каждая из этих методик обладает своим потенциалом кризисочувствительных индикаторов [1] (см. таблицу).

Диагностический инструментарий	Кризисочувствительные индикаторы	Личностные особенности
16-факторный тест Кэттелла	Фактор С в диапазоне 1 – 3 стенов. Усугубляющие признаки: фактор А в диапазоне 1 – 4 стенов; Фактор F в диапазоне 1 – 4 стенов Фактор О в диапазоне 8-10 стенов	Сниженная стрессоустойчивость, усугубляемая сложностью установления доверительных контактов; пессимистичностью, лёгким формированием чувства вины.
Опросник Шмишека	Сочетанное проявление показателей: Демонстративный тип – 18–24 балла Экзальтированный тип – 18–24 балла Застревающий тип – 18–24 балла Дистимический тип > 15 баллов	– эмоциональная ранимость в сочетании с демонстративностью поведения обуславливает эмоциональную неустойчивость со склонностью драматизировать обстоятельства; – пессимистическая оценка событий с длительной проработкой и накоплением психотравмирующих впечатлений.
Методика рисуночной ассоциации Розенцвейга	GSR < 42 %; Соотношение фрустрационных реакций: I > E > M; OD> ED> NP	Склонность к самообвинению, сформированность иррациональной установки восприятия «катастрофизация событий».
Методика изучения почерка Зуева-Инсарова	Загиб строчек вниз; разорванность между буквами в словах; изменяющийся наклон букв на одной строчке.	Депрессивность, импульсивность, сниженный самоконтроль, эмоциональная неустойчивость, непредсказуемость решений и поступков

Коррекционный аспект по профилактики кризисный состояний имеет следующую направленность. При выявлении у сотрудника личностных особенностей, предрасполагающих к развитию декомпенсированного эмоционального состояния, с ним проводится индивидуальная психокоррекционная работа. Основной целью проводимой коррекционной работы является оптимизация эмоционального состояния сотрудника. Гармонизация состояния достигается через проработку психотравмы и купирование психотравмирующих переживаний. В зависимости от личностных особенностей испытуемого, сформировавшихся у него интересов и предпочтений, индивидуально подбирается технология работы, способствующая более полному самораскрытию испытуемого. Эффективно при проработке психотравмы используются следующие технологии: Арт-рисунок; психологический анализ психотравмы по рисуночным тестам; психологический анализ образов сновидений. Так, например, нами разработана Программа первого коррекционного сеанса разработана с учётом возраста клиента. Первый психокоррекционный сеанс для клиентов в возрасте 11 – 14 лет. Роль первого психокоррекционного сеанса заключается в том, чтобы преломить ощущение психологического тупика у клиента и научить его новому взгляду на психотравмирующие события. В ходе сеанса последовательно используются следующие коррекционные приёмы и техники: 1) установление доверительного контакта психолога с клиентом; 2) рассказ клиента о психотравме с приемлемой для него степенью искренности и детализации; 3) изображение в рисунке травмирующей ситуации, собственных страхов (возможно в аллегорическом, символическом изображении); 4) разрушение созданного образа (клиент мнёт, комкает рисунок, разрывает его на части, бросает на пол, приминает, давит ногами); 5) уменьшение яркости психотравмирующих впечатлений (используются приёмы психотерапии движениями глаз); 6) рациональная оценка создавшейся ситуации, психологическое объяснение мотивации всех задействованных в событиях лиц (психолог использует приёмы рациональной психотерапии; 7) поиск позитивных для клиента моментов в пережитой ситуации (психолог использует приёмы краткосрочной позитивной психотерапии); 8) обсуждение возможных способов изменения проблемных обстоятельств; 9) эмоциональная перенастройка, купирование отрицательных эмоций и моделирование положительных эмоций.

При проведении коррекционной работы с сотрудниками содержательные акценты психологического воздействия другие. Основные задачи: 1) проработка актуальной психотравмы через вскрытие этиологических основ психологической уязвимости, т.е. определение жизненных причин, ставших источниками психологической уязвимости и стрессовой незащищённости сотрудника; 2) снятие подсознательных очагов напряжённости, т.е. дополнительных источников психологической травматизации, которые могут проявляться в образах сновидений, состоянии тревожного предчувствия.

Для определения жизненных причин, обусловивших эмоциональную незащищённость сотрудника, эффективно использование рисуночных тестов «Дерево», «Человек под дождём». Анализ этих тестов позволяет вычислить возраст, в котором человек получил негативные впечатления, через призму которых он даёт оценку происходящим с ним событиям. По этим тестам можно определить, как полученный ранее негативный эмоциональный опыт повлиял на формирование стереотипов поведения и стереотипов восприятия сотрудника. Осознание сотрудником того, что его актуальные эмоциональные переживания подпитываются из прошлого психотравмирующего опыта и осознанное разрушение этой взаимосвязи впечатлений помогает дать новую рассудительную оценку актуальным событиям и купировать кризисное состояние сотрудника. Для стабилизации эмоционального состояния сотрудников также используются приёмы рационально-эмотивной терапии А. Эллиса [3]; краткосрочной позитивной психотерапии Н. Пезешкиана [2]; техника десенсибилизации и переработки травм с помощью движений глаз (ДПДГ); элементы гештальт-терапии.

Информационно-обучающий аспект по профилактике развития кризисных состояний представляет собой занятия по психологической тематике руководители служб обучаются умению распознавать внешние признаки развития кризисного состояния у сотрудника и приёмам оказания ему неотложной психологической помощи.

Признаки развития кризисного эмоционального состояния: 1) изменение привычного стиля поведения; 2) нарушение контактов, стремление к уединению; 3) потеря интереса в ситуациях, обычно вызывающих положительные эмоции; 4) чувство печали, переживание собственной бесполезности, потеря самоуважения; 5) нарушение режима сна, потеря аппетита; 6) произнесение фраз, передающих чувство одиночества: «Я никому не нужен»; «Меня никто не понимает»; «Дальше будет ещё хуже»; 7) Тяжёлое прерывистое дыхание со вздохами.

Оказание эмоциональной помощи проблемному сотруднику: 1) выслушать без критики, оказать эмоциональное сочувствие; 2) восстановить последовательность событий - активизировать сотрудника пройти мысленно обратный жизненный путь – от сегодняшнего проблемного состояния до позитивных событий в прошлом. Дать рациональную оценку сложившейся ситуации как итога накопившихся ошибок, которые можно исправить; 3) провести совместное планирование выхода из кризиса. Внушить уверенность в исправимости ситуации; 4) подвести позитивные итоги, назначить новую встречу, предложить конкретную помощь.

Для пропаганды психологических знаний, обучения сотрудников приёмам саморегуляции, развития навыков конструктивного поведения в конфликтных ситуациях подготовлены методические пособия: «Преодоление стресса», «Лечение стресса травами», «Психология семейных отношений».

Библиографический список

1. Бурлачук, Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике. 3-е изд. / Л.Ф. Бурлачук. – СПб.: 2007. – 688 с.

2. Пезешкиан, Н. Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. / Н. Пезешкиан. – СПб.: Речь, 2001. – 288 с.

3. Эллис, А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход / А. Эллис. – М.: Эксмо Пресс, 2002. – 272 с.

Научное издание

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАВОВЫЕ ДИАЛОГИ

Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной 90-летию со дня рождения
профессора, доктора юридических наук,
Заслуженного деятеля Высшей школы
Юрия Даниловича Лившица,
29–30 марта 2019 года

Под редакцией С.М. Даровских, Г.С. Русман

Техн. редактор *А.В. Миних*
Дизайн обложки *А.В. Глушковой*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 25.06.2019. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,81. Тираж 100 экз. Заказ 249/336.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.